

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК

ИНСТИТУТ
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В МАРТЕ
1957 ГОДА

ВЫХОДИТ
6 РАЗ
В ГОД

НАУКА
МОСКВА

В НОМЕРЕ:

Споры вокруг 1941 года: опыт критического осмысления одной дискуссии

Венчание Ивана IV на царство и складывание предпосылок опричнины

Консолидация консервативных сил в России конца XIX — начала XX века

Царствование Николая II в цифрах и фактах

Коллективизация на Урале

Экономическая политика второй пятилетки

«Второе раскулачивание» крестьян

Изменение социально-политического сознания русских

Изгнание науки. 1920 — начало 1930-х годов

Из истории разведки в годы русско-японской войны

Народы Севера России. 1990—1993 годы

май
июнь

1994 * 3

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

К. Ф. ШАЦИЛЛО (*и. о. главного редактора*),
Б. В. АНАНЬИЧ, В. И. БОВЫКИН, Г. А. ГЕРАСИМЕНКО, В. Я. ГРОСУЛ,
В. П. ДМИТРЕНКО, А. П. КОРЕЛИН, Ю. С. КУКУШКИН,
В. С. ЛЕЛЬЧУК, Б. Г. ЛИТВАК, Л. В. МИЛОВ, Л. Н. НЕЖИНСКИЙ,
А. П. НЕНАРОКОВ, Е. И. ПИВОВАР (*зам. главного редактора*),
Ю. А. ПОЛЯКОВ, М. А. РАХМАТУЛЛИН (*зам. главного редактора*),
А. Н. САХАРОВ, С. В. ТЮТЮКИН, В. А. ФЕДОРОВ, Я. Н. ЦАПОВ

Адрес редакции:

117036, Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, 19, тел. 123-90-61

Ответственный секретарь Ю. В. Мочалова, тел. 126-94-02

EDITORIAL BOARD

K. F. SHATSILLO (*Editor-in-chief ad interim*),
B. V. ANAN'ICH, V. L. BOVYKIN, G. A. GERASIMENKO, V. Ia GROSUL,
V. P. DMITRENKO, A. P. KORELIN, Ju. S. KUKUSHKIN,
V. S. LEL'CHOUK, B. G. LITVAK, L. V. MILOV, L. N. NEZHINSKII,
A. P. NENAROKOV, E. I. PIVOVAR (*Assistant editor-in-chief*),
Ju. A. POLYAKOV, M. A. RAKHMATULLIN (*Assistant editor-in-chief*),
A. N. SAKHAROV, S. V. TIUTIUKIN, V. A. FEDOROV, Ia N. SCHAPOV

Address:

19, Dm. Ulianova, Moscow, Russia. Tel. 123-90-61

Managing Editor Ju. V. Mochalova, tel. 126-94-02

РУКОПИСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ В ЧЕТЫРЕХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ, ОБЪЕМОМ НЕ БОЛЕЕ 1,5 АВТОРСКОГО ЛИСТА (36 СТР. МАШИНОПИСИ ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА). В СЛУЧАЕ ОТКЛОНЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРУ ВОЗВРАЩАЮТСЯ ТРИ ЭКЗЕМПЛЯРА, ОДИН ОСТАЕТСЯ В АРХИВЕ РЕДАКЦИИ.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

В следующем году исполняется 50 лет Победы СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Юбилей — это хороший повод для сосредоточения исследовательских усилий на недостаточно изученных аспектах ее истории. Отзвуки минувшей войны до сих пор острой болью отдаются в памяти народа. Воспоминания о массовом воодушевлении, жертвенности, героизме, талантливости военного поколения переплелись с горьким осознанием проявившихся тогда профессиональной некомпетентности, а подчас и бесчеловечной жестокости, трусости, предательстве и других человеческих пороках, свойственных людям независимо от званий и рангов.

В последние годы пристальный интерес к «темным» сторонам предыстории и хода военной «четырёхлетки» привел ко многим, порой тяжелым разочарованиям в том, что было принято считать едва ли не безупречным.

Необходимость переоценки общей политики и конкретных действий сталинского руководства в канун войны — наглядное тому подтверждение.

Но взгляд на задачи и характер войны высшего руководства страны — это одно, а восприятие войны самим народом уже совершенно иное.

Какие бы открытия ни ждали нас в процессе дальнейших исследовательских разысканий в самых засекреченных архивных фондах, остается непреложным запечатленный в национальной исторической памяти освободительный, справедливый для нашего народа характер Великой Отечественной войны.

Подвиг народа в войне был и навсегда останется символом нашей патриотической гордости, но деяния вождей, полководцев, офицеров и солдат должны стать предметом научного исследования, свободного от каких-либо соображений, кроме поиска истины.

Сложившееся в годы войны видение всего происходившего в черно-белых красках было, по-видимому, необходимым условием достижения победы, но сейчас этот далеко не преодоленный даже в среде историков-профессионалов стереотип тормозит развитие науки, затрудняет развертывание беспристрастной дискуссии по наиболее острым и спорным вопросам истории Великой Отечественной войны.

К числу таких тем, безусловно, относится и вопрос о подготовке и начале Великой Отечественной войны.

Постановка крупных исследовательских проблем оказывается наиболее продуктивной в тех случаях, когда она продиктована логикой развития самой науки, которая, однако, способна откликаться и на события, происходящие в общественной жизни. Ярким тому примером служит оживление исследовательской работы со второй половины 80-х гг. в области отечественной истории, вызванное расширением гласности, острыми выступлениями литераторов, публицистов по проблемам нашего прошлого и настоящего.

Проблема подготовки и начала войны — это сюжет не только нашей отечественной, но и немецкой истории. Ее активно разрабатывают ученые России и Германии. В последнее время наметилась тенденция к сближению позиций национальных историографий, хотя остаются и различия (см. об этом рецензию А. И. Борозняка и В. А. Буханова на кн. «Два пути на Москву. От пакта Гитлера — Сталина к операции „Барбаросса“»/Мюнхен; Цюрих 1991/в ж. «Вопросы истории»/1993. № 8/, статьи И. Хоффмана «Подготовка Советского Союза к наступательной войне. 1941 год»/Отечественная история. 1993. № 4/и А. И. Борозняка «22 июня 1941 года: взгляд с „той“ стороны»/Отечественная история. 1994. № 1/).

Нынешняя историографическая ситуация в России имеет свои особенности. И в целом, и в частности по вопросу о подготовке и начале войны она носит заметный след влияния публицистики, как бы вызывающей профессиональных ученых на ответные действия. Отсюда — полемическая заостренность многих выступлений историков, вынужденных подчас «принимать бой» на «чужой территории» — выступать с разъяснениями своих позиций в газетах и других массовых изданиях.

Иным маститым авторам, видимо, сильно понравился порицаемый ими за легковесность публицистический жанр. И они, забывая, что их трудов ждет не дождется научный журнал, предпочитают и с ним вести полемику на газетных страницах (см., напр.: А н ф и л о в Виктор. За «Ледоколом» ледоход//Красная звезда. 1993. 13 ноября).

Нравится это или нет, но фактом стало знакомство читающей публики в современной России с еще одним публицистическим сочинением — книгой В. Суворова «Ледокол». Ее смогли прочитать миллионы людей, и одно это служит веским основанием для серьезного разговора о «Ледоколе» в научной печати.

Начало такому разговору уже положено ведущими отечественными специалистами, выступившими со своими возражениями и в научных, и в массовых изданиях.

Поэтому публикуемая ниже статья М. И. Мельтюхова не просто отклик на книгу В. Суворова. По жанру это, скорее, «критика критики», или попытка совокупного анализа основных тезисов автора «Ледокола» и контртезисов его оппонентов.

Статья и выводы, к которым приходит автор; были по-разному восприняты в нашем журнале. Обсуждение статьи на редколлегии превратилось в острую научную дискуссию, представляющую несомненный интерес для читателей. Ее изложение будет опубликовано в следующем номере.

Редакция намерена продолжить обсуждение поставленных проблем и приглашает читателей принять в нем участие.

© 1994 г. М. И. МЕЛЬТЮХОВ*

СПОРЫ ВОКРУГ 1941 ГОДА: ОПЫТ КРИТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ОДНОЙ ДИСКУССИИ

Издание в России огромным тиражом книги В. Суворова «Ледокол» не могло не привлечь внимания широкой общественности. И хотя в книге изложена не самая новая версия событий 1941 г., нельзя не отметить, что, пожалуй, впервые в нашей стране столь резко был поставлен вопрос о переоценке событий кануна Великой Отечественной войны. В первых же откликах представителей научных кругов прежде всего подчеркивались слабые места работы, которые, правда, не имеют принципиального значения для авторской концепции. Вместе с тем нельзя не заметить, что в откликах на эту книгу в основном рассматриваются лишь ее отдельные положения, а прочие оставлены без всякого упоминания. По моему мнению, чтобы объективно оценить книгу В. Суворова, следует взвесить, насколько такая критика, из которой, кстати, делается вывод о несостоятельности всей книги, достигает цели.

* Мельтюхов Михаил Иванович, научный сотрудник ВНИИДАД.

Прежде всего вызвали возражения общие положения книги о том, что Красная Армия готовилась к наступлению, а СССР — к агрессии против Европы, прикрываясь словами о мире и обороне. Так, относительно подготовки Красной Армии А. С. Орлов считает, что никакого противоречия с заявлениями, рассчитанными на широкие круги общественности, в данном случае нет. «Советская военная доктрина,— отмечает А. С. Орлов,— оборонительная по своему политическому характеру, то есть не содержит агрессивных устремлений, но в случае нападения на СССР извне Красная Армия будет вести наступательную войну до полного разгрома агрессора. Исходя из этого, все военное строительство, боевая и оперативная подготовка армии и флота были пронизаны идеей решительного наступления»¹. Однако не понятно, почему тезис В. Суворова вызывает возражения, если А. С. Орлов утверждает то же самое.

Нельзя не отметить, что «политический характер» военной доктрины — вещь достаточно туманная. В любой стране армия является инструментом обеспечения в основном внешнеполитических интересов и используется в зависимости от конкретной ситуации. Как известно, расширение территории Советского Союза в 1939—1940 гг. происходило с участием армии, что позволяет говорить об этих событиях как об агрессии, т. е. прямом или косвенном «применении вооруженной силы одним государством против территориальной целостности или политической независимости другого, включая признак инициативы, умысла или агрессивного намерения»². Никаким другим способом невозможно было достичь основной внешнеполитической цели СССР, которая, по мнению Д. А. Волкогонова, заключалась в совершении «мировой пролетарской революции»³, или, говоря нормальным языком, достижении мирового господства.

Вызвал критику и тезис автора «Ледокола» о подготовке Советского Союза к нападению на Германию в 1941 г. А. С. Орлов упрекает В. Суворова в том, что тот «выдает меры по укреплению обороны и повышению боевой готовности за подготовку к агрессии»⁴. Ему вторит А. Н. Мерцалов, считающий, что передвижение советских войск накануне нападения вермахта происходило тогда, «когда Сталин уже просто не в состоянии был не реагировать на реальную опасность вторжения»⁵. Правда, сам Орлов пишет, что «Сталин до последнего момента не верил, что Гитлер решится сражаться на два фронта» в условиях, когда ситуация весны — лета 1941 г. давала Германии возможность захватить Ближний Восток, т. е. победить Англию. По мнению Орлова, «Сталин рассчитывал оттянуть нападение Германии, ставшее неизбежным в 1941 г., до 1942 г. Он полагал, что к тому времени СССР будет полностью готов к войне». Вот почему весной 1941 г. Москва всеми силами «умиротворяла» Гитлера, чтобы не дать ему предлог для обвинения Советского Союза в антигерманской политике. Поэтому, считает Орлов, даже в июне Сталин не разрешил приводить войска в боевую готовность»⁶.

Несколько иной вариант той же версии предлагает В. Б. Маковский, Сталин якобы неверно определил сроки начала агрессии, в результате чего меры по повышению боеготовности войск планировалось провести до 10 июля 1941 г., а некоторые еще позднее. Но, «почувствовав, что Германия нас упредила и в сложившейся ситуации остается только один шанс оттянуть войну — это не дать агрессору повода для ее развязывания, он выбирает его»⁷. Мало того, что Сталин готовится к отражению агрессии, в начало которой он не верит, и потому не мог определить ее сроки ни правильно, ни неправильно, он, «почувствовав» (!?), что агрессор уже изготовился для удара, стал оттягивать начало войны. По нашему мнению, подобное построение слишком фантастично. Противоречивость этой версии подметил и В. Суворов, но вместо разъяснения этого противоречия его критиками вновь воспроизводится старая, ничего не объясняющая версия.

Совершенно непонятно, как мог Сталин «оттянуть нападение Германии, ставшее неизбежным в 1941 г.». За Германию решал ее глава — А. Гитлер,

поэтому такое утверждение по меньшей мере некорректно. Кроме того, в Москве прекрасно знали, что в середине XX в. войны не объявляются, а начинаются внезапным ударом, и агрессору не нужны никакие поводы, которые изобретаются только для пропагандистского оправдания своих действий. Кстати, действия СССР в 1939—1940 гг. в Восточной Европе тому пример. Поэтому, на наш взгляд, трудно согласиться с утверждениями В. Б. Маковского и А. С. Орлова, повторяющих один из основных тезисов отечественной историографии о том, что «первопричиной несвоевременного приведения войск прикрытия в боевую готовность было все же стремление Сталина не дать агрессору повода для нападения на Советский Союз»⁸.

Не ясно также, зачем Сталину вообще требовалось оттягивать войну с Германией, в неизбежности которой, по мнению Д. А. Волкогонова, он был уверен⁹. Наверное, Сталин хотел дожидаться поражения в войне Англии и сразиться с Германией один на один, т. е. поставить СССР в заведомо сложные условия борьбы с основными силами вермахта? Вряд ли кто-то всерьез станет отстаивать это предположение. Почему же сторонники этой версии столь легко соглашаются видеть в Сталине политического простачка? Уж кем-кем, а простачком Сталин никогда не был. Он не мог не понимать, что гораздо легче разгромить Германию, воюя с ее второстепенными силами, а для этого следовало использовать занятость основных сил вермахта на других театрах военных действий.

Если представить обстановку в Европе в июне 1941 г., то можно заметить, что у Германии было три наиболее вероятных направления для наступательных действий: Британские острова, Ближний Восток и Советский Союз. В Москве, как признает А. С. Орлов, исходили из того, что на СССР в 1941 г. Германия не нападет, а постарается нанести поражение Англии. Следовательно, остаются лишь два стратегических направления, любое из которых могло стать летом 1941 г. основным и приковать к себе основные силы вермахта. Когда же вермахт втянется в бой, откроется блестящая возможность нанести удар по его второстепенным силам и перенести войну на территорию врага. Если бы Германия нанесла основной удар по Ближнему Востоку, то любое наступление Красной Армии отрезало бы эти силы от Германии. Если же началась бы высадка немецких войск на Британские острова, то использовать их для отражения советского наступления было бы практически невозможно. Таким образом, сама стратегическая обстановка лета 1941 г. диктовала Сталину начать наступательные действия против Германии в подходящий момент, что позволило бы достичь основной цели советского руководства — совершить «пролетарскую революцию» в Европе. Об этом же пишет и В. Суворов¹⁰, но почему-то именно эти его положения не нашли критиков. Может быть, потому, что они верны? Но тогда господствующая в отечественной историографии версия о стремлении Сталина оттянуть войну до 1942 г. не соответствует действительности. Тем не менее эта версия упорно кочует из работы в работу не только у отечественных, но и многих зарубежных исследователей, несмотря на ее нелогичность и противоречивость.

Наиболее критическую позицию в отношении утверждений В. Суворова о подготовке наступления на Германию занимает А. Н. Мерцалов, считающий, что некоторые факты истории 1939—1941 гг. не укладываются в схему автора „Ледокола“. «Почему спрашивается,— пишет А. Н. Мерцалов,— Сталин отказался при заключении пакта от Варшавского и Люблинского воеводства, если он действительно стремился максимально приблизить свою армию к Берлину? Почему не нанес удар в „румынское нефтяное сердце“ Германии заодно с возвращением Бессарабии — ведь германские силы в тот момент были заняты на Западе?»¹¹ Эти действительно серьезные вопросы требуют ответов.

Как известно, при заключении советско-германского договора о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. между Москвой и Берлином была достигнута договоренность об обмене указанных А. Н. Мерцаловым польских территорий

на Литву. По мнению С. В. Волкова и Ю. В. Емельянова — авторов, далеких от симпатий к концепции В. Суворова, «это устраняло возможную угрозу для нападения на Белоруссию с севера»¹², т. е. обеспечивало северный фланг будущего Западного фронта, что играло значительную роль и при наступлении, и при обороне. Так что никакого противоречия здесь нет.

Для ответа на второй вопрос следует вспомнить ситуацию в Европе в конце июня 1940 г. Как известно, 22 июня Франция и Германия подписали соглашение о перемирии, т. е. вермахт, вопреки мнению А. Н. Мерцалова, уже не был занят на Западе. Вполне вероятно, что именно прекращение боевых действий во Франции привело к отказу советского руководства от военного способа решения Бессарабского вопроса, что было первоначально запланировано¹³, хотя, скорее всего, столкновение с Германией в 1940 г. и не входило в планы Сталина. Война в Европе только началась, и вмешиваться в нее стоило лишь в подходящий момент после основательной подготовки. Пока же следовало улучшить стратегическое положение СССР в Восточной Европе, лавируя между участниками войны, и готовить плацдарм для будущего столкновения с Германией¹⁴.

Передаче Бессарабии и Северной Буковины Советскому Союзу предшествовали советско-германские консультации 23—26 июня, на которых Германия в целом поддержала советские претензии, обратив внимание СССР на важность для Германии румынских районов нефтедобычи¹⁵. Не следует забывать, что кроме СССР территориальные претензии к Румынии имели Венгрия и Болгария. Как отмечают Б. Й. Желицки и А. И. Пушкаш, Советский Союз поддерживал венгерские претензии и был не прочь поспособствовать началу венгеро-румынской войны в начале июля 1940 г., чтобы тем самым причинить экономические трудности Германии и поссорить ее возможных союзников¹⁶. Обострение обстановки вокруг Румынии в июне — августе 1940 г., по мнению ряда авторов, вызвало повышенное внимание Германии к этому региону и ускорило принятие Гитлером решения о подготовке войны против СССР¹⁷.

Д. А. Волгогонов и А. С. Орлов утверждают, что «никому не известно о каком-либо документе, плане, которые бы подтверждали замысел Сталина совершить нападение на Германию в определенный момент»¹⁸. Между тем такой документ есть, он хорошо знаком обоим авторам и даже недавно опубликован Ю. А. Горьковым¹⁹. Он известен под названием «Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками» и представляет собой последний из пяти вариантов этого документа.

Прежде чем перейти к его анализу, следует кратко остановиться на общем характере советского военного планирования. Первый вариант плана стратегического развертывания вооруженных сил СССР для войны с Германией разрабатывался с октября 1939 г. до конца июля 1940 г. 18 сентября план был представлен правительству, 5 октября был им рассмотрен и после доработки 14 октября 1940 г. утвержден²⁰. Однако работа по уточнению плана продолжалась. К 11 марта 1941 г. был подготовлен еще один, а к 15 мая — окончательный вариант, которым и должна была руководствоваться Красная Армия в начале войны. К сожалению, варианты этого плана опубликованы лишь частично (около 40% текста)²¹, что затрудняет комплексный анализ развития замысла действий Красной Армии в случае войны, однако некоторые тенденции отметить можно.

В первых вариантах основной задачей советских войск являлось «нанесение поражения германским силам, сосредоточивающимся в Восточной Пруссии и в районе Варшавы; вспомогательным ударом нанести поражение группировкам противника в районе Ивангород, Люблин, Грубешов, Томашов, Сандомир». Соответственно войскам, например, Северо-Западного фронта ставилась задача «по сосредоточении атаковать противника с конечной целью совместно с

Западным фронтом нанести поражение его группировке в Восточной Пруссии и овладеть последней»²².

Однако по мере доработки плана происходила переориентация основных сил Красной Армии на Южную Польшу, «с тем чтобы мощным ударом в направлении Люблин и Краков и далее на Бреслау (Братислав)²³ в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне», но пока сохранялся и «северный вариант» активных действий в Восточной Пруссии, хотя и с ограниченными целями²⁴. Таким образом, даже в первых вариантах плана основное внимание уделялось наступательным действиям со стороны СССР.

Обращает на себя внимание повторяющееся из документа в документ утверждение, что «документальными данными об оперативных планах вероятных противников... Генеральный штаб Красной Армии не располагает»²⁵. И это, по нашему мнению, говорит о том, что поступавшие в Москву накануне войны разведанные о намерениях Германии, о которых столько писалось в последние годы, в значительной мере не принимались во внимание. До сих пор в отечественной историографии не находит решения вопрос, почему Сталин не верил сообщениям своей разведки об угрозе нападения? Как правило, авторы лишь констатируют этот факт или пишут, что Сталин видел в этих сообщениях плод британских провокаций²⁶. Версия, предложенная В. Суворовым для объяснения этого вопроса²⁷, просто отвергается²⁸, хотя никакой другой не существует. Правда, нельзя не отметить, что автор «Ледокола» толком не объясняет ее происхождения, а поэтому она остается, хотя и правдоподобной, но всего лишь гипотезой.

Документ от 15 мая 1941 г. является пока единственным полностью опубликованным планом стратегического развертывания действий Красной Армии, который дает общее представление о планах советского военно-политического руководства. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что разработчики этого документа говорят о возможности нападения Германии на СССР лишь предположительно²⁹. Войскам Красной Армии ставилась задача нанести удар по германской армии, для чего «первой стратегической целью действий войск Красной Армии поставить разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее линии Брест — Демблин и выход к 30 дню операции на фронт Остроленка, р. Нарев, Лович, Лодзь, Крейцбург, Оппельн, Оломоуц. Последующей стратегической целью иметь наступление из района Катовице в северном или северо-западном направлении разгромить крупные силы центра и северного крыла германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии. Ближайшая задача — разгромить германскую армию восточнее р. Висла и на Краковском направлении, выйти на р. Нарев, Висла и овладеть районом Катовице», для чего планировалось нанесение главного удара силами Юго-Западного фронта и вспомогательного удара левым крылом Западного фронта. На других участках границы планировалось ведение «активной обороны» и подготовка мощных ударов по Румынии «из районов Черновицы и Кишинев с ближайшей целью разгромить сев. крыло Румынской армии и выйти на рубеж р. Молдова, Яссы»³⁰.

Казалось бы, что эти планы столь красноречиво свидетельствуют о действительных намерениях руководства СССР, что не нуждаются в комментариях. Однако находятся новые аргументы для того, чтобы не признавать очевидного. Так, А. С. Орлов и Д. А. Волкогонов ссылаются на то, что этот план не был подписан начальником Генштаба Г. К. Жуковым, и не ясно, был ли он доложен Сталину³¹. Действительно, отсутствие подписей военных руководителей объяснить трудно, но Ю. А. Горьков отмечает, что «после 1938 г. все оперативные планы, разработанные Генштабом, не имеют подписей наркома

и начальника Генштаба (кроме сентябрьского плана 1940 г., подписанного Тимошенко и Мерецковым)»³². Поэтому ничего странного в этом нет.

Сомнения в том, что Сталин был знаком с этим планом, основываются, вероятно, на том факте, что на нем отсутствует какая-либо его резолюция. Но сведения, сообщаемые А. М. Василевским о порядке рассмотрения подобных документов советским руководством, вносят полную ясность: все указания Сталин давал устно³³. Ю. А. Горьков указывает, что для обсуждения вышеупомянутого документа 24 мая 1941 г. в Кремле состоялось совещание Сталина и В. М. Молотова с наркомом обороны, начальником Генштаба, командующими войсками, членами военных советов и командующими ВВС западных приграничных округов, на котором уточнялись задачи войск³⁴.

Сам Ю. А. Горьков выдвигает несколько иную версию в обоснование того, что «Советский Союз не готовился к агрессии против Германии в 1941 г.» Он считает, что «подтверждением того же является отсутствие решения на начало войны со стороны советского политического руководства и правительства... До настоящего времени документов, подтверждающих наличие такого политического решения, не выявлено»³⁵. Однако не совсем ясно, какой именно документ хочет обнаружить автор, ведь важно не наличие или отсутствие какого-либо документа, а реальные действия, предпринимаемые для осуществления тех или иных замыслов, подтверждаемые, кстати, другими документами.

Касаясь общих планов руководства СССР в отношении Европы, можно сослаться на ряд высказываний его высших должностных лиц. Так, 7 сентября 1939 г. в беседе с руководством Коминтерна Сталин, оценивая начавшуюся войну в Европе, заявил, что «война идет между двумя группами капиталистических стран (бедные и богатые в отношении колоний, сырья и т. д.) за передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если руками Германии будет расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии). Гитлер, сам этого не понимая и не желая, расстраивает, подрывает капиталистическую систему. ...Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались. Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии. Следующий момент — подталкивать другую сторону»³⁶.

Схожие идеи были высказаны в беседе Председателя СНК и наркома иностранных дел СССР Молотова с заместителем премьер-министра и министром иностранных дел Литвы В. Креве-Мицкявичусом в ночь на 3 июля 1940 г. в Москве. «Сейчас,— сказал Молотов своему собеседнику,— мы убеждены более чем когда-либо, что гениальный Ленин не ошибался, уверяя нас, что вторая мировая война позволит нам завоевать власть во всей Европе, как первая мировая война позволила захватить власть в России. Сегодня мы поддерживаем Германию, однако ровно настолько, чтобы удержать ее от принятия предложений о мире до тех пор, пока голодающие массы воюющих наций не расстанутся с иллюзиями и не поднимутся против своих руководителей. Тогда германская буржуазия договорится со свдвим врагом, буржуазией союзных государств, с тем чтобы объединенными усилиями подавить восставший пролетариат. Но в этот момент мы придем к нему на помощь, мы придем со свежими силами, хорошо подготовленные, и на территории Западной Европы... произойдет решающая битва между пролетариатом и загнивающей буржуазией, которая и решит навсегда судьбу Европы»³⁷. По сути, речь шла именно о наступлении Красной Армии в подходящий момент на оккупированную Германией Европу под лозунгами национального и социального освобождения.

Почти год спустя, 5 мая 1941 г., на банкете в Кремле после торжественного заседания по случаю выпуска курсантов военных училищ был провозглашен тост за мирную сталинскую внешнюю политику. В ответ на него Сталин взял слово. «Разрешите внести поправку,— сказал он.— Мирная внешняя

политика обеспечила мир нашей стране. Мирная политика дело хорошее. Мы до поры до времени проводили линию на оборону — до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы. А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны, — теперь надо перейти от обороны к наступлению. Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. От обороны перейти к военной политике наступательных действий. Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе. Красная Армия есть современная армия, а современная армия — армия наступательная»³⁸.

Перестройка пропаганды с задачей «воспитывать личный состав в воинственном и наступательном духе, в духе неизбежности столкновения Советского Союза с капиталистическим миром и постоянной готовности перейти в сокрушительное наступление» началась в соответствии с решением Главного военного совета от 14 мая 1941 г. В проекте директивы «О задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время» отмечалось, что «весь личный состав Красной Армии должен проникнуться сознанием того, что возросшая политическая, экономическая и военная мощь Советского Союза позволяет нам осуществлять наступательную внешнюю политику, решительно ликвидируя очаги войны у своих границ, расширяя свои территории»³⁹. На наш взгляд, эти примеры достаточно красноречиво свидетельствуют о действительных намерениях советского руководства.

Понятно, что подобные факты не убедят тех, кто непременно желает обнаружить документы, видимо, собственноручно заверенные Сталиным, о его намерениях в 1941 г. Поэтому следует вновь вернуться к уже упоминавшемуся плану от 15 мая 1941 г., в котором после изложения общих задач фронтов сказано следующее: «Для того, чтобы обеспечить выполнение изложенного выше замысла, необходимо *заблаговременно* провести следующие мероприятия, без которых *невозможно нанесение внезапного удара по противнику* (подчеркнуто мной. — М. М.) как с воздуха, так и на земле:

1. произвести скрытое отмотобилизование войск под видом учебных сборов запаса;
2. под видом выхода в лагеря произвести скрытое сосредоточение войск ближе к западной границе, в первую очередь сосредоточить все армии резерва Главного командования;
3. скрытно сосредоточить авиацию на полевые аэродромы из отдаленных округов и теперь же начать развертывать авиационный тыл;
4. постепенно под видом учебных сборов и тыловых учений развертывать тыл и госпитальную базу».

Военное руководство просило «разрешить последовательное проведение скрытого отмотобилизования и скрытого сосредоточения в первую очередь всех армий резерва Главного командования и авиации»⁴⁰.

Посмотрим, принимались ли какие-либо меры по этим предложениям?

По пункту 1. В конце мая — начале июня 1941 г. было произведено скрытое отмотобилизование военнообязанных запаса под видом «больших учебных сборов», что позволило призвать 802,1 тыс. человек (24% приписного личного состава по плану мобилизации). Это позволило усилить 99 стрелковых дивизий в основном западных приграничных округов: 21 дивизия была доведена до 14 тыс. человек; 72 дивизии — до 12 тыс. человек и 6 дивизий — до 11 тыс. человек при штате военного времени в 14 483 человека. Одновременно пополнились личным составом части и соединения других родов войск и была осуществлена поставка в войска 26 620 лошадей⁴¹.

По пункту 2. В период с 13 по 22 мая 1941 г. начинается выдвижение к западной границе соединений четырех армий (16, 19, 21-й и 22-й) и готовится выдвижение еще трех армий (20, 24-й и 28-й), которые должны

были закончить сосредоточение к 10 июля. С 12 по 15 июня 1941 г. Генеральный штаб приказал штабам западных округов начать под видом учений и изменения дислокации летних лагерей скрытое выдвижение войск, расположенных в глубине территории округов, ближе к государственной границе, в результате чего 32 дивизии резерва округов должны были к 1 июля сосредоточиться в 20—80 км от границы⁴². Это, кстати, опровергает утверждение Ю. А. Горькова о том, что «все приготовления к войне на местах пресекались сверху»⁴³.

По пункту 3. Сведения о сосредоточении авиации очень скупы. Тем не менее известно, что на 1 мая 1941 г. в западных военных округах имелось 57 истребительных, 48 бомбардировочных, 7 разведывательных и 5 штурмовых авиационных полков, в которых насчитывалось 6980 самолетов. К 1 июня прибыло еще 2 штурмовых авиаполка и число самолетов возросло до 7009, а к 22 июня в западных округах имелось 64 истребительных, 50 бомбардировочных, 7 разведывательных и 9 штурмовых авиаполков, в которых насчитывалось 7133 самолета. Данных о развертывании соединений дальней авиации не имеется, известно лишь, что к 22 июня 1941 г. на Западном театре военных действий имелось четыре дальнебомбардировочных корпуса и одна дальнебомбардировочная дивизия, в которых насчитывалось 1339 самолетов⁴⁴.

С 10 апреля 1941 г. по решению СНК СССР и ЦК ВКП(б) начался переход на новую систему авиационного тыла, автономную от строевых частей ВВС. Эта система обеспечивала свободу маневра боевых частей, освобождала их от перебазирования своего тыла вслед за собой, сохраняла постоянную готовность к приему самолетов и обеспечению их боевой деятельности. Переход на эту систему должен был завершиться к 1 июля 1941 г.⁴⁵

По пункту 4. О развертывании тыловых и госпитальных частей до 22 июня никаких данных не публиковалось. Накануне войны тыловые части содержались по сокращенным штатам и должны были развертываться: армейские — на 5—7-е сутки, фронтовые — на 15-е сутки мобилизации⁴⁶. Известно, что 41% стационарных складов и баз Красной Армии находился в западных округах, многие из них располагались в 200-километровой приграничной полосе. На этих складах были накоплены значительные запасы. Как указывает А. Г. Хорьков, «окружные склады, имея проектную емкость 91 205 вагонов, были загружены на 93 415 вагонов. Кроме того, в округах на открытом воздухе хранилось 14 400 вагонов боеприпасов и 4370 вагонов материальной части и вооружения»⁴⁷. В июне 1941 г. Генштаб предложил перебросить в западные округа еще свыше 100 тыс. т горючего⁴⁸. Все это, по мнению Г. П. Пастуховского, было подготовкой «к обеспечению глубоких наступательных операций»⁴⁹.

Таким образом, нельзя не согласиться с В. Киселевым, В. Даниловым, что план от 15 мая был утвержден советским руководством, ибо, как показано выше, предлагаемые в нем мероприятия, насколько это можно проследить, стали осуществляться в мае—июне 1941 г. Следовательно, мнение В. Данилова, В. Киселева и Б. Петрова о том, что Красная Армия создавала наступательную группировку, представляется совершенно обоснованным⁵⁰.

Однако нельзя не отметить, что план стратегического развертывания войск от 15 мая 1941 г., хотя и играл важную роль в советском военном планировании, но не исчерпывал его. Во-первых, к этому документу прилагался ряд карт, на которых графически изображалась запланированная группировка войск и их задачи. Во-вторых, кроме этого документа имелись записка о порядке стратегического развертывания вооруженных сил (задачи фронтов и флотов) с приложением карты и сводной таблицы распределения войсковых соединений, авиации и частей РГК по фронтам и армиям; план стратегических перевозок для сосредоточения вооруженных сил на ТВД; план прикрытия стратегического

развертывания; план устройства тыла и материального обеспечения действующей армии; планы по связи, военным сообщениям, ПВО и другие документы. Только комплексное исследование всех этих документов позволит детально показать, какими мерами советское руководство рассчитывало достичь своей основной цели — разгрома Германии.

Другой проблемой, поднятой В. Суворовым, является вопрос о предназначении первого стратегического эшелона. Касаясь этого вопроса, А. Н. Мерцалов замечает, что В. Суворов «тщетно пытается... зачислить в один разряд армии прикрытия, вторжения и ударные»⁵¹. Однако этот упрек следует адресовать А. И. Егорову и М. Н. Тухачевскому, в чьих трудах этот тезис детально обоснован⁵². По мнению А. И. Егорова, высказанному еще в 1932 г., для ведения пограничных сражений должны быть еще в мирное время созданы специальные группы вторжения, которые с началом войны развернут наступление на территорию противника для срыва его и прикрытия своей мобилизации.

Два года спустя, к решению вопроса о пограничном сражении обратился М. Н. Тухачевский, который считал, что пограничное сражение будет вести особая передовая армия, выполняющая задачи прикрытия мобилизации и развертывания главных сил вторжением на территорию противника. «Как же должна строиться теперь система прикрытия мобилизации? — ставил вопрос Тухачевский.—...Пока что можно сделать лишь следующие выводы: 1. Войсковые соединения в приграничной полосе должны иметь штаты, близкие к штатам военного времени. 2. Приписка людей, лошадей и всех видов транспорта к этим частям должна быть основана на коротком сборе их пешим порядком, без использования железнодорожного транспорта, т. е. в районе до полуперехода. 3. Использование основной массы людей приграничных полос может предназначаться только для второочередных формирований»⁵³.

Интересно отметить, что эти рекомендации были претворены в жизнь к 1941 г. Соединения и части армий прикрытия, согласно мобилизационному плану 1941 г., должны были развертываться в два эшелона. Первый эшелон, в который входили 114 дивизий, укрепрайоны первой линии, 85% войск ПВО, воздушно-десантные войска, свыше 75% ВВС и 34 арtpолка РКК, должны были завершить отмобилизование в течение 2—6 часов с момента объявления мобилизации. Сокращение срока мобилизации достигалось за счет призыва личного состава и автотранспорта из близлежащих районов⁵⁴. Остальные части армий прикрытия должны были закончить отмобилизование на вторые — третьи сутки мобилизации, используя приписной состав со всей территории округа.

М. Н. Тухачевский предлагал дислоцировать значительную часть сил авиации «в передовой аэродромно-посадочной полосе», не далее чем в 150—200 км от границы⁵⁵. Это предложение также было осуществлено, поскольку авиация армий прикрытия дислоцировалась в 150-километровой приграничной полосе⁵⁶. Полевые аэродромы строились в 15—30 км от границы. Истребительная и штурмовая авиация армий прикрытия, дислоцированная в 60—100-километровой полосе, имела ряд аэродромов у самой границы. Так, например, в 15-й смешанной авиадивизии Киевского Особого военного округа (КОВО) аэродром Чунев был расположен в 15 км от границы, на нем базировалось 83 самолета (63 МиГ-3 и 20 И-16); в 64-й истребительной авиадивизии того же округа аэродром Черновцы находился в 20 км от границы, на нем имелся 131 самолет (64 МиГ-3 и 67 И-153 и И-16). Базирование 9-й смешанной авиадивизии Западного Особого военного округа (ЗапОВО) было следующим: на аэродроме Тарново (12 км от границы) имелось 109 самолетов (57 МиГ-3 и 52 И-153), на аэродроме Долубово (22 км от границы) — 73 самолета (50 МиГ-3 и 23 И-16), на аэродроме Высокое-Мазовецк (40 км от границы) — 99 самолетов (70 МиГ-3 и 29 И-16), на аэродроме Себургин (50 км от границы) — 77 самолетов (56 МиГ-3 и 21 И-16) и на

аэродроме Борисовщина (70 км от границы) — 51 самолет (22 Ар-2 и 29 СБ)⁵⁷.

М. Н. Тухачевский предлагал дислоцировать механизированные и кавалерийские корпуса армий прикрытия в 50—70 км от границы с тем, чтобы они с первого же дня мобилизации имели возможность ее перейти⁵⁸. Эти предложения тоже были приняты. Мехкорпуса армий прикрытия дислоцировались в среднем в 100-километровой приграничной полосе, там же находились и кавкорпуса, еще в мирное время содержавшиеся практически по штатам военного времени⁵⁹.

По мнению Тухачевского, пограничное сражение должно было разворачиваться таким образом: 1. Удар авиации по аэродромам противника в полосе до 150—200 км в глубь его территории; 2. Выброска в эту полосу десантов для срыва мобилизации; 3. Авиаудары по железным дорогам; 4. Уничтожение войск противника силами передовой армии в приграничной полосе⁶⁰. Эти идеи отрабатывались и проверялись в ходе учений в середине 30-х гг. Однако, как указывается в предисловии к публикации доклада А. И. Егорова, «опыт стратегических игр и учений... показал, что группы вторжения не в состоянии выполнить тех задач, которые на них возлагались на первом стратегическом этапе борьбы. Они были слишком слабы по своему составу и нацеливались на действия по изолированным направлениям, что могло привести к их последовательному разгрому. Вместо групп намечалось вначале создание армий вторжения или ударных армий, а затем выполнение задач армий вторжения признано было необходимым возложить на весь первый стратегический эшелон вооруженных сил»⁶¹. В. Суворов относит этот вывод ко времени после назначения начальником Генерального штаба Г. К. Жукова⁶², что, по нашему мнению, является спорным утверждением.

Эти идеи сохраняли свое значение накануне войны, что подтверждается выступлением на совещании высшего комсостава РККА в декабре 1940 г. начальника штаба Прибалтийского Особого военного округа (ПриОВО) генерал-лейтенанта П. С. Кленова, говорившего об операциях «первоначального периода, которые ведутся в интересах захвата рубежей для принятия выгодного положения для развертывания. Для выполнения подобных операций мы будем иметь дело с частями прикрытия»⁶³. Как отмечает П. Н. Бобылев, это мнение разделял и Генштаб Красной Армии⁶⁴. Таким образом, автор «Ледокола» ничего не выдумал, а лишь соотнес эти теоретические разработки с известным ему ходом событий.

Что же противопоставляют этому тезису В. Суворова его критики? Д. А. Волкогонов утверждает, что во всех документах все было нацелено на оборону, но конкретных примеров не приводит⁶⁵. Ю. А. Горьков для опровержения утверждений В. Суворова использует материалы более раннего планирования — конца 1940 г. Мало того, что автор цитирует лишь отдельные фразы этих обширных документов, из его примеров следует, в частности, что КОВО получил приказ готовить наступление, а армиям округа приказано готовить только оборону⁶⁶. Автора не смущает, что подобные утверждения лишены всякой логики.

Об оборонительных задачах армий прикрытия пишет и В. Б. Маковский, который утверждает, что никаких наступательных задач армии прикрытия не имели и в доказательство цитирует одну фразу (!) из обширной директивы Генштаба командованию КОВО от 5 мая 1941 г.⁶⁷ Однако известно, что 10 апреля 1941 г. заместитель начальника Оперативного управления Генштаба генерал-майор А. М. Василевский составил директиву на разработку плана оперативного развертывания войск приграничных округов. К сожалению, Б. Н. Петров приводит из этой директивы задачи лишь ЗаОВО, который должен был совместно с Юго-Западным фронтом, наступая на Седлец — Радом, «разбить люблинско-радомскую группировку противника. Ближайшая задача овладеть Седлец, Луков и захватить переправы через р. Висла...

Разработать план первой операции 13-й и 4-й армий и план обороны 3-й и 10-й армий»⁶⁸.

До сих пор имеется лишь одна неполная публикация директивы НКО командованию ПриОВО от 14 мая 1941 г.⁶⁹ Из 14 листов документа опубликовано лишь 5 (35%), на которых излагается первый раздел «Задачи обороны», и публикация обрывается в том месте, где начинается изложение задач армий прикрытия. Но даже и в опубликованной части документа есть фразы, которые, по нашему мнению, вызывают вопросы, остающиеся без убедительных ответов. Например, задачи авиации, которой приказывалось «активными действиями... завоевать господство в воздухе и мощными ударами по основным железнодорожным узлам, мостам, перегонам и группировкам войск нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника»⁷⁰, почему-то сильно напоминают вышеупомянутые предложения М. Н. Тухачевского. Характер этих «активных действий» можно представить по выступлению на совещании высшего состава РККА начальника Главного управления ВВС генерал-лейтенанта П. В. Рычагова, отметившего, что завоевание господства в воздухе «достигается уничтожением авиации противника на аэродромах с одновременным ударом по ее тылам (фронтные базы, ремонтные органы, склады горючего, боеприпасов)», а также «уничтожением авиации противника над полем боя»⁷¹. О том, какой способ был более предпочтительным, можно судить по теме летно-тактических учений ВВС ПриОВО, проводившихся в середине июня 1941 г.: «Смешанная авиационная дивизия в борьбе с самолетами противника на его аэродромах»⁷².

Вызывает вопросы и другой пункт директивы: «При благоприятных условиях всем обороняющимся войскам и резервам армий и округа быть готовыми по указанию Главного командования к нанесению стремительных ударов»⁷³. В чем заключаются эти «благоприятные условия»? Но основные вопросы вызывает отсутствие в публикации большей части документа, в которой указываются конкретные задачи войск. Точно так же выборочно опубликован и план прикрытия территории ПриОВО на период мобилизации, сосредоточения и развертывания войск округа от 2 июня 1941 г. Из 35 листов документа опубликовано лишь 9 (25%), содержащих пересказ директивы Генштаба и оценку возможностей противника⁷⁴.

Свидетельства командиров различных уровней войск армий прикрытия о планах обороны госграницы позволяют сделать вывод, что, во-первых, эти планы были строго секретны и о них знал очень ограниченный круг лиц, исключавший многих дивизионных, корпусных и даже армейских командиров, а во-вторых, содержание планов, доведенное до сведения исполнителей, сводилось к тому, что войска получили задачу по условному сигналу занять известные им районы сосредоточения на границе, развернуть боевые порядки и ждать там дальнейших распоряжений⁷⁵. Нельзя не отметить, что, кроме строительства УРов на линии новой границы и оборудования там же дивизионных полос, никакого оборонительного строительства в глубине территории округов не велось, его планировалось начать лишь после объявления мобилизации, хотя советское командование хорошо представляло возможные направления действий противника⁷⁶.

Сроки подъема войск прикрытия по боевой тревоге и вывода их в полосы прикрытия не позволяли войскам занять оборону в случае внезапного удара противника. Это, кстати, хорошо понимали командиры дивизий армий прикрытия⁷⁷. В. Б. Маковский справедливо видит в этом подтверждение тому, что армии прикрытия были не в состоянии выполнять оборонительные задачи. Противоречивость оборонительных планов войск прикрытия позволила Л. М. Сандалову, на наш взгляд, совершенно правомерно утверждать, что «основным недостатком окружного и армейского плана являлась их нереальность»⁷⁸.

Об этом же, по нашему мнению, свидетельствуют и приводимые В. Б.

Маковским данные о том, что части армий прикрытия ПриОВО были к утру 22 июня развернуты в своих полосах и заняли районы прикрытия. Хотя автор оценивает их группировку как «сугубо оборонительную, в соответствии с планом»⁷⁹, они не смогли выполнить своей задачи и остановить наступающего противника. Уже к вечеру 22 июня эти войска были отброшены от границы на 30—40 км, а на направлении главного удара группы армий «Север» их фронт был прорван на глубину 60—80 км, так как, кроме всего прочего, территория округа не была приспособлена к обороне, да и войска не готовились к ней⁸⁰.

Вывод В. Б. Маковского о сугубо оборонительной группировке войск ПриОВО представляется недостаточно обоснованным. В подтверждение его автор приводит лишь схему развертывания войск, группировка которых носит, на наш взгляд, классический характер, когда подвижные соединения составляют второй эшелон армий, что позволяет вести как оборонительные, так и наступательные действия в зависимости от приказа командования. Поэтому правильнее было бы обозначить районы сосредоточения и развертываний армий прикрытия термином «выжидательные». По мнению В. А. Анфилова, Б. Н. Петрова и В. А. Семидетко, группировка войск приграничных округов была более приспособлена к наступлению, чем к обороне⁸¹.

В последние годы были опубликованы материалы, заставляющие как минимум усомниться в чисто оборонительных приготовлениях армий прикрытия. Так, например, 18 июня 1941 г. командующий ПриОВО отдал приказ, определяющий меры по «быстрейшему приведению в боевую готовность театра военных действий», среди которых была и такая: «приступить к заготовке подручных материалов (плоты, баржи и т. д.) для устройства переправ через реки Вилия, Невьяжа, Дубисса. Пункты переправ установить совместно с оперативным отделом штаба округа. 30-й и 4-й понтонные полки подчинить военному совету 11-й армии. Полки иметь в полной готовности для наводки мостов через р. Неман. Рядом учений проверить условия наводки мостов этими полками, добившись минимальных сроков выполнения»⁸².

Казалось бы, ничего особенного, но все эти реки находятся в тылу войск и имеют мосты. Если идет подготовка к обороне, то следует готовить к уничтожению имеющиеся на них мосты, что, кстати, и предусматривалось следующим пунктом приказа, а не сосредоточивать там плавучие переправочные средства. Или, может быть, командование округа заботится о немецких войсках, которым предстоит форсировать эти реки при наступлении? Но подобное предположение — явный абсурд, значит, эти меры направлены на что-то другое. Если же учесть, что эти реки впадают в Неман в 50—100 км от советско-германской границы, то напрашивается предположение, что плавучие переправочные средства заготавливались там для будущей операции по форсированию нижнего течения Немана на территории Восточной Пруссии. Это предположение тем более вероятно, что 8-я армия на штабных учениях отработывала наступательную операцию в направлении Тильзита, который расположен на левом (южном) берегу реки⁸³. В середине июня 1941 г. командованием и штабом ПриОВО проводились двусторонние тактические учения в 125-й стрелковой дивизии и проверка боеготовности в 90-й стрелковой дивизии, развернутых как раз напротив Тильзита и нижнего течения Немана⁸⁴.

Вообще направленность боевой подготовки войск приграничных округов, судя по данным, приводимым А. Г. Хорьковым, носила преимущественно наступательный характер⁸⁵. Эти данные подтверждает и Л. М. Сандалов, отмечающий, что «все предвоенные учения по своим замыслам и выполнению ориентировали войска главным образом на осуществление прорыва укрепленных позиций». «Командно-штабные учения и выходы в поле в течение всего зимнего периода и весны 1941 г. проводились исключительно на наступательные темы. ... В марте—апреле 1941 года штаб 4-й армии участвовал в окружной оперативной игре на картах в Минске. Прорабатывалась фронтальная

наступательная операция с территории Западной Белоруссии в направлении Белосток, Варшава». В мае 1941 г. уже в войсках 4-й армии проигрывались наступательные действия 28-го стрелкового корпуса армии совместно с Пинской военной флотилией в том же направлении⁸⁶. О подобных штабных учениях в Одесском военном округе в начале 1941 г., на которых проверялась возможность «вести активные действия на фокшанско-бухарестском направлении», сообщает и М. В. Захаров⁸⁷. Подобные сведения можно, как показал В. Суворов, найти и по другим армиям прикрытия.

Вместе с тем нельзя не согласиться с выводом В. Б. Маковского о том, что армии прикрытия в тот момент, т. е. в 20-х числах июня, были не в состоянии нанести упреждающий удар, но его утверждение о том, что никаких мер по подготовке такого удара не предпринималось, представляется недостаточно обоснованным⁸⁸. Тем более что для его обоснования автор ссылается на разведсводку вермахта от 13 июня 1941 г. и беседу германского посла в Москве Ф. фон Шулленбурга с Молотовым утром 22 июня 1941 г. Однако не совсем ясно, почему при соблюдении строжайших мер маскировки и общей слабости германской разведки в СССР, что признают и германские исследователи события 1939—1945 гг.⁸⁹, германское командование могло располагать какими-либо конкретными данными о намерениях Красной Армии, и с какой стати Молотов должен был соглашаться с обвинениями германского правительства относительно концентрации советских войск на границе, даже если эти факты, как мы видели, и имели место?

Кроме того, не следует забывать, что план прикрытия любого округа состоял из значительного количества документов. В их числе были: записка по плану действий войск прикрытия с приложенной картой решения и группировкой войск; таблица выхода и сосредоточения частей прикрытия к госгранице; план ПВО с картой дислокации постов ВНОС и активных средств использования ВВС с приложенной к ней картой базирования и решения; план организации связи; план устройства тыла, санитарной и ветеринарной эвакуации; план железнодорожных перевозок частей прикрытия в районы сосредоточения; указания по подъему частей прикрытия по тревоге и выделения отрядов поддержки погранвойск; исполнительные документы — директивы, приказы и т. п. Аналогичное содержание имели планы армий и отдельных корпусов⁹⁰. Ю. А. Горьков совершенно прав, призывая комплексно исследовать эти документы, чего, насколько нам известно, до сих пор не сделано. А поэтому его утверждение о том, что «все документы оперативного плана — от Генштаба до армий включительно — позволяют сделать вывод о том, что Советский Союз не готовился к нападению на Германию первым»⁹¹, представляется преждевременным.

Вызвало критику и предположение В. Суворова о дате нападения СССР на Германию — 6 июля 1941 г. Д. А. Волкогонов и А. С. Орлов указывают, что она не фигурирует ни в каком документе военного планирования⁹². Ю. А. Горьков считает, что раз «в плане от 15 мая не сказано об упреждающем ударе именно в 1941 г.», а наоборот, имеется упоминание о мерах военного строительства во второй половине 1941 г. и в 1942 г., то, соответственно, и нападение в 1941 г. не планировалось⁹³. Но, как мы видели, меры, предложенные в этом документе для обеспечения нанесения внезапного удара, стала осуществляться, а поскольку они отражают заключительную стадию подготовки наступления, то и состояться оно должно было именно в 1941 г.

Вместе с тем предложенная В. Суворовым дата начала советского наступления фактически не обоснована. Мотивировка автора сводится главным образом к тому, что 6 июля 1941 г. было воскресенье, а Сталин и Жуков якобы любили нападать в воскресенье⁹⁴. Но вряд ли можно это принять всерьез. Не подкрепляет предположения автора и приводимая цитата из книги «Начальный период войны», смысл которой им искажен. В этой книге

сказано, что «немецко-фашистскому командованию (а не „германским войскам“, как у В. Суворова.— М. М.) буквально в последние две недели перед войной (т. е. с 8 по 22 июня, а не „на две недели“, как в „Ледоколе“.— М. М.) удалось упредить наши войска в завершении развертывания и тем самым создать благоприятные условия для захвата стратегической инициативы в начале войны»⁹⁵. Причем эта цитата В. Суворовым приводится дважды: один раз правильно, а второй — искаженно⁹⁶.

Была ли вообще запланирована точная дата? Только комплексное исследование документов, отражающих как процесс военного планирования, так и проведение мер по подготовке наступления, позволит дать ответ на этот вопрос. Вместе с тем известные историкам даты проведения этих мероприятий не исключают того, что все же такая дата определена была.

Большая часть мер по «повышению боеготовности» в приграничных округах должна была быть завершена к 1 июля 1941 г.⁹⁷ В. Данилов считает, что самым поздним сроком готовности было 2 июля 1941 г.⁹⁸ Однако известно, что сосредоточение войск второго стратегического эшелона должно было завершиться позднее. Так, окончательное сосредоточение войск 22-й армии планировалось закончить к 3 июля, 20-й армии — к 5 июля, 19-й армии — к 7 июля, а 16, 21, 24-й и 28-й армий — к 10 июля⁹⁹. Часть мероприятий по ПВО и довооружению УРов первой линии намечалось завершить к 5 и 15 июля¹⁰⁰. Следовательно, завершение основных мероприятий по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск, предназначенных для войны с Германией, планировалось на период до 10—15 июля 1941 г.

По плану мобилизация Красной Армии должна быть проведена поэшелонно в течение месяца. В первые трое суток мобилизации, как уже отмечалось выше, планировалось отмотобилизовать войска прикрытия. Остальные войска завершали отмотобилизование на 8—15-е сутки, а запасные части и стационарные госпитали — на 16—30-е сутки. Отмотобилизование ВВС завершалось на 3—4-е сутки, причем боевые части и обслуживающие их тылы приводились в боевую готовность уже через 2—4 часа. Войска ПВО отмотобилизовывались в два эшелона. Первый имел постоянную готовность до 2 часов, а второй развертывался на 1—2-е сутки мобилизации. Развертывание вновь формируемых частей предусматривалось завершить на 3—5-е сутки. Таким образом, из 303 дивизий 172 имели сроки полной готовности на 2—4-е сутки, 60 дивизий — на 4—5-е сутки, а остальные — на 6—10-е сутки мобилизации. Все остальные боевые части, фронтовые тылы и военно-учебные заведения отмотобилизовывались на 8—15-е сутки. Полное отмотобилизование вооруженных сил предусматривалось на 15—30-е сутки¹⁰¹, основная же часть войск развертывалась примерно на 10—15 сутки.

Поскольку без проведения мобилизации какие-либо действия Красной Армии были практически невозможны, определение возможного срока их начала упирается в определение срока начала мобилизации. В доступной литературе эти данные отсутствуют, поэтому никаких точных выводов сделать невозможно. Можно лишь предположить, что армии прикрытия могли начать боевые действия на 5—6-й день мобилизации, а с 10-го дня можно было использовать войска армий второго стратегического эшелона, но, поскольку они находились в 450—500 км от линии фронта, то реальное их участие отодвигалось, скорее всего, до 15-го дня мобилизации.

Если предположить, что день М — начала мобилизации — был намечен на 10 июля 1941 г., то армии прикрытия могли начать боевые действия 15—16 июля, а после 20 июля их силы могли быть поддержаны армиями второго эшелона. Однако не исключено, что определенный день начала мобилизации и не был запланирован, а ставился в зависимость от развития обстановки в Европе. Одно несомненно — в силу проводимых мероприятий по сосредоточению и развертыванию войск Красной Армии, мобилизация не могла откладываться очень надолго. Думается, что, вероятнее всего, мобилизация

и, следовательно, боевые действия против Германии могли бы начаться в июле 1941 г. Однако никаких данных о конкретном сроке ее начала нам обнаружить не удалось.

Значительное место в книге В. Суворова занимает версия о так называемой «превентивной войне» Германии против СССР. Спор вокруг этой версии, выдвинутой впервые 22 июня 1941 г. германским правительством, продолжается уже более полувека. В отечественной историографии господствует точка зрения, отрицающая превентивную войну. Еще раз ее подтвердили в своих критических статьях Д. А. Волкогонов, А. С. Орлов и А. Н. Мерцалов¹⁰². Однако ни В. Суворов, ни его критики не внесли в этот спор ничего нового. По нашему мнению, этот спор совершенно бесплоден, поскольку отсутствует четкое определение «превентивности». Как правило, все сводится к поиску стороны, которая первая начала подготовку к нападению. Отечественная историография возлагает вину на Германию, а часть зарубежных авторов, в том числе и В. Суворов, — на Советский Союз.

Стороны принимают во внимание лишь собственные аргументы, что приводит к тупиковой ситуации в споре. К тому же не ясно, с какого времени следует начинать отсчет взаимных претензий. От вопросов непосредственной подготовки к войне дискуссия переходит в плоскость более общих тем, постепенно опускаясь до теряющихся в глубине веков первых столкновений германцев со славянами, о которых известно лишь то, что они имели место. Говорить о научности спора не приходится, поскольку каждый занимает ту позицию, которая импонирует ему лично.

Насколько нам известно, существует лишь одна попытка дать четкое определение превентивным действиям, принадлежащая перу видного германского историка А. Хильгрубера. Он считает, что превентивная война — это «военные действия, предпринимаемые для упреждения действий противника, готового к нападению или уже начавшего таковое, путем собственного наступления»¹⁰³. Для этого следует прежде всего знать о намерениях противника.

Как известно, ни Германия, ни СССР не рассчитывали на наступление противника, значит, и тезис о превентивных действиях в данном случае неприемлем. В результате В. Суворов пользуется тем же приемом, что и критикуемые им «коммунистические историки», пытаясь доказать, что Гитлер сорвал советское нападение, о подготовке которого он ничего не знал. Германское командование знало о переброске дополнительных сил в западные округа СССР, но видело в этом лишь пополнение соединений и предполагаемые маневры. Никаких серьезных наступательных действий со стороны Советского Союза летом 1941 г. не предполагалось¹⁰⁴. Нельзя не отметить, что никаких наступательных действий Красной Армии в 20-х числах июня не намечалось. Поэтому трудно не согласиться с мнением А. Н. Мерцалова, что «Красная Армия в момент агрессивного нападения Германии оказалась не готова к каким-либо немедленным действиям — ни оборонительным, ни тем более наступательным»¹⁰⁵. Почему это произошло — другой вопрос. Действия же Германии являются не превентивной войной, а явной агрессией. Думается, что версия о превентивной войне вообще не имеет ничего общего с исторической наукой, а является чисто пропагандистским тезисом для оправдания собственных действий.

Столь же пропагандистски звучит и другой тезис В. Суворова, вынесенный в подзаголовок книги, — «Кто начал вторую мировую войну?» Как ни старался автор, он не смог опровергнуть очевидного — вторую мировую войну начала Германия, а вот как политика всех остальных великих держав способствовала или противодействовала этому — отдельный большой вопрос, который, несмотря на огромную историографию кануна войны, на наш взгляд, все еще требует тщательного рассмотрения. Исследования кануна второй мировой войны долгое

время оставались полем идеологического противостояния, что делало их в значительной степени тенденциозными.

Как правило, игнорировался широко известный факт, что в любой исторической эпохе существует ряд государств, чьи взаимоотношения являются определяющими для этого периода и региона. Ныне мы привычно называем такие государства «великими державами»¹⁰⁶. Столь же широко известно, что между великими державами постоянно идет борьба за влияние на международной арене, которая периодически выливается в вооруженные столкновения. Эта борьба пронизывает всю известную нам историю человечества, хотя набор таких держав изменился до неузнаваемости. Военно-экономические потенциалы великих держав — явление одного порядка, что позволяет им вести борьбу в целом на равных. К подобной борьбе вполне применим термин «империалистическая», поскольку любая держава руководствуется в ней либо экспансионистскими устремлениями, либо удержанием уже захваченных позиций. Великие державы уравнивают эти устремления друг друга, а когда это шаткое равновесие нарушается, происходит открытый конфликт, являющийся, по известному выражению К. Клаузевица, «продолжением политики, только иными средствами». Результатом такого конфликта становится либо восстановление примерного status quo, либо складывания новой расстановки сил на международной арене.

В первой половине XX в. было семь великих держав: Англия, Франция, США, Германия, СССР, Италия и Япония. Ситуация 20—30-х гг. сложилась в результате двух основных событий: версальско-вашингтонских договоренностей и большевистского переворота в России. Доминирующее положение занимали Англия и Франция — фактические создатели этой международной системы. США, хотя и не были полностью удовлетворены этой ситуацией, не собирались противостоять Англии и Франции в вооруженной борьбе, а рассчитывали использовать в своих интересах любой европейский конфликт, не вмешиваясь в него до поры до времени. Обделенные при дележе «добычи» после первой мировой войны, Италия и Япония были недовольны сложившейся системой, но ограничивались пока компенсацией в Эфиопии и Китае, не решаясь на открытую борьбу с Англией и Францией. Советский Союз, строящий «новое общество», которое должно было в будущем охватить весь земной шар, не спешил открыто вмешиваться в борьбу за расширение своего влияния, предпочитая пропагандистскую кампанию и рассчитывая использовать в своих интересах любой конфликт между великими державами. И, наконец, Германия, потерпевшая поражение в войне и понесшая существенные потери (территория и влияние), открыто заявила, особенно после 1933 г., о реваншистских и экспансионистских целях создания в мире «нового порядка». Для полноты картины следует помнить и о наличии англо-французских противоречий.

Столь неустойчивое положение и стремление многих держав его пересмотреть не могло не привести к очередному военному столкновению между великими державами. Им и стала вторая мировая война, которая, как и предыдущие конфликты великих держав, носила империалистический характер, дополняемый освободительной борьбой оккупированных стран и территорий. Результатом войны стала новая расстановка сил на международной арене, просуществовавшая до начала 90-х гг.

Поэтому обвинения В. Суворова в адрес только СССР явно тенденциозны и фактически ничего не объясняют. Подготовка Советского Союза и Германии к борьбе за господство в Европе вполне понятна и естественна. Однако автор «Ледокола» осуждает эти действия СССР, но склонен оправдывать действия Германии. Вряд ли можно считать подобный двойной стандарт объективным подходом. По нашему мнению, цель исторического исследования состоит не в выставлении тех или иных оценок событиям прошлого, а в

максимально объективном показе хода событий и объяснении приведших к ним причин.

Анализируя критику различных положений книги В. Суворова «Ледокол», можно заметить, что выводы автора, которые опираются на серьезную базу исторических фактов, не были не только поколеблены его оппонентами, но, наоборот, подтверждены новыми свидетельствами. Тезисы же, построенные на пропагандистских, тенденциозных подходах, опровергаются без особого труда. Вместе с тем нужно отметить (и автор данной статьи надеется, что ему удалось это показать), что книга В. Суворова, не свободная от слабых и спорных положений, ставит серьезную и многогранную проблему о целях и намерениях советского руководства в 1939—1941 гг.

Примечания

- ¹ Орлов А. С. Так кто же начал войну?//Армия. 1993. № 8. С. 17.
- ² Советская военная энциклопедия. Т. 1. М., 1976. С. 99.
- ³ Волкогонов Д. А. Эту версию уже опровергла история//Известия. 1993. 16 января.
- ⁴ Орлов А. С. Указ. соч. С. 17.
- ⁵ Мерцалов А. Н., Мерцалова Л. А. «Непредсказуемое прошлое» или преднамеренная ложь?//Свободная мысль. 1993. № 6. С. 52.
- ⁶ Орлов А. С. Указ. соч. С. 19.
- ⁷ Маковский В. Б. Прикрытие госграницы накануне войны//Военно-исторический журнал. 1993. № 5. С. 55.
- ⁸ Там же. С. 54; Орлов А. С. Указ. соч. С. 19.
- ⁹ Волкогонов Д. А. Указ. соч.
- ¹⁰ Суворов В. Ледокол. М., 1992. С. 300—302.
- ¹¹ Мерцалов А. Н., Мерцалова Л. А. Указ. соч. С. 53.
- ¹² Волков С. В., Емельянов Ю. В. До и после секретных протоколов. М., 1990. С. 161.
- ¹³ 28 июня 1940 г. Документы свидетельствуют//Мысль. 1991. № 1. С. 17—28; № 2. С. 13—23; № 3. С. 13—21.
- ¹⁴ Орлов А. С. СССР — Германия: август 1939 — июнь 1941. М., 1991. С. 32; Безыменский Л. А. Встречался ли Сталин с Гитлером?//Новое время. 1990. № 48. С. 37; Орлов А. С. СССР — Германия: военно-политические отношения накануне агрессии//Военно-исторический журнал. 1991. № 10. С. 16—17.
- ¹⁵ Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie D. Bd. 10. Baden-Baden, 1963. S. 3, 4, 6—8, 11—12, 18—19, 22—23.
- ¹⁶ Желицки Б. Ц. Втягивание Венгрии в орбиту германской политики и позиция венгерских политических сил//Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале второй мировой войны (сентябрь 1939 — август 1940 г.). М., 1990. С. 73—94; Пушкаш А. И. Венгрия и ее балканские соседи (август 1940 — апрель 1941 г.)//Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940 — июнь 1941 г.). М., 1992. С. 72—93.
- ¹⁷ Волков С. В., Емельянов Ю. В. Указ. соч. С. 186—187; Григорьянц Т. Ю. Проблема сфер интересов СССР и Германии накануне и во время визита В. М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г.//Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР. С. 32—53; Ширер У. Взлет и падение третьего рейха. М., 1991. Т. 2. С. 183; Горлов С. А. Переговоры В. М. Молотова в Берлине в ноябре 1940 г.//Военно-исторический журнал. 1992. № 6—7. С. 45.
- ¹⁸ Волкогонов Д. А. Указ. соч.; Орлов А. С. Так кто же начал войну? С. 18.
- ¹⁹ Горьков Ю. А. Готовил ли Сталин предупреждающий удар против Гитлера в 1941 г.//Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 40—45.
- ²⁰ Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Кн. 2. Ч. 1. М., 1989. С. 133; Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989. С. 213.
- ²¹ Военно-исторический журнал. 1991. № 12. С. 17—20; 1992. № 1. С. 24—29; № 2. С. 18—22.
- ²² Военно-исторический журнал. 1991. № 12. С. 20.
- ²³ Так в тексте. Правильно — Вроцлав.
- ²⁴ Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С. 27.
- ²⁵ Там же. 1991. № 12. С. 18; 1992. № 1. С. 25; № 2. С. 20.
- ²⁶ См., напр.: Орлов А. С. Указ. соч. С. 19; Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии. 1939—1941. М., 1992. С. 285—286.
- ²⁷ Суворов В. Указ. соч. С. 311—314.
- ²⁸ Волкогонов Д. А. Эту версию уже опровергла история; Маковский В. Б. Указ. соч. С. 58.

- ²⁹ Горьков Ю. А. Указ. соч. С. 40.
- ³⁰ Там же. С. 40, 42.
- ³¹ Волкогонов Д. А. Эту версию уже опровергла история; Орлов А. С. Указ. соч. С. 18.
- ³² Горьков Ю. А. Указ. соч. С. 38.
- ³³ Василевский А. М. Накануне войны//Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 8.
- ³⁴ Там же. С. 4.
- ³⁵ Горьков Ю. А. Указ. соч. С. 37.
- ³⁶ Фирсов Ф. И. Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР. 1939—1941 гг.//Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 18.
- ³⁷ Донгаров А. Г. Между Рейном и Волгой//Родина. 1991. № 5. С. 39.
- ³⁸ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее — РЦХИДНИ), ф. 558, оп. 1, д. 3808, л. 11—12; Документ частично опубликован Д. А. Волкогоновым (Знамя. 1991. № 6. С. 4).
- ³⁹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 27, л. 54, 75; Киселев В. Н. Упрямые факты начала войны//Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 15.
- ⁴⁰ Горьков Ю. А. Указ. соч. С. 42—43, 44.
- ⁴¹ Центральный архив Министерства обороны (далее — ЦАМО), ф. 15А, оп. 2245, д. 83, л. 111—112; Владимирский А. В. На киевском направлении. М., 1989. С. 50.
- ⁴² Киселев В. Н. Указ. соч. С. 15.
- ⁴³ Горьков Ю. А. Указ. соч. С. 36.
- ⁴⁴ ЦАМО, Инв. № 962, л. 5—11.
- ⁴⁵ Хорьков А. Г. Грозовой июнь. М., 1991. С. 32—33.
- ⁴⁶ Пастуховский Г. П. Развертывание оперативного тыла в начальный период войны//Военно-исторический журнал. 1988. № 6. С. 19; Киршин Ю. Я., Раманичев Н. М. Накануне 22 июня 1941 г.//Новая и новейшая история. 1991. № 3. С. 12.
- ⁴⁷ Хорьков А. Г. Указ. соч. С. 50.
- ⁴⁸ Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне. М., 1977. С. 60.
- ⁴⁹ Пастуховский Г. П. Указ. соч. С. 19.
- ⁵⁰ Киселев В. Н. Указ. соч. С. 14—15; Петров Б. Н. О стратегическом развертывании Красной Армии накануне войны//Военно-исторический журнал. 1991. № 12. С. 12; В. Данилов. Готовил ли Генеральный штаб Красной Армии упреждающий удар по Германии?//Сегодня. 1993. 28 сентября.
- ⁵¹ Мерцалова А. Н., Мерцалова Л. А. Указ. соч. С. 52.
- ⁵² Егоров А. И. Тактика и оперативное искусство на новом этапе//Военно-исторический журнал. 1963. № 10; Тухачевский М. Н. Избранные произведения. Т. 2. М., 1964. С. 212—221.
- ⁵³ Тухачевский М. Н. Указ. соч. С. 213.
- ⁵⁴ ЦАМО, ф. 15А, оп. 2245, д. 83, л. 86—89; Захаров М. В. Указ. соч. С. 279; Владимирский А. В. Указ. соч. С. 33—34.
- ⁵⁵ Тухачевский М. Н. Указ. соч. С. 218—219.
- ⁵⁶ Хорьков А. Г. Указ. соч. С. 109.
- ⁵⁷ ЦАМО, ф. 208, оп. 2683, д. 1, л. 3—5.
- ⁵⁸ Тухачевский М. Н. Указ. соч. С. 218—219.
- ⁵⁹ См.: Хорьков А. Г. Указ. соч. С. 43, 116; Семидетко В. А. Истоки поражения в Белоруссии//Военно-исторический журнал. 1989. № 4. С. 28—29 (схема); Маковский В. Б. Указ. соч. С. 57 (схема).
- ⁶⁰ Тухачевский М. Н. Указ. соч. С. 217—218.
- ⁶¹ Военно-исторический журнал. 1963. № 10. С. 31.
- ⁶² Суворов В. Указ. соч. С. 164.
- ⁶³ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 1. М., 1993. С. 154.
- ⁶⁴ Бобылев П. Н. Репетиция катастрофы//Военно-исторический журнал. 1993. № 6. С. 16.
- ⁶⁵ Волкогонов Д. А. Эту версию уже опровергла история.
- ⁶⁶ Горьков Ю. А. Указ. соч. С. 33.
- ⁶⁷ Маковский В. Б. Указ. соч. С. 52.
- ⁶⁸ Петров Б. Н. Указ. соч. С. 12.
- ⁶⁹ Военно-исторический журнал. 1992. № 4—5. С. 10—11.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 1. С. 177.
- ⁷² История Прибалтийского военного округа. 1940—1967. Рига, 1968. С. 54.
- ⁷³ Военно-исторический журнал. 1992. № 4—5. С. 11.
- ⁷⁴ Там же. С. 11—12.
- ⁷⁵ Фронтовики ответили так!//Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 62—68.
- ⁷⁶ См.: Военно-исторический журнал. 1991. № 12. С. 18; 1992. № 1. С. 25; № 2. С. 20.
- ⁷⁷ Первые дни войны в документах//Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С. 47; Маковский В. Б. Указ. соч. С. 55.
- ⁷⁸ Сандалов Л. М. Первые дни войны. М., 1989. С. 31.
- ⁷⁹ Маковский В. Б. Указ. соч. С. 56.
- ⁸⁰ См., напр.: Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне. Кн. 1. Рига, 1966. С. 42—45.

- ⁸¹ Анфилов В. А. Провал «блицкрига». М., 1974. С. 196; Петров Б. Н. Указ. соч. С. 12—13; Семидетко В. А. Указ. соч. С. 30.
- С. ⁸² Первые дни войны в документах. С. 46.
- ⁸³ Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне. Кн. 1. С. 66—67.
- ⁸⁴ Там же. С. 44.
- ⁸⁵ Хорьков А. Г. Указ. соч. С. 54—55, 58—59, 60—62, 63, 65, 66, 74. О подготовке ВВС западных округов см.: Кожевников М. Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне. М., 1985. С. 26—31.
- ⁸⁶ Сандалов Л. М. Указ. соч. С. 39—41.
- ⁸⁷ Захаров М. В. Указ. соч. С. 269.
- ⁸⁸ Маковский В. Б. Указ. соч. С. 54, 56.
- ⁸⁹ Хоффман И. Подготовка Советского Союза к наступательной войне. 1941 год//Отечественная история. 1993. № 4. С. 24—25.
- ⁹⁰ Хорьков А. Г. Указ. соч. С. 88—89.
- ⁹¹ Горьков Ю. А. Указ. соч. С. 34.
- ⁹² Волкогонов Д. А. Эту версию уже опровергла история; Орлов А. С. Указ. соч. С. 18.
- ⁹³ Горьков Ю. А. Указ. соч. С. 37.
- ⁹⁴ Суворов В. Указ. соч. С. 333.
- ⁹⁵ Начальный период войны. М., 1974. С. 212.
- ⁹⁶ Суворов В. Указ. соч. С. 317, 333.
- ⁹⁷ См.: ЦАМО, ф. 7, оп. 179415, д. 126, л. 7—26; Хорьков А. Г. Указ. соч. С. 25, 33, 47, 168; Киселев В. Н. Указ. соч. С. 15; Первые дни войны в документах. С. 43; Медведев Н. Е. Артиллерия РВГК в первом периоде войны//Военно-исторический журнал. 1987. № 11. С. 81.
- ⁹⁸ Данилов В. Готовил ли Сталин нападение на Германию?//Комсомольская правда. 1992. 4 января.
- ⁹⁹ См.: Захаров М. В. Указ. соч. С. 259—261; Хорьков А. Г. Указ. соч. С. 173—174; Начальный период войны. С. 211.
- ¹⁰⁰ Первые дни войны в документах. С. 43; Хорьков А. Г. Указ. соч. С. 173; Анфилов В. А. Указ. соч. С. 188.
- ¹⁰¹ ЦАМО, ф. 15А, оп. 2245, д. 83, л. 86—92.
- ¹⁰² Волкогонов Д. А. Эту версию уже опровергла история; Орлов А. С. Указ. соч. С. 19.
- ¹⁰³ Мерцалов А. Н., Мерцалова Л. А. Указ. соч. С. 50.
- ¹⁰⁴ Семиряга М. И. Указ. соч. С. 283.
- ¹⁰⁵ См., напр.: Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып. 18. М., 1960. С. 134; Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С. 32.
- ¹⁰⁶ Мерцалов А. Н., Мерцалова Л. А. Указ. соч. С. 54.
- Под «великими державами» здесь понимаются страны, обладающие наибольшим военно-экономическим потенциалом, а не только признающие друг друга таковыми, как это имеет место ныне, когда великими державами считаются лишь члены Совета Безопасности ООН.

ЦАРСКИЙ ТИТУЛ ИВАНА IV И БОЯРСКИЙ «МЯТЕЖ» 1553 ГОДА

Опричнина, одно из наиболее «темных» явлений русской истории XVI в., по-прежнему привлекает внимание исследователей как в России, так и за ее пределами. Разнообразны и концепции, объясняющие этот страшный поворот в политике Ивана IV. Тем не менее теории, дающей удовлетворительный ответ на все вопросы, связанные с опричниной, пока еще не существует.

О целях опричнины принято судить по ее результатам. «Жизнь Московского государства и без Ивана устроилась бы так же, как она строилась до него и после него, — писал В. О. Ключевский, — но без него это устройство пошло бы легче и ровнее»¹. Не видя иных результатов правления Ивана IV, кроме отрицательных, В. О. Ключевский вслед за Н. М. Карамзиным отказывал опричной политике царя Ивана IV в каком бы то ни было здравом смысле. «Учреждение это, — по словам В. О. Ключевского, — всегда казалось странным как тем, кто страдал от него, так и тем, кто его исследовал»². Будучи направленной «против лиц, а не против порядка», опричнина породила людей, «которые ставились не на место бояр, а против бояр». Опричники, по В. О. Ключевскому, могли быть «по самому назначению своему не правителями, а только палачами своей земли»³. Оценка В. О. Ключевским опричнины, на наш взгляд, противоречит его же представлениям о лейтмотивах деятельности Ивана IV, очевидно, страдавшего комплексом неполноценности, сложившимся в отроческие годы, в период боярского правления. Все политические помыслы царя сводятся в конечном счете к одной идее — к мысли о самодержавной власти; он был первым, кто «соединил с идеей самодержавия внутренние и политические отношения»⁴.

В. О. Ключевский не остался одинок. Мнение о бессмысленности опричнины разделял и такой тонкий исследователь, как С. Б. Веселовский. Однако и те, кто не видел смысла в опричнине, и те, кто настаивал на ее огромном политическом и социально-экономическом значении (в частности, С. Ф. Платонов и его многочисленные последователи, в том числе и современные), причины ее введения и цели определяли исключительно по результатам. Вместе с тем большинство исследователей как той, так и другой ориентации практически почти полностью отвлекаются от международной обстановки, в которой протекала деятельность Ивана IV и была введена опричнина. Идея комплексного изучения опричнины в связи с международными отношениями еще на заре советской власти была скомпрометирована Р. Ю. Виппером⁵, и более поздние исследователи, отказываясь от его представлений о «демократическом монархизме», к этой стороне опричнины почти не обращались⁶.

Советские историки события XVI века, в том числе и международной жизни, укладывали в жесткую схему современных им политических, экономических и культурных отношений. Грешен в этом и автор настоящей статьи. В результате за рамками схемы оставалась живая ткань международных связей, в которой причудливо были переплетены все три типа контактов. Оставался неучтенным субъективный фактор, игравший столь важную роль в эпоху средневековья, в частности роль главы государства в формировании того, что называется теперь «концепцией внешней политики», и в проведении

Хорошкевич Анна Леонидовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

ее в жизнь⁷. Историки сознательно или бессознательно исключали из исследования личность правителя, его собственные цели и амбиции⁸. Апология Грозного в советской литературе вплоть до середины 50-х гг. была апологией официальной идеи могущества и величия возглавляемой им страны. Именно эта идея и считалась единственной, которую якобы единодушно разделяли и царь, и все его ближайшее окружение. При этом подходе не оставалось места для анализа такой «формальности», как титулатура. Последним вопросом весьма плодотворно занимались и занимаются лишь наши зарубежные коллеги (М. Чернявский, М. Шефтель, В. Водов, П. Ниче, Дж. Джираудо и др.). Однако и они не связывают воедино три вопроса — международные отношения, «концепцию внешней политики» и роль монарха как в формировании этой концепции, так и в реальных внешнеполитических событиях.

Отчасти причиной, отчасти следствием этой историографической ситуации было и остается невнимание к посольской документации Российского царства времени опричнины и предшествовавших ей почти двух десятилетий (1547—1564 гг.). Из дореволюционных русских историков лишь С. М. Соловьев старательно изучал посольские книги — главный источник для понимания внешней политики России и ее места в системе международных отношений. Данные этого источника спорадически использовали Я. С. Лурье и А. А. Зимин, отчасти И. И. Полосин⁹, однако они скорее иллюстрировали этими данными отдельные события, чем изучали посольские книги специально. Даже при анализе переписки Курбского с Грозным, столь живо и плодотворно обсуждавшейся на протяжении длительного времени, посольские книги не стали тем бездонным кладом сведений о взглядах — политических, исторических, этических и прочих — царя Ивана IV, каким они являются на самом деле. Кажется бы, монография Э. Тиберга должна была бы восполнить пробел, однако автор сосредоточил свои усилия на изучении внешнеполитических связей России и Великого княжества Литовского (ВКЛ), не проявив интереса к информации о внутривосточной истории страны, которая также содержится в посольских книгах, в частности в книгах по сношениям с ВКЛ и Короной Польской¹⁰.

Настоящая статья отнюдь не претендует на исправление всех историографических несообразностей, которые в значительной степени деформировали наши представления о России XVI в. Ее задача много скромнее: на основе русских посольских книг попытаться выяснить, какое влияние оказало венчание Грозного на царство на международные и внутривосточные отношения в первые шесть лет его самостоятельного правления и какое значение оно имело для складывания субъективных предпосылок введения опричнины.

* * *

В наших стереотипных представлениях акт венчания на царство — показатель роста международного престижа страны¹¹, которая отныне наряду с традиционным именованием «Русь», или «Русия» (вторая форма была более распространенной на северо-востоке Европы и призвана была отличать новое государство от Руси Рюриковичей или Руси, входившей в состав ВКЛ), стала носить и другое — «Российское царство»¹². Как-то забывалось при этом, что венчание на царство призвано было поднять авторитет самого носителя нового титула, у которого, как можно предполагать, был весьма своеобразный комплекс неполноценности. Во-первых, Иван IV был сыном невенчанного государя. Если Дмитрий-внук в 1498 г. был торжественно венчан на великое княжение, то его сводному брату Василию III пришлось опираться лишь на волю отца для обоснования своих прав на престол. Лихорадочные попытки, предпринимавшиеся им по подготовке венчания на царство, и создание в связи с этим знаменитого «Сказания о князьях владимирских» не привели к желаемым результатам. Иван IV, так же как и отец, не был венчан на

великое княжение. Недаром уже на склоне лет царя Ивана, в 70-е гг., в Царственную книгу было включено описание торжественной передачи власти умиравшим Василием III младшему сыну. Он был якобы благословлен двумя крестами, Петра Чудотворца и «Манамашим», царским венцом «Манамашим», диадемой (бармами) и жезлом, т. е. скипетром, который в действительности вошел в употребление только после 1552 г.¹³ «...Вручаю тебе сей скипетр, великия Россия державу, великое княжение Владимирское и Московское и Новгородское и всея Руси великое государство», — якобы объявил сыну последний великий князь Руси¹⁴.

Другой причиной комплекса неполноценности у Ивана IV было рождение его от второго брака после неканонического расторжения Василием III брака с Соломонией Сабуровой¹⁵. Женитьба Василия III на Елене Глинской вызвала многочисленные пересуды в конце 20-х гг. и вряд ли получила одобрение позднее. При жизни Грозного ходили, вероятно, и слухи о рождении царя от незаконной связи великой княгини с Телепневым-Оболенским, на что позднее намекал Андрей Курбский¹⁶.

Были и некоторые иные причины, которые касались уже не его рождения, но юности, периода так называемого боярского правления 1538—1547 гг. В это десятилетие вся власть, в том числе и в области международных отношений, сосредоточивалась в руках часто сменявшихся боярских группировок. Для них не существовало никаких запретов. Расправляясь с противниками, бояре в азарте ночью врываются в «постельные» покои юного великого князя, которого, превратив в свидетеля своих бесчинств, заставляли «петь у крестов», оскорбляя в его присутствии митрополита и, презрев мольбы отрока, изрекали свой «приговор», например, при аресте любимца Ивана IV Ф. Воронцова.

Венчание на царство означало сосредоточение в руках царя всей полноты власти, как это свойственно главам средневековых монархий. Они соединяли в ту пору прерогативы верховного судьи и верховного законодателя, верховного военачальника и — о чем принято забывать — единственного представителя своего государства за его пределами. Исследователи международных отношений испытывают определенные затруднения, пытаясь передать современными понятиями сообщения о внешнеполитической деятельности великого князя или царя. Когда в средневековых источниках речь идет о различных шагах, предпринимавшихся монархом во внешнеполитической области, мы совершаем неоправданное насилие над исторической действительностью, если при изложении исторических событий подменяем особу государя того или иного политического образования наименованием этого последнего.

* * *

Итак, обратимся к венчанию и его последствиям. 16 января 1547 г. в Успенском соборе Московского Кремля явился первый глава Русского государства в царском чине, которого «здравствоваща» не только митрополит и весь Освященный собор, но и бояре¹⁷. Как можно судить по косвенным данным, идиллическая картина всеобщей радости по случаю венчания великого князя, рисуемая летописью, не вполне достоверна. Историк не располагает точными сведениями о непосредственной реакции на самый этот акт, однако имеются известия о восприятии русской знатью процесса усиления власти великого князя в 20—40-е гг. XVI в. Так, в середине 20-х гг. Берсень-Беклемишев выражал неудовольствие тем, что Василий III решает все дела только со своим непосредственным окружением¹⁸. Второе — сообщение Сигизмунда Герберштейна о недовольстве приближенных Василия III тем «рабством», которым он «гнетет» своих слуг, совсем еще недавно бывших независимыми государями в собственных владениях¹⁹. Конечно, всевластие, которым пользовались бояре в годы юности Грозного, должно было усилить,

а не ослабить недовольство старой титулованной знати упрочением положения их повзрослевшего государя, ставшего «царем». Впрочем, реальной власти титул ему не прибавил. Очередные раунды боярских склок — в 1547 г. новых свойственников царя Захарьиных, умело воспользовавшихся огромным по масштабам пожаром в столице для расправы с прежними приближенными Ивана IV, с царскими родственниками Глинскими, и в 1553 г. — князей и старомосковского боярства с самими Захарьиными — доказали бессилие царя. В 1547 г. он не сумел защитить Глинских от бояр, в 1553 г. едва уговорил Захарьиных целовать крест своему сыну. Вплоть до 1553 г. он не мог добиться возвращения части удела Юрия Васильевича, захваченного старицкими князьями ²⁰.

Представляет интерес реакция соседних стран на венчание Ивана IV. Что являл собой этот акт с точки зрения международной? Еще один шаг по пути упрочения авторитета главы Руси, хотя, быть может, и не такой решительный, как сделал его дед Иван III, «государь всеа Руси», который обнародовал свою претензию на равноранговость с императором Священной Римской империи и принял по ее образцу печать с двуглавым орлом ²¹. Еще вчера равный по рангу великому князю литовскому (бывшему одновременно и королем польским), внук Ивана III сделал мощный рывок, чтобы добраться до вершины пирамиды европейских государей. Новый титул, казалось бы, приравнивал первого русского царя к императору Священной Римской империи и ставил значительно выше всех европейских королей, в том числе и ближайших соседей России — короля Польши и короля Швеции.

Великий князь литовский и король польский Сигизмунд I Старый не мог смириться с таким молниеносным превращением внука «раба» и «холопа» Большой Орды в государя, занимающего одну из высших ступеней на европейской иерархической лестнице. В ВКЛ хорошо помнили, что освобождение Руси от иноземного ига (на последнем этапе — большеордынского) свершилось сравнительно недавно. Хотя это событие произошло в результате так называемого «стояния на Угре» 1480 г., современники относили его к началу XVI в. ²², когда в 1502 г. Большая Орда была окончательно разбита и поглощена Крымским ханством ²³. Длившийся многие десятилетия титулатурный спор глав двух соседних государств — Русского и ВКЛ — скрывал за собой территориальную проблему: ВКЛ включало в свой состав огромную часть Древней Руси, на которую последовательно и упорно претендовало Русское государство. Уже принятие Иваном III титула великого князя всеа Руси содержало далеко идущую программу внешней политики нового государства, почему и вызывало противодействие со стороны литовского государя.

Территориальный вопрос оставался камнем преткновения в русско-литовских отношениях в течение весьма длительного времени, то выходя на первый план, то несколько отступая в тень. После неудач стародубской войны середины 30-х гг. боярские правительства не осмеливались проводить активной внешней политики, получившей в историографии наименование «собирания земли». Эта традиция возобновилась лишь в конце 40-х гг.

* * *

Посольская книга за 1547—1548 гг. не сохранилась. Содержание переговоров этих лет можно восстановить по пространной царской речи 10 июня 1570 г., где очень подробно был охарактеризован весь ход межгосударственных переговоров за истекшие четверть века. К молодому царю обратились один из старейших бояр, «организатор дипломатической службы» 40-х гг. кн. Д. Ф. Бельский и другие бояре. В связи с предстоящим в 1549 г. истечением семилетнего срока перемирия 1542 г. бояре били челом государю о разрешении «з брата нашего паны сослатися, чтоб брат наш (<...>) похотел с нами доброго пожитья». Обмен посланцами между боярами и панами Рады

(Ф. Бричевым и С. Губкой) привел к предварительной договоренности о продолжении перемирия. «Опасную» грамоту литовским послам привез Ф. Загряжский. Он же должен был передать Сигизмунду II Августу соболезнования по случаю кончины его отца. Грозный подчеркивал, что «опасная» грамота была дана «с полным именованьем нашего царского имени», т. е. титула²⁴. Однако «изобретение» «прародителей своих достояния, великого Владимера Манамаха венца царского» не было признано в ВКЛ. Это продемонстрировало прибывшее 19 января 1549 г. посольство панов радных С. П. Кишки и Я. И. Комаевского и писаря Глеба Есмана, которое должно было продлить перемирие²⁵.

Переговоры проходили по раз и навсегда заведенному порядку. Послы изложили требования своего государя и перечислили те земли, на которые претендует литовский князь: Новгород Великий, Псков, Торопец, Великие Луки, Ржева и т. д. Русская сторона также начала с этого пункта. В ее программу, сложившуюся в конце XV в.²⁶, входило возвращение Киева, Волыни, Полоцка, Витебска и других городов. Литовские послы утверждали, что города, взятые предками их государя, «стояли пусты, а иные розвалялися и ворот не было», «государи наши не мечем взяли, ни пак израдою». Затем каждая сторона стала уступать. Особенно много споров вызвал вопрос о владении Смоленском, на что бояре 24 января 1549 г. твердо отвечали, что «одное драницы государь наш Смоленска не поступитца». В результате, не договорившись о землях, стороны решили заключить очередное перемирие сроком на 5 лет²⁷.

В ходе переговоров возник вопрос о процедуре предварительных договоренностей московских бояр с панами радными, виленским епископом и канцлером ВКЛ. Бояре опровергали утверждение послов, будто инициатива возобновления переговоров принадлежала царю, а не членам Думы. По их словам, царь лишь «поволил» отправку боярского посланца²⁸. Учитывая опыт многочисленных фальсификаций дипломатических акций — и в самих посольских книгах, и в летописи (в частности, в известиях под 1556 г.), можно полагать, что определенные основания для сомнений послов имелись. Ответ на вопрос об инициативе ведения переговоров был существен и для русской стороны. Речь шла о государевом престиже на международной арене, его прерогативах и власти в этой сфере, а также о праве бояр на соучастие в дипломатической деятельности. В речи 10 июня 1570 г. Иван IV охарактеризовал челобитье бояр как соответствовавшее «обычею христьянскому». Действительно, и при Василии III в 1522 г., и регулярно в период боярского правления именно члены государевой Думы²⁹ имели исключительное право сношений с иностранными державами, хотя на заключительном этапе переговоров постоянно присутствовал и сам великий князь — в роли статиста. Приглашение Д. Ф. Бельским и боярами литовской стороны к возобновлению перемирия выглядит наследием дипломатической практики 20—30-х гг. XVI в., времени некоторого ослабления высшей центральной власти, когда, по словам Ивана IV, сказанным на Стоглавом соборе 1551 г., «бояре наши уллучиша себе время, сами владеша всем царством самовластно»³⁰.

Во время январско-мартовских переговоров 1549 г. русской стороне не удалось добиться признания царского титула. Верительная грамота Сигизмунда II Августа была адресована «Божьею милостью государю всеа Русии и великому князю Московскому, Владимирскому» и т. д.³¹ При оформлении перемирной грамоты произошел непредвиденный боярами казус: писарь Глеб Есман отказался титуловать Ивана IV царем, ссылаясь на то, что в предшествующем перемирии этого титула не было. Несмотря на долгие уговоры, писарь стоял на своем: «а мне толко то слово написати, и в том мает мое горло каратися, и мне того слова никак не писати»³².

Русская сторона оказалась перед альтернативой: либо разрывать мирные переговоры, настаивая на признании царского титула, либо ценой отказа от него возобновить перемирие с ВКЛ. «Царь и великий князь о том говорил

много с бояры, пригоже ли имя его не сполна написати». Примечателен сам факт такого обсуждения. Царь, которого в историографии, ничтоже сумняшеся, называют самодержцем³³, в решении весьма существенного для него и для судеб страны титулатурного вопроса обращается к мнению бояр. Постановление Боярской думы и оказалось решающим. Бояре заняли позицию, которая надолго оставалась неизменной: «И бояре говорили, что ныне для недругов крымского и казанского пригоже не сполна написати». Таким образом, бояре отказались поддержать собственного государя в том вопросе, который больно задевал его честь. И это несмотря на то, что в составе Боярской думы к этому времени оставалось лишь четверо получивших звание бояр до 1547 г., а 18 человек, по подсчетам А. А. Зимина, стали боярами после восстания 1547 г. Кроме того, к этому же времени относится возвышение А. Ф. Адашева, который был близок к царю³⁴. Казалось бы, все новые члены Думы должны были поддерживать Ивана IV в его начинаниях, в том числе и внешне-политических, однако этого не случилось.

Общий приговор бояр и царя от 5 февраля 1549 г. был компромиссный: в русском экземпляре грамоты, который будет отослан королю, написать царский титул сполна, а «королево слово», т. е. литовский противень, «писать по старине», поскольку «той грамоте быти у царя и великого князя в казне»³⁵. Были указаны и два обоснования этого компромисса: политическое — «против трех недругов стояти вдруг (одновременно.— А. Х.) истомно», и нравственное — «и которые крови христианские прольютца за одно имя, а не за земли, ино от Бога о гресе сумнетелно». Однако, несмотря на это нравственное обоснование, приговор предусматривал возможность и другого решения вопроса: «вперед с крымским дело поделаецца, а с Казанью государь переведаецца ж, ино вперед с королем за то крепко стояти и дела с ним никакого не делати»³⁶.

В приговоре 5 февраля 1549 г. заслуживает внимания признание самим царем права бояр участвовать не только в обсуждении, но и решении внешнеполитических проблем. Примечательно и то, что приговор вводит в международные отношения нравственные оценки и аргументы. Пожалуй, это единственный случай, когда бояре наряду с политическими выдвигают и нравственные доводы. Обычно в документах подобного рода речь идет о наследственных правах государя, о праве, дарованном ему Богом, поступать по собственному усмотрению. Приговор же 5 февраля 1549 г. и содержанием, и тоном, и стилистикой резко выделяется среди всех официальных документов эпохи. Ни в предшествующих (XV — первая половина XVI в.), ни в последующих (вторая половина XVI—XVII в.) сообщениях посольских книг подобной аргументации внешнеполитической позиции Боярской думы — нравственной, религиозной (а не прагматической) — мы не найдем. В связи с этим напрашивается предположение, что к составлению приговора 5 февраля 1549 г. оказалось причастным духовное лицо (или лица), но мыслящее, впрочем, как истинный политик и легко отказывающееся от упреков в богопротивности войны: войны за земли — дело богоугодное. Имя одного из тех, кто совмещал политическую деятельность с духовным саном, достаточно хорошо известно. Это благовещенский священник Сильвестр. Пик его влияния на царя и участия в решении государственных дел приходится как раз на конец 40-х — начало 50-х гг., о чем весьма убедительно писал А. А. Зимин³⁷.

До сих пор неясно было, в чем же проявлялись особенности политической позиции Сильвестра. Боярский приговор 5 февраля 1549 г. точно указывает ту сферу, куда пытался проникнуть — и, вероятно, достиг этого — Сильвестр. Вводя моральный принцип в сферу управления не только внутренней жизнью страны, но и ее внешней политикой, Сильвестр вторгся в ту область, в которой царь хотел и имел полное право в соответствии со средневековыми представлениями о монархии господствовать один: «Како же и самодержец наречетца, аще не сам строит?» — задавал он риторический вопрос Андрею

Курбскому³⁸. Теперь можно сказать, что взгляд Сильвестра на внешнюю политику отличался от царского. Он пренебрегал престижем и достоинством государя, все помыслы которого были направлены на самоутверждение в качестве царя, и при этом удачно играл на религиозных чувствах членов Думы, предостерегая их от опасности впасть в грех в случае борьбы лишь «за имя». Это с пониманием было воспринято традиционно мыслящими боярами, вовсе не заинтересованными в изменении баланса сил, определявших международные отношения России.

По инициативе царя к вопросу о заключении перемирия вернулись 8 февраля. Новых аргументов ни одна сторона — ни царь, ни бояре — не выставила. Бояре твердо стояли на своем («И бояре царю и великому князю приговаривали и били челом (...) для недругов так делати пригоже»). 11 февраля Иван IV снова, уже в третий раз спрашивал, стоит ли соглашаться на умаление его дести, и опять услышал в ответ: «Так писати пригоже для покою христьянского и для того, что крымской и казанской в великой недружбе»³⁹. Очевидно, в 1549 г. позиции молодого царя в сфере международных отношений были еще довольно слабы. Власть в этих делах принадлежала боярам, их слово было решающим, они «приговаривали» царю, а не наоборот. Позднее, оценивая ситуацию прошлых лет, царь многократно высказывал в своих посланиях Курбскому недовольство правлением «попа и Алексея» — (т. е. Сильвестра и А. Ф. Адашева), нежелание «подо властию быти попа и вашего злодеяния». «Свое царское содеваю,— не без обиды восклицал он,— и выше себе ничто же творю (...) вы (...) раби суще, святительский сан и царский восхищающе, учаше и запрещающе, и повелевающе», довольно точно характеризуя расстановку сил 1549 г. «Вы же владетели и учителя повсегда хотите быти, яз же яко младенец». Может быть, к 1549 г. относится и другое замечание царя 60-х гг. о том, что «начальники» бояр, т. е. те же «поп и Алексей», присвоили себе право судить его, «Божий суд восхищающе»⁴⁰.

Уступка царя боярам приобретает особое значение в контексте внутривластных событий. 27 февраля, т. е. спустя менее трех недель после боярского «приговора» об «имени» царя в тексте перемирия с ВКЛ, было созвано совещание, названное в историографии «Собором примирения». Перед лицом Боярской думы, Освященного собора, воевод, детей боярских и «больших» дворян Иван IV объявил, что отпускает боярам и дворовым чинам вину за «силы и продажи, и обиды великие в землях и в холопех и в иных во многих делех», которые «чинилися» от них «до его царьского возраста», сулил боярам и дворовым чинам полное прощение: «сердца на вас в тех делех не держу и опалы на вас ни на кого не положу». Вместе с тем он обещал «давать суд» обиженным детям боярским и «христианам». Впредь наместники сохранили право судить детей боярских лишь по делам, связанным с душегубством, татьбой и разбоем с поличным. Все остальные дела передавались в ведение царя. Это решение 28 февраля 1549 г. было закреплено 64-й статьей Судебника 1550 г.⁴¹ Занимая компромиссную позицию, царь тем не менее открыто заявлял о своей поддержке основной массы служилого люда в противовес верхушке господствующего сословия. При этом Боярская дума вынуждена была согласиться с новым внутривластным курсом царя, поддержанного митрополитом Макарием. Это был как бы реванш за неудачу притязаний царя во внешнеполитической сфере.

Ивану IV пришлось покориться боярскому «приговору» и согласиться на заключение перемирия. 21 год спустя, 10 июня 1570 г., он объяснял послам Речи Посполитой, почему он так поступил: «Мы, как есть государи правые христьянские, жалея о христьянстве и не хотячи видети розлития крови христьянские, будучи в терпении и на себя для христьянства поступааясь, и для бояр своих челобитья, послов есмь брата своего воротити велели и потому с ними перемирье по прежним обычаям зделали»⁴². Здесь нет и речи

о той сложной международной обстановке, в которой находилась Россия в момент заключения перемирия. Зато настойчиво звучит мотив христианской любви и смирения (что к 1570 г., конечно, стало очень актуальным для тирана, утопающего в крови собственных подданных). Самое главное, ясно чувствуется, что Иван IV рассматривал этот акт как уступку боярам, перемирие якобы было заключено по их челобитью (а не по «приговору», как это было на самом деле). Свою же «честь» он почувствовал задетой уже в 1549 г. Вопрос о государственной «чести» решался как внутри страны, так и за ее пределами. «Како же царство управити, аще сам без чести будет?» — вопрошал царь Курбского⁴³.

В это же время обозначились и две различные концепции внешней политики страны. Одну представляли бояре, другую — царь. Первые стремились прежде всего решить крымскую и казанскую проблемы (что сулило приобретение новых земель), царю же они казались второстепенными. Вместе с тем Иван IV, считавший, что царской власти присущи «страх, и запрещение, и обуздание», «ум к Богу и строй воинский»⁴⁴, от своих подданных требовал рвения в служении, в том числе и в ратных делах. В 60-е гг. он обвинял бояр, которые были «понуждаемы на рать и о сем скорбяще»⁴⁵, в медлительности при покорении Казани⁴⁶. Воинственным устремлениям царя, на самом деле отнюдь не страдавшего избытком храбрости⁴⁷, противостояли более миролюбивые настроения бояр, соглашавшихся воевать лишь за земли, в частности, за «подрайскую землицу» — Казанскую.

Таким образом, в 1549 г. между царем и боярами пролегла первая трещина, тем более тревожная, что была связана с международными отношениями России. Непризнание царского титула со стороны великого князя литовского и короля польского Сигизмунда II Августа было фактически поддержано боярами, подданными Ивана IV.

Союзники поневоле — литовский великий князь и русские бояре были единомышленны и в другом — нежелании воевать друг с другом. Объясняя позицию литовской стороны в этом вопросе, польский исследователь Я. Яновский ссылается на горький опыт так называемой Тридцатилетней войны (т. е. войн конца XV — начала XVI в. между Русским государством и ВКЛ), приведшей не только к потере восточных земель княжества, но и к его общему ослаблению⁴⁸.

Различия в оценке венчания на царство Ивана IV послужили причиной некоторого охлаждения отношений между Коронай Польской и Священной Римской империей. Ведь именно представитель этой последней державы Ю. Шнитценпауер в 1514 г. весьма неосмотрительно именовал Василия III «царем», вместе с ливонскими и ганзейскими городами положив начало прочной традиции почтения к русским великим князьям. Не случайно С. Герберштейн, в «Записках», вышедших в Вене в 1549 г., вынужден был оправдывать своего покойного государя Максимилиана I и растолковывать всему миру, что русский титул «царь» не равноценен императорскому. Впрочем, и сам Герберштейн, будучи послом (1517, 1526), также признавал царский титул за Василием III⁴⁹.

Вопрос о титуле оставался в центре внимания и забот русского посольства к Сигизмунду II Августу 20 сентября — 4 октября того же 1549 г. (представителей старомосковского боярства, близких к Бельским, окольных М. Я. Морозова и П. В. Морозова и дьяка Б. М. Карачарова). М. Я. Морозов, входивший в Избранную раду⁵⁰, должен был настаивать на том, чтобы и в королевский противень перемирной грамоты был занесен полный титул царя⁵¹. В качестве аргумента для признания царского титула послы должны были сослаться на мировую практику: «Дело знаменитое, все государи христианские имя свое пишут по венчанью, а короли по коронованью»⁵². В пример поставили Ягайлу, отец которого Ольгерд «не писался королем», поскольку «прежде Ягайла вашим государям коронованья не было». Следовало

воскресить в памяти и печальный для литовской стороны исход титулатурной войны при Иване III и Александре: «Александр король деда государя нашего не учал был писати „вся Русь“, и Бог на чем поставил? Еще к тому Александр король и многое свое придал, а ныне тот же Бог»⁵³. Однако ничто не помогло. Сигизмунд II Август, подчеркивая тот непреложный факт, что Киев, столица Древней Руси, находится в его руках, объявил, что именно он имеет право на титул царя вся Русь, но не присваивает его себе только из уважения к цесарю (т. е. императору Священной Римской империи), поскольку это титул «цесарский». Таким образом, аргументы русской стороны встретили активное противодействие литовской. Король упорно стоял за сохранение прежнего текста перемирия. Можно предполагать, что и послы не были достаточно настойчивы: их пребывание в Кракове длилось всего две недели, а непосредственные переговоры с луцким епископом Валерианом (Протасевичем-Сушковским) и П. И. Сапегой о «государевых делах о перемирной грамоте» — всего 4 дня — 24, 25, 28 сентября и 2 октября. Уже 29 сентября послы получили прощальную аудиенцию у короля.

Посольство М. Я. Морозова и ведшиеся в Кракове переговоры примечательны не только титулатурными спорами, но и выявившимся различием в отношении царя и послов к внешнеполитическим делам: для первого это «земские дела», для вторых — «государевы дела». Царь пытался придать своей внешнеполитической активности и своим устремлениям общегосударственный характер, верноподданные же послы считали, что они выполняют лишь личное царское поручение, утверждая его «имя» за границами отечества. Будущие «земская» и «государева» линии отчетливо просматриваются с самого начала участия Ивана IV в управлении государством. Разрядные книги еще в 1544 г. обозначили выступление царя в поход как его («свое») дело, а начиная с 1549 г. разделяли «свое» (государево) и «земское» дело⁵⁴. Для автора Никоновской летописи — это «свое дело» царя, для митрополита же, увещевавшего в 1550 г. бояр не местничать во время похода на Казань — это «земское дело», «государево (...) дело земское»⁵⁵. Рассказ Никоновской летописи — осмысление событий более чем десятилетней давности⁵⁶, но в посольских же книгах 1549 г. можно наблюдать рождение концепции, противопоставлявшей государя и «землю» или хотя бы различавшей их.

Та же тенденция различения «земли» и государя характерна для так называемого «Собора примирения» 1549 г. Всенародное, вернее, всесоборное покаяние царя за опалы, наложенные им на бояр, надолго остались тревожащей занозой в его памяти. В речи на Стоглавом соборе в январе 1551 г. он подчеркивал: «Яз по вашему прошению и благословиению бояр своих в прежних их винах во всех пожаловал и простил»⁵⁷. Заноза была тем больнее, что, согласно Судебнику 1550 г., изменилось соотношение сил царя и бояр. Статья 98 закрепила верховную власть Думы: впредь законы и установления должны были приниматься, а дела «вершитца» «з государева доклада и со всех бояр приговору»⁵⁸. Избранная рада этой статьей Судебника достойно увенчала свою деятельность, несколько изменив соотношение роли царя и Думы. Ведь, согласно прежней практике, внешнеполитические решения оформлялись иначе. С 29 мая 1544 г., как только Иван IV достиг, по средневековым понятиям, совершеннолетия, в посольских книгах по сношениям с ВКЛ стали записывать: «приговорил князь великий с всеми бояры»⁵⁹. Судя по формуле решения внешнеполитических дел, именно царю, хотя бы на словах, отдавалась первенствующая роль: «по тому своему приговору, царь и великий князь наказал приставу»⁶⁰. Судебник же отводил царю лишь совещательную роль⁶¹. В приговоре 11 мая 1551 г. «доклад» часто заменяется «ведомом»⁶². Бояре же за время малолетства великого князя привыкли сами произносить царский «приговор». Даже в 1543 г. вопреки просьбам Ивана IV Шуйские «приговорили» Ф. Воронцова к ссылке в Кострому⁶³. В самом Судебнике предусматривалась возможность «приговора» одних бояр. В случае вызова на суд наместника,

боярина или сына боярского «запись велют дати бояре, приговоря вместе» (ст. 75). Видимо, «заслуга» в подобном изменении баланса внутривластных сил принадлежала ближайшим сподвижникам царя — членам Избранной рады — А. Ф. Адашеву и дьяку И. М. Висковатому. Именно они приняли окончательное решение об отправке войска на Астрахань в октябре 1553 г. «И по цареву и государеву велению и по приговору околничей Алексей и дьяк Иван приговорили на том, что царю и государю великому князю послати Дербыша царя на Астрахань да воевод своих в судех Волгою многих и с нарядом»⁶⁴. В этой летописной записи авторами «приговора» называются Адашев и Висковатый. Они выступают в качестве то равных государю (решая дело в соответствии с его «велением» и «приговором»), то распорядителей его действий.

* * *

Новый тур титулатурной войны наступил в 1551 г., когда в конце мая в Москву вернулся посланник Я. Остафьев в сопровождении литовского посланника М. Б. Гедроита. Остафьев, будучи в Кракове в начале 1551 г., отказался принять королевскую грамоту, адресованную просто «великому князю». Теперь ее привез Гедроит, отправленный в Москву после совещания короля с панями радными. Те, по словам Остафьева, якобы «приговаривали, чтоб написати царем; и маршалек дворный Горностай (вероятно, Иван, с 6 июля 1551 г.— воевода новгородский, а тогда земский подскарбий.— А. Х.) отговорил всем, что писати непригоже». Этот казус послужил темой обсуждения царя с боярами, «пригоже ли та грамота взяти того для, что Яков ее не взял». Решение Думы, как и в 1549 г., было компромиссным: грамоту взять, но в ответной именовать Сигизмунда II только «великим князем литовским», а не королем, ссылаясь на то, что он «не извечной на королевстве, прародители его были на великом княжестве и писалися великими князми». Но больше всего бояре заботились о том, чтобы «перемирья с королем не рушити, додерживати до урочных лет»⁶⁵.

Царская грамота не дошла до адресата. На втором же яме от Москвы 29 июня 1551 г. М. Гедроит бросил ее со словами: «Толко ми ее везти, и мне быти от государя своего кажнуну». Тут же он объяснил: «на Москве <...> взял ее у государя в избе страхом, боялся есми не взяти государя»⁶⁶. Прием у царя, действительно, мог внушить самые серьезные опасения: царь вопреки традиционному этикету не принял привезенных подарков, на пир к себе не звал, руки не дал. Все это было признаком крайнего неудовольствия.

Конфликт обострился в следующем году. 28 февраля 1552 г. в Москву прибыл П. Островицкий, привезший грамоты Сигизмунда II, где Иван IV снова не именовался царем. Царь опять прибег к помощи бояр. Приговор их был таков: «королем его не писати потому ж, как и в первой грамоте»⁶⁷. Так и сделали. Однако посланник грамоты не взял, опасаясь наказания со стороны собственного государя. Между тем Иван IV шел навстречу некоторым пожеланиям короля. Так, в частности, впредь, как и раньше, он предоставлял возможность высылать литовскую «сторожу» в Черниговские земли, которая могла бы своевременно оповещать короля о грядущих набегах крымцев. Таким образом, несмотря на титулатурные споры, русская сторона продолжала сохранять дружественную позицию по отношению к ВКЛ в крымском вопросе. Разрешение выслать сторожевые отряды в Черниговские земли сопровождалось многоречивыми, но стандартными рассуждениями о необходимости совместных действий против «бесерменского рода», который «завсе повышается рознью и незгодами христьянских государей, покладывая меж ими ссору, и тем прибытки себе учиняют». Этот пассаж кончался намеком: «И чем того избыти, и то сами знаете»⁶⁸, однако прямого упоминания о царском титуле не было.

Лето 1552 г. принесло резкое изменение международного положения России. Казанское ханство перестало существовать, а христианский государь превратился в наследника «бесерменского», присвоив себе титул «царя Казанского», как бы забыв, что у главы Казанского ханства был свой собственный титул и что только на Руси всех ордынских государей называли царями, а не ханами.

Завоевание Казанского ханства привело царя в состояние эйфории. Согласно рассказу Никоновской летописи и особенно включенной в нее «Повести о Казанском взятии», состоялся торжественный въезд царя в Москву, куда была пригнана толпа знатных казанских пленников, сопровождаемая экзотическими для Москвы верблюдами, состоялся торжественный молебен. 8 ноября на пиру царь роздал различных пожалований на 48 тыс. руб., распределил кормления и т. д.⁶⁹

И вот спустя две недели после этих празднеств и ликования Иван IV, царь всея Руси и царь Казанский, получает весьма увесистую оплеуху от своих западных соседей. 24 ноября царю сообщили из Смоленска, что в Москву к боярам (а не к нему) едет посланник «королевы Рады» Я. Гаико. В начале декабря царь узнал, что его направили в Москву виленский епископ Павел Гольшанский, воевода виленский Н. Я. Радзивилл (Радивил) и троцкий воевода Н. Ю. Радзивилл с тем, чтобы тот вел переговоры с митрополитом Макарием, боярами кн. И. М. Шуйским (новгородским наместником с 1548 г.) и большим дворецким Д. Р. Юрьевым⁷⁰. Самый факт обращения панов Рады к боярам и митрополиту через голову царя ущемлял престиж нововенчанного государя.

Распределение обязанностей между главами светской и духовной власти было достаточно строгим. Первый выступал в качестве вершителя дел, хотя бы номинального, во всех сферах жизни, в том числе и в сфере международной; второму отводилась роль «печалователя» за тех или иных лиц, провинившихся перед государем. Так, митрополит Макарий заступился за беглецов М. В. Глинского и И. Турунтая Пронского, направившихся после восстания 1547 г. в ВКЛ. Царь «для отца своего Макария митрополита их пожаловал, вину им отдал (<...> занеже от неразумия тот бег учинили были, обложася страхом князя Юрьева убийства Глиньскаго»⁷¹. Велика была роль митрополита в светских делах во время походов на Казань. Макарий участвовал в «совете» наряду с братьями царя и боярами относительно похода на Казань в 1550 г. Однако тогда инициатива принадлежала Ивану IV, а кроме того, казанским войнам официально придавался характер освободительной религиозной борьбы с неверными, поэтому содействие митрополита этому начинанию выглядело совершенно естественным даже тогда, когда он призывал отложить «рознь и места» на время похода 1550 г., или благословлял царя на поход 1551 г., или, наконец, оставался духовной опорой брата царя, Юрия Васильевича, царицы Анастасии и бояр, находившихся в столице в 1551 г.⁷²

Обращение же панов Рады к митрополиту, минуя царя, лишь подчеркивало значение митрополита для западных соседей России. Это явилось полной неожиданностью для Ивана IV, который узнал о содержании грамоты в Троице-Сергиевом монастыре, куда отправился на богомолье. Паны Рады писали, что в связи с истечением срока перемирия они просят бояр «наводить» царя и «радить» (т. е. советовать) ему, «чтоб государь ваш с нашим государем похотел миру вечного и добрые смолвы», и, как всегда, обосновали свое предложение необходимостью борьбы с неверными — «чтоб вера хрестьянская ширилась и множилась, а кровь хрестьянская чтоб не лилась»⁷³. Содержание посольства известно и по летописному сообщению, где вместо «наводить» и «радить» королевской грамоты приведена более почтительная форма просьбы: «бить челом царю государю великому князю»⁷⁴. В летопись занесены имена

отправителей грамоты и ее адресатов, что представлялось летописцу весьма существенным.

Встреча посланников была организована силами царских детей боярских, которых представили Гайке в качестве митрополичьих и боярских слуг. 11 декабря 1552 г. митрополит и бояре приняли посланника, он был приглашен митрополитом на обед. По возвращении царя в Москву 17 декабря митрополит получил царское распоряжение не вмешиваться в русско-польско-литовские отношения: «Грамота писана о государских земских делах, а не о наших церковных и духовных делах (...) нам до тех дел дела нет»⁷⁵, — должен был он объявить посланнику. Формулировка отказа митрополита участвовать во внешнеполитических делах очень напоминает мысль Грозного об обязанностях духовенства, изложенную им в послании к Андрею Курбскому: «Яко священство (...) неприлично царским владати»⁷⁶.

У бояр же сохранялось право дипломатического общения. Они должны отправить сына боярского (им оказался Н. Суцев) с грамотой, согласно которой государь хочет «с королем доброго пожития и вечнаго миру; а за что у них нелюбье движется, то государь велел к панам отписать»⁷⁷. Грамота, данная Н. Сушову, гласила: «Нелюбье за то движется и ссылок меж государей того для нет, что государь ваш име государя нашего пишет не по его царскому венчанию, а государь наш государя вашего именованье королевское к государю вашему также не описует»⁷⁸. Ситуация, сложившаяся в результате непризнания царского титула Ивана IV Сигизмундом II, поистине была неординарной. Державы, находившиеся в состоянии перемирия, не поддерживали полноценных дипломатических отношений, ни один из государей не получал ответа на отправляемые им послания. Положение, длившееся уже два с лишним года, было чревато полным разрывом отношений, разрывом, в котором, однако, не была заинтересована ни та, ни другая сторона как раз по той причине, о которой и писали паны Рады, — из-за крымской опасности.

Ответное послание бояр содержало также отказ пойти навстречу другому предложению панов Рады — отправить русских послов за границу, в ВКЛ, что нарушило бы сложившиеся обычаи. Русские государи считали зазорным для себя направлять своих послов за пределы страны ради заключения мира или перемирия, все международные договоры заключались только в Москве. Не углубляясь в давние времена, бояре сослались лишь на пример 1514 г., когда император Максимилиан, папа и венгерский король просили Василия III направить послов к Сигизмунду I Старому если не в само Литовское княжество, то хотя бы на границу. Василий III твердо стоял за сохранение прежних обычаев и настаивал на заключении договора и ведении переговоров только в Москве. В малолетство Грозного ситуация повторилась — из-за спора о месте переговоров в 1534—1535 гг. Теперь же, когда «государь наш своего возрасту дошел», нет никаких оснований менять старый обычай. Кроме того, стремление бояр добиться своего в пункте, касающемся места переговоров, подкреплено победами царя: «бусурманский род казанской (...) государя нашего саблю померли (...) та земля вся на государя нашего уста смотрит»⁷⁹. В заключение бояре предлагали вновь титуловать царя полностью и направить своих полномочных послов в Москву.

Нельзя сказать, однако, что они были особенно последовательны в требовании признать царский титул. В «опасной» грамоте, выданной для приезда в Москву будущим литовским послам, бояре соглашались именовать Сигизмунда II королем, правда, и царский титул был приведен полностью, более того, Иван IV был назван не просто «государем», но «великим государем». При этом они подчеркивали (в полном противоречии с истиной), что грамоту панов они не решились показать не только царю, но даже «своим господам дядям и братьям, Думе государя нашего», но тем не менее им удалось выпросить у

царя «опасную» грамоту «с полным именованьем государя нашего» в надежде «на обе стороны меж государей любовь учинити»⁸⁰.

Надежде не суждено было сбыться. Н. Суцев, очередной посланец к литовским панам Рады, виленскому епископу Павлу, виленскому воеводе Н. Я. Радзивиллу и троцкому воеводе Н. Ю. Радзивиллу, принят был в Минске только последним. Он привез в Москву оскорбительнейший для царя ответ.

Но прежде чем его рассматривать, обратимся к той общественной атмосфере в Короне Польской и ВКЛ, которая окружала русско-литовские переговоры. Сношения бояр и панов Рады сопровождалась настойчиво распространявшимися в этих государствах слухами о готовности Ивана IV отказаться от православия только ради того, чтобы добиться получения королевской короны из рук папы. И это было не впервые. Нечто подобное имело место и в конце XV в., и в 20-е гг. XVI в., хотя никаких сведений о прокатолических симпатиях Ивана III и Василия III в русских источниках не имеется. Но на этот раз дело приняло довольно серьезный оборот. Литовские магнаты в качестве контрмеры предлагали с помощью своих лазутчиков оповестить русских бояр о коварных намерениях их государя и тем самым вызвать в стране волнения. Сигизмунд II Август зашел еще дальше. Он склонялся даже к применению насильственных мер ради прекращения сношений царя с Ватиканом и допускал возможность вооруженного нападения на русских послов в то время, когда они будут везти корону царю⁸¹. До тех пор, пока не обнародованы материалы Ватиканского архива, нельзя дать сколько-нибудь удовлетворительный ответ по поводу того, имели ли место в действительности сношения царя с курией. Важно другое — распространение слухов об этом, конечно, не могло не содействовать дестабилизации взаимоотношений царя и бояр.

Итак, вернемся к ответу на грамоту бояр. Ответ был написан Н. Ю. Радзивиллом, титул которого в этом послании не уступал королевскому. Он перечислил все свои звания и чины: «воеводы троцкого, гетмана навшышаго Великого князства Литовского, старосты лидцкого, василишского, белицкого и сомилишского». Сигизмунд II в послании Н. Ю. Радзивилла, подобно Ивану IV в «опасной» грамоте, именовался «великим государем». Указаны и чины и звания И. М. Шуйского («боярина и наместника владимирского») и Д. Р. Юрьева («дворецкого московского и дворецкого казанского»). Зато не назван по имени ни в инскрипцию грамоты, ни в диспозицию царь всея Руси. В тексте послания о нем небрежно говорится как о «государе вашем, великом князе»⁸².

* * *

Как указано в посольской книге, этот поразительный по неуважению к царю документ был доставлен в Москву 2 марта 1553 г. Но еще накануне, 1 марта, не названный даже по имени в этом послании Иван IV смертельно занемог⁸³. Пожалуй, было бы натяжкой связывать болезнь Ивана Грозного, начавшуюся в среду 1 марта, до возвращения посланца бояр в Москву, с тяжелой травмой, которую нанесло ему это неожиданное оскорбление. Но вместе с тем не поставить в связь болезнь легко возбудимого, крайне неуравновешенного, самолюбивого деспота, равно как и его настойчивое стремление добиться крестоцелования наследнику с позорным проигрышем в титулатурной войне не только с королем, но и с собственными подданными, было бы неверным.

Единственным препятствием для такого заключения является неувязка в датах: Н. Суцев вернулся в Москву 2 марта, а царь заболел уже 1 марта. Но не исключено, что содержание письма он мог знать раньше, ибо существовала практика предварительного оповещения столицы сразу же после пересечения государственной границы дипломатическими представителями, направлявшимися в Москву. О такой практике имеются неоднократные упоминания

в посольских книгах. Так было, например, в 1551 г., когда смоленский наместник И. А. Булгаков 31 мая сообщил о возвращении русского посланника Я. Остафьева, который прибыл в Москву лишь 14 июня⁸⁴. А в июне 1553 г. известие о приближении литовского посланника А. Станиславова смоленский наместник И. И. Хабаров прислал со смоленским помещиком Ш. Савлуковым за 9 дней до прибытия Станиславова в Москву⁸⁵. О передвижении Н. Сущева посольские книги молчат. Но кто знает...

Начало болезни царя датируется лишь в знаменитых приписках к Царственной книге, давно и плодотворно исследуемых как отечественными, так и зарубежными исследователями. Б. М. Клосс убедительно доказал, что приписки к последним томам Лицевого свода — Синодальному и Царственной книге — следует датировать 1575—1576 гг.⁸⁶ Х. Рюсс, суммировавший достижения в области изучения приписок, полагает, что они являются вполне достоверным источником по истории мартовских событий. Не сомневается он и в том, что дата начала болезни царя в них названа правильно⁸⁷. Неувязка в датах начала и окончания болезни представляется очевидной. На третий день болезни, согласно припискам, была составлена крестоцеловальная запись Владимира Андреевича Старицкого. Подлинная же запись датирована 12 марта 1553 г. По-видимому, болезнь длилась долго. В рассказе о недопущении Владимира Андреевича к больному царю есть наречие «часто»: «Бояре же (...) князя Володимера Одреевича ко государю часто не почали пуцати»⁸⁸. Это косвенно указывает на длительность болезни.

✓ Характер сообщений в приписках Царственной книги о болезни царя заставляет сомневаться в том, насколько правдиво изложен ход событий. С одной стороны, говорится, что царь «мало и людей знаяше, и тако бяше болен, яко многим чаяти: х концу приближися». С другой стороны, настораживает удивительная активность «умирающего». Он по совету И. М. Висковатого «совершил» духовную (завещание) и обсуждал вопрос о крестоцеловании, «в вечеру том и приведе к целованию 8 человек». «Да которые дворяне были у государя в Думе, Алексей Федоров сын Адашев да Игнатей Вешняков, и тех государь привел к целованию в вечеру же». Итого десять человек. Второй день болезни («наутрее», «назавтрее») царь держал речь перед боярами, призывая их целовать крест царевичу Димитрию, но не в своей «избе», а в передней, поскольку «ему при собе их приводити к целованию истомно». Однако и на второй день Иван IV также активно участвовал в процессе крестоцелования и усмирения непокорных бояр. Кн. И. М. Шуйский, тот самый, кому как боярину и наместнику владимирскому были адресованы послания панов Рады, заявил, что «не перед государем целовати немочно». Ф. Г. Адашев вспомнил о временах боярского правления, возможность возврата к которым он связывал с царствованием «пеленичника», т. е. Димитрия. «Брань велия и крик и шум» разделившихся на две партии бояр (тех членов Думы, которые целовали крест в первый день, и остальных бояр) придали новые силы Ивану IV. Он снова увещевал непокорных, напоминая им, что сами они неоднократно обещали царю, «чтобы мимо нас иных государей не искали, и,— продолжал довольно длинную речь тяжелобольной,— коли мы вам ненадобны, и то на ваших душах». Присягнувших в первый день — верных царю И. Ф. Мстиславского, В. И. Воротынского, И. В. Шереметева, М. Я. Морозова, Д. Ф. Палецкого (занимавшего, впрочем, двойственную позицию), Д. Р. и В. М. Юрьевых — он в не менее длинной речи молил позаботиться о сохранении жизни наследника: «Не дайте бояром сына моего извести некоторыми обычаи, побежите с ним в чужую землю, где Бог наставит»⁸⁹. (Так в приписках прозвучала идея, которая в 60-е гг. была одной из наиболее навязчивых у Ивана Грозного — идея бегства из страны⁹⁰. Трудно сказать, занесена ли она в приписки под влиянием позднейших настроений царя или возникла действительно в 1553 г., но не обратит

внимания на такое совпадение нельзя). От «жестокоего слова» царя бояре начали присягать наследнику.

В тот же день Иван IV распорядился подготовить «запись целовальную, на чем приводит к целованию князя Володимера Андреевича», выдвигаемого боярами в качестве наследника престола. После царских увещаний тех бояр, которые присягнули «ввечеру» и к которым умирающий обратился еще раз, Владимир Андреевич присягнул «поневоле». То же пришлось сделать и княгине Евфросинье Старицкой после троекратных посещений ее Д. Ф. Палецким и И. М. Висковатым. Упорство Старицких объясняется усилением их авторитета и влияния накануне и вскоре после казанской победы Владимира Андреевича. Он был допущен к участию в деятельности Боярской думы. Приговор в 1550 г. принимался от лица самого царя, Владимира Андреевича и бояр⁹¹. Талантливый военачальник, он, однако, стремился не столько к воинским подвигам во имя упрочения авторитета царя, сколько к спокойной мирной жизни. Ведь 2 октября, в день взятия Казани, он, если верить Никоновской летописи, в поздравлении царю говорил: «и впред у Бога милости просим умножити лета живота твоего, и покорит всех съпостот твоих под нозе твои и дасть ти сынове, наследники царству твоему, да и мы в тишине и покои поживем»⁹². Но о покое современникам царя Ивана Грозного оставалось лишь мечтать... Сам же царь после присяги князей Старицких, на третий день, «как уже мятеж минулся», мог быть спокоен, ему уже не нужно было никого уговаривать, никому угрожать. В этот день присягнул лишь Д. И. Курлятев (Шкурлятев)⁹³.

В приписках к Царственной книге — единственном источнике сведений о болезни царя и «мятеже» — в речи царя вставлены неоднократные жалобы на его плохое самочувствие: «яз с вами говорити много не могу», «яз не могу, мне не до того». Однако на второй же день присяги царь четырежды держал речь перед боярами, распорядился о составлении крестоцеловальной записи, удивительно точно определявшей положение Владимира Андреевича как регента при «пеленичнике». Х. Рюсс видит в этом доказательство традиционной преданности великих князей делу государственного строительства, заботы об устройстве власти наследников, ссылаясь при этом на деятельность отца Ивана IV, Василия II, в последние дни его жизни⁹⁴. С ним можно было бы согласиться, если бы не поразительно быстрое выздоровление, тотчас по окончании процедуры крестоцелования.

Бурная активность «умирающего», его молниеносное выздоровление — все это, на наш взгляд, свидетельствует, скорее, о тяжком душевном смятении, нежели о настоящей болезни. Психический срыв эгоиста или даже суперэгоиста на троне из-за оскорбительной неудачи на международной арене сопровождался не менее удручающей неудачей во внутренней политике. В противовес «пеленичнику» часть бояр выдвигала престолонаследником кандидатуру ближайшего родственника царя, зарекомендовавшего себя во время взятия Казани как мудрого и одаренного военачальника. Как ни тяжело было сознавать это Грозному, отнюдь не ему принадлежала честь взятия Казани. Как известно, царь долго молился в своей полотняной церкви за победу русского оружия, и гонцы, один за другим призывавшие его к стенам города, а потом и в город, никак не могли отвлечь его от этого занятия. Старицкий же возглавил войска и привел их к долгожданной победе. Иван IV перед лицом поздравлявших его воевод вынужден был признать действительных героев взятия Казани: «Бог сиа содеал твоим, брата моего, попечением и всего нашего воинства страданием». Почти то же повторил он в своей речи перед митрополитом и всем Освященным собором по въезде в Москву в Сретенском монастыре. Там он объяснял победу Божьей милостью, а «также попечением и мужеством и храбростию брата нашего князя Владимира Андреевича и всех наших бояр и воевод и всего (...) воинства тщанием и страданием»⁹⁵. Противопоставлять такой кандидатуре младенца Димитрия было действительно трудно.

Этим обстоятельством объясняется, по-видимому, и отсутствие среди присягавших митрополита. Вместо него крест держал И. М. Висковатый. Вероятно, в период затянувшихся переговоров панов Рады с боярами и митрополитом доверие царя к его верному и последовательному стороннику пошатнулось, хотя, несомненно, безо всяких к тому оснований.

Изложенной версии болезни царя и сопровождавших ее «в боярех смуты и мятежа» как будто не противоречит ход мысли автора приписок. Он ставит эти события в один ряд с невыполнением боярами поручения Ивана IV. Царь, покинувший Москву ради крещения царевича Димитрия в Троице-Сергиевом монастыре, «бояром приказал (...) без себя о казанском деле промышляти да и о кормлениях сидети». Бояре же, по едкому замечанию того же автора, «от великаго такого подвига и труда (имеется в виду, по-видимому, покорение Казани.—А. Х.) утомишася, и малого подвига и труда не стерпеша докончати и възжелеша богатества и начаша о кормлениях сидети, а казанское строение поотложиша». В результате Луговая и Арская сторона вышли из подчинения России. «Се первое зло случися христианству»⁹⁶. Второе же зло, очевидно, заключалось в нежелании бояр и князя Владимира Андреевича беспрекословно присягать «пеленичнику». Таким же образом излагал события начала 1553 г. и сам царь в послании Андрею Курбскому в 1564 г. Однако ни Иван IV, ни автор приписок ни словом не проговариваются о титулатурных битвах вне России.

Как в сношениях с Литовским княжеством на протяжении февраля 1549 — середины 1553 гг., так и в сношениях с Казанью в 1553 г. отчетливо проявляется некоторая пассивность боярства в области внешней политики. «Утомление» боярства от войн царя Ивана IV подчеркивает и автор «Казанской истории», относимой к середине 60-х гг. XVI в.⁹⁷ Заметно оно будет и спустя десятилетия, в период Ливонской войны. Агрессивным устремлениям царя противостояли «миротворческие» — («к тишине и покою») устремления боярства — в особенности в сношениях с православными Литовского княжества.

* * *

Итог мартовских событий был плачевен. «И оттоле бы[с]ть вражда велия государю с князем Володимером Одреевичем, а в боярех смута и мятеж, а царству почала быти во всем скудость»⁹⁸, — таким унылым аккордом кончается одна из приписок в Царственной книге, повествующая о боярском «мятеже» марта 1553 г. В этой приписке точно обозначены основные линии противоречий: между царем и последним удельным князем, его естественным соперником, которому, однако, он вынужден был доверить пост регента при сыне — наследнике престола; между отдельными партиями бояр, часть которых безоговорочно поддерживала власть своего государя и его распоряжения, а другая осмеливалась иметь отличное от него мнение по поводу дальнейших судеб страны и своих собственных⁹⁹. Если в 50-е гг. Иван IV должен был смиряться с наличием особых позиций боярства и в области внутренней, и в области внешней политики, то в 70-е гг., когда были составлены эти приписки (возможно, все-таки самим царем или лицом из его ближайшего окружения), проявление таких мнений, не совпадавших с точкой зрения государя, представлялось «мятежом» или даже «изменой».

Первый тур титулатурной борьбы с великим князем литовским, длившийся 5 лет, царь проиграл, но одновременно он вступил в новую борьбу. События марта 1553 г., когда Иван IV узнал, что не только польский король и великий князь литовский, но даже троцкий воевода осмеливаются лишать его всех законных титулов, а часть собственных подданных отваживается сомневаться в его праве распоряжаться своей властью и передавать ее по наследству, праве, которым в пределах вотчин пользовались все его бояре, эти события открыли новый, «внутренний фронт» борьбы первого русского

царя. Трудная присяга царевичу Димитрию, разногласия среди бояр оставили долгую память о том, как было ущемлено его самолюбие, как оскорбительно для его достоинства не только царя, но и просто великого князя повели себя его ближайшие советники. Грозный в то время не смог отреагировать на эти оскорбления, он был бессилен против ослушников его воли. Посредничество митрополита и бояр в дипломатических сношениях с ВКЛ в 1552—1553 гг. оказалось не только бесполезным, но даже вредным для престижа царя. Идя на уступки боярам, настроенным на поддержание мира с ВКЛ, царь стал объектом неуважения, почти насмешек М. Я. Радзивилла и Горностая, убежденных противников добрососедства с Россией¹⁰⁰.

События, развернувшиеся вокруг признания титула царя Ивана Грозного за пределами России на протяжении 1548—1553 гг., внутри страны выявили позиции различных слоев боярства, дворянства и церковной иерархии. И в этом их значение для формирования предпосылок опричнины, приведшей к расколу страны уже не на группы, но на две большие части. Правда, до опричнины боярству и государю пришлось пройти еще долгий путь: царю — путь беспрецедентных до того претензий на самодержавие, боярству — путь непонимания своей меняющейся при самодержавном строе позиции. А одним из оселков, на котором оттачивались идеи каждой из сторон, по-прежнему оставалось отношение к ВКЛ. События второй половины 1553—1562 гг. показывают это с еще большей очевидностью. Им автор предполагает посвящать отдельную статью.

Примечания

- ¹ Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т.: Т. 2. М., 1988. С. 187.
- ² Его же. Боярская дума Древней Руси. М., 1882. С. 347.
- ³ Его же. Сочинения. Т. 2. С. 172.
- ⁴ Там же. С. 157. Впрочем, В. О. Ключевский справедливо связал венчание Ивана IV на царство с международными отношениями. «Московские государи... когда, наконец, выбились из неволи, охотно приняли подсказанный духовенством титул царей и самодержцев как знак внешней независимости, а не как девиз внутренней политики» (Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. С. 274). В последнем утверждении он, кажется, заблуждался.
- ⁵ Виппер Р. Ю. Иван Грозный. Пг., 1922.
- ⁶ Впрочем, и здесь были исключения. Речь шла, однако, лишь о споре из-за направлений активной внешней политики — южном, которое предлагали советники царя, или западном, на котором настаивал сам царь в конце 50-х гг. Подробнее см.: Хорошкевич А. Л. Опричнина и «централизация» в советской историографии 20-х — середины 50-х гг. // История СССР. 1991. № 6.
- ⁷ В теоретическом плане на роль субъективного фактора в международных отношениях обратил внимание Н. А. Косолапов (Косолапов Н. А. Социальная психология и международные отношения. М., 1983. С. 40, 51, 76 и др.).
- ⁸ В этой связи понятна негативная реакция Б. Н. Флори на гипотезу Н. Ангерманна о роли внешнеполитических амбиций Ивана IV в причинах Ливонской войны (Флорья Б. Н. [Рец.] // Вопросы истории. 1974. № 9. Рец. на кн.: Angermann N. Studien zur Livlandpolitik Ivan Groznyjs. Marburg/Lahn, 1972. С. 199—202).
- ⁹ Лурье Я. С. Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV // Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 468—519; Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964; Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI — начала XVII вв. М., 1963.
- ¹⁰ Tibberg E. Russisch-litauische Beziehungen in der Mitte des XVI. Jahrhunderts. Stockholm, 1987.
- ¹¹ Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. М., 1982. С. 9, 12; Miller D. B. The Coronation of Ivan IV of Moscow // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 15. Hf. 4. 1967. S. 559—574.
- ¹² Наименования «Русь» и «Русия» по традиции оставались на печатях и в титуле царя.
- ¹³ Stöckl G. Testament und Siegel Ivans IV. Opladen, 1972. S. 25—31
- ¹⁴ ПСРЛ. Т. 13. М., 1965. С. 76.
- ¹⁵ Зимин А. А. Выпись о втором браке Василия III // ТОДРЛ. Т. 30. 1976. С. 132—148.
- ¹⁶ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1979 (далее — ПИГАК). С. 9.
- ¹⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 150.
- ¹⁸ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 280—284; ААЭ. Т. I. СПб., 1836. № 172. С. 150.
- ¹⁹ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 72, 298. Ср.: ПСРЛ. Т. 13. С. 456.

- ²⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 136; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 257.
- ²¹ Изображение, по Г. Алефу, заимствовано из Византии: от самих Палеологов или с окраин византийского и поствизантийского мира. См.: Alef G. The Adoption of the Muscovite Two-Headed Eagle: A Discordant View//Speculum. V. 41. 1966. P. 1—21; Hellmann M. Moskau und Byzanz//Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 17. Hf. 3. 1969. S. 337—338. Обзор литературы см.: Хорошкевич А. Л. Символы русской государственности. М., 1993. С.22—27.
- ²² Действительно, последний раз Русь платила дань в Большую Орду именно в 1502 г. Иван III и в 1504 г. не был уверен в том, что его сыновья останутся независимы от Орды (Духовные и договорные грамоты русских великих и удельных князей XIV—XVI вв. М., 1950. № 89. С. 362.)
- ²³ Последний эпизод разгрома Большой Орды хорошо описан польским хронистом Матвеем Меховским (Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М., 1936. С. 65—66).
- ²⁴ Сборник Русского исторического общества (далее — Сб. РИО). Т. 71. СПб., 1892. № 24. С. 678; ср. упоминания: там же. Т. 59. СПб., 1887. № 18. С. 268, 270, 271.
- ²⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 157.
- ²⁶ Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952. С. 288; Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978. С. 17.
- ²⁷ Сб. РИО. Т. 59. № 18. С. 274—284.
- ²⁸ Там же. С. 272.
- ²⁹ Устойчивого наименования этого органа управления в посольских делах нет. Наряду с русскими терминами «ближняя дума» (Сб. РИО. Т. 71. С. 103, 428), «царская дума» (С. 149), «государственная дума» (С. 192) часто встречаются и термины, выдающие иноязычное, прежде всего польское, влияние: «навысшая рада» (С. 74), «ближняя» (С. 78, 81), «его царская рада» (С. 111, 112, 120), «государская рада» и «большая ближняя рада» (С. 119).
- ³⁰ Российское законодательство X—XX веков: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. Т. 2. М., 1985. С. 264.
- ³¹ Сб. РИО. Т. 59. № 18. С. 269.
- ³² Там же. С. 287. Среди различных контраргументов, которые приводили бояре, была ссылка на пример Ягайлы, который после коронования был признан в новом качестве «государями нашими» (Там же. С. 288).
- ³³ Образец такой титулатуры имелся уже в списке Оболенского Никоновской летописи. В повествованиях о 1547 и 1552 гг. царь именовался «великим самодержцем», «самодержцем великия Росия» (ПСРЛ. Т. 13. С. 151, 177).
- ³⁴ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 347; ср.: Kleimola A. M. Kto kogo: Patterns of Duma Recruitment. 1547—1564//Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. Bd. 38. 1986. S. 208.
- ³⁵ Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. М., 1978. Вып. I. С. 74; Вып. II. С. 376—377.
- ³⁶ Сб. РИО. Т. 59. № 18. С. 291.
- ³⁷ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 319. Критика в адрес А. А. Зимина, с которой выступил А. Гробовский (Гробовский А. Иван Грозный и Сильвестр. История одного мифа. Огайо, 1987), представляется бесосновательной. Отрицая роль Сильвестра в государственной деятельности и его влияние на царя, А. Гробовский прошел мимо посольских дел, которые, на наш взгляд, проливают достаточный свет на политическую ориентацию Сильвестра и то идеологическое обоснование внешней политики, которое он давал.
- ³⁸ ПИГАК. С. 41.
- ³⁹ Сб. РИО. Т. 59. № 18. С. 297, 300.
- ⁴⁰ ПИГАК. С. 15, 16, 30, 32, 43, 46.
- ⁴¹ Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 года//Исторический архив. Т. 7. М., 1951. С. 296; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 325—327.
- ⁴² Сб. РИО. Т. 71. № 24. С. 679.
- ⁴³ ПИГАК. С. 24.
- ⁴⁴ Там же. С. 24, 39. Ср.: Бог «устроил мя (...) царя и пастыря, вожа и правителя» (ПСРЛ. Т. 13. С. 162).
- ⁴⁵ ПИГАК. С. 24, 37.
- ⁴⁶ Настроениям бояр соответствовали позиции части дворянства. Царственная книга сохранила сведения о нежелании новгородских детей боярских проделывать новый и трудный поход. В июле 1552 г. они ссылались на пребывание в Коломне уже с весны, участия в боях с крымским ханом, а посему «... многие безпоместные, а иные и поместны многие да не хотяху долготы пути нужного шествовати». Лишь обещание царя их «жаловати и под Казанию перекормити» заставило новгородцев участвовать в последнем победоносном походе на Казань (ПСРЛ. Т. 13. С. 488).
- ⁴⁷ Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 62; Ключевский В. О. Сочинения. Т. 2. С. 176—177. Характеристику Грозного, данную В. Д. Королюком, см.: Курмачева М. Д. Об оценке деятельности Ивана Грозного//Вопросы истории. 1956. № 9. С. 202.
- ⁴⁸ Janowski J. Mikolaj Czarny Rasziwiłł (1515—1565). Kanzlerz i marszałek ziemski Wielkiego księstwa Litewskiego, wojewoda wileński. Warszawa, 1939. S. 81.
- ⁴⁹ Герберштейн С. Указ. соч. С. 74—77, 23—25.
- ⁵⁰ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 317. М. Я. Морозов был женат на сестре И. Д. Бельского (Веселовский С. Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси//Исторические записки. Т. 22. 1947. С. 116).

- ⁵¹ Сб. РИО. Т. 59. № 19. С. 310, 311. Ср.: ПСРЛ. Т. 13. С. 157—158.
- ⁵² Сб. РИО. Т. 59. № 19. С. 313.
- ⁵³ Там же. С. 315. О ходе переговоров 24 сентября — 2 октября 1549 г. ср.: Вержбовский Ф. Материалы к истории Московского государства в XVI—XVII столетиях. Вып. V. Московские посольства в Польше. Ч. 1. 1510—1585. Варшава, 1903. С. 10—13; Книга посольская. Метрики Великого княжества Литовского. М., 1843. Ч. 1. № 33.
- ⁵⁴ Разрядные книги 1475—1598 гг. М.; Л., 1966. С. 109, 120—121 и др.
- ⁵⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 158, 159, 184.
- ⁵⁶ Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 196.
- ⁵⁷ Российское законодательство X—XX веков... Т. 2. С. 267.
- ⁵⁸ Судебники XV—XVI веков. М.; Л., 1952. С. 176.
- ⁵⁹ Сб. РИО. Т. 59. № 16. С. 244, 254, 255 (29 мая, 4 июля, 5 августа 1544 г.); № 18. С. 278, 284, 288, 291, 297, (27, 30 января, 2, 5 февраля 1549 г.).
- ⁶⁰ Там же. № 18. С. 298.
- ⁶¹ В данном случае автор присоединяется к мнению В. О. Ключевского, В. И. Сергеевича и М. Н. Покровского. Обзор мнений исследователей, сделанный Б. А. Романовым, см.: Судебники XV—XVI вв. С. 335—337.
- ⁶² ААЭ. Т. I. № 227.
- ⁶³ ПСРЛ. Т. 13. С. 444.
- ⁶⁴ Там же. С. 235.
- ⁶⁵ Сб. РИО. Т. 59. № 22. С. 349—350.
- ⁶⁶ Там же. С. 354.
- ⁶⁷ Там же. № 23. С. 359; Книга посольская... Ч. 1. № 27.
- ⁶⁸ Сб. РИО. Т. 59. № 23. С. 360.
- ⁶⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 228, 522.
- ⁷⁰ Сб. РИО. Т. 59. № 24. С. 362, 364.
- ⁷¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 155.
- ⁷² Там же. С. 158, 159, 163, 180—183, 186.
- ⁷³ Сб. РИО. Т. 59. № 24. С. 365—367.
- ⁷⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 233. Сообщение помещено с некоторым хронологическим опозданием.
- ⁷⁵ Сб. РИО. Т. 59. № 24. С. 367—368.
- ⁷⁶ ПИГАК. С. 21.
- ⁷⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 333.
- ⁷⁸ Сб. РИО. Т. 59. № 25. С. 371.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ Там же. С. 370—372.
- ⁸¹ Lachowicz S. A. Listy oryginalne Zigmunta Augusta do Mikołaja Radziwiłła Czarnego. Wilno, 1842. S. 37; Szujski J. Dyariusze sejmów koronnych 1548, 1553 i 1570 r.//Scriptores rerum polonicarum. T. I. Kraków, 1872. S. 63—77; Копреева Т. Н. Обзор польских рукописей Государственной публичной библиотеки (Собрание П. П. Дубровского)//Труды ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Т. 5. Вып. 8. 1958. С. 154—156; Pelenski J. Muskovite Russia and Poland-Lithuania. P. I. 1450—1600//State and Society in Europe from the Fifteenth to the Eighteenth Centuries/Ed. by J. Pelenski. Warsaw, 1985. P. 118. Благодарю проф. А. Поппэ, указавшего мне последнюю из названных работ.
- ⁸² Сб. РИО. Т. 59. № 25. С. 372—376. О деятельности Н. Ю. Радзивилла см.: Lulewicz N. Mikołaj Radziwiłł Rudy//Polski słownik biograficzny. Т. 30. S. 322.
- ⁸³ Согласно Никоновской летописи, Н. Суццев вернулся в Москву 28 марта (ПСРЛ. Т. 13. С. 233). Представляется, что дата Никоновской летописи заведомо искаженная. Передвижение от Минска до Москвы в течение полутора месяцев (грамота, привезенная Н. Суцевым, датирована 12 февраля) крайне маловероятно. Легче было бы допустить, что вместо 28 февраля под пером искушенного в тонкостях политической жизни столицы автора Никоновской летописи ошибочно возникло 28 марта. Обращает на себя внимание, что лишь небольшая часть событий 7061 (т. е. 1552/53) г. имеет в Никоновской летописи точную, до дня и месяца, дату: 4 сентября — взрыв подкопа под казанской стеной, 6 сентября — отправка отряда на Арскую сторону, 30 сентября — взрыв тайника у Арских ворот, 1 октября — артиллерийский обстрел Казани, 4 октября — заложение Благовещенской церкви в Казани, 6 октября — освящение этой церкви, 10 октября — посольство арских людей, 11 октября — приговор царя с братом и «с всеми боярами» о возвращении в Москву, 8 ноября — пир в Грановитой палате, 20 декабря — сообщение о восстании луговых людей, 25 декабря — извещение князя А. ђ. Горбатого о расправе над восставшими, 8 января — крещение Утемиш-Гирея, 26 февраля — крещение казанского хана Едигер-Махмеда, 10 и 24 марта — новые сообщения о восстании луговых и арских людей, 28 марта — о возвращении Н. Суцева, 24 и 29 июня — об отпуске крымского и отправке русского посла в Крым, 6 июля — о крымском походе на южную границу (Там же. С. 210—233). Таким образом, все точные даты связаны либо с казанским походом, либо с внешними сношениями. Казалось бы, дата возвращения Н. Суцева из Литвы, приведенная в Никоновской летописи, не должна расходиться с датой Посольской книги, откуда она, скорее всего, и могла быть заимствована. Что это — простая ошибка или уммышленное искажение — сказать трудно.
- ⁸⁴ Сб. РИО. Т. 59. № 22. С. 348—350.
- ⁸⁵ Там же. № 26. С. 378.
- ⁸⁶ Клосс Б. М. Указ. соч. С. 252.

⁸⁷ R ü s s H. Adel und Nachfolgefrage im Jahre 1553: Betrachtungen zur Glaubwürdigkeit einer umstrittenen Quelle//Essays in Honor of A. A. Zimin. S. 355, 359.

⁸⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 524.

⁸⁹ Там же. С. 523—526.

⁹⁰ Уже в 1564 г. Иван IV «оставил свое государство и поехал, где вселиться, идеже его, государя, Бог наставит» (Там же. С. 392).

⁹¹ Разрядные книги 1475—1598 гг. С. 125 (1550 г.).

⁹² ПСРЛ. Т. 13. С. 392.

⁹³ Там же. С. 526. Если верить приписке к Царственной книге, то крестоцеловальная запись Владимира Андреевича должна была быть написана 2 марта, однако в ее тексте, сохранившемся до нашего времени, стоит другая дата — 12 марта (Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1. М., 1813. № 167. С. 460—461). Какая из этих дат более точна — дата, указанная в приписке 70-х гг., или дата подлинной крестоцеловальной записи? Вероятно, последняя. А это ставит под вопрос и другую дату — 1 марта как начало болезни царя и длительность болезни царя и «мятежа».

⁹⁴ R ü s s H. Op. cit. S. 363.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 215, 219—220, 224—225.

⁹⁶ Там же. С. 524.

⁹⁷ Там же. С. 524—525; Казанская история. М.; Л., 1954. С. 3, 116, 125; Дубровина Л. А. История о Казанском царстве. Киев, 1989. С. 5.

⁹⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 526.

⁹⁹ См. подробнее: З и м и н А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 410—414.

¹⁰⁰ Сб. РИО. Т. 59. № 25. С. 377.

Имя Владимира Яковлевича Лаверычева (1924—1993) на поприще исторической науки связано прежде всего с исследованиями в области государственно-монополистического капитализма в России. Он автор целого ряда монографий по истории российской буржуазии и пролетариата.

Профессор Московского университета, заведующий сектором капитализма Института истории СССР АН СССР, член редколлегии журнала «История СССР», руководитель ряда коллективных исследований — такова канва его пути в исторической науке, которой он был предан до последних своих дней. Свидетельство тому и публикуемая ниже статья.

© 1994 г. В. Я. ЛАВЕРЫЧЕВ

«БЕСЕДА» И ТЕНДЕНЦИИ К КОНСОЛИДАЦИИ КОНСЕРВАТИВНЫХ СИЛ В РОССИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

История кружка «Беседа» не раз привлекала пристальное внимание отечественных историков. Деятельность этой весьма аморфной организации изучалась по преимуществу под углом зрения кристаллизации идейно-политических позиций буржуазно-помещичьего либерализма¹. Значительно слабее освещались связи некоторых участников кружка с консервативно настроенными общественными деятелями и с правящими сферами, хотя нет необходимости доказывать важность такого подхода к освещению проблемы².

Еще в мае 1896 г. П. С. Шереметев во время коронации Николая II в Москве при встрече с Ф. Л. Головиным «горячо говорил о необходимости сплочения оппозиционных общественных элементов, о борьбе земского начала с бюрократическим, о ничтожности личности государя». По мнению Головина, разговор шел о приглашении в состав тайного общества, через несколько лет оформившегося под названием «Беседа»³. Этим предыстория «Беседы», однако, не ограничивалась. Для понимания ее важно напомнить и о попытках некоторых земств при вступлении на престол Николая II представить на высочайшее имя адреса с «домогательствами о предоставлении представителям всех сословий участия в общегосударственном управлении». Такой адрес, в частности, 8 декабря 1894 г. был принят известным своими либеральными традициями тверским земским собранием. В Министерстве внутренних дел усмотрели в нем тенденции «к ограничению самодержавной власти». Поэтому естественно, что в ответ последовали репрессивные акции по отношению к «зачинщикам», одобренные молодым императором, который «начертал» на всеподданнейшем докладе Дурново: «Я чрезвычайно удивлен и недоволен этой неуместною выходкою 35 гласных Губ. зем. собрания»⁴.

Получив столь недвусмысленный ответ, представители либеральных земских кругов несколько изменили тактику; по существу отказавшись даже от тех скромных политических ходатайств, которые содержались в первых адресах на имя Николая II. Они стали добиваться теперь созыва общероссийского совещания представителей земских управ, указывая на необходимость координации их повседневной практической деятельности. В частности, в адресе орловских гласных определенно указывалось, что такое совещание необходимо в интересах «усиления способов непосредственного удовлетворения многочисленных нужд земской жизни»⁵. Эти просьбы не встретили положительного отклика. Тогда в мае 1896 г. в Москве председатели ряда губернских земских управ пришли к соглашению о частной встрече в Нижнем Новгороде во

время Всероссийской торгово-промышленной выставки. Собрание 18 председателей губернских земских управ состоялось 8—11 августа. Все участники встречи высказывались за периодические совещания, для подготовки которых было избрано бюро, конституировавшееся при Московской губернской земской управе, в составе В. П. Маркова (Петербургская губ.), Н. А. Рачинского (Смоленская), С. А. Хвостова (Орловская), В. В. Хвоцинского (Нижегородская) и Д. Н. Шипова (Московская). На ближайшее совещание было решено вынести ряд сугубо практических вопросов (о продолжении ссудных операций Государственного банка под хлеб, о сохранении и расширении его соло-вексельного кредита, об однообразных формах отчетности и счетоводства в земских учреждениях и пр.)⁶.

Однако предложенная на Нижегородском совещании земских деятелей организация совещаний съездов не была разрешена министром внутренних дел, как «нарушающая строй нашего государственного порядка и не соответствующая основной задаче земских учреждений ведать только местные дела губерний и уезда»⁷.

Тем не менее избранное на Нижегородском совещании бюро собралось в конце сентября в Москве на квартире Шипова, где рассматривалась повестка дня очередного совещания, намеченного на апрель 1897 г. в Петербурге. Сведения об этой деятельности вызвали запрос министра внутренних дел к московскому губернатору, который в ответном донесении воспроизвел объяснения председателя Московской губернской земской управы. В них утверждалось, что бюро имеет частный характер, что его не предполагалось делать каким-либо постоянным даже полуофициальным учреждением, что указание об организации бюро при Московской губернской земской управе является технической ошибкой, вкравшейся в журнал Совещания, что было определено лишь собрать членов бюро в Москве, но якобы независимо от управы. В объяснениях далее весьма последовательно проводилась мысль о крайней необходимости регулярных совещаний для «собеседований» руководителей губернских управ по различным вопросам жизнедеятельности земств. В заключение подчеркивалось: «Как происходившие в Нижнем Новгороде, так и предположенные в будущем совещания могут иметь, несомненно, характер лишь исключительно частных бесед и обмена мыслей».

Подобные наивные объяснения могли лишь насторожить чинов Министерства внутренних дел, которые, опасаясь консолидации земско-либеральных сил, постарались, чтобы регулярные «беседы» земских деятелей даже по самым невинным вопросам все же не проводились. Поэтому, видимо, в 1897—1899 гг. в земских кругах особенно интенсивно начал обсуждаться вопрос об издании периодического печатного земского органа. Заглавная роль в этом деле также принадлежала Московскому губернскому земскому собранию и губернской управе. Однако всем подобным ходатайствам Министерство внутренних дел дало решительный отвод. И. Л. Горемыкин 23 июня 1899 г. «не признал возможным разрешить издание в Москве упомянутого органа». Он заявил, что «потребность земства в периодическом органе печати предполагается удовлетворить путем издания с 1 января 1900 г. официального органа при Хозяйственном департаменте вверенного мне Министерства»⁸.

Естественно, что подобное решение никак не могло удовлетворить земских деятелей, ибо их привлекала возможность координации действий и организующих акций через собственный печатный орган, с помощью которого они могли обмениваться мнениями, делиться практическим опытом и пр. Потребность в таких «беседах» к 1899 г. усилилась в связи с нарастанием либерально-оппозиционных настроений. Это и побудило земских деятелей перейти с 17 ноября 1899 г.⁹, т. е. вскоре после отказа Горемыкина разрешить земское издание, к регулярным (конспиративным, по существу) беседам, все более приобретающим политическую окраску. Встречи эти оформились в виде создания «Беседы».

В известной степени о корнях и происхождении этого термина говорилось уже выше, когда отмечалось стремление видных земцев подчеркивать значение их совещаний для бесед по интересующим их вопросам. Не исключено, что закреплению этого термина способствовала и сложившаяся к этому времени практика, ибо наименование «беседа» было принято для частных совещаний губернских предводителей дворянства, достаточно регулярные встречи которых не вызывали возражений в правящих верхах. На одном из таких совещаний новгородский предводитель дворянства Б. А. Васильчиков 26 ноября 1899 г. отмечал, что мысль об ежегодных съездах губернских предводителей дворянства в Москве появилась пять лет назад, т. е. еще в 1894 г., что такие съезды, на которых обсуждались мероприятия по упрочению положения поместного дворянства, под председательством предводителя дворянства Московской губернии П. Н. Трубецкого собирались с 1896 г.¹⁰ Уже в 1898 г. совещания губернских предводителей дворянства получили наименование «бесед». Важно отметить и то, что среди собеседников-дворян были и будущие активные участники кружка «Беседа» (А. М. Стахович)¹¹. Определение «беседа», аналогичное наименованию совещаний губернских предводителей дворянства, хотя и нелегализованного и действовавшего не очень интенсивно, как бы морально оправдывало организаторов официально не разрешенных совещаний представителей буржуазно-помещичьей общественности.

Тот факт, что среди участников кружка «Беседа» преобладали крупные помещики, неоднократно отмечался в исторической литературе. Указывалось также, что среди них были по преимуществу как губернские и уездные предводители дворянства, так и председатели земских управ¹². Однако, на наш взгляд, несколько недооценивается регулярное участие в «Беседе» представителей аристократических семейств, располагавших колоссальными состояниями и пользовавшихся влиянием при царском дворе. Сиятельных фрондеров в полной мере устраивала та цель кружка, которая была сформулирована на первом его заседании: «Пробуждение общественной деятельности, общественного мнения, столь в России слабого и искусственно подавленного, чтобы оно было более авторитетным для Петербурга. Способ достижения этой цели должен заключаться в том, чтобы действовать через земские и дворянские собрания, а также путем печатного и живого слова, после того, как обменявшись мыслями, придут к определенным выводам... Общий лозунг — сочувствие земству и борьба с произволом бюрократии»¹³. Следовательно, задача кружка состояла в некоторой реконструкции существующего строя. Много лет спустя секретарь кружка В. А. Маклаков признавал, что участники его «были связаны с правящим классом, и свои помыслы, естественно, направляли не на свержение, а на оздоровление власти. Они старались проводить свои реформы, опираясь на самодержавную власть, а не стремясь ее ослабить и опрокинуть»¹⁴.

Такая линия в полной мере соответствовала настроениям некоторых авторитетных дальновидных представителей господствующего класса, интуитивно ощущавших невозможность сохранения всех старых порядков в неприкосновенности. В конце XIX в. в связи с нараставшим революционным движением, оживлением оппозиционных настроений в обществе вопросы эти все более тревожили представителей видных аристократических семейств, жизнь, судьба и процветание которых была неразрывно связаны с сохранением российского самодержавия.

Особенно выделяются при этом два упомянутых выше клана, связанных между собой родственными узами. Один из них возглавлял С. Д. Шереметев, имевший в конце XIX в. 151 тыс. дес. земли в 26 имениях, расположенных в 22 губерниях, получавший огромные доходы от ценных бумаг и домов в столице. Общий годовой доход его достигал в начале XX в. суммы в 1 млн руб.¹⁵ Эти огромные доходы являлись основным источником средств не только самого Шереметева и его жены, Е. П. Шереметевой, но и сыновей Дмитрия, Павла,

Бориса, Петра и Сергея Сергеевичей, а также дочерей Анны Сабуровой и Марии Гудович. «Смелянская» ветвь графов Бобринских (Алексей, Андрей и Георгий Александровичи) владела 72 тыс. дес. земли, крупными сахарными и винокурными заводами и значительным пакетом ценных бумаг. Большими материальными средствами располагала и «тульская ветвь» Бобринских¹⁶. Независимо от официального положения, чинов и придворных званий представители того и другого кланов находились в непосредственной близости к царской семье. Они имели возможность оказывать определенное влияние на формирование политики самодержавия и неофициальным путем. Показательно, в частности, что дети С. Д. Шереметева «с детства были товарищами по играм, препровождению времени с наследником» — будущим царем Николаем II¹⁷.

Представители этих аристократических семейств не только не чурались вопросов большой политики, но и всячески стремились активно внести свой вклад в дело укрепления самодержавного строя. Так, в тревожные для правящих верхов дни после смерти Александра II между С. Д. Шереметевым и К. П. Победоносцевым происходил оживленный обмен письмами, в которых решительно осуждались даже те умеренно-конституционные проекты, которые в это время появлялись в буржуазно-помещичьем обществе, отвергались попытки каких-либо реформ¹⁸. Однако после торжества реакции у Шереметева наблюдалось известное «полевение». Он обнаруживает определенную тенденцию к отходу от политических кругов, вдохновлявшихся Победоносцевым.

Определенную роль при этом сыграл и голод 1891—1892 гг., вызвавший большую тревогу в правящих верхах. В письме С. Д. Шереметева к И. М. Воронцову, дочь которого стала вскоре женой его младшего сына, летом 1892 г. утверждалось: «Неужели в борьбе с неурожаем и голодом возможно успокоиться на одной благотворительности? Положение серьезно и нужно подумать. Мы видим, какими путями действуют люди беспорядка и анархии, чтобы при каждом удобном случае действовать на массы и приучать их к вооруженному протесту против представителей власти... Голод самая благодатная почва для всяких смут и это не ново. Благосостояние крестьянского населения есть основа порядка и священная забота правительства, но возможно ли оно при существующих условиях их быта при общинном землевладении? Вопрос этот сложный и очень важный и после освобождения крестьян едва ли это не самый существенный вопрос, стоящий на очереди. Трудно и нежелательно решать его без подготовки, но выдвинуть для разработки было бы настоятельно и своевременно. Полумеры не достигают цели, а время не ждет»¹⁹.

С. Д. Шереметев и его высокопоставленные единомышленники смогли, видимо, постепенно соответствующим образом подготовить Николая II. Когда во всеподданнейшем отчете за 1898 г. петербургский губернатор совершенно определенно высказался в этом духе, царь уже был подготовлен к восприятию новых идей. Губернатор заявил: «Вполне отдавая себе отчет в немаловажных затруднениях, могущих представиться на пути перехода от одной системы владения землею к другой, я тем не менее полагаю, что бережливости, трудолюбия и любви к своему хозяйству, а вместе с тем и уважения к чужой собственности, можно ожидать только от полного собственника, умеющего ценить как свой, так и чужой разумный труд, и что истинный прогресс в крестьянском хозяйстве наступит только с момента отказа правительства от общинной системы владения землей». По поводу этих утверждений Николай II высказался кратко, но вполне определенно: «Я так же думаю»²⁰.

Сам С. Д. Шереметев имел возможность воздействия на царя не только через своих ближайших друзей (Д. С. Сипягина в первую очередь, который, будучи министром внутренних дел, регулярно удостоивался чести быть приглашенным на семейные завтраки и обеды к Николаю II), но и непосредственно,

во время частных бесед²¹. Любопытные сведения содержатся в черновом варианте статьи С. Д. Шереметева по поводу смерти Д. С. Сипягина. Рассказывая о событиях, связанных с назначением того товарищем министра внутренних дел, он писал: «Живо помню тот день, когда я, проходя через уборную государя к закуске, был им остановлен со словами: „Как я рад новому назначению!“ Это относилось до Сипягина, а когда я высказал свою радость, он добавил: „Тем более, что он там и останется“. Эти слова ясно указывали на дальнейший путь и я был одним из тех, кто слышал эти слова Александра III,—относительно Сипягина — и я был не один». Однако Николаю II по его собственному выражению «подсунули» И. Л. Горемыкина. «Это было делом Победоносцева и отчасти Муравьева, подготовившего на случай Горемыкина и временно с ним примирившегося»²². Сипягин стал министром внутренних дел позже, но его карьера неожиданно для его единомышленников оборвалась.

Тем не менее он успел оказать немаловажные услуги своим друзьям. В частности, по его представлению Николай II горячо одобрил идею создания «Общества ревнителей русского исторического просвещения», инициаторами создания которого были С. Д. Шереметев и граф А. А. Голенищев-Кутузов, поэт по призванию и управляющий Дворянским и Крестьянским банками по служебному положению. При утверждении устава этого общества последний российский самодержец проявил несвойственную ему эмоциональность, написав: «Дай Бог успеха этому святому делу, которому я буду сочувствовать всей своей душой»²³. На обеды к Д. С. Сипягину, где присутствовал царь, приглашались Шереметевы²⁴. В переписке Сипягина с Шереметевым обсуждались злободневные вопросы повседневной действительности. Сипягин сообщал, в частности, С. Д. Шереметеву 28 января 1902 г.: «Ты пишешь, что мы переживаем тяжелое время,— да, это правда! Но тем более мы обязаны жить, действовать и стараться его сделать менее тяжелым,— это наша священная обязанность, и уходить от дела теперь — это равносильно побегу с поля битвы»²⁵.

С. Д. Шереметев пользовался большим уважением вдовствующей императрицы Марии Федоровны²⁶, являясь ее постоянным собеседником и корреспондентом. Не исключено, что назначение П. Д. Святополк-Мирского министром внутренних дел (Мария Федоровна горячо рекомендовала эту кандидатуру своему сыну) готовилось не без участия С. Д. Шереметева и всего аристократического кружка Шереметевых — Бобринских²⁷.

В конце XIX в. в господствующих верхах среди убежденных сторонников незыблемости самодержавного строя оформлялись различные течения, выступавшие за его реформирование при сохранении и укреплении его коренных основ, против чиновничьего бюрократизма, якобы умалявшего власть и права самодержца. Об этом свидетельствует и заявление известного в свое время консервативного журналиста А. А. Пороховщикова, издававшего верноподданнический орган «Русская жизнь», который министр внутренних дел закрыл без объявления мотивов. В связи с этим в письме к А. А. Бобринскому от 7 марта 1895 г. Пороховщиков сетовал на произвол царских чиновников (С. Ю. Витте, в частности), задержавших также изданную им в Берлине брошюру, рассылавшуюся высокопоставленным лицам в Петербурге²⁸. По всей видимости, идеи противодействия чиновничьему всевластию при поддержке широких слоев народа получили известный положительный отклик в правительственных и придворных кругах. В начале 1901 г. в письме к Д. С. Сипягину Пороховщиков сообщал о том, что «Русская жизнь» могла бы многое сделать в интересах правительства, включая публикацию писем Иоанна Кронштадтского и священника Петрова. При этом свою цель он видел не в том, чтобы «словом-проповедью остановить толпу русскую, студентами руководимую», полагая, что «тут, конечно, одна физическая сила остановить может». Однако публицист все же признавал возможным «разредить толпу»²⁹. Этим он и пытался

заниматься, стремясь «укреплять» верноподданнические взгляды и религиозно-нравственные чувства у читателей своей газеты.

При поддержке различных влиятельных покровителей Пороховщиков удостоился даже личного внимания царя. Известный придворный авантюрист кн. М. М. Андроников 11 апреля 1904 г. сообщал С. Ф. Шарапову: «Здесь А. А. Пороховщиков. Он часто посылает свои записки Государю, которые читаются. Сегодня, кажется, его даже принимают»³⁰.

Аналогичные записки на имя царя и членов императорской фамилии представлял С. Ф. Шарапов, старый сотрудник И. С. Аксакова по изданию «Руси», претендовавший на роль одного из теоретиков неославянофильства, хотя и изживший к этому времени остатки умеренного либерализма в своих взглядах. Свои взгляды на необходимость обеспечения устоев самодержавия он излагал в ряде пространных докладов и в брошюре «Самодержавие и самоуправление», опубликованной сначала в Берлине, а затем и в России. Труды эти привлекли внимание при дворе и Шарапов был даже удостоен аудиенции у царя³¹.

В своей брошюре, ссылаясь на авторитет И. С. Аксакова, объявленного им своим соавтором, Шарапов доказывал, что в целях укрепления самодержавия необходимо покончить со всевластием чиновной бюрократии, которая есть причина всех бед и зол в жизни страны. Выход из положения он усматривал в осуществлении под надзором верховной власти местного земского самоуправления и в обеспечении свободы слова и печати, хотя и в весьма ограниченных пределах. В заключении утверждалось: «Остается одно: правильный земский строй, уже спасший Россию в 1612 году и блистательно возродивший ее государственность. Этот земский строй не может сложиться иначе, как в форме крупных самоуправляемых областей, связанных воедино самодержавием»³².

По всей видимости, идея развития земского самоуправления под контролем правительственных органов получила определенную поддержку и в официальных кругах. Под этим углом зрения можно рассматривать и решение об использовании земств в качестве местных органов Министерства земледелия и государственных имуществ, а также и проекты И. Л. Горемыкина ввести земские учреждения на окраинах. Против более широкого использования земства, как известно, выступили не только крайние реакционеры, но и министр финансов С. Ю. Витте. По его мнению, в одной из записок Горемыкин при обосновании предлагаемого проекта утверждал, что начала самоуправления, издавна существовавшие якобы в России, не имели и не могут иметь политического характера, а поэтому не связаны с каким-либо посягательством на устои самодержавия и попытками введения конституционного строя³³. Витте, с одной стороны, упрекал Министерство внутренних дел в противодействии и ограничении деятельности земств, а с другой — отвергал предлагаемую ведомством идею развития и расширения земского самоуправления, противопоставляя им какой-то третий путь сугубо административных реформ, предполагая привлечь на сторону самодержавия известную часть либерального общества³⁴.

Эта линия определенными кругами продолжалась и при подготовке общественных проектов расширения земского самоуправления. Она отчетливо проявилась и в только что возникшем кружке «Беседа». Уже на втором его заседании 4 января 1900 г. сын С. Д. Шереметева, Павел, сообщил, что ему удалось приобрести за сто рублей секретную записку С. Ю. Витте, вскоре она была опубликована за границей под названием «Самодержавие и земство». На последующих заседаниях кружка в 1900—1902 гг. П. С. Шереметев упорно проводил «славянофильскую» линию на сохранение самодержавия при создании общегосударственного земского совещательного представительства. Интенсивно обсуждавшийся в «Беседе» вопрос об издании периодического органа он также предлагал решать в соответствующем духе, т. е. создать чисто земский печатный орган. Когда же в кружке верх взяли иные силы,

то при обсуждении программных статей готовящегося «Освобождения» Шереметев в мае 1902 г. твердо выступил против конституционных устремлений, полагая, что создание «правового порядка» возможно и при самодержавии. По мере усиления в «Беседе» роли сравнительно радикальных элементов, он выступает более категорично и в январе 1903 г. даже заявляет о возможности своего выхода из кружка, так как, по его мнению, «Беседа» сбивается со своего пути. Позицию П. С. Шереметева активно поддерживал М. А. Стахович. На заседаниях кружка присутствовали также представители обеих ветвей Бобринских (А. А. Бобринский и В. А. Бобринский)³⁵.

Бурное обсуждение в рамках «Беседы» вопросов программы и тактики оппозиционной борьбы в какой-то степени способствовало идейному и организационному оформлению российского либерализма. Но с другой стороны, активное противодействие умеренной части кружка сколько-нибудь реальным оппозиционным самодержавию акциям не могло не сбивать темпа организационного оформления либерального движения как самостоятельной и реальной политической силы, способной к плодотворной общественной и государственной деятельности. Объективно умеренные выступления П. С. Шереметева и его сторонников больше притормаживали процесс либерализации российского общества, задерживая неустойчивые и нерешительные элементы в сфере воздействия проправительственных сил, правого политического лагеря. Они, с другой стороны, свидетельствуют о недостаточно четко определившемся до революции 1905—1907 гг. разграничении между буржуазно-либеральным и правым, правительственным лагерем.

Влияние представителей консервативного направления сохранялось и по отношению к более радикальным элементам, склонным общественную деятельность Шереметева оценивать весьма высоко. В этом отношении показательна речь будущего лидера кадетов Ф. Ф. Кокошкина в январе 1902 г. на обеде звенигородского дворянства по случаю избрания П. С. Шереметева уездным предводителем на второе трехлетие: «Три года назад мы надеялись на Вас; теперь мы знаем Вас, мы знаем прежде всего, какое возвышенное представление имеее Вы о русском дворянстве, о его исторической роли и современном значении. Мы знаем, что сохранение поместного дворянства Вы считаете необходимым условием правильного развития русской государственной и общественной жизни. Но нам известно, также, что Вы не ограничиваете задачи дворянства одним самосохранением, что Вы ставите еще более широкую цель — радение и представительство о нуждах всего народа. Ибо в этом — смысл и оправдание всякого привилегированного положения, всякой аристократии»³⁶.

Учитывая активность П. С. Шереметева в сфере общественной деятельности, и в том числе в кружке «Беседа», важно выяснить, в какой степени он действовал самостоятельно, сам по себе, или же являлся своеобразным полномочным представителем группы высокопоставленных и авторитетных лиц, встревоженных обострением внутреннего положения в стране.

Выше уже упоминалось о том, что отец П. С. Шереметева был далеко не безразличен к этим вопросам. Это касалось и его ближайших друзей, занимавших ключевые позиции в аппарате государственного управления. Трудно представить, чтобы столь смелая для представителя высшей аристократии акция (участие в нелегальной организации оппозиционного характера) была предпринята только по собственной воле. Сам этот факт, на наш взгляд, нельзя оценивать лишь как проявление известной отчужденности «во взаимоотношениях власти и ее союзника дворянства»³⁷. Объяснение связано с более сложными процессами. Он связан с известным фрондерством, т. е. с попытками влиятельных аристократических кругов предпринять некоторые шаги по модернизации самодержавного строя, одновременно придав им более демонстративный, формальный характер.

В связи с этим нельзя не обратить внимания и на то обстоятельство,

что одновременно с кружком «Беседа» в Петербурге постепенно приобретал политическую окраску другой, сравнительно малочисленный кружок. Еще на рубеже 70—80-х гг. XIX в. братья Н. П. и А. П. Барсуковы в своей квартире регулярно проводили встречи своих верноподданнически настроенных единомышленников, на которых велись беседы на различные религиозные и морально-этические темы. С самого начала наиболее видными участниками кружка были П. П. Вяземский, его зять С. Д. Шереметев, Д. Н. Майков, А. Ф. Бычков, Д. Ф. Кобеко и др.³⁸ По свидетельству самого Н. П. Барсукова, постоянным гостем в их доме бывал государственный контролер Т. И. Филиппов, а переписка его брата показывает, что внимание им уделял и К. П. Победоносцев³⁹. Как писал участник встреч Д. Н. Корсаков, «предметом бесед главным образом были вопросы из области „прошлой“ духовной жизни России, причем оживленно рассказывали случаи и анекдоты из мира книжного и обихода ученой братии; современных вопросов, общественных и политических, касались мало, но не обходили совершенно». В конце 1890-х гг. «барсуковские» беседы все больше политизировались⁴⁰.

Участники кружка регулярно, приблизительно один раз в месяц, собирались в большой комнате, украшенной изобразительными патриархов, митрополитов, архимандритов и прочих священнослужителей, получившей поэтому наименование «Патриаршей палаты». Участники же встреч себя частенько именовали «иноками» или «братией» этой палаты. Роль секретарей, приглашавших на встречи и трапезы выполняли А. П. и Н. П. Барсуковы, тесно связанные (в том числе и регулярной перепиской) с С. Д. Шереметевым⁴¹.

По всей видимости, традиционные трапезы, карточные сражения и даже моления не препятствовали серьезным беседам. Так, 14 февраля 1900 г. «братия Патриаршей палаты» чествовала товарища министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского. Среди присутствовавших были С. Б. Шереметев (член Государственного совета), С. С. Шереметев, А. П. Струков (губернский предводитель Екатеринославского дворянства), граф В. В. Мусин-Пушкин (управляющий Дворянским и Крестьянским банками), князь Н. В. Шаховской (начальник Главного управления по делам печати), князь И. А. Нахашидзе и Барсуковы. На следующих собеседованиях «братии» наряду с мужской частью семейства Шереметевых, графом А. В. Гудовичем, гофмейстером П. Д. Ахлестышевым, князем М. Е. Путятиним и сенатором Свербеевым бывали и женщины: графиня Е. П. Шереметева (урожденная кн. Вяземская), княгиня Святополк-Мирская (урожденная гр. Бобринская, племянница графини А. А. Шереметевой), графиня И. И. Шереметева (урожденная Воронцова-Дашкова), графиня М. С. Гудович (урожденная Шереметева), А. П. Сипягина, Н. Д. Ден (сестра Святополк-Мирского). Регулярно появлялся здесь и Павел С. Шереметев, а 28 декабря 1901 г. он даже совместно с А. А. Бобринским рассказывал о путешествии на Белое озеро. Постепенно круг участников встреч расширялся. На них побывали и некоторые деятели культуры (художники Н. П. Богданов-Бельский и И. З. Панов). С начала XX в. регулярным посетителем становится издатель «Московских ведомостей» В. А. Грингмут⁴².

Стабильный состав регулярно приглашаемых в «Патриаршую палату» дает основание предположить, что в квартире Барсуковых оформлялся своеобразный политический клуб. Здесь, участвуя в исполнении религиозных обрядов и в трапезах, проводя время за карточным столом, представители известных аристократических семейств получали возможность непринужденно общаться и беседовать не только между собой, но и с нужными людьми иного круга, минуя сковывающие их в других местах нормы придворного и сословного этикета. Естественно, что никаких протоколов собеседований не велось. О содержании их можно догадываться лишь по отдельным высказываниям, содержащимся в переписке.

В частности, А. П. Барсуков писал 20 апреля 1899 г. П. Д. Святополк-Мирскому после одной из очередных встреч: «Университетский кошмар про-

должает гнести всех. Так называемое „сообщение“ не только не успокоило, напротив того, решительно смутило всех друзей порядка крайнею бестолковостью и бездарностью. С тягостным чувством наблюдается, что вообще утратилась государственная точка зрения, что утрачено дерзновение говорить властно»⁴³. Все большую роль в этом маленьком политическом клубе начинали играть новые люди, ориентированные на политическую деятельность. В. А. Грингмут имел довольно регулярные отношения (визиты, поздравления и пр.) с Н. П. Барсуковым. С ним переписывался и Л. А. Тихомиров, становившийся в это время главным теоретиком правых сил по рабочему вопросу. 30 января 1903 г. он писал Н. П. Барсукову по поводу церковного управления в России: «Я очень рад, что моя брошюра вызвала Ваше сочувственное внимание. Это, к сожалению, весьма запущенная у нас болезнь, так что у нас уже и не думают об ее лечении. Между тем в ней источник слабости церковного воздействия на народный дух. Отсюда большие опасности для государства. Прежде это не так угрожало, ибо народ по невежественности ничего не замечал и не рассуждал. Теперь иное время. Нужно быть на высоте своих идеалов и своей правды, если мы не хотим дожидаться, чтобы народ стал искать правду там, где слово не расходится с делом»⁴⁴.

«Братия Патриаршей палаты» с восторгом встретили назначение Сипягина министром внутренних дел вопреки мнению К. П. Победоносцева, который, видимо, опасался закрепления на этом ответственном посту человека, имевшего поддержку влиятельных аристократических кланов и лично хорошо известного императору. Удовлетворение по поводу неудачи коварных происков обер-прокурора Святейшего синода было выражено в письме Н. П. Барсукова П. Д. Святополк-Мирскому 19 ноября 1899 г.⁴⁵ Не менее горячо организаторы встреч приветствовали самого Святополк-Мирского в связи с его назначением на должность министра внутренних дел через несколько лет⁴⁶. С. Д. Шереметев в ответ на поздравления Н. П. Барсукова в связи с этим событием заявлял: «Под историческою минутою, Вы, очевидно, разумеете то, о чем вчера 27 августа узнала вся Россия. Назначение князя Мирского есть поворот к старине, когда Государи наши назначали в министры людей, известных им с детства»⁴⁷.

Своими переживаниями Святополк-Мирский в период, когда решался вопрос о его назначении (после аудиенции у Николая II), делился с тетей своей жены А. А. Шереметевой: «Принят я был,— писал он 19 августа 1904 г.— удивительно милостиво. Беседа продолжалась очень долго. Курили папиросы, беседовали о разных серьезных вопросах, но никакого предложения сделано не было. И я до сих пор не могу решить — передумали ли, отложили ли, или никогда не думали об этом. Последнее довольно трудно предположить, принимая во внимание разговор с М[арией] Ф[едоровной]»⁴⁸. Что касается роли «барсуковского» кружка, то обращает на себя внимание и такой факт: незначительные по своему положению личности, какими являлись Барсуковы, приглашались «обедать» в дом Святополк-Мирского, когда он стал министром⁴⁹.

Участие в этом узком сравнительно кружке издателя «Московских ведомостей» В. А. Грингмута дает основание предположить, что политическое направление этой газеты в первые годы XX в. соответствовало взглядам его основных представителей. Некоторые настойчиво проводившиеся в газете Грингмута положения как бы перекликались, в частности, с интенсивной деятельностью П. С. Шереметева и его единомышленников в земском движении. Газета в передовой статье «Общий враг» доказывала необходимость сотрудничества общества с правительством для «поддержания в стране порядка, для борьбы со смутой умов» и против деятельности тайных организаций, являющихся для них общим врагом⁵⁰. Идеологи самодержавия решительно высказывались против централизации земского дела и развития земского самоуправления, объективно посягавших на устои самодержавной власти,

твердили о необходимости «оздоровления России», понимая под этим укрепление существующего государственного и общественного строя⁵¹.

Связь «Московских ведомостей» с семействами, участвующими в «барсуковском» кружке, этим не ограничивалась. Так, еще в 1898 г. в газете появилась серия статей Д. Н. Святополк-Мирского (под псевдонимом «Д. Н.—С.-М.») с путевыми заметками — размышлениями о путешествии по Франции и Германии, содержащими некоторые оценки, отражавшие настроения российских аристократов (интерес к формам борьбы против социализма, критика изъядов буржуазной демократии во Франции и пр.)⁵².

Упомянутый выше демарш П. С. Шереметева на заседании «Беседы» хронологически совпадает с теми сведениями, которые получил руководитель кружка Павел Д. Долгоруков, о раздражении в правящих верхах по поводу деятельности «собеседников». Недовольство министра внутренних дел вызывали все более определявшиеся конституционные устремления радикальной части «Беседы», о которых он получил своевременную информацию. Хотя в письме к Трубецкому (видимо, Петру Дмитриевичу — московскому губернскому предводителю дворянства) П. Д. Долгоруков пытался опровергнуть оценку В. К. Плеве, все же следует признать, что министр был достаточно точен⁵³. На наш взгляд, не исключено, что необходимая информация им могла быть получена и через «братию Патриаршей палаты».

Сама форма предупреждения радикальной части «Беседы» в связи с чрезмерно активной и весьма нежелательной, разумеется, с точки зрения царских чиновников, деятельностью свидетельствует о том, что речь шла об ограничении, а не о полном ее пресечении. Применять более решительные меры даже Плеве, столь прямолинейный и твердый человек, не считал целесообразным. По всей видимости, это определялось двумя соображениями. Во-первых, благодаря «Беседе» сохранялся один из источников информации о настроениях буржуазно-либеральных кругов. Во-вторых, оставалась возможность воздействия консервативных элементов на буржуазно-оппозиционное движение изнутри. Хотя следует признать, что эффективность того и другого по мере нарастания оппозиционных настроений, усиления буржуазно-либерального движения, создания новых организаций («Союза Освобождения», союза земцев-конституционалистов и пр.) все более ослабевала.

Не удовлетворяясь «Беседой», консервативные круги Петербурга и Москвы создали еще в 1901 г. легальные организации, формально «неполитического характера», преследовавшие, однако, вполне определенные политические цели — сплочение русского народа на основе идеи укрепления самодержавного строя. В Петербурге таковой стало «Русское собрание», а в Москве — «Кружок московских дворян, верных присяге». Идеологами последнего кружка являлись Ф. Д. Самарин, С. Ф. Шарапов, А. Г. Щербатов (президент Московского общества сельского хозяйства). Участники его допускали даже некоторые реформы, необходимые в интересах укрепления самодержавного строя (созыв Земского собора и пр.). Однако общественно-политическое влияние вновь созданных организаций было крайне незначительным⁵⁴.

Нарастание революционного кризиса в стране заставило и сторонников самодержавия расширять арсенал средств, пригодных, по их мнению, для того, чтобы сбить накал антиправительственных выступлений. Поражение в русско-японской войне еще более обострило политическую обстановку в стране. П. Д. Святополк-Мирский, назначенный вместо убитого Плеве министром внутренних дел, заявил о необходимости доверия к «общественным учреждениям», смягчении цензуры над либеральной печатью и ослаблении надзора за деятельностью земств. Эти шаги в земско-либеральных кругах были встречены с восторгом. Они укрепляли иллюзии о возможности получить из рук самодержавия (как указывалось в записке, представленной земским деятелем после ноябрьского съезда 1904 г.) «политическую свободу России на началах народного представительства»⁵⁵.

И решения земского съезда, и нарастание революционных настроений побудили Святополк-Мирского пойти дальше навстречу «законным желаниям общества», чем это, видимо, первоначально допускалось собеседниками «Патриаршей палаты». Побудительный мотив был один: «обеспечить внутреннее успокоение, столь необходимое именно теперь, в переживаемую нами годину военных и политических испытаний». В записке, представленной им царю, предлагалось, не посягая на основы самодержавия, привлечь представителей различных групп населения к подготовке новых законов, обеспечить в России законность и веротерпимость⁵⁶. С. Д. Шереметев в это время оставался на более умеренных позициях, а Святополк-Мирского в его намерениях активно поддерживал близкий родственник — А. А. Бобринский⁵⁷.

При обсуждении предложений Святополк-Мирского против законопроекта выступили твердые консерваторы (К. П. Победоносцев, Н. В. Муравьев, вел. кн. Сергей Александрович и др.). С. Ю. Витте и В. Н. Коковцов указывали на несовместимость принципа привлечения выборных от общественных учреждений к делам законодательства с основами самодержавия. В конечном итоге этот пункт из указа, подписанного царем 12 декабря 1904 г., был изъят. В указе заявлялось лишь о постепенном уравнивании прав крестьянства с правами других сословий, о введении государственного страхования рабочих, о расширении функций земских и городских учреждений, о смягчении политики по отношению к евреям и раскольникам и об ослаблении цензурных ограничений⁵⁸.

Однако этих мер для «умиротворения» страны было уже явно недостаточно. Наиболее дальновидные представители дворянства это сознавали. Московский губернский предводитель дворянства П. Н. Трубецкой в связи с либеральным адресом, принятым московским земством, в письме к П. Д. Святополк-Мирскому 15 декабря 1904 г. доказывал: «Я горячо убежден всеми силами своей души, что пожелай Государь доверчиво сплотить эти силы (сословные и общественные.— В. Л.) вокруг себя, Россия избавится от всех ужасов нависшей над ней кровавой смуты, поддержит своего царя и его самодержавную власть и волю»⁵⁹. Стремясь предотвратить народную революцию, верноподданное дворянство убеждало в необходимости минимальных уступок, привлечения в интересах самодержавия сил буржуазно-помещичьей общественности к управлению страной.

«Кровавое воскресенье» 9 января 1905 г. всколыхнуло всю страну. Бурный рост революционного движения, «порозовение» либеральной буржуазии ставляли и проправительственные круги предпринимать более решительные шаги в целях укрепления самодержавного строя, не выходявшие, однако, за пределы поверхностного, косметического ремонта фасада разрушавшегося здания абсолютистской монархии, предпринимать усилия в направлении консолидации правого лагеря. Особенно они активизировались после царского рескрипта Булыгину.

Заметная роль в этом деле принадлежала Павлу С. Шереметеву. К весне 1905 г. по его, видимо, инициативе, оформляется так называемый «Отечественный союз». Цель организации определялась следующим образом: «Содействовать всеми законными средствами единению Церкви, Престола, радея честно и совестливо о всяком царском и народном деле по правде Божьей и в единомыслии с Государем. Стараться правильно выполнять Царскую волю и бескорыстно выбирать по первому Государеву призыву истинно достойных людей. Всеми мерами и способами способствовать одолению внешнего врага, успокоению нашей внутренней смуты и водворению правды, порядка и закона». Во избежание кривотолков в листовках-обращениях от имени учредителей Союза также пояснялось: «Образуемый союз единомысленных русских людей всех сословий, непоколебимо убежденных в нераздельности самодержавия с благом России, должен стремиться по мере сил к тому, чтобы возвещанную правительством реформу не исказили ее противники и

чтобы она не привела к умалению самодержавной власти, а к вящему ее укреплению». Поэтому Союз должен был оказывать «противодействие всеми законными средствами течениям, стремящимся навязать России чуждые ей формы правления»⁶⁰.

Если формально Союз объединял представителей всех сословий, то руководящая роль в нем принадлежала аристократической верхушке. Помимо Павла С. Шереметева, в него входили Петр С. и С. Д. Шереметевы, В. М. Волконский, В. С. и С. Б. Мещерские, А. Г. Щербатов, А. В. Гудович, П. П. и В. Д. Олсуфьевы и др. Вошли в него и такие публицисты определенного толка, как С. Ф. Шарапов и А. М. Катков. Но наряду с ними в составе Союза мы видим также представителей старшего поколения московского купечества: С. И. Мамонтова (один из учредителей Союза!), В. В. Якунчикова, П. П. Патрикеева, В. С. Баршева, А. В. Бурышкина и др.⁶¹

Несколько в ином направлении действовали Бобринские. С самого начала революции А. А. Бобринский, как свидетельствуют письма к нему В. И. Гурко и К. Ф. Головачева, находился в центре создаваемой при его активнейшем участии праводворянской организации — будущего Союза объединенного дворянства⁶². Это не мешало ему принимать посильное участие и в делах «Отечественного союза», основные идеи которого в прессе определялись даже не как славянофильские, а как «дворянофильские». Тем не менее А. А. Бобринский занимал все же более либеральные позиции и пытался проводить более радикальную линию, что, по свидетельству его сестры Е. А. Святополк-Мирской, вызывало раздражение С. Д. Шереметева⁶³. В начале 1906 г. Алексей А. Бобринский и его брат, Андрей А. Бобринский, заняли видное место в организуемой в Петрограде предпринимательской, «прогрессивно-экономической» партии⁶⁴. Такой «зигзаг» не случаен. Они давали себе отчет в родстве основополагающих идей «Союза 17 Октября», который впитал преобладающую часть членов «прогрессивно-экономической» партии, с идеями политических формирований правого лагеря. Выступая на выборах во II Государственную думу, А. А. Бобринский утверждал: «Конечно, правых будет больше, чем в Первой думе. Это несомненно, но все же большинство будет революционное. Это тем виднее, что к числу правых я причисляю всех полурешительных, например, партию Союз 17 Октября. По душе, по чутью, по Гучкову, она ведь правая, но половина партии этого не понимает и считает себя левою. Пройдет еще много времени, пока октябристы не осознают, наконец, что они правые и не станут открыто на нашу сторону...»⁶⁵.

Радикализм Бобринских был не случаен. Он отражал то беспокойство, которое обнаружилось в дворянско-помещичьих кругах летом 1905 г. Собравшиеся 12—16 июня «для обмена мыслями относительно современного положения России» 26 губернских предводителей дворянства признали, что «положение это не только тревожное, но и грозное», что страна находится «в преддверии анархии». Поэтому они высказались за «немедленный приступ к созыву народных представителей»⁶⁶. Однако их мнение не отражало еще позиции всего дворянства. Тот же С. Ф. Шарапов обвинил предводителей не только в неверном и недостойном тоне, но и в трусости, не украшающей гражданина, видящего свое отечество в опасности⁶⁷. По всей видимости, он выражал взгляды целой группы авторитетных дворянских деятелей, которые в начале 1905 г. решительно высказались не только против конституции, но и против представительных учреждений совещательного характера. Они полагали, что те «при настоящих условиях окажутся столь же опасными, как и учреждения чисто конституционные». В числе подписавших соответствующее обращение были Д. А. Хомяков, Ф. Д. Самарин, В. А. Голицын, Л. Б. Мансуров, Ф. Уваров, а также лица и недворянского происхождения — К. В. Рукавишников, В. М. Васнецов и пр.⁶⁸ В данном случае для нас не имеют особого значения разногласия и расхождения между различными

течениями правых, проправительственных кругов. Полемика между ними, как это уже показал Ю. Б. Соловьев, иногда приобретала весьма острый характер. Важно отметить другое: не все пожелания тех или иных правых кругов с одобрением воспринимались в правящих верхах, а «самодеятельность» их, иногда не уместившаяся в рамки самодержавного строя, приводила к конфликту с бюрократическим аппаратом⁶⁹. Поэтому усилия авторитетных консервативных кругов, направленные на расширение социальной базы самодержавного строя, успокоение встревоженного буржуазно-оппозиционного мнения, определенную канализацию деятельности буржуазно-оппозиционных кругов, были обречены на неудачу. Самодержавный строй был несовместим со сколько-нибудь серьезными попытками развития самодеятельности даже привилегированных слоев населения в сфере политической жизни.

С другой стороны, известная активность самых умеренных элементов общества все же способствовала пробуждению отсталых слоев купечества и объективно не могла не ослаблять существующий режим. Однако все попытки дворянско-аристократических кругов подчинить своему влиянию капиталистов все же не дали положительного результата. Неославянофильские идеи, в социально-экономических и политических условиях XX в. все более сливавшиеся с официальной идеологией (православие, самодержавие, народность), уже не могли даже в ограниченных пределах сколько-нибудь последовательно выражать классовые интересы крупной буржуазии, стремившейся к более радикальным преобразованиям государственного и общественного строя России.

Примечания

- ¹ См.: Черменский Е. Д. Земско-либеральное движение накануне революции 1905—1907 гг. // История СССР. 1965. № 5; его же. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М. 1970; Красавин А. С. Обзор документальных материалов кружка «Беседа» в фонде В. А. Маклакова // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970; его же. Протоколы кружка «Беседа» как источник по истории земско-либерального движения // Московский историко-архивный институт. Научная студенческая конференция. Май 1970 г. Материалы. Вып. 1. Источниковедение истории СССР. М., 1970; Шацилло К. Ф. Обзор документальных материалов кружка «Беседа» и «Союза Освобождение» в фонде Д. Н. Шаховского // Археографический ежегодник за 1974 год. М. 1975; его же. Новое о «Союзе Освобождение» // История СССР. 1975. № 4; его же. О составе русского либерализма накануне революции 1905—1907 годов. // История СССР. 1980. № 1; его же. Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. Организация, программы, тактика. М. 1985; Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902—1907 гг. Л., 1981 и др.
- ² Некоторые интересные сведения по этому вопросу содержатся в статье: Королева Н. Г. Правые партии в борьбе с революцией 1905—1907 гг. // Исторические записки. Т. 118. 1990.
- ³ Шацилло К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. С. 36—37.
- ⁴ РГИА, ф. 919, оп. 2, д. 598, л. 1—2.
- ⁵ ГА РФ, ф. 601, оп. 1, д. 2289, л. 1
- ⁶ Журнал Совещания председателей губернских земских управ в Нижнем Новгороде с 8—11 августа 1896 г. М., 1896. С. 1—5.
- ⁷ РГИА, ф. 1287, оп. 27, д. 284, л. 5.
- ⁸ РГИА, ф. 1287, оп. 27, д. 284, л. 5; д. 352, л. 11—13, 16—17, 19—20, 37, 88, 112.
- ⁹ Шацилло К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. С. 37.
- ¹⁰ ЦГИА г. Москвы, ф. 380, оп. 3, д. 75, л. 161.
- ¹¹ Там же, д. 72, л. 82.
- ¹² Соловьев Ю. Б. Указ. соч. С. 18.
- ¹³ Шацилло К. Ф. О составе русского либерализма накануне революции 1905—1907 гг. С. 67.
- ¹⁴ Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. С. 19.
- ¹⁵ Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX — начало XX века). М., 1969. С. 304—305, 386.
- ¹⁶ Там же. С. 310, 387; РГАДА, ф. 1287, оп. 2, д. 2, 15, л. 32; РГИА, ф. 899, оп. 1, д. 141, л. 3—4; д. 162, л. 1—2, 6.
- ¹⁷ Из дневника Половцова // Красный архив. 1934. № 6 (67) С. 174. Запись 6 ноября 1894 г.
- ¹⁸ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 1335, л. 79—85.
- ¹⁹ Там же, д. 6326, л. 6. Следует заметить, что в кругах российских латифундистов вопрос о судьбе общины в пореформенные годы ставился неоднократно. Так, Первый всероссийский съезд

сельских хозяев-помещиков, состоявшийся в 1865 г. в связи с 10-летием Вольного Экономического общества, уже обсуждал вопрос о несовместимости общины с прогрессом сельского хозяйства, однако не пришел к какому-либо единому заключению. «Противообщинные» настроения усилились вследствие неурожая 1869—1870 гг. В 1872 г. была создана «Высочайше учрежденная для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской промышленности в России комиссия» во главе с П. А. Валуевым. В заключении Комиссии было признано, что «общинное владение, когда оно сопровождается частыми переделами полей, и круговая порука, со всеми неизбежными ее последствиями, задерживают естественное развитие производительности труда» (Доклад Высочайше учрежденной комиссии по исследованию нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности труда. СПб., 1873. С. 41). Однако, хотя предложение Комиссии в 1874 г. были в принципе одобрены Комитетом министров и Александром II, к пересмотру законодательства так и не приступали. Попытка частичного решения этого вопроса Н. П. Игнатьевым в 1882 г. также не имела успеха (См.: Чернуха В. Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России. 60—70 годы XIX в. Л., 1972). Тем не менее следует учесть, что в середине 1870-х гг. в правящих верхах существовала авторитетная группировка сохранения общинного землевладения в России во главе с начальником III отделения П. А. Шуваловым (Там же. С. 163—164).

²⁰ РГИА ф. 1 (библиотека), оп. 1, д. 6326, л. 6.

²¹ ГА РФ, ф. 601, оп. 1, д. 239, л. 209; д. 240, л. 35; д. 241, л. 112, 203; д. 242, л. 179.

²² РГИА, ф. 721, оп. 2, д. 16, л. 6—7.

²³ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 1553, л. 85; Г. С. Ш. [Шереметев С. Д.]. Граф Арсений Аркадьевич Голищев-Кутузов. СПб., 1914. С. 2.

²⁴ РГАЛИ, ф. 87, оп. 1, д. 80, л. 71.

²⁵ Там же, д. 81, л. 501. Весьма близкими были отношения С. Д. Шереметева с московским «наместником» великим князем Сергеем Александровичем. Как видно из телеграммы, подписанной адъютантом великого князя В. Ф. Джунковским, он приглашался погостить в имение дяди царя Одинцово с ночевкой (ОР РГБ, ф. 341, кар. 30, д. 18, л. 1—2). Тем более почтителен к нему был московский губернатор Булыгин, регулярно посылавший поздравительные и благодарственные телеграммы (Там же, кар. 27. д. 59).

²⁶ РГАЛИ, ф. 87, оп. 1, д. 80, л. 209; РГАДА, ф. 1287, оп. 1. д. 5061, л. 190—191; д. 5050, л. 20—21.

²⁷ Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святполк-Мирской за 1904—1905 гг.//Исторические записки. Т. 77. М., 1965. С. 20, 242.

²⁸ РГАДА, ф. 1412, оп. 3, д. 1551, л. 1.

²⁹ ГА РФ, ф. 586, оп. 1, д. 215, л. 1—2.

³⁰ Государственный архив Смоленской области, ф. 121, оп. 1, д. 1014, л. 64.

³¹ Там же, л. 64, 74; д. 1013, л. 42—43.

³² Шарпов Сергей. Самодержавие и самоуправление. Берлин, 1899. С. 62.

³³ Объяснения министра финансов на записку министра внутренних дел о политическом значении земских учреждений [Б/г, б/м] С. 4—5.

³⁴ См.: Ленин В. И. Соч. Изд. 4. Т. 5. С. 46—48, 60.

³⁵ См.: Шацилло К. Ф. Новое о «Союзе Освобождения». С. 134—135, 136—138; его же. Обзор документальных материалов кружка «Беседа»... С. 287—288; Красавин В. С. Обзор документальных материалов кружка «Беседа» в фонде В. А. Маклакова. С. 356—357. П. С. Шереметев весьма последовательно стремился сдерживать любые тенденции к расширению сферы земской деятельности и попытки консолидации усилий отдельных земств. Это проявилось, в частности, и при обсуждении вопроса о создании единого общепечатного органа, идея которого, как уже отмечалось, интенсивно обсуждалась в земских кругах с 1897 г. и встречала решительное противодействие царских чиновников (РГАДА, ф. 1287, оп. 27, д. 325, л. 10). Выступая 12 декабря 1902 г. при очередном обсуждении этого вопроса в Московской губернской земской управе, он заявил о том, что является принципиальным сторонником издания земского органа, но далее утверждал: «...Хотя помещение в нем сведений о деятельности других земств и желательно, но преимущественное, главное внимание должно уделяться в нем деятельности московского земства». «Высказываясь против широкой литературной программы проектируемого органа,— сообщалось в прессе — гр. Шереметев полагал, что программа эта должна быть деловая, так как широкими теоретическими вопросами едва ли следует заниматься земскому собранию. Поэтому самое название периодического органа должно быть изменено: вместо предполагаемого названия «Земское дело» следует назвать «Вестник Московского земства». Под таким названием должен выходить ежемесячно журнал, издание же земской газеты является преждевременным». Предложение П. С. Шереметева о переименовании журнала не вызвало возражений. С ним согласился и председатель Московской губернской земской управы Д. Н. Шипов (Русские ведомости. 1902 г. 13 декабря).

³⁶ РГАЛИ, ф. 87, оп. 1, д. 81, л. 409.

³⁷ Соловьев Ю. Б. Указ. соч. С. 18.

³⁸ Корсаков Д. Н. Из воспоминаний о Н. П. Барсукове//Исторический вестник. Т. 108. 1907 Июнь. С. 953.

³⁹ ГА РФ, ф. 1729, оп. 1, д. 318, л. 6, 60.

⁴⁰ Корсаков Д. Н. Указ. соч. С. 953.

⁴¹ Истомин В. К. Николай Платонович Барсуков. М., 1906. С. 3; Глинский Б. Б. Памяти Н. П. Барсукова//Исторический вестник. 1907. Т. 107. 1907 Январь—март. С. 215.

⁴² РГАЛИ, ф. 87, оп. 1, д. 80, л. 34, 42, 46, 137—140, 237; д. 81. л. 134, 155, 171, 183, 194,

- 196, 324, 352, 359, 414, 428; д. 83, л. 138 и др.; ОР РГБ, ф. 340, карт. VIIа, д. 5, л. 45; д. 2, л. 1—2.
- ⁴³ ГА РФ, ф. 1729, оп. 1, д. 320, л. 39.
- ⁴⁴ РГАЛИ, ф. 87, оп. 1, д. 82, л. 175, 249, 300, 493, 351.
- ⁴⁵ ГА РФ, ф. 1729, оп. 1, д. 318, л. 88.
- ⁴⁶ РГАЛИ, ф. 87; оп. 1, д. 83, л. 772.
- ⁴⁷ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 72, л. 69.
- ⁴⁸ ОР РГБ, ф. 430, карт. VIIа, д. 2, л. 6.
- ⁴⁹ Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской за 1904—1905 гг. С. 263.
- ⁵⁰ Московские ведомости. 1899. 25 марта.
- ⁵¹ Там же. 5 мая; 1900. 6, 16, 22, 27, 31 января, 27 февраля.
- ⁵² Там же. 21 июля, 8 августа, 4 декабря.
- ⁵³ Шацилло К. Ф. Обзор документальных материалов кружка «Беседа»... С. 293—294.
- ⁵⁴ Королева Н. Г. Указ. ст. С. 111.
- ⁵⁵ Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. С. 35—37.
- ⁵⁶ Там же. С. 40—41.
- ⁵⁷ Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской за 1904—1905 гг. С. 256—259.
- ⁵⁸ Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. С. 42—43.
- ⁵⁹ ЦГИА г. Москвы, ф. 380, оп. 4, д. 435, л. 1.
- ⁶⁰ РГАЛИ, ф. 87, оп. 1, д. 84, л. 262, 263—264, 265; Русское слово. 1905 г. 31 марта; ⁶¹ ⁶² ⁶³ ⁶⁴ ⁶⁵ ⁶⁶ ⁶⁷ ⁶⁸ ⁶⁹ л о в ь е в О. Б. Указ. соч. С. 162.
- ⁶¹ РГАЛИ, ф. 37, оп. 1, д. 84, л. 266—267.
- ⁶² РГАДА, ф. 1412, оп. 3, д. 583, л. 1, 3, 5, 12, 13; л. 22; д. 635. л. 2.
- ⁶³ Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской за 1904—1905 гг. С. 283.
- ⁶⁴ РГИА, ф. 579, оп. 3, д. 95, л. 5.
- ⁶⁵ РГАДА, ф. 1412, оп. 2, д. 451, л. 12—13.
- ⁶⁶ ЦГИА г. Москвы, ф. 16, оп. 76, д. 447, л. 180.
- ⁶⁷ Русское дело. 1905. 27 августа.
- ⁶⁸ ОР РГБ, карт. 4, д. 25, л. 2—12.
- ⁶⁹ Соловьев О. Б. Указ. соч. С. 164—171.

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II В ЦИФРАХ И ФАКТАХ

В последние годы среди множества политических партий и движений набирает силу и монархическое движение. Цель этого движения состоит в том, чтобы «доказать» народу: выход из тупика, в который завели страну коммунисты, состоит не в развитии демократии, т. е. народовласти, а в форме власти, якобы спасшей русский народ от бедствий в течение веков, — в форме самодержавия.

При всех разногласиях среди сторонников возрождения монархии их объединяет одно — стремление как можно шире распространить среди русского народа идею самодержавного правления, сделать ее притягательной. В этих целях всячески превозносятся успехи дореволюционной России во всех сферах жизни, особенно экономической. Прилагаются большие усилия, чтобы сделать привлекательным образ последнего царя Николая Второго. Средства разнообразны: пропаганда на разного рода сборищах, манифестации с плакатами и портретами царя, публицистические статьи на страницах газет и журналов, в том числе и демократических, в различного рода листках и т. д.

Новым моментом в монархической пропаганде явилась попытка «научного» обоснования преимуществ монархического строя России в экономическом и социальном отношениях.

Первой ласточкой явилась перепечатка брошюры Исполнительного бюро Общероссийского монархического фронта, изданной в Нью-Йорке в 1958 г. Как сообщается на обороте обложки, издание осуществлено при содействии МПК «Вече». Приводим полное название произведения: «Б. Л. Бразоль. Белая книга России. Царствование императора Николая II. 1884—1917. В цифрах и фактах. Ответ клеветникам, расчленителям и русофобам» (Товарищество русских художников. Москва, 1990). В заключении к 16-страничной брошюре автор утверждает, что он привел «беспристрастные цифры», а также «неоспоримые факты». Предлагаемая нами работа является попыткой проверить, насколько приведенные В. Л. Бразолем факты неоспоримы, а цифры беспристрастны. Выполнение этой задачи весьма затрудняется тем, что автор нигде не делает ссылок на источники, и потому приходится отыскивать эти источники и цитировать их, что, естественно, увеличивает объем, зато гарантирует читателю научную надежность предлагаемого материала.

Ряд сюжетов, невыгодных автору брошюры с точки зрения концепции, таких, например, как народное здравие и карательная политика и практика царя, просто обходятся им, и нам приходится уделить им внимание. Кроме того, автор как огня боится сравнения России с другими странами. Мы постарались, в тех случаях, когда имеются источники, провести такие сравнения по ряду важных экономических и социальных показателей.

Первый раздел работы Бразоля называется «Демография и финансы», что говорит о компетенции автора, соединяющего столь разные сюжеты. О демографии он рассуждает в сослагательном наклонении: что было бы, если бы в стране не произошла революция, — и потому критикой этих более чем сомнительных построений заниматься не стоит. Что касается реального финансового положения России, несколько замечаний сделаем.

Автор восторгается тем, что при Николае II в России было введено

* Анфимов Андрей Матвеевич, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник-консультант Института российской истории РАН.

золотое денежное обращение. Но серьезные ученые давно доказали, что введение золотого обращения было куплено дорогой ценой роста кабальных займов, по которым надо платить. Уже тогда член Финансового комитета П. Х. Шванебах определял сумму платежей процентов по размещенным за границей ценным бумагам в 140 млн. руб. в год. «Дань,— писал Шванебах,— доколе не удастся покрывать ее избытками товарного отпуска (т. е. форсированным экспортом хлеба, минерального сырья и т. д.— А. А.) остается поэтому домоловым мечом...»¹. Как известно, эта дань к кануну первой мировой войны возросла до 400 млн. руб. За 1900—1913 гг. внешний государственный долг возрос с 4 до 5,4 млрд. руб. и, таким образом, царское правительство стало одним из крупнейших должников в мире².

Предметом гордости России автор считает многолетний (с 1908 г.) бездефицитный государственный бюджет. Но речь ведет только об обыкновенных расходах, умалчивая о расходах чрезвычайных. Причем, по автору, доходы бюджета неуклонно росли «без малейшего увеличения налогового бремени». Вот это уже заведомая ложь. Известно, что III Государственная дума утвердила шесть новых налогов, а кроме того, были подняты цены на вино, что сразу увеличивало доходы бюджета на 100 млн. руб. в год, из которых, по признанию министра финансов Кокорцова, 70 млн. руб. приходилось «на беднейшие классы населения, преимущественно потребляющие вино»³. Не соответствует действительности утверждение о сумме превышений доходов над расходами за предвоенное десятилетие в 2,4 млрд. руб., так как превышения эти — совершенно фиктивные величины и составляли 0,13 млрд. руб. Если что они реально и выражали, то сумму недовложений ассигнований по утвержденным сметам гражданских расходов. Да и куда делись эти «накопления», если с 1900 по 1913 г. государственный долг России вместе с внешним увеличился на 4,8 млрд. руб., достигнув 12,7 млрд. руб. Рост же внутренних накоплений в результате развития производительных сил страны и роста мировых цен выразился в увеличении вкладов в коммерческий кредит и в государственные сберегательные кассы. Отсюда и возможность размещать ценные бумаги внутри страны, т. е. увеличивать государственный долг. Так что дело не в бюджетных «остатках», как это пытается представить Бразоль.

Спору нет, Россия имела бездефицитный «обыкновенный» бюджет, большие запасы золота в Государственном банке, свободный фонд в заграничных банках, возможность дополнительной эмиссии кредитных билетов. Но она не достигла главного в устойчивости финансового положения — соответствия торгового баланса с расчетным. Внешняя торговля не покрыла платежей по расчетному балансу за 1908—1913 гг. на огромную сумму в 1212 млн. руб.⁴ Бразоль, конечно, и об этом молчит. Пусть читатель обратится к первой главе ценного исследования А. Л. Сидорова, а здесь приведем только два его вывода: 1. Денежная система царской России «базировалась исключительно на иностранных займах и на притоке иностранных капиталов в хозяйство». 2. «Денежная система находилась в состоянии неустойчивости и была очень мало приспособлена к грядущим военным событиям, особенно к войне европейской и мировой»⁵.

Перейдем к характеристике промышленного развития страны, начав с горнодобывающих отраслей.

Сведения автора о добыче каменного угля кажутся даже преуменьшенными (1895 г.— 466 млн., 1914 г.— 1983 млн. пуд.). Мы предпочли бы подсчеты П. И. Лященко: добыча 1899 г.— 853 г., 1913 г.— 2214 млн. пуд.⁶ Но ни Бразоль, ни Лященко не упоминают, что, несмотря на огромные запасы в недрах земли, добываемого в России каменного угля не хватало и его приходилось привозить из Англии и Германии. В 1912 г. было ввезено 324 млн. пуд. угля (15% к добытому) и 47 млн. пуд. кокса.

Сведения автора о росте добычи нефти могут быть восприняты как значительный подъем (с 338 млн. в 1895 г. до 560 млн. пуд. в 1914 г., рост

Потребление меди в разных странах*

Страна	1899 г.		1908 г.	
	абс., т	% к итогу	абс., т	% к итогу
США	174 900	37,40	210 600	30,01
Германия	97 700	20,89	180 700	25,76
Англия	85 600	18,30	128 900	18,37
Франция	49 900	10,66	73 900	10,53
Италия	7 700	1,65	23 500	3,35
Россия	18 700	4,00	21 600	3,08
Япония	6 500	1,39	9 400	1,34
Страны Центральной и Южной Америки	1 100	0,24	2 400	0,34
Прочие страны	25 600	5,47	50 700	7,22
Итого...	467 700	100,00	701 700	100,00
В %	100,00		150,03	

* Статистические сведения и диаграммы о состоянии медного дела во всех странах мира с 1899 по 1908 г. Харьков: А/о «Медь», 1913. С. 23.

на 66%). На самом деле рост добычи продолжался лишь до 1901 г., когда было выкачано 706 млн. пуд. Затем последовало падение до 456—491 млн. пуд. в 1905—1906 гг., а в последующие годы — топтание на месте вокруг цифры 560 млн. пуд.⁷ Оба автора умалчивают, заметим, об экспорте нефти, почти целиком сырой, достигшем в 1912 г. 51 млн. пуд.

Особенно впечатляют сведения брошюры Бразоля о добыче меди: в 1895 г.— 395 тыс., а в 1915 г.— 1878 тыс. пуд.; рост за 20 лет почти в четыре раза. В тоннах это выразится так: 1895 г.— 6475, 1915 г.— 30 787 т. Следует оговориться, что словом «добыча» автор обозначает не добычу медной руды, а полученную (плавкой или электролизом) готовую к переделу медь. Простим ему эту подмену элементарных понятий, тем более что у нас нет особых оснований сомневаться в близости приводимых им цифр к реальным объемам производства меди. Так, в 1899 г. Россия выпускала 7600 т меди, а через 9 лет, в 1908 г.— 16 800, т. е. в 2,2 раза больше. Почему же за 20 лет не могло быть увеличения в 4 раза?

Как легко было бы на душе, если бы остановиться на этой цифре и порадоваться столь блистательному успеху родной России! Да еще учесть при этом, что производство меди за те же 9 лет увеличилось в США только в 1,7 раза, во Франции — в 1,2, в Италии — 1,3, в Японии — в 1,5 раза, а в «передовых» Англии и Германии производство даже упало в 1,1 и 1,2 раза. Мировая продукция меди выросла с 478 до 739 тыс. т, т. е. в 1,5 раза, а в России — в 3,8 раза.

Однако дело заключается в том, что кроме показателя «производства» того или иного продукта есть еще и другой показатель: «потребление» того же продукта, производство плюс ввоз минус вывоз. Россия производила меди меньше, чем потребляла, ввозя недостающую часть из других стран, главным образом электролитическую медь из США и Германии. Только с 1907 г. акционерное общество «Медь» организовало выпуск электролизного металла, доведя его количество в 1908 г. до 5140 т. В результате ввоз меди сократился с 11,1 тыс. т в 1899 г. до 4,8 тыс. т в 1908 г.

Сравнение объемов потребления меди разными странами имеется в нашем

распоряжении лишь за 1899 и 1908 гг. Но для общего впечатления годится и это. Представим данные в виде таблицы, сопроводив их процентами к общему итогу (табл. 1).

Итак, две страны, Германия и Италия, увеличили свой удельный вес в мировом потреблении меди, причем Италия, ранее втрое отстававшая от России, в 1908 г. опередила ее. Англия, Франция и Япония сохранили свой удельный уровень. Зато две страны, самые, между прочим, большие, — США и Россия — выделились в обратном отношении — их удельный вес в мировом выпуске готовой меди упал.

Но смущает одно. В 1908 г. США употребил в дело 120 тыс. т меди, это при 90 млн. жителей, т. е. по 2,34 кг на каждого жителя, а Россия при 160 млн. человек — всего лишь 21 тыс. т, или по 0,13 кг на человека. Другими словами, Россия потребляла меди меньше США в 10 раз, на душу — в 19 раз, а по удельной доле в мировом спросе отставала от них в 16 раз. В 1913 г. Россия выработала 33 574 т металла⁸, вдвое больше, чем в 1908 г. (скачок 1908—1912 гг.), но в 14 раз меньше, чем США в 1908 г. (463 500 т), а в душевом исчислении (5,15 и 0,19 кг) — в 27 раз (и это не разные даты).

В заключение сюжета приведем слова специалиста — ветерана отрасли: «Среди стран, выплавляющих медь из собственной руды, Россия занимала в 1913 г. лишь 8-е место по размерам своей продукции, уступая в этом отношении даже таким отсталым странам, как Мексика, Чили, Австралия и др.» И далее: «Перед войной 1914—1918 гг. заводы, находившиеся полностью или частично в руках иностранного капитала, давали $\frac{4}{5}$ меди в России»⁹. «Продажу же, по соглашению с А/о „Медь“, почти всей меди, штыковой частично, а электролитической полностью монополизировал немецкий „Торговый дом Вогау“»¹⁰.

Автор брошюры указывает, что в России в 1894 г. добывалось марганцевой руды 12 млн. пуд., а в 1914 г. — 55 млн., т. е. рост составил якобы 364% (пересчет показывает 358%). Проверить данные автора мы не можем. Но последняя цифра добычи марганцевой руды близка с реальной, что показывают последние по времени публикации сведения о добыче: в 1912 г. 50 004 тыс. пуд. руды¹¹. Что же касается роста добычи, то, по тем же данным, в 1900 г. руды добыто 45 871 тыс. пуд., т. е. рост в 1912 г. по сравнению с 1900 г. составил 9,1%. Могут возразить: значит, за предыдущие 6 лет (1894—1900 гг.) имел место гигантский скачок добычи (с 12 до 46 млн. пуд.), но это явно нереально, учитывая последующую динамику развития отрасли (в частности, падение добычи до 29,6 млн. в 1902 г. и до 30,4 млн. пуд. в 1905 г.).

Гораздо интереснее проследить судьбу уже добытой в России марганцевой руды. Последние по времени достаточно полные сведения имеются за 1910 г. В это время страны, не потреблявшие марганец, добывали руду и всю, соответственно, вывозили (в основном страны Южной Америки, Ближнего Востока, Африки, некоторые другие). В 1910 г. они добыли 65,9 млн. пуд. руды, страны, пускавшие руду в переработку (к их числу относилась и Россия), выдали «на-гора» 56,7 млн., все континенты вместе — 122,6 млн. пуд., в том числе на Россию пришлось 44,7 млн. пуд., или 36,5%, т. е. более одной трети мировой добычи, и она вывезла в другие страны в том же 1910 г. 41,8 млн. пуд., или 93,5%. Переработано, следовательно, внутри страны всего лишь 2,9 млн. пуд., или 6,5% собственной руды и только 2,4% мировой добычи¹². Производя больше трети, Россия внутри страны потребляла меньше сороковой доли мирового производства марганцевой руды.

Обратимся к самому важному продукту промышленного производства — чугуну. В натуральном виде ни одна душа населения чугуна, естественно, не потребляет, но, учитывая, что из него производятся все разнообразнейшие

Потребление чугуна в разных странах*

Страна	Год	В целом, млн. т	На душу, кг
США	1912	27,07	285
Бельгия	«	1,43	190
Германия	«	10,35	156
Франция	1911	4,19	106
Англия	«	4,76	105
Австро-Венгрия	«	2,21	44
Россия	1912	4,76	28
Испания	1911	0,44	23

* Гливиц И. Б. Потребление железа в России. СПб., 1913. С. 9, 11.

предметы железодельной и сталелитейной промышленности, условное душевое потребление его считается одним из главнейших показателей промышленной мощи страны.

Цифры свидетельствуют о выпадении России из пятерки действительно соревнующихся стран в число безнадежных аутсайдеров. Если производство чугуна на душу за один год (с 1911) возросло в США на 56 кг, в Бельгии — на 17, в Германии — на 20, то в России — всего лишь на 3 кг.

В. Л. Бразоля умиляет то, что выплавка (у него «добыча») чугуна увеличилась в 1894—1914 гг. с 73 млн. до 254 млн. пуд., т. е. в 2,5 раза. Правда, он забыл упомянуть, что своего чугуна не хватало, и ввоз его продержался на уровне 36 млн. пуд. А между тем в порту Николаева, да и в других портах днем и ночью загружались криворожской железной рудой трюмы пароходов — руду вывозили в другие страны: в 1908 г. — 35,5 млн. пуд., в 1909 г. — 31,6, в 1910 г. — 51,7, в 1911 г. — 54,1, в 1912 г. — 40,5 млн. пуд.¹³

Было бы нелепостью отрицать наличие экономического прогресса в стране в царствование Николая II. Весь мир шел по пути прогресса, пока не было мировой войны. Так было и в России, в частности, в одной из важнейших отраслей — выплавке железа и стали. Бразоль утверждает, что выплавка их за 1895—1914 гг. поднялась с 70 до 229 млн. пуд. (рост на 224%). Не будем оспаривать эти цифры, поскольку источники, как и во всей брошюре, не указываются. Имеющиеся в нашем распоряжении данные за 1903—1912 гг. показывают рост выплавки железа и стали со 135,3 до 227,5 млн. пуд.¹⁴, а в расчете на душу населения — с 0,98 до 1,36 пуд.

Но и мир, как уже сказано, не стоял на месте. Хотя депрессия начала века и сменилась подъемом, но уровень 1903 г. не был перекрыт. Не говоря уже о весьма мизерной доле России в мировом объеме производства железа и стали.

В связи с потреблением черных металлов приходится прокомментировать приводимые в брошюре цифры роста производства (по терминологии автора — «строительства») сельскохозяйственных машин и орудий: в 1897 г. их изготовлено на 9 млн., а в 1913 — на 67 млн. руб. Хватало или не хватало этих машин родному сельскому хозяйству? Может быть, фабриканты затоваривались ими и вывозили за границу? Известно, что Россия была импортером земледельческих машин и орудий. Ввоз их в 1906—1912 гг. возрос по ценности с 18,3 млн. до 63,6 млн. руб., т. е. в 3,5 раза, а общее потребление — с 38,3 млн. до 131,2 млн. руб., или в 2,4 раза. Только начиная с 1910 г. внутреннее производство машин стало опережать ввоз.

Производство железа и стали *

Год	Мировое производство железа и стали, млн. пуд.	Доля России, %
1903	2205,5	6,1
1906	3064,1	4,5
1909	3280,0	5,0
1911	3613,4	5,6

* Касперович Г. Железодельательная промышленность России за последнее десятилетие (1903—1912). СПб., 1913. С. 43.

Так хватало ли машин на русских полях? Министерство торговли и промышленности в 1911 г. обратилось в Государственную думу с представлением «О мерах поощрения русского сельскохозяйственного машиностроения», где отметило: «Плохая обработка земли и малое распространение усовершенствованных сельскохозяйственных орудий являются характерными особенностями земледельческого промысла не только у крестьян, но и у более крупных землевладельцев». И далее: Россия находится «в начальном фазисе потребления машин для сельского хозяйства»¹⁵.

Развитию отечественного производства более сложных машин могла бы способствовать рассрочка крестьянам-«фермерам» целевого кредита на 3—7 лет, как предлагалось в законопроекте. Но в ходе его подготовки созданное под председательством товарища министра П. И. Миллера Особое совещание заслушало представителей «заинтересованных сторон», т. е., конечно, помещиков и заводчиков. «Представители сельского хозяйства» высказались в том духе, что рассрочкой кредита крестьянам воспользуются заводчики для поднятия цен на машины, что неминуемо ударит и по карману помещиков. Только некоторые из них соглашались на рассрочку не дольше трех лет. «Таким образом,— говорится в министерском представлении уже открытым текстом,— охраняя свои привилегии, помещики лишали крестьянство возможности льготной покупки машин. Комиссия (Особое совещание.— А. А.) согласилась с ними»¹⁶.

Тем не менее с 1912 г. Государственный банк начал выдачу ссуд на покупку земледельческих машин и орудий. Но обратим внимание на одну деталь. Ссуды выдавались преимущественно не там, где больше на них был спрос, т. е. в европейской части страны, поскольку рассрочки могли помешать интересам помещиков, а за Уралом, «в крестьянском царстве», где к тому же машины продавали главным образом американские фирмы и по очень высоким ценам. Так, в 1912 и 1913 гг. выдано ссуд всего 19 353 тыс. руб., в том числе через Переселенческое управление (т. е. за Уралом) — 16 600 тыс. руб., или 86%¹⁷.

Нехватку и дороговизну орудий и машин в некоторой мере компенсировал их прокат. В качестве примера сошлемся на отчет главного агронома Пензенской губернии за 1912 г. К тому времени в губернии было организовано 26 прокатных пунктов по 28 орудий в каждом, в том числе по 4 сеялки, по одной жнейке, сортировке и молотилке. Кроме того, были организованы зерноочистительные обозы, обработавшие у хуторян за год 58 тыс. пуд. семенного материала. О плате за прокат, по словам губернского агронома, на первых порах «не могло быть речи» — важно было приучить людей к технике. Постепенно вводится платный прокат; 60% единоличных хозяйств уже обзавелись собственными плугами¹⁸.

Читатель наверняка уже подумал: почему руководители нашего нынешнего

Использование минеральных удобрений *

Страна	Пудов на 1 дес.	Страна	Пудов на 1 дес.
Бельгия	21,39	Англия	4,53
Германия	8,75	Россия	0,39
США	5,22		

* Труды совещания по организации посевной площади в 1917 г. М., 1917. С. 187.

Протяженность и густота железных дорог в России и в некоторых других странах *

Страна	Год	Длина, верст	Территория, кв. верст	На 100 кв. верст	Население, тыс. человек	Человек на версту
Россия (без Финляндии)	1913	65 876	18 869 546	0,3	175 138	2 659
Европейская Россия	1910	50 453	4 250 575	1,2	120 588	2 390
	1913	52 854		1,2	128 864	2 438
Австро-Венгрия	1910	40 002	549 060	7,3	49 211	1 230
Германия	1910	54 521	475 885	11,5	64 926	1 191
Франция	1910	37 893	484 151	7,8	41 479	1 095
Великобритания	1913	35 750	201 892	17,7	40 817	1 141
США	«	382 481	6 888 129	5,6	9 8781	258

* Статистический сборник Министерства путей сообщения за 1913 год. Вып. 141. Ч. 3. Пг., 1916. С. XIII—XXI. Территория и население России по: Ежегодник России. 1914 год. Пг., 1915. С. 2. Данные о территории и населении других стран приведены по энциклопедическому словарю «Гранат».

агропромышленного комплекса будто забыли слово «прокат»? А ведь если хорошо подумать, в этих формах хозяйственных отношений кроются огромные возможности для подъема сельского хозяйства. Споры нет, организация государственного проката средств сельскохозяйственного машиностроения — дело хлопотное, да и Минфин будет недоволен (изъятие налога с добавочной стоимости теряет характер разовой, моментальной бухгалтерской операции). Но при организации новых (фермерских, арендных и т. д.) звеньев производства, если об этом говорить серьезно, прокат был бы гигантским ускорителем прогресса для этих новых звеньев, и не только для них.

Несомненной заслугой земств явилась организация практической помощи населению в приобретении сельскохозяйственных орудий и семян, для чего была создана целая сеть земских сельскохозяйственных складов, продававших машины и орудия за наличный расчет с рассрочкой платежа на несколько лет. Через склады промышленные фирмы продавали также кровельное и поковочное железо. Большой популярностью пользовалась деятельность Орловского земского сельскохозяйственного склада, постепенно распространившего свои операции и на соседние губернии.

Попутно укажем на другой продукт потребления деревни, обойденный автором, — искусственные удобрения.

Есть в сочинении В. Л. Бразоля интересный раздел о железных дорогах. Действительно, можно гордиться державой, сумевшей за небольшой исторический срок построить мощную сеть стальных магистралей, в том

Урожайность важнейших хлебов в России и в Западной Европе (пудов с 1 дес.)

Страна	Пшеница яровая		Рожь озимая		Овес	
	1901—1905	1911—1915	1901—1905	1911—1915	1901—1905	1911—1915
«Просвещенные»	103	111	100	116	100	107
«Обездоленные»	71	76	71	80	64	75
Европейская Россия:						
крестьяне	45	50	50	59	50	55
помещики	51	57	61	70	58	65

* Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Пг., 1917. С. 83, 94—105. В группу «просвещенных» вошли Англия, Бельгия, Германия, Голландия и Франция; группу «обездоленных» составили Австрия, Венгрия, Испания и Румыния. Другие страны не представлены из-за неполноты данных.

Таблица 7

Производство и вывоз хлебов в 1913 г.*

Страна	Население, тыс. чел.	Производство хлебов, тыс. пуд.	На душу, пуд.	Вывоз, тыс. пуд.	% к произведенному	Остаток в стране	
						всего, тыс. пуд.	на душу, пуд.
Аргентина	7 988	742 936	93,0	529 609	71,3	213 327	26,7
Канада	7 541	886 841	117,6	202 491	22,8	684 350	90,8
США	98 781	6 370 636	67,2	360 450	5,7	6 010 168	60,8
Итого...	114 310	8 000 413	70,0	1 092 550	13,7	6 907 863	60,4
Россия	178 905	5 636 601	31,5	663 465	11,8	4 973 136	27,8
% к итогу 3-х стран	156,5	70,5	45,0	60,7		72,0	46,0

* Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Пг., 1917. С. 3, 6, 108, 111.

числе рекордную по протяженности (8 тыс. верст) Транссибирскую магистраль. Только вот в России все делается или невпопад, или не вовремя.

Автор с восторгом повествует о том, что в 1916 г., т. е. в самый разгар войны было построено более 2000 верст железных дорог, которые соединили Северный Ледовитый океан (порт Романовск) с центром России. Действительно, для связи с союзниками дорога была нужна. Но перенапрягать силы народа, и без того изнывавшего под гнетом войны, страдавшего от голода и разрухи, было еще одним преступлением царя Николая II. И так писать, как Бразоль, можно только оправдывая преступление.

Итог развития железнодорожной сети в России сравнительно с некоторыми другими странами представлен нами в табл. 5. К 1913 г. Россия в целом, и даже ее европейская часть, более насыщенная железнодорожной сетью, оказалась позади своих конкурентов. По плотности сети на 100 кв. верст Европейскую Россию превосходили: Великобритания — в 15 раз, Германия — в 10, Франция — в 6,5, Австро-Венгрия — в 6 и, наконец, США — в 5 раз. А по числу жителей на версту дороги ряд расположится в таком порядке

Общее поголовье скота в Европейской России *

Период	Население, тыс. чел.	Скот в переводе на крупный **, тыс. голов	На 100 жителей условных голов	% к 1896—1898 гг.
1894—1895	91 860	48 029,3	52,3	85,0
1896—1898	94 215	57 977,7	61,5	100,0
1899—1901	98 379	59 801,9	60,8	98,9
1902—1904	103 423	61 235,1	59,2	96,3
1905—1907	108 803	59 298,8	54,5	88,6
1908—1910	114 590	59 852,5	52,7	84,9
1911—1913	119 800	62 074,9	51,8	84,2

* Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Пг., 1917. С. 240—241. Расчет наш.

** Условно 1 голова крупного скота = 10 овец и 3 свиньи.

по благоприятности показателя: США — Франция — Великобритания — Германия — Австро-Венгрия — Россия.

Есть подсчеты у Б. Л. Бразоля и по торговому флоту: его тоннаж увеличился за 1894—1914 гг. с 492 тыс. до 778 тыс. т (рост на 58%). Но достаточен ли такой тоннаж, отвечает ли он размерам российского ввоза и вывоза? Такого вопроса для автора брошюры не существует. В официальной записке Министерства финансов (1914 г.) говорилось о том, что вследствие слабости русского Морского торгового флота приходилось прибегать к пользованию иностранными судами, за что уплачивали «за границу крупные суммы по морским фрахтам»¹⁹.

Перейдем к вопросам о производительности сельского хозяйства. Автор указывает, что «средняя урожайность с десятины» с 1901 по 1913 г. возросла с 33 до 58 пуд. Но, во-первых, не говорится, о каком хлебе или о среднем из каких культур идет речь. Во-вторых, любой статистик знает, что данные об урожайности и о сборе хлебов можно сравнивать не по отдельным годам, а по равным периодам (обычно по пятилетиям), ибо, как говорят, год на год не приходится. Так, 1901 год был неурожайным, и сравнение его с урожайным 1913 годом некорректно.

Предлагаем свой расчет урожайности в России по разным видам хлебов (см. табл. 6). Данные приводятся в сравнении с данными по другим странам, которые мы, следуя публицистам дореволюционного официального журнала «Вестник финансов, промышленности и торговли», разделили на две группы с условными названиями «просвещенные» и «обездоленные». Как видно из таблицы, прогресс земледелия наблюдается всюду, не исключая Россию. Без специальных расчетов видно, однако, что Россия отставала по темпам роста урожайности от первой группы, была близка ко второй, но по уровню ее была вдвое дальше от первой, не достигая даже «обездоленных».

Для уточнения размеров производства и вывоза хлебов главными мировыми производителями приведем расчет на 1913 г. Первые две графы таблицы 7 ясно показывают, что в России, превосходившей все три страны Нового света по численности населения более чем в полтора раза, сбор хлебов в 1913 г. составил лишь немногим более двух третей общего сбора хлебов трех других стран. Отставание России особенно наглядно выражается при подушевой раскладке урожая. Если в трех странах вместе производилось на душу 70 пуд. хлеба, то в России всего лишь 31,5 пуд., или менее половины.

Что касается вывоза хлебов, то Россия к началу мировой войны обогнала

Количество скота в переводе на крупный в 1913 г.*

Группа стран	Население, тыс. чел.	Скот **		Мелкого скота на 100 чел.	Свиней на 100 чел.	Крупного рогатого скота на 100 чел.
		всего, тыс. голов	на 100 чел.			
Америка ^а	106 349	151 941,2	142,8	134	61	87
Европа:						
«просвещенные» ^б	179 971	91 709,5	51,0	39	23	33
«обездоленные» ^в	118 404	52 409,0	44,3	55	17	26
Россия (с Финляндией)	178 906	97 226,5	54,3	49	9	29

* Ежегодник Главного управления землеустройства и земледелия по департаменту земледелия. Пг., 1914.

** Скот в переводе на крупный (см. примечание к табл. 8).

^а США, Канада, Аргентина.

^б Германия, Франция, Великобритания, Греция, Бельгия, Дания, Голландия, Швеция, Норвегия, Швейцария.

^в Австро-Венгрия, Италия, Испания, Болгария, Румыния, Сербия.

своих соперников, экспортировав в 1913 г. хлеба больше, чем любая из трех стран американского континента, превзойдя даже Аргентину с ее полумиллиардным вывозом. Итак, экспорт хлеба из России был огромен. Однако за счет чего это достигалось? Оказывается, за счет форсированного уменьшения запасов хлеба внутри страны. В самом деле, остатки в трех странах вместе составляли 60 пуд. на душу, а в России 28 пуд. Только в Аргентине остаток был меньше на 1 пуд, но это объясняется тем, что статистика производства по этой стране была неполна — учтены только пшеница и кукуруза.

Свой излюбленный прием — убеждать читателя в наличии прогресса на основе абсолютного роста того или иного показателя — Бразоль использовал и в отношении скотоводства. Причем для сравнения 1895 и 1914 годов взяты только лошади (соответственно 26,6 и 37,5 млн. голов) и крупный рогатый скот (31,6 и 52 млн. голов). Брать другие виды скота автору было явно невыгодно, так как свиноводство почти не показало прироста, а овцеводство дало абсолютное снижение поголовья ²⁰. Между тем давно существуют методики приведения разных видов скота к единой расчетной единице — штуке скота, в зависимости от целей (по рыночным ценам, по весу, по скопу навоза).

Воспользуемся и мы одной из методик (предложена редактором журнала «Хозяин» А. П. Мертваго), сопоставив «переводной» скот (штуки) по Европейской России с численностью населения.

Как следует из таблицы 8, с учетом овец и свиней в переводе на крупный рогатый скот общая его масса возросла за указанные периоды почти на треть. Однако население региона за то же время увеличилось на 30,4%, а если расчет вести от вершины, которой достигло отечественное скотоводство (1896—1898 гг.), проценты будут иными: 7,1% и 27,2. Разность этих цифр — 20,1% — и есть мера того регресса, который явился выражением хронического кризиса русского скотоводства. Что кризис являлся хроническим, видно из показателей на 100 жителей: он не только не превзошел уровень 1896—1898 гг., но ни разу не превысил уровня предыдущего трехлетия.

Кризис скотоводства не бросался в глаза отчасти потому, что по статистическому учету скота числилось еще много. Покажем это в сравнении с другими странами.

Поступления от экспорта продуктов российского животноводства *

Продукт	Выручка, тыс. руб.
Яйца	84 672
Масло коровье	68 535
Птица домашняя битая	5 149
Мясо-солонина	4 038
Свинина свежая	1 709
Итого...	164 103

* Вывоз и привоз главнейших товаров во внешней торговле России. СПб., 1914. С. 4—5. Из этого источника взяты и приведенные сведения внешнеторгового характера.

Таблица 11

Налоги на душу населения *

Страна	Сумма, руб.	Страна	Сумма, руб.
Россия	9,09	Германия	22,26
Австрия	21,47	Англия	42,61
Франция	22,25		

* Бразоль Б. Л. Указ. соч. С. 5.

Таблица 12

Доходы и налоги на душу населения *

Страна	Годовой доход, руб.	Налог		Остаток, руб.
		руб.	%	
Россия	126,20	9,09	7,2	117,11
Франция	343,00	22,25	6,5	320,75
Германия	287,50	22,26	7,7	265,24
Англия	310,50	42,61	13,7	267,89

* Прокопович С. Н. Народный доход в западноевропейских странах. М., 1922, С. 55, 62, 177.

Как видно из таблицы 9, Россия по «массе» скота, далеко отставая от тройки американских стран, опережала по обеспеченности населения поголовьем скота не только «обездоленные», но и «просвещенные» страны.

Но приглядимся к другим цифрам. Совершенно очевидно, что опережение Россией Европы по «массе» скота произошло из-за высокой доли поголовья мелкого скота. По крупному же скоту Россия заняла срединное положение в Европе, равняясь с Германией. Казалось бы, в этих условиях кормовые средства должны оставаться дома. А между тем в 1912 г. из России вывезено почти исключительно в Германию 169 млн. пуд. ячменя, 52 — овса, 47 — кукурузы, а всего кормовых — 267 млн. пуд. Причем Германия демонстративно установила ввозные пошлины на кормовые втрое меньше, чем на русские же пшеницу и рожь, которых ввезла в том же 1912 году всего лишь 175 млн. пуд.

Имея в расчете на 100 душ примерно столько же крупного рогатого скота, как и Западная Европа (29 против 29,5), Россия не импортировала животное масло, но, наоборот, вывозила его в ту же Европу во все возрастающих количествах: с 315,7 тыс. пуд. в 1894 г. до 4452 тыс. пуд. в 1912 г. При росте поголовья молочного скота на 25% вывоз масла увеличился в 14 раз. Однако русское масло шло по дешевке: в 1901 г. в Лондоне за центнер датского и шведского масла давали по 116—118 шиллингов, а за русское — по 72—96 шилл. «Неприятный запах нашего масла, — отмечал экономист К. Вебер, — это впитанный им запах грязно содержащихся маслоделен...»²¹. При полном равенстве обеспеченности населения мясным скотом (включая мелкий) Россия снабжала Европу мясом. За пятилетие (1908—1912 гг.) вывоз соленого мяса вырос с 96 тыс. до 544 тыс. пуд., а экспортные фирмы получили в сумме 13,9 млн. золотых рублей.

Много интересного представляют данные по свиноводству. На 100 жителей в Америке приходилась 61 свинья, в Европе — 21, а в России — всего лишь 9. И при такой-то бедности Россия все же ухитрилась за указанное пятилетие увеличить вывоз свежей свинины с 161 тыс. до 252 тыс. пуд. Чтобы развести побольше свиней, т. е. интенсифицировать по примеру других стран животноводство, нужны были корма. Однако самые ценные для свиноводства корма Россия вывозила. В 1912 г. было вывезено за границу огромное их количество: отрубей хлебных — 51 тыс. пуд. и жмыхов — 47 тыс. пуд.

Более крупной статьёй вывоза была битая домашняя птица. Ее вывоз увеличился с 583 тыс. пуд. до 763 тыс. пуд. С особой гордостью за Россию автор сообщает, что она «поставляла 50% мирового вывоза яиц». Проверить это утверждение мы не можем. Но если все-таки 50% — это очень плохо. Дело в том, что на благо Европы старались в основном крестьянские хохлатки и пеструшки (а не птицефермы, которых было мало). Подтверждая данные автора за 1908 и 1909 гг., добавим, что в 1912 г. вывоз яиц составил 3397 млн. шт., т. е. со стола каждого россиянина ушло два десятка яиц на стол европейских бюргеров.

В заключение раздела о животноводстве приведем данные о выручке экспортеров от продажи продуктов отрасли за рубеж в 1912 г. (см. табл. 10). С одной стороны, заработали биржевики, а с другой — упало потребление населения, прежде всего производителей этих продуктов — крестьян. Как видим, девиз А. И. Вышнеградского «Недоедим, а вывезем!» был для России свойствен до конца империи.

Следуя своей сомнительной методе, Бразоль приводит в абсолютных размерах данные о налогах в разных странах, не соотнося их с доходами. Его данные по сумме налогов (прямых и косвенных) на одного жителя в рублях представлены в таблице 11. Соответственным получился и вывод: в России самые легкие налоги.

В свое время С. Н. Прокопович исчислил народный доход на душу населения по некоторым странам. Поскольку у него нет сведений по Австрии, приводим сопоставление по остальным странам (табл. 12), из которого следует вывод, прямо противоположный выводу Бразоля. Русскому человеку по уплате налогов оставалось примерно вдвое меньше, чем немцу и англичанину, и втрое меньше, чем французам.

Неверно и утверждение Бразоля, что будто не только прямые, но и косвенные налоги в России были меньше, чем в других странах. По расчетам А. Л. Сидорова, за пятилетие с 1899 по 1903 г. косвенные налоги в России увеличились на 13,2%, а за годы «конституционного бюджета» (1908—1912 гг.) — еще на 21,5%²². Учтем и то, что кроме окладов налогов есть и платежи по ним, есть и недоимки по платежам. Оклад казенных, земских и страховых взносов крестьян 48 губерний Европейской России на 1912 г. составил 140 млн. руб., а в недоимке осталось 34 млн. руб., по 2,27 руб. на двор. За крестьянами тех же губерний числился долг по продовольственным ссудам

прежних лет в сумме 266 млн. руб., или еще по 9 р. 40 к. на двор. Для погашения этих долгов П. А. Столыпин приказал в 1909 г. взыскивать по два годовых окладных платежа. Кроме того, были мирские сборы, платежи за купленную землю. В 1913 г. только Крестьянскому банку крестьяне уплатили взносов 88 млн. руб за купленные 15 млн. дес. земли, т. е. почти столько же, сколько они платили выкупных (96 млн. руб. за 95 млн. дес.).

В аренде у крестьян находилось до 35—37 млн. дес. помещицкой, отчасти удельной и казенной земли. Арендные цены неуклонно росли. По нашим подсчетам, основанным на официальной статистике и на исключительно ценной работе А. Л. Вайнштейна²³, крестьяне только в Европейской России за 1907—1914 гг. уплатили за аренду земли 2,5 млрд. руб. Не касаясь многих других платежей, сделаем основной вывод. После вынужденной отмены выкупных платежей с 1907 г. началась та фаза царствования Николая II, тесно связанная с именем и действиями П. А. Столыпина, которая характеризуется кроме всего прочего усиленным ограблением российской деревни. (Это ограбление в новых условиях и разных формах продолжается и по сей день).

Особо выделяет автор рост вкладов в сберегательные кассы: за 20 лет — в 6,8 раза. Не будем спорить об абсолютных цифрах: повышение мировых цен на хлеб и другие продукты сельскохозяйственного производства (с 1896 г.) увеличило доходы предприимчивой части деревни, а революция 1905—1907 гг. подняла заработки рабочих. Но упускается из виду, что вклады в сберегательные кассы — это в основном накопления трудящихся, откладываемые «на черный день». Деньги предпринимателей находились в обороте, у консервативных помещиков — в ценных бумагах на хранении в банках, а у деловых латифундистов — на онкольных счетах. Вот почему в 1908 г., до которого автор ведет подробный счет, средняя сумма вкладов упала со 198 до 184 руб. Если посмотреть повнимательнее, то окажется, что вклады крестьян, составлявших 86% населения страны, к 1 января 1909 г. были равны по числу книжек 28%, а по сумме — 26%. Только 13% крестьянских семей имели вклады в сберегательных кассах²⁴.

В разделе «Рабочее законодательство» автор уверяет читателя, что еще в царствование Екатерины II рабочий день заводских работников был ограничен 10-ю часами (на самом деле это были приписанные к государственному и посессионным заводам крестьяне). И только по закону от 2 июня 1897 г. рабочий день был официально ограничен 11,5 часами и таковым оставался до 1917 г.

Бюджет Министерства народного просвещения, пишет Бразоль, за 1894—1914 гг. вырос с 25,2 млн. до 161,2 млн. руб. при значительном росте числа учащихся. Но соответствовал ли этот рост потребностям народа в условиях мирового прогресса? Ответить на этот вопрос можно только путем сравнения с другими странами, чего автор тщательно избегает. Что касается основы основ всякой цивилизации — грамотности народной массы, — мы провели сравнение (см. табл. 13).

Как показывают цифры, начальных школ в России относительно числа жителей было втрое меньше, чем в странах Запада. Число школьников было в 3,2 раза меньше, чем в «просвещенных», и в 2,3 раза меньше, чем в «обездоленных» странах Европы. Столь же значительно, в 4 и 1,8 раза отставала Россия и по количеству учителей. Только по числу учащихся на одного учителя Россия была впереди «обездоленных» стран.

Начальное образование в России понималось властями чрезвычайно узко, как умение читать, писать, считать и знать наизусть несколько молитв, начиная с «Отче наш». Поэтому подавляющее число начальных школ было одногодичными («одноклассными»). Двухклассных школ было мало (например, в 1903 г. двухклассную школу окончили лишь 9% школьников). Грамота для женщины-крестьянки считалась излишней роскошью, почему девочки и

Начальное образование в России и странах Европы в 1910—1914 гг.*

Страна	Годы	Население, тыс. чел.	Начальных школ	Школ на 1000 жителей	Жителей на 1 школу	школьников, тыс.	% к населению	Учителей	Учителей на 1000 жителей	Учени- ков на 1 учителя
«Просвещенные» (7)	1910—1914	30 870,3	51 407	1,7	601	4 114,3	13,3	66 102	3,6	41
«Обездоленные» (6)	1910—1914	89 837,0	146 207	1,6	614	8 641,3	9,6	145 327	1,6	59
Россия	1911	169 120,0	100 295	0,6	2586	6 980,5 ^a	4,1	154 183 ^b	0,9	45

* Рассчитано по: Энциклопедический словарь «Гранат». Т. 50. С. 75, 76, 155, 156. В число «просвещенных» вошли Норвегия, Швеция, Греция, Швейцария, Дания, Голландия и Бельгия. По учителям расчет сделан без Норвегии и Швейцарии за отсутствием данных об учителях. «Обездоленные» — Италия, Испания, Болгария, Венгрия, Румыния и Сербия.

^a В том числе 4 999,6 тыс. мальчиков и 1980,9 тыс. девочек

^b В том числе 70 866 учителей и 83 317 учительниц. В расчет не вошли 49 096 учителей Закона Божьего, занимавшихся факультативно.

Смертность в России и в Западной Европе*

Группа стран ^a	Среднегодовое число всех смертей на 1000 человек населения			То же от заразных болезней ^b на 100 тыс. человек за 1905—1909 гг.
	1896—1900 гг.	1901—1905 гг.	1906—1910 гг.	
«Просвещенные»	17,4	16,8	15,6	71,5
«Обездоленные»	26,3	24,3	23,8	199,9
Россия (вместе с Польшей)	32,1	31,0	29,6	527,7

* Вестник финансов, промышленности и торговли. 1914. № 22. с. 438, 439. По данным Медицинского департамента Министерства внутренних дел.

^a «Просвещенные» страны: Англия, Бельгия, Германия, Голландия, Ирландия, Норвегия, Швейцария, Швеция; «обездоленные»: Австрия, Венгрия, Испания, Италия, Румыния, Сербия.

^b От оспы, кори, дифтерии, скарлатины, коклюша и тифа.

Территория и поголовье скота на одного ветеринарного врача *

Страна	Площадь, кв. км	Скота, тыс. голов
Россия	6177	51,4
Швейцария	75	4,3
Германия	100	10,0
Франция	148	11,5
Англия	114	17,3
Норвегия	1538	11,2
Австрия	221	13,6
Венгрия	282	13,2

* Объяснительная записка к отчету Государственного контроля по исполнению государственной росписи и финансовых смет за 1912 год. СПб., 1913. С. 275.

составляли лишь 28,4% всех школьников. Учащихся заставляли зубрить азы, но не учили думать, чтобы легче было управлять этими «грамотными».

Что касается постановки высшего и среднего образования в России, не имея под рукой статистических данных, сошлемся на авторитетное мнение предпоследнего российского министра народного просвещения графа П. Н. Игнатьева. Во «всеподданнейшем докладе» от 13 июня 1916 г. он писал царю: «Изучая далее вопрос... я встретился с явлением, которое грозит затормозить не только общий рост народного образования, но и может послужить препятствием к широкому развитию профессиональных знаний. Явление это заключается в быстро растущем некомплекте преподавателей общеобразовательных предметов в средних учебных заведениях... По статистическим данным, некомплект этот в некоторых местностях Империи превышает 40% общего числа преподавателей...»²⁵.

Министр ходатайствовал об увеличении физико-математических и историко-филологических факультетов, т. е. новых университетов, чему противился последний самодержец. Известна его резолюция на одном из докладов министра народного просвещения: «Я считаю, что Россия нуждается в открытии высших специальных заведений, а еще больше в средних технических и сельскохозяйственных школах, но что с нее вполне достаточно существующих университетов. Принять эту резолюцию за руководящее мое указание»²⁶.

Обошел Б. Л. Бразоль и вопрос о состоянии народного здоровья в России. Характерным показателем состояния здравоохранения в любой стране является уровень смертности населения. По этому показателю Россия далеко «опережала» не только передовые, но и наиболее отсталые страны Европы. Особенно велика была смертность от заразных болезней: от них ежегодно умирал каждый двадцатый житель страны (см. табл. 14).

В приведенном в таблице перечне заразных болезней не указана холера. В XIX в. Россия перенесла пять холерных эпидемий. В первом же десятилетии XX в. они вспыхивали дважды. Во время эпидемии 1902—1904 гг. официально зарегистрировано 11 872 заболевших холерой, из которых умерло 8014 человек. Очаговые вспышки ее появлялись и позднее, в частности, в Саратовской губернии, переросшие в 1907 г. в невиданную эпидемию, продолжавшуюся до 1911 г. За это время в Европейской России холерой заболело 310 632 человек, из которых умерло 146 905 (в среднегодовом исчислении по 29,4 тыс. человек в год, или по 25 на каждые 100 тыс. населения этой части империи).

Рассмотрим также обойденный Бразолем вопрос о состоянии ветеринарного

дела в России. Имеющиеся данные на 1907 г. о количестве скота и территории, приходящихся на одного ветеринарного врача в разных странах, сведены в таблицу 15. В упомянутом докладе министра П. Н. Игнатьева, обеспокоенного подготовкой специалистов для этой отрасли, говорится: «По расчету Министерства внутренних дел, для более или менее правильного устройства ветеринарного надзора потребовалось бы по меньшей мере 8000 ветеринаров, в то время как их имеется немного более 3000 человек, и существующие 4 ветеринарных института не в состоянии увеличить свои выпуски».

Очень важное значение имеет, конечно, земельный вопрос, отнесенный в брошюре на последнее место. Именно в этом разделе заключена самая большая ложь разбираемого опуса, выраженная словами: аграрный вопрос «нашел счастливое разрешение в царствование императора Николая II».

Не требуется специальных изысканий для опровержения утверждения Бразоля, что в 1861 г. «русские крестьяне получили за небольшую плату земли, добровольно уступленные помещиками, по большей части дворянами». Огромная русская экономическая литература еще в XIX в. доказала, что так называемое «освобождение» было бессовестнейшим грабежом крестьянства двояким образом: и отрезками земли, и непомерными выкупными платежами. Недаром во избежание всеобщего бунта эти платежи в начале 80-х гг. были значительно снижены (закон от 28 декабря 1882 г.).

Говоря о столыпинском курсе на насаждение крестьянской частной земельной собственности, Бразоль нечаянно раскрывает истинную цель этой политики: «Не имея собственности, которую надо было бы защищать, он (крестьянин) так же небрежно относился и к чужой собственности», т. е. к помещичьей земле. Почему-то автор начинает излагать ход столыпинской реформы не с ее сердцевины — разрушения общины, а с переселений крестьян за Урал. Однако тщетно было бы искать в брошюре цифры о переселенцах. А они таковы: после 1905 г. переселилось 3,7 млн., а возвратилось обратно 1 млн. человек; 700 тыс. частью разбрелись по Сибири, частью погибли, и лишь 2 млн. человек, т. е. немногим больше половины, сумели закрепиться на земле. Автор, правда, одну цифру называет — пособие в 200 руб. на семью, но в действительности ссуда (а не пособие) для переселенцев в Сибирь равнялась 150 руб., что было совершенно недостаточно для обзаведения на новом месте. И сибирское земледелие не достигло, как утверждает автор, «полного расцвета». Сбор зерна на душу с 1905 по 1914 г. увеличился всего лишь с 35,9 до 36,7 пуд. При этом имеющиеся излишки зерна вывозить было невыгодно: русские помещики руками правительства установили в Челябинске железнодорожный тарифный перелом (существовал до 1913 г.), за которым дальнейшее движение зерна приносило голый убыток. Оставалось вывозить самый транспортный груз — масло коровье. Но Россия была бедна вагонами-рефрижераторами, и, приготовленное в антисанитарных условиях, оно в пути еще больше теряло качество. Скота, конечно, было много в Сибири, и количество его все увеличивалось. С 1905 по 1914 г. поголовье в переводе на крупный рогатый скот возросло с 7,5 до 10,3 млн. голов. Но в связи с приростом старожильческого населения и особенно с притоком переселенцев число голов скота на 100 человек снизилось со 157,1 до 132,5²⁷.

В отношении основанного в 1882 г. Крестьянского поземельного банка, который правительство Столыпина, по Бразолю, уполномочило скупать помещичьи земли (в действительности это право предоставил банку С. Ю. Витте еще в 1895 г.) и перепродавать их крестьянам на «исключительно льготных условиях», можно сказать следующее. Автор указывает на льготный годовой процент (4,5%), по которому крестьяне погашали ссуду за купленную землю (обычно на 55,5 лет). Но ссуда только записывалась за крестьянами, а за купленную у них землю деньги получали помещики, частью наличными, а главным образом 5-процентными свидетельствами или 6-процентными именованными обязательствами. Эти пол- или полторапроцентные лишки складывались

в десятки миллионов рублей и составляли убытки банка, которые покрывались казначейством. А доходы казначейства составлялись из взносов налогоплательщиков, в основном крестьян. Так процентные подарки банка помещикам опять-таки ложились на крестьян.

Автор восторгается добротой Николая II, отменившего выкупные платежи с 1907 г. Зато один Крестьянский банк в 1913 г. собрал 88 млн. руб. платежей, отобрав за неуплату взносов в срок 547 тыс. дес. земли, и пустив по миру 57 тыс. крестьянских семей.

Б. Л. Бразоль, как и следовало ожидать, обошел и вопрос о карательной практике администрации Николая II, его личном отношении и роли в этом деле. Восполним вкратце этот досадный «недосмотр», приведя любопытное письмо военного министра А. Ф. Редигера Столыпину.

Военный министр
1 июля 1906 года
№ 751

Его превосходительству
П. А. Столыпину
Секретно

Милостивый Государь,
Петр Аркадьевич

По поводу Всеподданнейшего доклада моего с ходатайством о замене одному из осужденных военным судом гражданских лиц смертной казни каторжными работами Государю Императору угодно было указать, что смертная казнь в настоящее время является, к сожалению, неизбежной, но необходимо, чтобы лица, совершившие преступления, караемые смертной казнью, не томилась долгие сроки в ее ожидании и чтобы приговоры в этих случаях постановлялись и исполнялись не позже 48 часов после совершения преступления. Такое быстрое наказание будет вместе с тем иметь и более устрашающее действие. Ввиду этого Государь Император соизволил повелеть: ныне же пересмотреть, в чем нужно, соответствующие законы с тем, чтобы в тех случаях, когда факт совершения преступления, караемого казнью, не подлежит никакому сомнению и вина подсудимого очевидна, все судебные действия заканчивались в указанный кратчайший срок.

Так как соответственный законопроект предполагалось выработать при участии Министерства юстиции, то Главный Военный Прокурор имел объяснение по этому предмету с Министром юстиции, который, со своей стороны, признал, что возбужденный вопрос подлежит, по его важности, предварительному обсуждению Совета Министров и может вызвать необходимость особого доклада Государю Императору.

Об изложенном имею честь уведомить Ваше Превосходительство.

Прошу принять уверение в совершенном уважении и преданности.

РГИА, ф. 1276, оп. 1, д. 92, л. 11.

После очередного доклада премьер-министра царю окончательно был решен вопрос о введении военно-полевых судов. Вступление в действие их было ускорено взрывом 12 августа 1906 г. дачи Столыпина на Аптекарском острове, когда погибли 27 и было ранено 32 человека, и в их числе двое детей Столыпина.

Уже 19 августа был опубликован указ о введении военно-полевых судов. За восемь месяцев своего действия они рассмотрели дела о 1350 преступниках, из них приговорено к смертной казни 1102, 71 оказался привлеченным к суду без всякого основания и был «помилован», остальные приговорены к различным видам наказаний, большинство — к бессрочной каторге.

Военно-полевой суд составлялся начальником гарнизона (базы) из пяти подвернувшихся под руку офицеров, коих в изобилии обреталось при разных штабах; пятерка и вершила суд, без приглашения обвинителя и защитника.

В таблице 16 приведены данные о смертных приговорах и казнях в России

Смертные казни и приговоры в 1905—1909 гг. *

Год	Приговорено	Казнено	%
Военно-окружные суды			
1905	72	10	13,9
1906	450	144	32,0
1907	1056	456	43,2
1908	1741	825	47,4
1909 (3 месяца)	376	235	62,5
Военно-полевые суды			
1906—1907 (8 месяцев)	1102	683	62,9
Итого...	4797	2353	49,1

* Русское богатство. 1909. № 4. С. 80—81.

за 1905 — первый квартал 1909 г. по двум видам судов. Но важны не только абсолютные цифры, важнее отражаемые ими процессы и тенденции. И тут мы встречаемся с двумя кажущимися несообразностями. Во-первых, военно-окружными судами в разгар революции (1905—1906 гг.) вынесено 14% смертных приговоров и совершено по ним 9% казней. Все остальные приговоры (86%) и казни (91%) пришлось на период спада революции и «мирное» время. Из числа приговоренных к смерти казнили во время революции менее одной трети (29%), а после нее — почти половину (48%) и, что весьма примечательно, процент казненных к числу приговоренных к смерти год от года неуклонно нарастал, пока в 1909 г. не сравнялся с процентом казненных по приговорам отмененных 19 апреля 1907 г. военно-полевых судов.

Кроме того, во время подавления восстаний и разгона демонстраций за годы правления Николая II убито 17 582 и ранено 28 051 человек. В течение 1905—1912 гг. в тюрьмах умерло 30 424, покончили самоубийством 928 человек ²⁸.

Сравнительные данные по царствованиям других лиц династии мы не приводим ввиду «чересполосности» таких данных. Но одно совершенно ясно: царствование Николая II было самым кровавым. Особенно тяжелым в последние двадцать три года российской монархии оказалось положение так называемых «инородцев», и прежде всего евреев. В правление Николая II еврейские погромы стали заурадным явлением. Организовывались они обычно «патриотами» — членами черносотенных организаций — Союза русского народа и Союза Михаила Архангела, которым царь открыто покровительствовал, подолгу беседуя с главой «союзников» А. И. Дубровиным. В погромах погибло 21 тыс. человек и получило ранения 31 тыс. человек, но ни один из погромщиков не был привлечен к суду и не был как-либо наказан. Размах репрессий в России в ходе, а особенно после революции 1905—1907 гг. был настолько широк, что хорошо осведомленный современник событий записал: «Чуть не в каждой семье имеются близкие люди, которых так или иначе задело маховое колесо русской истории последних лет, кровавых, беспощадных и страшных» ²⁹.

В заключение приведем эпизод из романа А. Солженицына «Август четырнадцатого». В самом его начале недавняя гимназистка Варя размышляла: «А еще: разобраться, как это сразу все заскособочилось, куда поползло? Всего месяц назад, три недели назад, кажется, никакой мыслящий русский гражданин не сомневался, что глава России — презренная личность, недостойная даже серьезного упоминания, немыслимо было без насмешки

повторить его слова. И вдруг в день-два все изменилось». Героиня романа имела в виду массовую вспышку шовинизма и возвеличивания царя в начале первой мировой войны, что сегодня — голубая мечта наших сегодняшних монархистов.

Примечания

- ¹ Ш в а н е б а х П. Х. Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901. С. 113.
- ² История СССР. Т. VI. М., 1968. С. 277.
- ³ Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917). М., 1960. С. 33.
- ⁴ Там же. С. 84.
- ⁵ Там же. С. 105.
- ⁶ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. II. Капитализм. Л., 1952. С. 415.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Брейтерман А. Д. Медная промышленность дореволюционной России. Л., 1954. С. 17—18.
- ¹⁰ Там же. С. 19.
- ¹¹ Материалы к докладу Совета экстренному съезду горнопромышленников Юга России 17 марта 1914 г. о таможенных пошлинах. Харьков. 1914. С. 24.
- ¹² Там же. С. 24—25.
- ¹³ Вывоз и привоз главнейших товаров во внешней торговле России. СПб., 1914. С. 12.
- ¹⁴ Касперович Г. Железодельная промышленность России за последнее десятилетие (1903—1912 гг.). СПб., 1913. С. 5.
- ¹⁵ РГИА, ф. 560 — Общая канцелярия министра, оп. 26, д. 948. 1911 г., л. 18, 24.
- ¹⁶ Там же, л. 28—29.
- ¹⁷ Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. 1963. С. 431.
- ¹⁸ Отчет об оказании агрономической помощи землеустроенным хозяйствам. Пенза, 1913.
- ¹⁹ Цит. по: Сидоров А. Л. Указ. соч. С. 85.
- ²⁰ См.: Дубровский С. М. Указ. соч. С. 435.
- ²¹ Сельское хозяйство и лесоводство. 1903. № 5. С. 316.
- ²² Сидоров А. Л. Указ. соч. С. 40.
- ²³ Вайнштейн А. Л. Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время. М., 1924.
- ²⁴ Подсчитано нами по: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. СПб., 1912. С. 1, 2, 493.
- ²⁵ РГИА, ф. 25, оп. 5, д. 6, л. 592.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Все расчеты по Сибири сделаны по: Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск, 1967.
- ²⁸ Энциклопедический словарь «Гранат». Т. 36. С. 650.
- ²⁹ Изгоев А. П. А. Столыпин: Очерк жизни и деятельности. СПб., 1913. С. 133.

О ТЕМПАХ И ФОРМАХ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ НА УРАЛЕ

7 ноября 1929 г. в «Правде» была опубликована статья Сталина «Год великого перелома», в которой было заявлено «о *коренном переломе* в развитии нашего земледелия от мелкого и отсталого индивидуального хозяйства к крупному и передовому *коллективному* земледелию, к совместной обработке земли, к машинно-тракторным станциям, к артелям, колхозам, опирающимся на новую технику»¹. Сталин считал, что хлебная проблема может быть решена только путем перевода сельского хозяйства на путь крупного общественного производства в самые короткие сроки. В статье он без всяких оснований утверждал, что основные массы крестьянства (т. е. середняки) повернули в сторону колхозов, и выразил уверенность, что развитие «пойдет усиленным темпом» и «наша страна через каких-нибудь три года станет одной из самых хлебных стран, если не самой хлебной страной в мире»². Это означало, по сути, провозглашение курса на сплошную коллективизацию. «Великий вождь мирового пролетариата» (как его вскоре нарекли) свою статью закончил словами: «Мы идем на всех парах по пути... к социализму». И обещал посадить мужика на трактор³.

Следует сказать, что ни XV съезд ВКП(б) (декабрь 1927 г.), который выдвинул в качестве основной задачи партии в деревне объединение и преобразование мелких крестьянских хозяйств в крупные коллективы, ни принятый позднее первый пятилетний план не предусматривали «сплошной коллективизации» в течение нескольких лет. Переход крестьянства к крупному общественному хозяйству предполагалось осуществить постепенно, только при его согласии на это, по мере создания необходимых материальных условий, при всесторонней поддержке кооперативного строительства со стороны государства⁴.

Осенью 1929 г., вопреки утверждению Сталина, никакого перелома в сознании основных масс крестьянства в пользу колхозов даже в важнейших зерновых районах страны не только не произошло, но он и не обозначился. Материальная база сельского хозяйства была еще очень слабой, оно по-прежнему базировалось в основном на конно-ручном производстве, или, как утверждают некоторые исследователи, находилось на мануфактурной стадии развития.

Установка Сталина на форсирование коллективизации, не считаясь с настроением крестьянства, была закреплена в решениях ноябрьского (1929 г.) Пленума ЦК ВКП(б), который подчеркнул, что «колхозное движение ставит уже задачу сплошной коллективизации перед отдельными областями»⁵. В. Молотов, являвшийся в то время секретарем ЦК партии по работе в деревне, на Пленуме заявил: «В теперешних условиях заниматься разговорами о пятилетке коллективизации значит заниматься ненужным делом. Для основных сельскохозяйственных районов и областей при всей разнице темпов коллективизации их надо думать сейчас не о пятилетке, а о ближайшем годе». В числе областей, которым надо было думать «о ближайшем годе» в проведении коллективизации, В. Молотов назвал и Урал⁶.

Лозунг сплошной коллективизации сразу же был взят на вооружение Колхозцентром СССР, который являлся своего рода штабом по колхозному строительству. Председатель Колхозцентра Г. Н. Каминский на совещании при ЦМК СССР 5 декабря 1929 г., отметив, что развертывание коллективизации

* Плотников Иван Егорович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Курганского педагогического института.

«идет нарастающим прогрессивным темпом», заключил: «Мы стоим перед таким положением в основных зерновых и сырьевых районах, что в ближайшие полтора—два года в этих основных районах коллективизация охватит *полностью подавляющую массу крестьянства* (курсив мой.— И. П.). Совершенно ясно,— продолжал он,— что именно эта весенняя кампания будет решающей. Для ряда областей и районов эта весна, осень и следующая весна будут тем периодом, который решит весь вопрос о коллективизации зерновых и сырьевых районов нашей страны. Сам ход движения подводит к этому». Руководитель Колхозцентра предложил бросить на проведение коллективизации «все силы», подчеркнув, что эта работа «будет почти фронтовая, потому что в Колхозцентре работаешь прямо, как в ЧК»⁷. Действительно, в скором времени события в деревне приобрели фронтовой характер.

Постановление ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» окончательно закрепило курс на сплошную коллективизацию. В нем, по сути дела, было признано необходимым завершить ее в рамках первой пятилетки, в то время как в соответствии с первым пятилетним планом, который был рассчитан на 1928/29—1932/33 хозяйственные годы (хозяйственный год начинался с 1 октября), намечалось к концу пятилетки (т. е. к октябрю 1933 г.) вовлечь в колхозы 18—20% крестьянских хозяйств. В постановлении ЦК партии от 5 января указывалось, что в пределах пятилетки «мы сможем решить задачу коллективизации огромного большинства крестьянских хозяйств», причем в важнейших зерновых районах страны (Нижняя и Средняя Волга, Северный Кавказ) ставилась задача окончить в основном коллективизацию «осенью 1930 г. или, во всяком случае, весной 1931 г.», в других зерновых районах (в том числе на Урале) — «осенью 1931 г. или, во всяком случае, весной 1932 г.»⁸ Установки, исходившие из центра, обусловили почти повсеместно безудержную гонку в обобществлении крестьянских хозяйств.

Уральская область включала территорию современных Свердловской, Пермской, Челябинской, Тюменской, Курганской областей и частично Башкирии и Удмуртии и составляла 1 757 329 кв. км. По данным переписи 17 декабря 1926 г., здесь проживало 6,8 млн. человек, в том числе 5,4 млн. (79,3%) в сельской местности. Область условно делилась на четыре зоны: Предуралье (Коми-Пермяцкий, Кунгурский, Пермский и Сарапульский округа), Горнозаводский Урал (Верхне-Камский, Златоустовский, Свердловский и Тагильский округа), Зауралье (Ирбитский, Ишимский, Курганский, Троицкий, Тюменский, Челябинский и Шадринский округа) и Тобольский Север (Тобольский округ). Территория этих зон была равна соответственно 114 079, 221 907, 253 334 и 1168 009 кв. км. По переписи 1926 г., в Предуралье проживало 1,9 млн. человек, в Горнозаводской полосе — 1,5 млн., в Зауралье — 3,2 млн. и на Тобольском Севере — 192 тыс.⁹

Первым пятилетним планом предусматривалось охватить коллективизацией 15,5% крестьянского населения Уральской области.

С июня по октябрь 1929 г. количество коллективизированных крестьянских хозяйств на Урале возросло с 61,5 тыс. до 94,6 тыс., а процент коллективизации поднялся с 4,8 до 7,3¹⁰. Однако местные руководители стали форсировать события. В Ирбитском округе колхозное движение получило широкий размах. Уже летом 1929 г. в Еланском, Байкаловском и Знаменском районах этого округа оно приняло массовый характер и стало перерастать в сплошную коллективизацию. В начале июня 1929 г. в Еланском районе в колхозах состояло 67,5% крестьянских хозяйств. Это первый район в Уральской области (если не в стране), который встал на путь сплошной коллективизации. В Байкаловском районе к этому времени было коллективизировано 50,2%, в Знаменском — 32,6% крестьянских хозяйств¹¹. В октябре 1929 г. Еланский, Байкаловский и Знаменский районы объединились в один под названием Краснополянский.

Вслед за ними массовая коллективизация охватила Армизонский (Ишимский округ), Мехонский (Шадринский округ), Шатровский (Тюменский округ), Соновский (Пермский округ), Ачитский (Кунгурский округ) и ряд других районов Урала.

23 августа 1929 г. Управление крупных колхозов Колхозцентра констатировало: «Массовое движение крестьянства по переустройству своих форм хозяйства и быта в Уралобласти не ограничивается уже только сплошной коллективизацией в Ирбитском округе, но и распространяется на другие районы области». В Армизонском районе в это время из 3,8 тыс. крестьянских хозяйств в колхозах состояло 2,6 тыс. т. е. 71%, из 16 сельсоветов 4 были коллективизированы на 100%, шесть — на 95—98%. Управление крупных колхозов Колхозцентра признало необходимым Армизонский и Мехонский районы «включить в районы сплошной коллективизации»¹².

17 октября 1929 г. правление Уралколхозсоюза, заслушав сообщение председателя Тюменского окрколхозсоюза Чемякина «О состоянии коллективизации в Шатровском районе», постановило: «Признать Шатровский район районом сплошной коллективизации Уралобласти. Просить Колхозцентр включить Шатровский район в число районов сплошной коллективизации по РСФСР»¹³.

Октябрьский (1929 г.) Пленум Уралобкома ВКП(б) поставил задачу — во втором году (1929/30 г.) пятилетки вовлечь в колхозы «не менее 15% всего сельского населения»¹⁴. В том же месяце пленум Уралоблисполкома обязал Советы Урала «направить все усилия на разрешение задач объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы»¹⁵.

24 октября руководители Шатровского района послали в Москву телеграмму: «Москва, ЦК ВКП(б), копия Колхозцентру. 2 августа имеем коллективизированного населения по району 28%, 11 коммун. 20 октября — 6953 хозяйства, или 65%, 27 850 едоков. Охвачено сплошной коллективизацией 28 селений. Обещаем ноябре 80 процентов коллективизации района. Боровских, Улыбин, Коновалов»¹⁶.

В ноябре 1929 г. Уралколхозсоюз «запланировал» в 1929/30 г. довести число районов сплошной коллективизации в области до 17 с 94,4 тыс. крестьянских хозяйств и 538,1 тыс. га посева¹⁷.

Все более стала проявляться тенденция к усилению темпов коллективизации. Окружные и районные организации спешно стали пересматривать ее планы. Особенно сильно эта тенденция проявилась после ноябрьского (1929 г.) Пленума ЦК ВКП(б).

Состоявшийся в середине декабря 1929 г. пленум Ирбитского окрисполкома поставил задачу — в период весенней посевной кампании коллективизировать не менее 72% крестьянских хозяйств округа, а к октябрю 1930 г. — не менее 95%¹⁸.

Пермский окрисполком записал в своем постановлении, что 1929/30 год должен быть годом решительного форсирования процессов коллективизации и производственного кооперирования батрачества и бедняцко-средняцких масс крестьянства¹⁹.

23 декабря 1929 г. бюро Курганского окружкома ВКП(б) утвердило «контрольные цифры коллективизации на 1929/30 г.», в соответствии с которыми предусматривалось к весеннему севу 1930 г. коллективизировать 64% крестьянских хозяйств округа, а к концу года — 75%. Семь районов (Варгашинский, Звериноголовский, Лебяжьеvский, Лопатинский, Макушинский, Марайский, Юргамышский) планировалось к весне превратить «в районы сплошной коллективизации», еще четыре (Белозерский, Мокроусовский, Половинский, Чашинский) — к концу года²⁰.

Такого же порядка постановления принимаются в районах. Каргапольский райисполком (Шадринский округ) 30 ноября 1929 г. выдвинул задачу — к 1

октября 1930 г. коллективизировать в районе 60% крестьянских хозяйств (к 1 октября 1929 г. этот показатель здесь был равен 12%)²¹. Мишкинский райисполком (Челябинский округ) постановил — «к началу весеннего сева коллективизировать все 100% крестьянских хозяйств, за исключением кулаков и др. классово чуждых элементов»²².

26—31 декабря 1929 г. пленум Уралобкома и Областной краевой комитет ВКП(б) в резолюции о весенней сельскохозяйственной кампании 1930 г. записал: «Задачи, поставленные в области обобществления, требуют со стороны всех партийных, советских, кооперативных, профессиональных организаций такого развертывания массовой работы, которое обеспечивало бы в весенний период коллективизацию 60 проц. бедняцко-средняцких хозяйств с тем, чтобы общий процент коллективизации к концу года был доведен не менее, чем до 80% от общего количества хозяйств области. В эту весеннюю сельскохозяйственную кампанию перевести на сплошную коллективизацию следующие округа: Ирбитский, Тюменский, Пермский, Сарапульский, Шадринский, Челябинский, Курганский, Ишимский с доведением охвата крупными колхозами до 88 проц. всего коллективизированного населения и переходом не менее 134 районов на сплошную коллективизацию, объединив в них до 90 проц. бедняцко-средняцких хозяйств»²³. Решения пленума Уралобкома явно были направлены на подстегивание коллективизации без учета настроений крестьянства²⁴.

На 1 января 1930 г. в Уральской области в колхозах состояло 30% крестьянских хозяйств. В это время в области было 53 района сплошной коллективизации²⁵.

В начале января 1930 г. Уралоблисполком расписал конкретно задания округам области: в Ирбитском и Тюменском предписывалось в период предстоявшей весенней посевной кампании охватить коллективизацией не менее 80% крестьянских хозяйств, в Пермском — 72%, в Свердловском, Тагильском и Златоустовском — по 64%, Курганском, Шадринском, Челябинском, Ишимском и Сарапульском — по 60%, Кунгурском — 52%, Троицком — 44%, Коми-Пермяцком — 32%, Верхне-Камском — 28% и Тобольском — 24%²⁶.

В январе — феврале планы коллективизации в некоторых округах и районах пересматривались в сторону повышения по несколько раз. Челябинский окрисполком в начале января поставил задачу — к весенней посевной кампании охватить ею как минимум 80% крестьянских хозяйств, а в конце января признал необходимым к весне закончить коллективизацию²⁷.

Секретарь Тюменского окрисполкома Маркус в январе 1930 г. докладывал первому секретарю Уралобкома И. Кабакову: «Коллективизация сельского хозяйства на 10 января 1930 г. достигла 74 процентов крестьянских дворов. Задачу закончить к началу весеннего сева в основном сплошную коллективизацию округа мы выполним...»²⁸.

Пермский окружком ВКП(б) 11 февраля 1930 г. постановил: «Энергично развернуть работу по дальнейшей коллективизации сельского хозяйства». В постановлении указывалось, что «если целый ряд районов, как Сосновский, Оханский, Очерский, Нытвенский, Карагайский, Чусовской и др., имеют свыше 79% коллективизированных хозяйств, то ряд других районов, как Чермоз, Добрянка, Сива и Сергач, чрезвычайно слабо поставили работу по коллективизации». Окружком предложил «в отстающих» районах центр внимания «направить на проведение коллективизации и на вовлечение основных масс крестьянства в это дело»²⁹.

Секретарь Юргамышского райкома ВКП(б) (Курганский округ) 27 января писал секретарю Курганского окружкома партии В. Баландину: «Ход коллективизации в районе в настоящее время развернут полным ходом». Он сообщал, что на 25 января в районе зарегистрировано 29 колхозов, которыми охвачено 3761 хозяйство, или 45% к общему числу, а «действительно заколлективизировано дворов 4696, что составляет 56% к общему числу

дворов. Ход коллективизации с каждым днем увеличивается, и можно сказать с твердой уверенностью, что намеченный план коллективизации к весне 1930 г. на 80% будет перевыполнен не позднее марта месяца 1930 г.»³⁰

Между округами и районами стали заключаться договоры о социалистическом соревновании, брались повышенные обязательства по коллективизации³¹.

Все это не подкреплялось ни материальными ресурсами, ни психологической готовностью крестьян порвать со своим единоличным хозяйством и вступить в колхозы. Уполномоченный Колхозцентра некто Касаткин, принимавший участие в обследовании колхозного строительства в Мехонском районе (Шадринский округ), писал: «При вступлении в колхоз крестьяне денька три, а иногда и недельку „гуляют“ и поют „Последний нынешний денечек...“ Крепкие узы вяжут крестьянина с прошлым и расстаться с ним ох как трудно!»³²

Первый секретарь Уралобкома ВКП(б) И. Кабаков в апреле 1930 г. говорил: «Первый этап борьбы за колхозы вызвал погоню за количественными показателями. Эта болезнь захватила одну организацию за другой. Один округ стремился перешеголять цифрой коллективизации другой округ»³³.

Уполномоченные Колхозцентра по Уралу в феврале 1930 г. сообщали, что внимание партийных организаций при коллективизации было обращено главным образом на количественные показатели. «По округам,— информировали они Колхозцентр,— установилось соревнование: кто коллективизирует больше? Это своеобразное „спортивное“ отвлекало организации от качественных задач». В справке Колхозцентра по результатам обследования коллективизации Уральской области, проведенной его уполномоченными в феврале—марте 1930 г., отмечается, что «почти во всех районах коллективизация проводилась на основе заранее предreshенных темпов, давались задания из области или округа, и на этой основе местные организации в районе разворачивали свое руководство коллективным движением. Вопросы коллективизации на общих собраниях крестьян обсуждались в скоропалительном порядке, уставы не зачитывались и необходимой подготовительной массовой работы не проводилось»³⁴.

В обстановке нездоровой погони за высоким процентом коллективизации резко усилился нажим на низовые организации. В «Сводном докладе по материалам обследования работы Советов Северо-Кавказского края, Уральской области и ЦЧО», проведенного инструкторами Президиума ВЦИК в мае—июне 1930 г., отмечается: «Из округов давались головокружительные сроки для стопроцентной коллективизации. Ответственные окружные работники, приезжая на места, требовали от уполномоченных и сельсоветов увеличения действительного размера коллективизации авансом наперед на 10—15%, мотивируя предстоящим докладом в крае. Из округов давались телеграммы, предлагавшие развить «бешеные темпы», сделать «зверский нажим» и т. п.»³⁵

Невыполнение «контрольных цифр» (заданий) по коллективизации стало рассматриваться как правый уклон на практике, что влекло за собой исключение из партии и другие наказания вплоть до ареста и тюремного заключения. Так, на сессии Тагильского окрисполкома в апреле 1930 г. один из выступавших говорил: «Планы коллективизации составлялись нежизненные. За невыполнение в Петрокаменском районе коллективизации на 100% окружные организации обвинили [районные организации] в правом уклоне». Другой из участников сессии заметил, что приезжавшие в Кыновский район окружные работники «требовали коллективизацию с 60% довести до 100%, недоведение до 100% рассматривали как правый уклон, а благодаря этому низовые работники вынуждены были впасть в левый уклон, чем и вызвали недопустимые загибы»³⁶. Уполномоченный Чудиновского райисполкома (Челябинский округ), прибыв в Становский сельсовет, приказал работникам Совета в 24 часа коллективизировать крестьян, пригрозив, что в противном случае они должны

будут выложить партийные билеты. На собрании крестьянам было сказано: «Или в колхоз, или с кулаком»³⁷.

В ход пошли угрозы и насилие. В закрытом решении ЦК ВКП(б) от 10 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» отмечается, что «наряду с действительными успехами, искривление политики партии приняло значительные размеры. Прежде всего, попирается принцип добровольности в колхозном движении, и в целом ряде мест добровольность заменяется насильственным принуждением к вступлению в колхозы под угрозой раскулачивания, лишения избирательных прав и т. п. Отмечаются факты исключительно грубого, безобразного, преступного обращения с населением со стороны ряда низовых работников (мародерство, дележка имущества, аресты середняков и даже бедняков и т. п.)... Практическая глубокая подготовительная работа по коллективизации... часто заменяется бюрократическим, чиновничьим декретированием цифровых заданий сверху и чисто искусственным бумажным вздуванием процента коллективизации для получения показных данных о бурном темпе (в некоторых районах коллективизация за несколько дней доходит с 10% до 90%)»³⁸.

В «Информационной сводке Колхозцентра по материалам инструкторов с мест» от 2 апреля 1930 г. говорится: «По имеющимся материалам, в ряде районов местными работниками в погоне за высоким процентом коллективизации допускались большие перегибы и извращения. Бедняцко-средняя масса насильственно загонялась в колхоз угрозами лишения избирательных прав, раскулачивания, высылки в Соловки, Нарым, вплоть до расстрела. Неоднократно за нежелание идти в колхоз применялись аресты крестьян»³⁹.

Насилие и произвол в отношении к крестьянам приняли чудовищный характер. В Ялutorовском районе (Тюменский округ) работник ОГПУ так наставлял командируемых в сельсоветы уполномоченных по коллективизации: «Ребята, кто не желает идти в колхоз — посылайте ко мне на выучку, недельку подержу, пойдет»⁴⁰. Так, в селе Ивановка этого района середняков, которые не вступали в колхоз, «посылали с пакетами в ГПУ, где они и задерживались»⁴¹.

В Куртамышском районе (Курганский округ) в случае выступления крестьянина на собрании против коллективизации «его сейчас же арестовывают и направляют в административную часть» (т. е. милицию) с просьбой привлечь к уголовной ответственности, наказав: «Судите покрепче, чтобы не было повадно другим». При этом ретивые коллективизаторы (уполномоченные райисполкома) оправдывались так: «Когда арестуешь, дело двигается легче»⁴².

В Мишкинском районе (Челябинский округ) уполномоченный из района в деревне Тумановой заявил: «Кто не пойдет в колхоз, пусть идет за кулаком». Здесь, как отмечалось в информационной справке сектора информации и статистики Уралобкома ВКП(б) от 27 марта 1930 г., перегибы «сопровождались арестами, а сама вербовка в коллектив (т. е. в колхоз) производилась с занесением на белый листок — вступающих и на черный листок — невступающих». У крестьян отбирали машины, скот, хлеб, сено, солому и проч. «только потому, что они не вошли в колхоз»⁴³.

Бригада ОблРКИ, обследовавшая в начале марта 1930 г. Лебяжьевский район (Курганский округ), сообщала, что коллективизация в районе «прошла далеко не так, как рисуют районные организации», «имеются левые загибы». В ряде сельсоветов (Черешковский, Прилогинский, Арлагуль, Островное, Речное и др.) «имели место застрашивание и принуждение при коллективизации». Черешковский сельский Совет под нажимом сверху постановил: «нежелающих вступать в колхоз членов сельского Совета считать врагами советской власти и отнести к кулакам» (а это грозило раскулачиванием и выселением). Один из уполномоченных райисполкома в этом районе заявил крестьянам: «Кто не пойдет в колхоз, тех раздавим, как клопов на стене»⁴⁴. Другой «коллективизатор» «запись в коммуны производил ночью, сидел за

столом, перед собой на стол клал наган и в этой обстановке предлагал крестьянам записываться в коммуну»⁴⁵.

В Монастырском сельсовете Щучанского района (Челябинский округ) «коллективизаторы» заявили крестьянам: «Кто не пойдет в колхоз, тому сыграем похоронный марш»⁴⁶.

Секретарь Троицкого окружкома партии Варов в марте 1930 г. писал, что «к единоличникам проявляется нетерпимое отношение: в избах-читальнях вывешиваются лозунги „Смерть единоличникам!“»⁴⁷.

Председатель Ольховского райисполкома (Шадринский округ) заявил: «Кто не вступит в коммуну, тому будет ссылка». В деревне Лукино Катайского района было вынесено постановление: «Кто не вступит в коммуну, тому плевать в лицо...»⁴⁸.

Поведение «коллективизаторов» по отношению к крестьянам, как отмечалось в одном из информационных докладов Уральской областной прокуратуры, было таким: «Административный нажим всевозможными способами, угрозы в редких случаях, чаще — угрозы, запугивание, аресты, отказ снабжать не-колхозников сахаром, мануфактурой и другими дефицитными товарами, исходя из того, что „неколхозник — враг советской власти, а советская власть умеет расправляться с врагами“»⁴⁹.

«За невхождение в колхоз» крестьян облагали индивидуальным сельскохозяйственным налогом (по нормам обложения кулака), независимо от мощности хозяйства, лишали избирательных прав, отправляли на лесозаготовки. В ряде районов суды приговаривали крестьян, которые «медлили» со вступлением в колхоз, к принудительным работам сроком от двух недель до месяца. Подвергали процедуре раскулачивания.

В результате таких «мер» коллективизация принимает прямо-таки стремительный характер. С 1 октября 1929 г. по 10 марта 1930 г. процент коллективизации в Уральской области «подскочил» с 7,3 до 70,8 (это самый высокий уровень в 1930 г.). Наиболее высоким он был в Ирбитском (88,7), Ишимском (83,2), Тюменском (77,3), Шадринском (77,3), Пермском (76,8), Челябинском и Сарапульском (по 76,7) округах. Отставали в этом отношении Верхне-Камский (32,5%), Златоустовский (4,9%), Тагильский (51,5%) и Свердловский (55%) округа⁵⁰.

В целом по СССР на 1 октября 1929 г. в колхозы было объединено 6,9%, а на 1 марта 1930 г. — 55% крестьянских хозяйств, в РСФСР соответственно — 5,5% и 57,6%⁵¹. Урал, как свидетельствуют приведенные данные, шел «впереди» многих краев и областей страны.

Большое распространение в регионе получило создание коммун, в которых обобществлялись не только основные средства производства, рабочий скот, но и мелкий скот, птица, жилье, а в ряде случаев даже домашняя утварь и предметы личного обихода.

Областные организации всемерно поддерживали создание таких форм коллективных хозяйств. Пленум Уралобкома ВКП(б) в декабре 1929 г. предложил парторганизациям области «обеспечить развертывание инициативы бедняцко-средняцких масс в направлении повышения качественной стороны колхозов и укрепления их хозяйственной мощи путем полного обобществления наряду с полеводством всех средств производства»⁵². В начале января Уралоблисполком обязал местные советские органы «оказывать активную поддержку инициативе батрацких и бедняцко-средняцких масс по полному обобществлению рабочего и продуктивного скота и инвентаря в колхозах и селениях, переходящих на коллективизацию»⁵³.

Увлечение коммунами получило такой размах, что некоторые партийные и советские работники стали рассматривать артели (не говоря о ТОЗах) как нечто второстепенное. Первый секретарь Уралобкома И. Кабаков в апреле 1930 г. говорил: «Есть районы, где одно упоминание слова о сельскохозяйственной артели рассматривалось как правый оппортунизм на практике»⁵⁴.

В постановлении президиума Уралоблисполкома «О проведении сплошной коллективизации в Мехонском районе Шадринского округа» от 13 ноября 1929 г. отмечалось, что «коллективизация населения идет главным образом за счет организации сельскохозяйственных коммун». На 1 октября 1929 г. в этом районе из 58 колхозов 26 являлись коммунами. Они объединяли 1334, или 63,6%, коллективизированных в районе крестьянских хозяйств⁵⁵. Юргамышский райком ВКП(б) (Курганский округ) 10 февраля докладывал в окружном партии: «Коллективизация района на полном ходу: всего колхозов 39, из них коммун 22 и артелей 17. Но в настоящее время артели начинают переходить на коммуны, и можно твердо сказать, что к весне останется артелей очень немного и с небольшим количеством дворов»⁵⁶.

В Шумихинском районе (Челябинский округ) в начале марта 1930 г. все 26 колхозов являлись коммунами. Они объединяли 8979 (78%) крестьянских хозяйств района⁵⁷.

В Шатровском районе совещание колхозного актива при райколхозсоюзе внесло постановление: «Организацию простых колхозов прекратить, а организовать коммуны». На 1 сентября 1929 г. в этом районе было 372 колхоза, в том числе 68 коммун (18%), к 10 января 1930 г. число коммун в районе возросло до 97⁵⁸.

В области на 1 октября 1929 г. их было 481, на 1 января 1930 г. — 1101 и на 1 марта 1930 г. — 1174. Удельный вес коммун в общей массе колхозов поднялся с 13,5% (на 1 октября 1929 г.) до 32% (на 1 марта 1930 г.)⁵⁹.

Во многих районах проявилась тенденция к полному обобществлению средств производства и имущества не только в коммунах, но и в артелях и даже в ТОЗах. Курганский окрисполком в начале марта 1930 г. опубликовал «Памятку уполномоченному и организатору проведения весенней сельскохозяйственной кампании в сельском Совете», в которой указывалось: «Сельсовету и уполномоченному не следует проявлять спешки, переводить колхозы в высшую форму (ТОЗы в сельхозартели, артель в коммуну), а ставить задачу наибольшего обобществления в них, стремясь: 1) в коммунах обобществить полностью все имущество; 2) в сельхозартелях [добиваться обобществления] полностью всего имущества, за исключением жилых построек; 3) в ТОЗах — полного обобществления земли, семян, сельхозинвентаря, рабочего и продуктивного скота и птицы — на 50%»⁶⁰.

Пленум Еманжелинского райисполкома 30 декабря 1929 г. предложил сельским Советам и кустовым объединениям «добиваться полного обобществления имущества вступающего (в колхоз), как-то: скота, земли, сельхозпостроек, труда, фуража, продовольствия, сельхозинвентаря и т. д.»⁶¹

Мишкинский райисполком 15 января 1930 г. предложил сельским Советам, кустовым колхозным объединениям и руководителям колхозов «как при укреплении старых колхозов, так и при организации новых, обратить особое внимание на полное обобществление у вступающих в колхоз средств производства, скота, семян, сельскохозяйственного инвентаря»⁶².

В постановлении фракции правления Колхозцентра «О состоянии коллективизации Уральской области» от 21 марта 1930 г. отмечается: «Независимо от действительного согласия коллективизированного крестьянства повсеместно проводится полное обобществление продовольствия, нетоварного молочного скота, мелкого скота и в ряде мест — домашней птицы, жилых построек и даже предметов личного пользования, в результате чего при наличии принятой по уставу артельной формы колхоза уставы потеряли всякое значение, и на деле нет никакого различия между артелью и коммуной»⁶³.

Работники Колхозцентра, проводившие обследование колхозного строительства на Урале в феврале — марте 1930 г., отмечали, что «некоторые артели зашли слишком далеко, даже дальше некоторых коммун, обобществляя постройки, семена, продовольствие, скот, птицу. Были попытки обобществления личного имущества». Так, в Щучанском районе, «независимо от устава в

колхозах обобществляли все, вплоть до кур»⁶⁴. Из Варгашинского района сообщали, что обобществляют веники, чайную посуду и детские игрушки»⁶⁵.

В большинстве районов области стали создаваться колхозы-гиганты с охватом нескольких сельсоветов и даже административных районов.

Первым на путь организации колхозов-гигантов встал Ирбитский округ — зачинатель сплошной коллективизации на Урале. Здесь 4 июля 1929 г. на территории трех административных районов — Еланского, Байкаловского и Знаменского (в октябре эти районы были объединены в один под названием Краснополянского) был организован колхоз «Гигант», в который вошло 84 колхоза (25 коммун, 34 артели и 25 ТОЗов) с 3778 коллективизированными крестьянскими хозяйствами⁶⁶.

Президиум Уралоблисполкома одобрил инициативу создания на территории трех районов Ирбитского округа крупного колхоза и предложил Уралколхозсоюзу и другим областным организациям уделить ему особое внимание⁶⁷.

Правление Колхозцентра в резолюции по докладу Уралколхозсоюза «О районе сплошной коллективизации Ирбитского округа Уральской области» записало: «Необходимо провести закрепление колхозного движения в районе сплошной коллективизации Ирбитского округа, для чего признать своевременным и необходимым организацию крупного колхоза на едином уставе с обобществлением земли, сельскохозяйственного труда, рабочего и продуктивного скота с постепенным переходом к полному обобществлению». Созданному в районе сплошной коллективизации Ирбитского округа крупному колхозу «Гигант» решено было придать статус республиканского и руководство по организации его обслуживания возложить непосредственно на Колхозцентр⁶⁸.

В октябре в «Гигант» входило 92 коллективных хозяйства (31 коммуна, 44 артели и 17 ТОЗов), объединявших 4,5 тыс. крестьянских хозяйств (около 30 тыс. человек). Его территория составляла 135 тыс. га, в том числе 49 тыс. га пахотной земли⁶⁹.

Пленум Уралоблисполкома (13—15 октября 1929 г.), рассмотрев вопрос «О строительстве крупного колхоза в Ирбитском округе», предложил Уралколхозсоюзу «принять меры к обеспечению дальнейшего вовлечения индивидуальных крестьянских хозяйств в колхоз „Гигант“, ставя себе задачей довести общее вовлечение в колхоз к концу 1929/30 г. до 10 000 крестьянских хозяйств»⁷⁰.

Но ирбитским коллективизаторам этого показалось мало. Инструкторы ВЦИК, обследовавшие в феврале 1930 г. работу Советов Ирбитского округа, отмечали: «В округе имеют немалое распространение тенденции к соединению всех ныне существующих районных коммун в одну сплошную окружную коммуну»⁷¹.

Вскоре после октябрьского пленума Уралоблисполкома «Известия Уралоблисполкома» в передовой статье, посвященной его итогам, расценивали создание колхоза «Гигант» в Ирбитском округе «лучшим показателем правильности проведения генеральной линии Коммунистической партии». В статье был сделан вывод: «Нам нужно в дальнейшем иметь не один такой крупный колхоз „Гигант“, а покрыть Урал целой сетью гигантов, целой сетью коллективных хозяйств и образцовых коммун»⁷².

Вслед за Краснополянским районом на путь организации колхозов-гигантов встали Мехонский, Армизонский, Сосновский и многие другие районы области.

10 августа 1929 г. Уралколхозсоюз согласился с решением окружных организаций Шадринского и Ишимского округов о необходимости организации крупных колхозов в Мехонском районе в составе 14 сельсоветов, в Армизонском районе — в составе 13 сельсоветов Армизонского, 2 сельсоветов Частоозерского и 1 сельсовета Бердюжского районов и принял решение поставить вопрос перед Колхозцентром о включении указанных районов (Мехонского и Армизонского) «в сеть районов сплошной коллективизации»⁷³.

В начале октября 1929 г. на территории Набереховского и Ново-Вознесенского сельсоветов Очерского района (Пермский округ) был создан колхоз «Революция», который объединил 650 крестьянских хозяйств. В приветствии президиума Пермского окрисполкома по поводу этого события говорилось, что он «объединил основную массу бедняцко-средняцких хозяйств, которые первыми в Пермском округе в обстановке ожесточенной борьбы с кулачеством смело пошли по пути решительной перестройки сельского хозяйства на новых социалистических началах». Президиум подчеркнул, что «факт организации колхоза „Революция“ еще раз подтверждает правильность политики партии и правительства в отношении *форсирования* (курсив мой.— И. П.) колхозного строительства и с полной очевидностью разбивает неверие в творческие силы бедняцко-средняцких масс со стороны правоопортунистических элементов»⁷⁴. В ноябре колхоз «Революция» объединял уже около 6 тыс. хозяйств на территории 11 сельсоветов Сосновского, 2 сельсоветов Очерского и 2 сельсоветов Оханского районов⁷⁵. К февралю 1930 г. в нем состояло уже 6619 хозяйств (84% к общему числу бедняцко-средняцких хозяйств, находившихся на его территории)⁷⁶.

Пленум Еманжелинского райисполкома (Челябинский округ) 30 декабря 1929 г. предложил президиуму райисполкома, сельским Советам и колхозным объединениям перейти от организации «мелко распыленных и простейших объединений» к организации крупных сельхозартелей и коммун, «добиваясь организации единой районной коммуны»⁷⁷.

В постановлении Уралоблисполкома от 3 января 1930 г. в период весенней посевной кампании планировалось число крупных колхозов довести до 858, в том числе в Тюменском и Шадринском округах по 112, в Челябинском — 80, в Ишимском — 71, в Пермском — 64, в Курганском и Ирбитском — по 60, в Кунгурском — 57, в Свердловском — 55, в Тагильском — 53, в Сарapulьском — 50, в Троицком — 30, в Златоустовском — 20, в Коми-Пермяцком и Тобольском — по 12 и Верхне-Камском — 10⁷⁸.

Особенно широкий размах строительство колхозов-гигантов приняло в январе — феврале 1930 г.

20—23 февраля 1930 г. собрание уполномоченных колхозов утвердило устав единой коммуны в Шатровском районе. На 20 февраля она объединяла 9589 (98%) бедняцко-средняцких хозяйств района. Ее население составило 39 354 человека⁷⁹.

Курганский окрисполком 26 февраля, рассмотрев вопрос «Об организации единого коллективного хозяйства в Лопатинском районе», признал, что район к созданию единого районного колхоза подготовлен и утвердил организацию единой Лопатинской коммуны, подчеркнув, что создание единого колхоза в районах сплошной коллективизации является наиболее совершенной формой «организационного построения всего хозяйства района, дающего максимум экономии орудий и средств производства», и рекомендовал принятую в Лопатинском районе форму организационного построения как организационно приемлемую и для других районов сплошной коллективизации округа⁸⁰.

Челябинский окружком ВКП(б) в феврале 1930 г. информировал Уралобком партии: «В Мишкинском районе проводится укрупнение существующих колхозов. Взят курс на организацию 5 крупных колхозов, объединяющих от 5 до 7 сельсоветов с площадью земельного надела от 16 тыс. до 37 тыс. гектаров»⁸¹. На 10 марта 1930 г. в области было 43 колхоза, включающих каждый территорию целого района⁸².

Коммуны и колхозы-гиганты создавались, как правило, без учета желания крестьян. В Лебяжьевском районе (Курганский округ) в начале февраля без согласования с крестьянами все колхозы были объединены в единую районную коммуну «Коминтерн» (организационно она оформилась 1 февраля), в которую вошло 6583 (94%) крестьянских хозяйств района (с населением свыше 25 тыс. человек)⁸³. В справке председателя Колхозцентра Юркина о кол-

лективизации на Урале отмечается, что лебяжьевские крестьяне «выбрали уполномоченных для организации районной артели. Организация районной артели была одобрена окружным комитетом партии, однако в процессе работы организационного съезда уполномоченные районные руководители протащили устав коммуны»⁸⁴. В результате «у крестьян создалось впечатление, что в коммуну их загнали». Они с возмущением говорили: «Мы коллективизировались не в коммуну, а в колхоз»⁸⁵.

То же самое наблюдалось и в ряде других районов. Работники Колхозцентра, проводившие обследование коллективизации на Урале в феврале—марте 1930 г., писали о Шумихинском районе: «До нашего приезда районные руководители упорно отстаивали идею единой коммуны, доказывая при этом, что для этого все абсолютно готово». Был «единый фронт районных работников — драться за единую коммуну до победного конца». При обсуждении этого вопроса против выступил только агитпроп района Данилов, который привел живые примеры «добровольной коллективизации». В частности, он сказал: «Когда я рассказывал крестьянам, что коммуна — это добровольная организация, они удивились, что в коммуну можно входить добровольно». Данилов отметил, что основное настроение крестьян: «В колхозе останемся, в коммуну не пойдём»⁸⁶.

По данным Уральской областной прокуратуры, в Катайском районе «ТОЗы переводились на устав коммуны в 24 часа без согласия и даже без ведома колхозников. Женщины в коммуну не пошли, отказались категорически. Мужья в качестве убеждения жен били их. Таких случаев в Катайском районе зарегистрировано 10»⁸⁷.

Насилие и произвол, которыми сопровождалась коллективизация, вызвали сильное недовольство среди крестьян. Секретарь Курганского окружкома В. Баландин признавал, что в одном из районов «крестьяне, недовольные целым рядом мер, применяемых в отношении их при проведении коллективизации, устроили настоящей бунт», «правленцев из колхоза мужики изрядно побили»⁸⁸.

В поселке Крутойрском Каракульского района (Троицкий округ) женщины-колхозницы организовали «коровий бунт»: «около 80 чел. собрались в правлении колхоза и требовали выдачи обратно коров, мотивируя, что норма и порядок выдачи молока и ухода за скотом установлены неправильно, в результате чего дети остаются без молока и отсутствует правильный уход за скотом». Сектор информации и статистики Уралобкома ВКП(б) в «Сводке текущей информации» от 11 марта 1930 г. отмечал, что «с большим трудом конфликт улажен, зачинщиков этого выступления арестовали»⁸⁹.

Из Троицкого округа сообщали, что там в результате насилий в проведении коллективизации «появилось движение переселиться на Дальний Восток»⁹⁰.

В селе Рутяжево Ординского района (Пермский округ), как сообщал начальник окружного отдела ОГПУ, были обнаружены две прокламации с призывом к восстанию. «Прокламации написаны от руки на простой бумаге и наклеены в разных местах села. Одна из них имеет содержание: „Долой колхозы! Долой угнетателей!“ и вторая: „Долой колхозы! Долой советскую власть!“»⁹¹

В некоторых районах страны дошло до вооруженных выступлений против колхозов, для умиротворения которых использовались войска. Обстановка в деревне стала приобретать все более напряженный характер и грозила, как отмечалось в закрытом письме ЦК ВКП(б) от 2 апреля 1930 г., вылиться в «широкую волну повстанческих крестьянских выступлений», и «добрая половина наших „низовых“ работников была бы перебита крестьянами, был бы сорван сев, было бы подорвано колхозное строительство и было бы поставлено под угрозу наше внутреннее и внешнее положение»⁹².

В этих условиях 2 марта 1930 г. Сталин опубликовал статью «Головокружение от успехов», в которой осудил методы администрирования и принуждения в коллективизации. Но, осудив перегибы, Сталин всю вину за них

переложил на местных работников, обвинив их в головокружении от успехов, в попытках «в два счета» разрешить все вопросы социалистического строительства⁹³. На самом деле подстегивание коллективизации как раз исходило из центра, и в первую очередь от Сталина и его окружения. 13 марта 1930 г. на заседании Сладковского райисполкома Ишимского округа (на заседание приглашен был районный актив) один из активистов вполне обоснованно сказал: «Сталин обзывает нас головотьями, а ведь мы работали по его же директиве и директивам окружка»⁹⁴.

Во второй половине марта 1930 г. начался «отлив» из колхозов. Искусственно созданные «бумажные» колхозы стали распадаться. В Уральской области это продолжалось до середины июля, а в некоторых районах до осени. С 10 марта по 10 июля процент коллективизации в области упал с 70,8 до 24,9. Особенно сильным был отлив из колхозов в Ирбитском (с 88,7 до 24,1), Тюменском (с 77,3 до 20,7%), Пермском (с 76,8 до 22%), Сарапульском (с 76,7 до 26,8%) и Тобольском (с 73,1 до 14,3%) округах⁹⁵. В целом по СССР уровень коллективизации снизился с 55% (на 1 марта 1930 г.) до 22% (на 1 июля 1930 г.), по РСФСР — с 57,6% (на 1 марта 1930 г.) до 21,8% (на 1 июля 1930 г.)⁹⁶.

Массовый выход крестьян из колхозов свидетельствовал о том, что сельхозартели и коммуну были созданы искусственно путем грубого насилия. Крестьяне шли в них «из-под палки». Власть не оставляла им другого варианта устройства жизни на селе. В коллективных хозяйствах царила страшная бесхозяйственность, отсутствовала зачастую более или менее нормальная организация труда. На заседании бюро Пермского окружка ВКП(б) 16 апреля 1930 г. секретарь Кунгурского райкома ВКП(б) Говорухин сказал: «Мы просмотрели заявления, изучили их и видим, что в большинстве заявлений писалось, что нас заставили насильно входить в колхоз, мы работать в колхозе не желаем, желаем работать в собственном хозяйстве». Ему вторил секретарь Уинского райкома ВКП(б) Переселенцев: «Причина выхода, как объясняет само население, ненормальности, какие имелись в колхозном строительстве, в некоторых случаях перегибы, неправильно поставленный труд, отсутствие всякого учета... необеспеченность бедноты». По словам Перфильева (с. Сосново, колхоз «Революция»), «система работы была построена так, что мужик не был заинтересован, потому такое положение и получилось»⁹⁷. На Щучанской районной конференции групп бедноты (апрель 1930 г.) отмечалось, что причиной выхода из колхозов зачастую являлась бесхозяйственность⁹⁸. Справка Колхозцентра о коллективизации на Урале свидетельствовала: «В результате того, что коллективизация была проведена наспех, при полном отсутствии массовой работы, в обследованных колхозах создавалось такое положение, что мужик не чувствует, что он является организатором хозяйства. Хозяйственное состояние колхозов поражает полной неорганизованностью. Об организации труда и говорить не приходится. Обобществленный скот, сведенный в общие скотные дворы, содержится в крайне скверных условиях. Отсутствие кормов... ставит скот под угрозу гибели. Нет надежного ухода за скотом. Остатки грубых кормов используются нерационально: солому, которую начинают снимать с крыш, дают скоту в неподготовленном виде... в результате такой безответственности и бесхозяйственности происходит падеж скота, удой чрезвычайно низок... Такое состояние колхозов приводит к резкому понижению товарности. Лебязьевский район чрезвычайно высокого товарного хозяйства превращается в район узкопотребительского значения... Благодаря отсутствию хозяйственной заинтересованности основных масс колхозников в организации колхозов быстро растут потребительские стремления. Колхозники, сами ничего не делая, надеются на правление и занимаются лишь тем, что требуют у председателя муку, молоко, сапоги и проч. В Марайском районе Курганского округа председатель одной коммуну, осаждаемый колхозниками с просьбами о молоке и масле, выпрыгнул из окна и убежал»⁹⁹.

Нельзя считать, что все крестьяне были против колхозов. Было немало и таких, которые верили в колхозы. Это в основном бедняки и маломощные середняки, считавшие, что колхоз может действительно поправить их положение. Что касается членов партии, то среди них, естественно, приверженцев колхозной жизни было больше, но «отлив» затронул и их, хотя и в меньшей мере. Надо иметь в виду и то, что в колхозе их удерживал и партийный билет.

Борьба с «перегибами», развернувшаяся после выхода статьи Сталина «Головокружение от успехов», позволила в известной степени стабилизировать положение в деревне. Крестьянство поверило Сталину в том, что он против насильственной коллективизации, что с перегибами покончено. Однако дальнейшие события показали, что это было лишь временное отступление, произведенное с тем расчетом, чтобы «утихомирить» деревню, перегруппировать силы, а затем начать новое наступление на единоличное хозяйство и в конце концов во что бы то ни стало «коллективизировать» его. Сталинское руководство отнюдь не собиралось отказываться от претворения в жизнь лозунга сплошной коллективизации, не считаясь с мнением самого крестьянства.

Новый «прилив» в колхозы, также не без нажима сверху, начался в октябре—ноябре. Вновь устанавливаются «контрольные цифры» (задания) по вовлечению крестьян в колхозы. Так, 11 декабря 1930 г. бюро Уралобкома ВКП(б) в постановлении «О плане весенней посевной кампании 1930 г.» поставило перед партийными организациями области задачу — к началу весеннего сева объединить в колхозы не менее половины бедняцко-середняцких хозяйств, а в основных сельскохозяйственных районах — от 70 до 80%¹⁰⁰. Правда, меньше стало запугиваний и административного произвола, но зато усилился налоговый пресс в отношении тех хозяйств, которые не вступали в колхозы. Как выразился один из ветеранов колхозного труда, единоличников стали душить налогами. К тому же продолжалось и раскулачивание. Так что крестьянин-единоличник оказался перед выбором: или в колхоз, или разорение, или же (в отношении тех, кто жил лучше) раскулачивание.

Коллективизация пошла в гору. С 1 октября 1930 г. по 1 октября 1931 г. количество крестьянских хозяйств, объединенных в колхозы, увеличилось с 315 882 (26,5%) до 725 502 (66,2%). В Центральном Зауралье к октябрю 1931 г. было коллективизировано 69,5% хозяйств, в Южном Зауралье — 66,8%, Центральном и Южном Предуралье — 67,7%¹⁰¹. К концу 1932 г. на Урале было 8,9 тыс. колхозов, которые объединяли 68,8% крестьянских хозяйств¹⁰².

В результате сталинской коллективизации все разнообразие форм кооперативного движения было сведено к одной — колхозам, которые к тому же были огосударствлены и лишены своей кооперативной сущности. Кооперативному движению в деревне был положен конец, правильные отношения с крестьянством окончательно нарушены. Крестьянин был лишен какой бы то ни было самостоятельности. Он перестал быть хозяином земли, средств производства и произведенной им продукции. Все это крайне отрицательно сказалось на дальнейшем прогрессе сельского хозяйства и всей деревенской жизни.

Примечания

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 12. М., 1949. С. 124—125.

² Там же. С. 132.

³ Там же. С. 135.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. М., 1984. С. 261, 299.

⁵ Там же. Т. 5. М., 1984. С. 29.

⁶ См.: Уральский рабочий. 1929. 11 декабря.

⁷ РЦХИДНИ, ф. 3316, оп. 5, д. 95, л. 1—1 об., 7, 9 об.

⁸ КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 73.

⁹ Итоги десятилетия советской власти в цифрах. 1917—1927. М., 1928. С. 38, 39. В 1932 г. население области составляло 8 млн. человек, из них на долю села приходилось 5,2 млн. (65%). (Социалистическое строительство Урала за 15 лет. Основные показатели. Свердловск, 1932. С. 4, 5).

¹⁰ Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. IV. Сельское хозяйство Урала. Свердловск, 1930. С. 375; Уральская новая деревня. 1930. № 11. С. 12.

¹¹ РГАЭ, ф. 7446, оп. 10, д. 128, л. 6.

¹² Там же, д. 140, л. 41, 41 об.

¹³ Там же, д. 139, л. 24.

¹⁴ Бюллетень Уралобкома ВКП(б). 1929. № 12—13. С. 32.

¹⁵ Государственный архив Свердловской области (ГАСО), ф. 88, оп. 2, д. 26, л. 33.

¹⁶ РГАЭ, ф. 7446, оп. 10, д. 128, л. 1.

¹⁷ Там же, оп. 2, д. 32, л. 169.

¹⁸ ГАСО, ф. 88, оп. 2, д. 142, л. 223, 228. На 1 октября 1929 г. процент коллективизации в округе составлял 14,3, на 1 января 1930 г.—42,1 (РГАЭ, ф. 7446, оп. 10, д. 128, л. 75).

¹⁹ Государственный архив Пермской области (ГАПО), ф. 122, оп. 1, д. 821, л. 61 об.

²⁰ Курганский филиал Государственного архива Курганской области (ГАКО), ф. 7, оп. 1, д. 300, л. 150.

²¹ Шадринский филиал ГАКО, ф. 209, оп. 1, д. 804, л. 77, 78.

²² Государственный архив Челябинской области (ГАЧО), ф. 98, оп. 1, д. 3369, л. 201.

²³ Бюллетень Уралобкома ВКП(б). Свердловск, 1930. № 1. С. 11, 13.

²⁴ 12 мая 1930 г. в постановлении «О ходе весеннего сева» Уралобком ВКП(б) признал, что решение декабрьского объединенного пленума обкома и ОблКК «неправильно ориентировало парторганизацию к форсированию сплошной коллективизации» (Бюллетень Уралобкома ВКП(б). 1930. № 8—9. С. 14).

²⁵ Уральская деревня. 1930. № 11. С. 13.

²⁶ ГАСО, ф. 88, оп. 2, д. 18, л. 146 об.

²⁷ ГАЧО, ф. 98, оп. 4, д. 47, л. 250; Челябинский рабочий. 1930. 1 февраля.

²⁸ Свердловский областной центр документации общественных организаций (СОЦДОО), ф. 4, оп. 8, д. 107, л. 19.

²⁹ Пермский областной государственный архив новейшей истории и общественно-политических движений (ПОГАНИ и ОПД), ф. 2, оп. 7, д. 10, л. 83.

³⁰ Курганский филиал ГАКО, ф. 7, оп. 1, д. 924, л. 21.

³¹ ГАСО, ф. 245, оп. 1, д. 705, л. 205, 207.

³² РГАЭ, ф. 7446, оп. 10, д. 140, л. 51.

³³ Уральский коммунист [Свердловск]. 1930. № 7. С. 10.

³⁴ РГАЭ, ф. 7446, оп. 2, д. 266, л. 16; д. 273; л. 12.

³⁵ РЦХИДНИ, ф. 393, оп. 84, д. 2, л. 11.

³⁶ ГАСО, ф. 88, оп. 2, д. 156, л. 32—37.

³⁷ ГАЧО, ф. 98, оп. 1, д. 2759, л. 104.

³⁸ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 779, л. 18.

³⁹ Там же, ф. 374, оп. 9, д. 418, л. 77.

⁴⁰ Там же, л. 67.

⁴¹ РГАЭ, ф. 7446, оп. 2, д. 266, л. 7.

⁴² Курганский филиал ГАКО, ф. 7, оп. 1, д. 1027, л. 99.

⁴³ Челябинский государственный архив новейшей истории (ЧГАНИ), ф. 170, оп. 1, д. 670, л. 25. В д. Косая Гора Нижне-Туринского района (Тагильский округ) председатель сельского Совета на собрании заявил крестьянам: «Тем, кто не вступит в коммуну, не будет места в пределах Уральской области» (СОЦДОО, ф. 4, оп. 8, д. 57, л. 33, 33 об.).

⁴⁴ ГАСО, ф. 245, оп. 1, д. 705, л. 266; Известия Уралоблисполкома. 1930. № 6. С. 7.

⁴⁵ РГАЭ, ф. 7446, оп. 5, д. 88, л. 53.

⁴⁶ ГАЧО, ф. 98, оп. 1, д. 2759, л. 112; д. 3363, л. 160.

⁴⁷ ЧГАНИ, ф. 170, оп. 1, д. 648, л. 388 об. В этом же месяце Варов отмечал, что «применяются массовые обыски среди крестьян и даже среди колхозников — отбирается продовольственный хлеб, деньги, сберегательные книжки и личное имущество, и все это под предлогом сбора семенного материала для предстоящей весенней сельскохозяйственной кампании» (ЧГАНИ, ф. 170, оп. 1, д. 648, л. 395). В Суерском и Емуртлинском районах Тюменского округа крестьян, не желающих вступать в колхоз, объявляли контрреволюционерами и переселяли из собственных домов в худшие дома (Известия Уралоблисполкома. 1930. № 20. С. 4).

⁴⁸ ГАСО, ф. 88, оп. 1а, д. 57, л. 48.

⁴⁹ Там же, л. 49.

⁵⁰ Уральская новая деревня. 1930. № 11. С. 14; ГАСО, ф. 239, оп. 2, д. 509, л. 4.

⁵¹ РЦХИДНИ, ф. 374, оп. 9, д. 392, л. 194.

⁵² Бюллетень Уралобкома ВКП(б). 1930. № 1. С. 13.

⁵³ ГАСО, ф. 88, оп. 2, д. 18, л. 147.

⁵⁴ Уральский коммунист. 1930. № 7. С. 10.

⁵⁵ ГАСО, ф. 88, оп. 2, д. 9, л. 242. В целом по Тюменскому округу, по данным на 1 января 1930 г., из 692 колхозов 95 (26%) были коммунарами (РГАЭ, ф. 7446, оп. 10, д. 134, л. 3).

⁵⁶ Курганский филиал ГАКО, ф. 7, оп. 1, д. 924, л. 74.

- 57 РГАЭ, ф. 7446, оп. 2, д. 273, л. 81.
 58 СОЦДОО, ф. 4, оп. 8, д. 107, л. 19.
 59 РГАЭ, ф. 7446, оп. 2, д. 273, л. 115.
 60 РЦХИДНИ, ф. 393, оп. 84, д. 2, л. 12.
 61 ГАЧО, ф. 98, оп. 1, д. 3352, л. 33.
 62 Там же, д. 3359, л. 148.
 63 РГАЭ, ф. 7446, оп. 2, д. 266, л. 111.
 64 Там же, л. 32, 34.
 65 РЦХИДНИ, ф. 374, оп. 9, д. 418, л. 67.
 66 Материалы о строительстве крупного колхоза «Гигант» Ирбитского окружного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов к докладу на 2-й сессии Уральского областного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Ирбит, 1929. С. 8, 9.
 67 ГАСО, ф. 88, оп. 2, д. 9, л. 71.
 68 РГАЭ, ф. 7446, оп. 10, д. 128, л. 70, 79 об.
 69 ГАСО, ф. 88, оп. 2, д. 26, л. 28; д. 32, л. 19, 24.
 70 Там же, д. 26, л. 30.
 71 РЦХИДНИ, ф. 1235, оп. 107, д. 473, л. 216 об.
 72 Известия Уралоблисполкома. 1929. № 44—45. С. 1.
 73 РГАЭ, ф. 7446, оп. 2, д. 32, л. 111.
 74 ГАПО, ф. 122, оп. 1, д. 821, л. 11.
 75 Там же, д. 820, л. 40 об.; ПОГАНИ и ОПД, ф. 2, оп. 7, д. 12, л. 198.
 76 ПОГАНИ и ОПД, ф. 2, оп. 7, д. 12, л. 193.
 77 ГАЧО, ф. 98, оп. 1, д. 3352, л. 33.
 78 ГАСО, ф. 88, оп. 2, д. 18, л. 146 об.
 79 Там же, ф. 245, оп. 1, д. 705, л. 191.
 80 Там же, ф. 88, оп. 2, д. 137, л. 238, 239.
 81 СОЦДОО, ф. 4, оп. 8, д. 54, л. 35.
 82 Уральский рабочий. 1930. 26 марта.
 83 РГАЭ, ф. 7446, оп. 2, д. 275, л. 214.
 84 Там же, д. 273, л. 12.
 85 ГАСО, ф. 245, оп. 1, д. 705, л. 266.
 86 РГАЭ, ф. 7446, оп. 2, д. 266, л. 44; д. 273, л. 81.
 87 ГАСО, ф. 88, оп. 1а, д. 57, л. 48.
 88 РГАЭ, ф. 7446, оп. 2, д. 266, л. 48.
 89 СОЦДОО, ф. 4, оп. 8, д. 57, л. 30.
 90 Там же, л. 246 об.
 91 ПОГАНИ и ОПД, ф. 2, оп. 7, д. 18, л. 111.
 92 Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927—1932 гг. М., 1989. С. 390.
 93 Сталин И. В. Соч. Т. 12. С. 192, 199.
 94 СОЦДОО, ф. 4, оп. 8, д. 57, л. 248 об.
 95 ГАСО, ф. 239, оп. 2, д. 509, л. 4; д. 512, л. 2.
 96 РЦХИДНИ, ф. 371, оп. 9, д. 392, л. 31, 97, 194.
 97 ПОГАНИ и ОПД, ф. 2, оп. 7, д. 11, л. 3—8.
 98 ГАЧО, ф. 98, оп. 1, д. 2759, л. 112.
 99 РГАЭ, ф. 7446, оп. 2, д. 273, л. 15.
 100 Уральская новая деревня. 1930. № 23—24. С. 2.
 101 ГАСО, ф. 239, оп. 2, д. 616, л. 48; д. 617, л. 10; ф. 922, оп. 1, д. 97, л. 23.
 102 Бюллетень Уралобкома ВКП(б). 1933. № 5—6. С. 19; Хозяйство Урала. 1933. № 1—2.

ВТОРАЯ ПЯТИЛЕТКА: МЕХАНИЗМ СМЕНЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Известно, что после катастрофического кризиса, постигшего страну на рубеже первой и второй пятилеток, советская экономическая политика претерпела изменения. В периоды переходов и трансформаций (и начальный этап второй пятилетки не исключение) наиболее открыто и полно проявляются суть системы, закономерности ее развития. А поэтому поворот к более умеренному и сбалансированному курсу, обозначившийся в 1933 г., привлекает особое внимание историков¹.

Наиболее очевидная проблема любого переходного периода — механизм смены политики. Были ли перемены результатом единоличного решения вождя, происходили ли хаотично под давлением обстоятельств или определялись сложным взаимодействием интересов относительно независимых партийно-государственных структур и т. д.? Без ответа на подобные вопросы умозрительными остаются более общие рассуждения о характере власти и т. п. Для рассмотрения же конкретных проблем необходимы конкретные данные и факты. В этом случае не обойтись моделированием схем и оригинальной интерпретацией опубликованных официальных материалов. Это ставит исследователя в полную зависимость от степени доступности и сохранности документов.

Однако, несмотря на значительный прогресс в деле «рассекречивания» архивов, потребности исторических исследований удовлетворены лишь частично. Часть фондов, прежде всего касающихся деятельности высших органов партийно-государственной власти и отдельных вождей страны, по-прежнему находится в монопольном владении узкой группы чиновников. Запутанная система делопроизводства и хранения привела к раздробленности единых фондов, часть которых (причем не ясно какая) содержится в недоступных ведомственных архивах. Разочарование ждало историков во многих случаях и после открытия архивов: выяснилось, что многие документы по разным причинам утрачены. В общем, обстоятельства еще раз подтвердили очевидную для специалистов истину: не существует сейфов, содержащих разложенную по полочкам историческую информацию. Историкам, видимо, не обойтись без периода «первоначального накопления», длительного и, может быть, даже скудного восстановления конкретной исторической картины.

С учетом этих обстоятельств в настоящей статье сделана попытка исследовать процесс формирования основных принципов советской экономической политики в годы второй пятилетки. Для этого рассмотрена главным образом деятельность Госплана и его руководителей, непосредственно занятых разработкой и согласованием планов, определявших направление и суть общего экономического курса. Авторам пришлось столкнуться со всеми трудностями, о которых сказано выше. Исследование стало возможным в результате постепенного выявления в различных архивах документов, дополняющих друг друга и создающих некую общую картину. Среди них — материалы Политбюро, личные фонды Куйбышева и Орджоникидзе в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), фонды Совнаркома и секретариатов заместителей Председателя СНК СССР в Государственном

* Девис Роберт, профессор, научный сотрудник Центра русских и восточноевропейских исследований Бирмингемского университета (Великобритания).

Хлевнюк Олег Витальевич, кандидат исторических наук, научный редактор журнала «Свободная мысль».

архиве Российской Федерации (ГА РФ), фонд Госплана в Российском архиве экономики (РГАЭ). Почти все документы лишь недавно рассекречены.

ЧАСТИЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ К СБАЛАНСИРОВАННОМУ ПЛАНИРОВАНИЮ

1931—1933 гг.

Несмотря на то, что существуют, правда, не подтвержденные документально, свидетельства о серьезных сомнениях В. В. Куйбышева по поводу жизнеспособности увеличенных индустриальных планов на 1930 г.², публично и Куйбышев, и новый Госплан, управлявшийся им с 1931 г., демонстрировали полную приверженность сверхамбициозным программам «периода увеличения». Проект плана на 1932 г., который обсуждался на заседании Президиума Госплана 11 мая 1931 г., предусматривал прирост промышленной продукции на 50%, что превышало чрезвычайно оптимистическую программу 1931 г. Производство чугуна в 1932 г. должно было составить 11,5 млн. т³. На этом же заседании Куйбышев провозгласил, что последний год второй пятилетки, 1937-й, ознаменует «завершение строительства социализма» и производство по крайней мере 60 млн. т чугуна⁴.

Сверхамбициозные планы 1930—1931 гг. сопровождалась выработкой новой идеологии планирования. Она брала начало в принципах, которые защищали С. Г. Струмилин, Г. М. Кржижановский и другие «телеологи» 1920-х гг., соответствующим образом приспособленных к преувеличенным и нереалистическим вариантам. Понятие сбалансированного плана было отвергнуто на том основании, что поступательное развитие неизбежно связано с диспропорциями. В 20-е гг. плановики, основываясь на опыте «военного коммунизма», полагали, что дефицит и «узкие места» должны рассматриваться как критерий реальности планов. На практике это выражалось в планировании по «узким местам» и сокращении планов до уровня, который определялся наиболее значительными диспропорциями. Новые принципы, преобладавшие в 1930—1932 гг., исходили из «расшивки» «узких мест» при помощи увеличения планов.

Последовательное применение этого подхода вело к абсурдным результатам, и сам он в наиболее крайней форме был вскоре отброшен. Все чаще амбициозные официальные планы 1929—1931 гг. были результатом некоторой корректировки еще более решительных предложений, исходивших от различных государственных учреждений и энтузиастов-экономистов и плановиков. Характерный инцидент произошел на заседании Президиума Госплана в мае 1931 г. Госплан СССР согласился с пунктом о 50-процентном приросте промышленного производства в 1932 г. только в противовес предложениям Госплана РСФСР об увеличении этого показателя до 68—70%⁵.

Подобные инциденты были предвестниками длительной и болезненной стабилизации, в ходе которой постепенно формировались более реалистические планы. Однако противоречия между форсированным развитием и потребностью в равновесии оставались постоянной чертой планового процесса; эти две соперничавшие тенденции боролись за преобладание в экономической политике.

Значительные изменения в политике и практике планирования произошли в течение восемнадцати месяцев — между серединой 1931 г. и Пленумом ЦК ВКП(б) в январе 1933 г. В 1930 г. в ходе слома нэпа, насильственной коллективизации и одобрения огромных индустриальных программ, которые смели финансовые ограничители экономического развития, условия планирования, казалось, изменились полностью. Но новая политика вскоре привела к тяжелой экономической дезорганизации и голоду. Это вызвало существенную корректировку экономического курса, в ходе которой Наркомфин вернулся к традиционной борьбе за оздоровление финансов, а Госплан пытался готовить годовые и пятилетние планы, комбинирующие высокие темпы и экономическое равновесие.

Первые из известных попыток Госплана, поддержанных высшими политическими властями, сократить амбициозные планы относятся к августу 1931 г. 11 августа Куйбышев направил в ЦК ВКП(б) и СНК СССР две докладные записки — «Основные линии второй пятилетки» и «О темпах развития металлургии во второй пятилетке», в которых предлагалось значительно снизить задания пятилетки, в частности, по производству чугуна до 45 млн. т. «Проект „Основных линий второй пятилетки“» был рассмотрен на совещаниях при Политбюро, а затем в Совнаркоме СССР. Было решено переработать рассматривавшийся документ «с учетом обмена мнений и, в частности, при определении программы производства стали исходить из отпуска чугуна на последний год пятилетки 25—30 млн. т (считая эту цифру предварительной)». Участники совещания решили также запросить мнение отсутствовавших И. В. Сталина и В. М. Молотова. Вскоре те же совещания приняли предложение И. В. Сталина об установлении «по выпуску чугуна точной цифры 25 млн. т в последний год пятилетки»⁶.

Примерно в это же время Г. К. Орджоникидзе предпринял в ВСНХ аккуратный зондаж по поводу текущих планов производства чугуна и стали. По свидетельству А. С. Точинского, назначенного вскоре главным инженером Главного управления металлургической промышленности НКТП, Орджоникидзе обсуждал с ним проблему обоснованности планов с точки зрения их сокращения⁷. 10 ноября 1931 г. Политбюро приняло программу производства чугуна на 1932 г. в 9 млн. т⁸. По сравнению с ожиданиями весны 1931 г. (11—11,5 млн. т в 1932 г. и 17 млн. т в 1933 г.) это было существенное сокращение. Однако план 1932 г. все еще оставался крайне нереалистичным. Он предусматривал прирост всего за год 4 млн. т чугуна, что, как провозгласил Орджоникидзе, не имело «прецедента в истории развития всего мирового хозяйства»⁹. Прирост промышленной продукции предполагался на уровне 36%, что было ниже предыдущих наметок Госплана для 1932 г. и куда меньше 45-процентного прироста, запланированного на 1931 г. Однако и этот показатель не отличался реализмом, учитывая хотя бы тот факт, что, даже по официальным данным, прирост продукции промышленности в 1931 г. реально составлял 21%.

Существенный беспорядок в разработке экономической политики в это время демонстрировали директивы к составлению второго пятилетнего плана, одобренные в феврале 1932 г. XVII конференцией ВКП(б). Их проект, представленный Госпланом, был подготовлен в большой спешке. 5 января 1932 г. в записке Сталину и Молотову Куйбышев жаловался, что Госплан не сумел получить никаких материалов для составления проекта пятилетки от наркоматов!¹⁰

Наиболее знаменательной чертой этой версии второго пятилетнего плана была радикальность предложений по поводу производства предметов потребления, особенно очевидная на фоне крайне неблагоприятного состояния этой сферы экономики. Согласно резолюции, «обеспечение населения основными потребительскими товарами, и в том числе предметами питания, должно к концу второй пятилетки увеличиться не менее чем в два-три раза против конца первой пятилетки»¹¹. Мысль об утроении пришла к составителям плана не сразу: в проекте доклада Куйбышева к конференции слово «три» добавлено карандашом¹².

В противоположность этим планам предложения, касающиеся инвестиций, были удивительно умеренными. «По очень приблизительным оценкам», капитальные вложения на всю пятилетку составляли лишь 140—150 млрд. руб.¹³ Учитывая, что уже принятые на 1932 г. инвестиции составляли 21 млрд. руб., эти цифры для пятилетки означали ежегодный прирост капитальных вложений лишь в 11—12% по сравнению с 15—25% ежегодного прироста потребления. Столь скромные планы инвестирования демонстрировали отказ от тенденции, абсолютно преобладавшей в 1928—1931 гг. Однако цифры инвестиций, как

показал Э. Валески, были абсолютно несовместимы с показателями производства, одновременно выдвинутыми на конференции¹⁴.

Архивные материалы не позволяют пока точно определить позицию, которую занимали по поводу этих разработок отдельные члены Политбюро. Мы уже говорили, что Сталин и Молотов одобрили существенное сокращение плана производства чугуна на 1937 г. Но, с другой стороны, примерно в то же время Сталин воспрепятствовал намерениям Госплана хотя бы провозгласить более реалистичные принципы капитального строительства. Проект директив второго пятилетнего плана, представленный Куйбышевым в Политбюро, содержал, в частности, такой пункт: «Основным принципом строительного плана второго пятилетия должна стать максимальная концентрация вложений на относительно ограниченном количестве объектов с вводом их в эксплуатацию в предельно короткие сроки. Каждый вновь сооружаемый объект должен быть полностью обеспечен развертыванием смежных и обслуживающих производств». Это свидетельствовало, что Госплан пытался скорректировать прежнюю политику распыления средств по многим объектам, которая разрушительно действовала на экономику. По существу, это была также скрытая критика сложившегося положения с инвестициями. Очевидно, Сталин понимал это и на полях написал: «Нужно ли это? Не нужно!»¹⁵ Этот пункт не вошел в текст директив, одобренных конференцией.

Однако в первые шесть месяцев 1932 г. экономическая ситуация все более ухудшалась. Дополнительные проблемы возникли в связи со значительным увеличением расходов на оборону и сокращением импортных планов из-за кризиса платежей. Для выполнения планов 1932 г. различные ведомства, и прежде всего НКТП, требовали дополнительных ресурсов. Политбюро согласилось с новым существенным увеличением капитальных вложений. Инвестиционный план на 1932 г. был увеличен с 21,1 до 24,3 млрд. руб.¹⁶ В апреле были определены капитальные вложения на второй квартал в размере 28% от общего объема увеличенного плана¹⁷.

Одновременно в первые шесть месяцев 1932 г. были увеличены предварительные показатели плана второй пятилетки. Составление плана было весьма беспорядочным из-за поразительных несоответствий между различными разделами директив, одобренных XVII конференцией. Решая эти проблемы, государственные учреждения при молчаливом согласии Госплана воспользовались сталинскими намеками по поводу встречного планирования, сделанными на XVII конференции, и требовали вернуться к ранее указанным показателям. Так, один из хозяйственных руководителей выдвинул предложение о производстве в 1937 г. 25—26 млн. т чугуна вместо 22 млн. т, что было одобрено XVII конференцией¹⁸. На заседании президиума Госплана 29 мая 1932 г. руководитель сектора металлургии Лауэр утверждал, что даже увеличенные показатели не обеспечат программы 1937 г. по металлопотребляющим отраслям¹⁹. На заседании президиума Госплана 22 июня заместитель председателя Госплана В. И. Межлаук говорил, что запланированный уровень производства чугуна и стали предопределяет «совершенно неудовлетворительные» результаты производства продукции машиностроения²⁰.

Противоречия между относительно высокими заданиями по группам «А» и «Б» и умеренными показателями инвестиций вызывали тревогу у плановиков. В июне руководитель госплановской комиссии по второму пятилетнему плану Борилин докладывал президиуму Госплана, что план капитальных вложений требуется увеличить до 160 млрд. руб.²¹ по сравнению со 140—150 млрд., принятыми партконференцией.

Однако подобные корректировки плана имели слишком мало оснований в сложившейся экономической ситуации. Сельское хозяйство находилось на пороге жесточайшего кризиса. Стремительно рос бюджетный дефицит. Огромных масштабов достигли задержки в выплате заработной платы. В последние

десять дней июля 1932 г. начались существенные перемены в экономической политике.

Сталин и Орджоникидзе в это время находились в отпуске; а партийными и экономическими делами в Москве руководили Л. М. Каганович и В. В. Куйбышев (хотя Сталин поддерживал постоянные тесные контакты с ними). 23 июля Политбюро образовало под председательством Куйбышева комиссию для рассмотрения вопроса о снижении себестоимости строительства. Заручившись согласием Сталина, Куйбышев на заседании комиссии 26 июля выдвинул проект постановления о сокращении финансирования капитального строительства в III квартале 1932 г. на 700 млн. руб. Сокращение касалось всех отраслей, но более всего — тяжелой промышленности (на 405 млн. руб.) и Наркомата земледелия (на 150 млн.). Члены комиссии, представлявшие ведомства, пытались сопротивляться. Заместитель Орджоникидзе Ю. Л. Пятаков, в частности, настаивал, что максимально возможная цифра сокращений по НКТП — 310 млн. руб., представитель Наркомзема требовал снизить сумму сокращений до 120 млн. руб., а наркомвоенмор возражал против сокращения финансирования специальных работ на 40 млн.²² Однако Куйбышев был непреклонен. В записке, посланной в Политбюро, он доложил о недовольстве ведомств, но потребовал утвердить постановление о сокращении капиталовложений в намеченном объеме²³. 1 августа Политбюро приняло соответствующее решение, 3 августа оно было оформлено как постановление СНК²⁴. Это было весьма существенное сокращение — на 10% уменьшалось все инвестирование капитального строительства на III квартал и более чем на 13% вложения по НКТП²⁵.

Как и следовало ожидать, Орджоникидзе протестовал против этого решения, прислав в Москву соответствующую телеграмму. 2 августа Каганович написал ему успокоительное письмо, в котором объяснял обстоятельства дела и уговаривал смириться со случившимся: «На это, друг, мы вынуждены были пойти, финансовое положение требует этого. У нас уже получились огромные задержки в выплате заработной платы, бюджетный дефицит вырос больше, чем когда-либо... Мы писали нашему главному другу, и он счел абсолютно правильным и своевременным сократить миллионов на 700, что мы и сделали. Пробовал я (после твоей телеграммы) на заседании П. Б. уменьшить цифру сокращения по линии Н. К. тяжпрома, но не вышло. Прошу тебя не нервничать и тем более не сердиться. Я глубочайше убежден, что ты бы согласился, если бы был здесь, хотя, понятно, эта операция тяжелая для промышленности»²⁶.

Сокращения инвестиций продолжались и позже. На IV квартал 1932 г. Госплан предложил выделить НКТП лишь 1747 млн. руб. по сравнению с 2645 млн., полученными по сокращенному плану в III квартале. 14 ноября Межлаук направил в Совнарком записку, отвергающую предложения НКТП об увеличении капиталовложений²⁷.

В период этих корректировок квартальных планов Госплан приступил к подготовке плана на 1933 г. Поскольку капитальные вложения были основной пружиной растущей инфляции, Госплан настаивал на еще большем их сокращении в 1933 г. В конце августа у заместителя председателя Госплана Межлаука состоялось несколько совещаний, на которых согласовывались лимиты на 1933 г. перед отправкой их в СНК²⁸. 15 сентября после одобрения в Совнарком Госплан разослал всем наркоматам СССР и Совнаркомам союзных республик для руководства при составлении планов основные лимиты на 1933 г. Уровень капиталовложения по сравнению с 1932 г. был существенно снижен — до 17 680 млн. руб. Эти сокращения в документе обосновывались почти так же, как в госплановском проекте директив второго пятилетнего плана, отвергнутом Сталиным в начале года: «План капитальных работ должен быть построен с учетом необходимости в первую очередь завершения и окончания начатого строительства, организованного упорядочения работ по

капитальному строительству и жесткой концентрации финансовых и материально-технических ресурсов на важнейших объектах, прежде всего на тех из них, которые подлежат пуску в 1933 г.»²⁹

В последующие недели ведомства предпринимали усилия для того, чтобы увеличить эти лимиты, и представляли в Госплан плановые заявки, превосходящие плановые цифры. Правительство, однако, проявило твердость. 10 ноября 1932 г. СТО СССР принял постановление «О невыполнении наркоматами постановлений СНК о контрольных цифрах на 1933 г.» Госплану предлагалось вернуть эти заявки и обязать наркоматы в трехдневный срок переработать документы в соответствии с установленными лимитами, а также представить в Госплан и Наркомфин проекты финансовых планов на 1933 г. «в точном соответствии с установленными для них финансовыми лимитами»³⁰.

Несколькими днями позже, 20 ноября 1932 г., народный комиссар финансов Гринько отправил Сталину, Куйбышеву и Молотову докладную, в которой отмечал «серьезные инфляционные явления» и призывал сформировать государственный бюджет на 1933 г. таким образом, чтобы изъять из обращения 1,5 млрд. руб.³¹

3 декабря Политбюро утвердило «окончательную и не подлежащую пересмотру цифру по капитальным вложениям» — 18 млрд. руб. (в 1932 г. реальные вложения составили 17,9 млрд. руб.)³². После некоторых уточнений 16 декабря эти директивы были одобрены как постановление СНК СССР — из обращения в 1933 г. предполагалось изъять от одного до полутора миллиардов рублей³³. Этот инвестиционный план вместе с заданиями по увеличению промышленного производства на 16,5% (что было существенно меньше планов предыдущих лет) был одобрен в январе 1933 г. Пленумом ЦК ВКП(б).

Во второй половине 1932 г. одновременно с подготовкой умеренного плана на 1933 г. сотрудники Госплана постепенно уменьшали основные лимиты второй пятилетки. К ноябрю 1932 г. были значительно сокращены производственные показатели для тяжелой промышленности³⁴. Даже намного завышенный план по выплавке чугуна — 22 млн. т в 1937 г. — был поставлен под сомнение. 3 ноября 1933 г. руководитель сектора металлургии Госплана Лауэр представил комиссии Межлаука по второму пятилетнему плану баланс по металлургии, который рассчитывался на основе производства 20 млн. т чугуна. Хотя Лауэр просил считать эти наметки «исключительно внутренним документом Госплана», он полагал возможным сообщить их для ориентировки другим секторам³⁵. Через месяц, 2 декабря, в еще одном госплановском документе план по чугуну для 1937 г. был сокращен до 18 млн. т³⁶.

Все это давало основания для уменьшения планов индустриального роста в целом. В уже упомянутых госплановских материалах по второй пятилетке от 3 декабря предусматривался ежегодный прирост промышленной продукции на пятилетие только на 14% по сравнению с 20% периода XVII партконференции. Однако пока это были лишь предложения для обсуждения в Госплане.

В том же месяце в аппарате Куйбышева был подготовлен проект резолюции к Пленуму ЦК партии, которому предстояло подвести итоги первой пятилетки и наметить задания на 1933 г. В первоначальном проекте резолюции, в частности, говорилось: «...Пленум Центрального Комитета считает нужным определить ежегодный рост продукции промышленности в следующем пятилетии в размере 12—16% вместо среднегодовых 20% в первой пятилетке»³⁷. Проект резолюции рассматривался комиссией в составе Сталина, Молотова и Куйбышева, образованной решением Политбюро от 28 декабря 1932 г.³⁸ В результате в проекте появился написанный Сталиным новый пункт «От первой ко второй пятилетке», в котором идея снижения темпов получила идеологическое обоснование. Первый вариант этого пункта в отличие от первоначального проекта резолюции содержал такой пассаж по поводу конкретных показателей прироста промышленной продукции: «а) среднегодовой

прирост промышленной продукции для второй пятилетки должен быть за-проектирован не 21—22%, как это имело место в первой пятилетке, а несколько меньше — примерно 14%». Сталин уточнил: «примерно 13—14»³⁹. Эта цифра и вошла в резолюцию, одобренную Пленумом⁴⁰.

Одновременно Госплан пересматривал лимиты капитальных вложений на вторую пятилетку. В документах ноября 1932 г. разрабатывалась возможность их сокращения до 115 млрд. руб.⁴¹, хотя в резолюции январского Пленума 1933 г. никаких упоминаний по поводу капиталовложений не содержалось. Вопрос откладывался на будущее.

В целом в 1932 г. произошли существенные перемены в планировании. Преодоление «узких мест» за счет наращивания капиталовложений сменилось политикой сокращения производственных планов. Принятые Политбюро во второй половине 1932 г. более реалистические цифры экономического роста не были результатом некоего общего принципиального решения, а вынужденным ответом на обостряющийся экономический кризис. Однако это имело далеко идущие последствия для всей системы выработки экономической политики. Госплан теперь был озабочен возможностью составления государственных планов, сочетающих высокие темпы экономического роста с надлежащим балансом ресурсов. Одновременно восстанавливалась традиционная роль Наркомфина в сбалансировании бюджета и стабилизации денежного обращения. Госплан, который с 1927 г. поддерживал политику дестабилизации финансов, теперь сотрудничал с Наркомфином в попытках поддержать устойчивость бюджета. Наркомтяжпром и другие производственные наркоматы, пытаясь получить дополнительные финансовые и иные ресурсы, одновременно урезали производственные планы. Политбюро и Совнарком при поддержке Госплана и Наркомфина пытались уменьшить выделяемые наркоматам ресурсы, одновременно требуя более высоких темпов прироста производства. План 1933 г. и наброски второй пятилетки были результатом своеобразного компромисса между всеми этими инстанциями, идеологически оформленного в известном сталинском лозунге о движении от «пафоса строительства» к «пафосу освоения».

ПЕРИОД ОТНОСИТЕЛЬНОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ

1933—1935 гг.

С начала 1933 до середины 1935 г. и текущее, и долгосрочное планирование осуществлялось на более реалистических основаниях. Возможные уровни инвестиций и темпов роста оставались спорным вопросом, но он обсуждался в рамках более жестких лимитов, чем в предшествующие годы. Планы, достаточно напряженные и амбициозные, были все же более выполнимыми, чем первый пятилетний план.

В течение 1933 г. Политбюро жестко контролировало инвестиции и эмиссию. В первые недели 1933 г. хозяйственные наркоматы пытались превысить установленные лимиты капитальных работ. Имея значительные запасы оборудования и денежных авансов, они ставили вопрос об увеличении объема работ за счет «внутренних резервов». Этому противился Госплан. 20 февраля 1933 г. Межлаук направил Сталину и Молотову докладную, в которой показал, что в случае разрешения внемлимитного строительства ведомства способны развернуть дополнительное строительство на 750 млн. руб., что неизбежно вызовет вовлечение в строительство новых ресурсов. Межлаук просил ЦК «указать ведомствам на недопустимость имеющих фактов сверхпланового повышения установленного объема работ по отдельным объединениям и стройкам»⁴². Политбюро поддержало Госплан и 2 марта приняло следующее решение: «Ввиду попыток отдельных наркоматов установить объем капитальных работ на 1933 год в большем размере, чем это соответствует общей сумме финансирования капитальных работ в 18 миллиардов рублей, как это уста-

новлено январским Пленумом ЦК и ЦКК, Политбюро ЦК указывает на безусловную недопустимость таких попыток»⁴³.

Политика сокращения капитальных вложений жестко проводилась в 1933 г., особенно в первые месяцы. Соответственно существенно уменьшилась численность занятых в строительстве рабочих.

Продолжалась в 1933 г. подготовка директив по второму пятилетнему плану, который был одобрен XVII съездом ВКП(б) лишь в феврале 1934 г., т. е. год спустя после официального начала пятилетки. Споры в 1933 г. вновь развернулись вокруг уровня капиталовложений и темпов роста промышленной продукции. В мае и июне 1933 г. в Госплане циркулировали предложения о дальнейшем сокращении обоих этих показателей. 3 мая комиссия Межлаука предложила сократить среднегодовые темпы прироста промышленной продукции до 13%, а производство чугуна в 1937 г. — с 18 до 15 млн. т⁴⁴. В этом руководители Госплана пытались заручиться поддержкой Сталина. 28 мая 1933 г. Куйбышев и Межлаук обратились к нему с письмом, обосновывая целесообразность установления 15-миллионной отметки для чугуна и соответствующих показателей для стали и проката. Они доказывали, что ориентация на выплавку 18 млн. т чугуна, на чем настаивал НКТП, потребует дополнительных капиталовложений и предопределил ежегодный прирост продукции тяжелой промышленности на 16 вместо 14%, принятых Пленумом. «Ввиду того, что выплавка 15,2 млн. т чугуна и 11,6 млн. т проката удовлетворяет потребности других отраслей при заданном темпе их роста и что эта проектировка достаточно напряжена с точки зрения нового оборудования, особенно в части стали и проката, Госплан просит разрешить вести дальнейшую работу над планом пятилетки на основе указанного лимита», — заключали свое письмо Куйбышев и Межлаук⁴⁵.

Следов какого-либо ответа на это обращение обнаружить не удалось. Но похоже, что инициатива руководства Госплана одобрена не была. В июне и июле 1933 г. обсуждения в Госплане исходили из 18-миллионного лимита по чугуну⁴⁶. Эта же цифра была включена в директивы, представленные XVII съезду партии шестью месяцами позже.

Госплан тем не менее продолжал настаивать на понижении уровня капитальных вложений. В июне он предлагал довести инвестиции в 1933—1937 гг. до 97 млрд. руб. по сравнению со 135 млрд. руб., требуемыми наркоматами⁴⁷. Это были самые низкие из когда-либо обсуждавшихся цифр. Они означали, что ежегодный уровень капиталовложений за пятилетку лишь немного превышал уровень 1933 г. Происхождение этих лимитов неизвестно. Скорее всего, они были намеренно занижены в Госплане ввиду предстоящего «торга» с наркоматами по поводу пятилетки. Действительно, на состоявшихся вскоре обсуждениях лимитов с представителями ведомств руководители Госплана признавали недостаточность капиталовложений и обещали увеличить их. Куйбышев, например, согласился расширить план капиталовложений по Наркомлесу и Наркомату путей сообщения⁴⁸. Его заместитель Г. И. Ломов, которому пришлось председательствовать при согласовании планов наркоматов легкой промышленности и снабжения, заявил на заседании 2 июля 1933 г.: «... Я во многом согласен с товарищами, которые критикуют вопрос о капиталовложениях. Мне лично кажется, что мы действительно и по линии Наркомснаба, и по линии Наркомлегпрома немного перегнули палку по сравнению с тяжелой промышленностью в сторону недооценки необходимости»⁴⁹.

Когда комиссии, которым поручалось согласовать разногласия с ведомствами, закончили свою работу, выяснилось, что лимиты по капитальным работам выросли до 120 млн. руб. Эту новую цифру обсуждали на совещании под председательством Куйбышева 19 июля. Заместитель Куйбышева Г. И. Смирнов, подводя итоги обсуждения, говорил, что 120-миллиардная программа не обеспечена материальными ресурсами, в силу чего требуется ее сокращение по крайней мере до 110 млрд.⁵⁰ 26 июля новое совещание под

председательством Куйбышева установило компромиссную «окончательную» цифру — 112,75 млрд. руб.⁵¹

В последующие три месяца шло неторопливое ознакомление с наметками пятилетнего плана. «Получил твои материалы к пятилетке,— сообщал с юга Молотов Куйбышеву 16 сентября 1933 г. Кое-что успею посмотреть. Без сопроводительного текста трудно разобраться, а текст до меня дойдет, видимо, только в Москве»⁵². Но 15 ноября Политбюро приняло решение о созыве в январе 1934 г. очередного съезда партии. Вторым пунктом повестки дня было намечено рассмотрение второго пятилетнего плана по докладам Молотова и Куйбышева⁵³. Решения об основных параметрах плана нельзя было более откладывать.

Обсуждение тезисов докладов Молотова и Куйбышева на Политбюро было намечено на 20 декабря. В ходе подготовки и обсуждения тезисов лимиты пятилетки были существенно увеличены. Ежегодный прирост промышленной продукции устанавливался теперь на уровне 18%, по сравнению с 13—14%, утвержденными Пленумом ЦК в январе 1933 г. План капитальных вложений был увеличен до 133 млрд. руб. по сравнению со 113 млрд., одобренными Госпланом в июле⁵⁴.

Новый проект был, очевидно, подготовлен на уровне Политбюро, возможно, самим Куйбышевым, без участия работников Госплана. 20 декабря, в день, когда Политбюро обсуждало новые предложения, Лауэр послал сердитое заявление Куйбышеву, Межлауку и Петропавловскому (секретарю партийной организации Госплана): «Считаю необходимым обратить Ваше внимание на то,— писал Лауэр,— что работа по уточнению плана второй пятилетки организована в Госплане абсолютно неудовлетворительно и не обеспечивает доброкачественных проектировок. Мы получили приказ, чтобы в один день проверить таблицы пятилетки и сдать исправленные. Кое-кто получил дополнительную информацию от тов. Гайстера об изменениях, внесенных Вами в первоначальный план. Эти изменения, однако, настолько серьезны, что отражаются косвенно на всех отраслях, и нельзя прямо исправлять таблицы, а нужно заново увязать проектировки каждого сектора (каждой отрасли) с народным хозяйством в целом. Насколько я понимаю, резко изменены темпы роста промпродукции (18 вместо 14%), изменено соотношение А и Б, резко повышены капиталовложения на конечный год (34 млрд. руб. вместо 26 млрд. руб.). Резко повышена продукция машиностроения. Это означает другой баланс стройматериалов, другой баланс металла, другую потребность в топливе и электроэнергии»⁵⁵. Лауэр предлагал отсрочить доработку плана на несколько дней.

Фактически так и произошло. Новые лимиты были готовы к концу декабря. 31 декабря один из ответственных работников Госплана — Гайстер — доложил Сталину о предпринятых изменениях (черновик его записки сохранился в бумагах секретариата Куйбышева). «Согласно указанию тов. Сталина,— писал Гайстер (это, кстати, позволяет с большой долей вероятности предположить, что увеличение лимитов было предпринято по инициативе Сталина.— Авт.),— Госплан пересмотрел проектировки по некоторым отраслям НКТП для обеспечения увеличения втрое производства предметов широкого потребления как по легкой и пищевой промышленности, так и соответствующего увеличения производства предметов ширпотреба по НКТП, а также для увеличения снабжения НКПС подвижным составом». Новый проект, докладывал Гайстер, предусматривал увеличение инвестиций в легкую и пищевую промышленность с 7,7 до 14,5 млрд. руб., увеличение производства локомотивов и вагонов и т. д.⁵⁶

3 февраля 1934 г. Молотов и Куйбышев представили новую версию плана XVII съезду: среднегодовые темпы промышленного роста — 19%, инвестиции за пятилетие — 133,4 млрд. руб.

На следующий день, 4 февраля, на утреннем заседании съезда возникла

ситуация, которая уже неоднократно повторялась при рассмотрении пятилетних планов (и на XVI конференции в апреле 1929 г., и на XVII конференции в феврале 1932 г.): делегаты, отстаивая интересы своих регионов, стали требовать увеличения строительных программ. Вечером того же дня выступил Орджоникидзе. Он критиковал тех, кто требовал пересмотреть планы, и заявил: «Если бы мы пошли сейчас по такой линии, чтобы все то, что требуют наши области и республики, включать в план второй пятилетки, то из этого получилась бы не пятилетка, а что-то другое. [Голос: „Десятилетка“.] Да, получилась бы десятилетка. Мы, товарищи, хотим иметь такую пятилетку, которая при огромнейшем напряжении сил и средств нашей страны была бы выполнена». Не дав делегатам опомниться, Орджоникидзе выдвинул «встречный план» — сократить годовые темпы роста промышленности в целом с 18,9 до 16,5% и сообщил, что все эти поправки согласованы с другими членами Политбюро⁵⁷. Вскоре после Орджоникидзе с предложениями о сокращении темпов развития отраслей выступили наркомы пищевой промышленности Микоян и легкой промышленности Любимов.

Подводя итоги обсуждения второго пятилетнего плана, Молотов оценил принятые решения о снижении темпов роста как проявление «большевистской осторожности, которая требует серьезного учета всей обстановки, в которой мы живем»⁵⁸. Но при этом сделал заявление, из которого следовало, что темпы индустриального роста могут и должны повышаться, несмотря на одобренные лимиты пятилетки: «В наших годовых планах во второй пятилетке мы должны обеспечить не только выполнение, но и перевыполнение заданий второй пятилетки. Это должно быть отнесено и к текущему году второй пятилетки. Присоединившись к предложению о 16,5% ежегодного прироста промышленной продукции на вторую пятилетку, мы должны сохранить полностью, не сокращая ни на один процент, ни на одну десятую процента принятое партией и правительством задание на 1934 год — второй год пятилетки. А это задание, как известно, определялось в 19%. Это значит, что уже для 1934 г. мы берём повышенное против средних темпов пятилетки задание»⁵⁹.

Информацию, проливающую свет на эти изменения, в архивах обнаружить не удалось. Не более чем предположением остаются утверждения некоторых западных историков, рассматривающих маневры вокруг пятилетнего плана как проявление конфликта между умеренными Куйбышевым и Орджоникидзе и радикальным Молотовым. Единственное известное и правдоподобное, хотя не подтверждаемое документами, свидетельство об этих событиях — анонимное письмо из Москвы, опубликованное в феврале 1934 г. в «Социалистическом вестнике». Автор письма, скрывшийся под инициалом «А», писал: «Накануне съезда всем делегатам съезда были розданы проект пятилетки и статистические и экономические материалы, обосновывающие темпы пятилетки. Но кое-кто из директоров-выдвиженцев высказал Сталину сомнение в выполнимости намеченных темпов, и Сталин решил взять инициативу в свои руки и созвал совещание из директоров заводов, на котором предложил высказаться со всей откровенностью, выполним ли намеченный план. В результате беседы Сталин пришел к выводу, что план следует уменьшить, особенно считаясь с тем, что параллельно с „мирным“ планом советской власти, весьма вероятно, придется осуществлять и план „военный“. По его предложению была создана комиссия в составе Орджоникидзе, Куйбышева, Ворошилова, Пятакова и 60 представителей объединений, которая пересмотрела все нормы второй пятилетки в сторону их уменьшения»⁶⁰.

Изменения, постигшие пятилетний план в недели, предшествующие съезду, и на самом деле дают, однако, возможность для некоторых наблюдений. Очевидно, что в декабре 1933 г. планы производства и инвестиций были увеличены в результате политических решений на самом верхнем уровне без участия Госплана и наркоматов. На съезде состоялся некий компромисс:

новые лимиты (16,5% годового прироста промышленного производства) были средними между 13—14-процентными наметками январского Пленума 1933 г. и 19-процентными предложениями Политбюро. Однако высокие капиталовложения изменены не были. Это была уступка экономическим ведомствам, и прежде всего промышленным. В то же время молотовские призывы к увеличению планов производства показывали, что правительство не отказалось от надежд при благоприятных условиях добиться нового скачка. Необходимо вместе с тем отметить, что все решения и дискуссии пока велись в пределах относительного экономического реализма.

Определенная умеренность восторжествовала при формировании плана на 1934 г. Реальные капиталовложения на 1933 г. составили в текущих ценах 18 млрд. руб. Разрабатывая контрольные цифры на 1934 г., в сентябре 1933 г. Госплан предложил установить лимиты капиталовложений примерно в 21 млрд. руб. и прироста промышленной продукции в 15%. 12 сентября 1933 г. Куйбышев запросил по этому поводу мнение Молотова и получил положительный ответ. 12 сентября Молотов писал ему из отпуска: «К. Ц. (контрольные цифры. — *Авт.*) на 34 год по твоим наметкам считаю правильными. В этом же роде (21 млрд. + 15%) я писал недавно Сталину, запрашивая его мнение. Более подробно я еще не вникал в дело»⁶¹. Действительно, в тот же день, 12 сентября, Молотов получил ответ от Сталина: «Согласен, что больше 21 млрд. руб. не следует брать по капитальным работам на 34 год, а прирост пром. продукции — не более 15%. Так будет лучше»⁶². 16 сентября Молотов проинформировал об этом Куйбышева: «Сталин сообщил, что согласен на 34 год с наметками по капитальным работам не больше 21 млрд. руб., по продукции не больше 15%. Твои наметки как раз отвечают этому»⁶³.

Эта переписка, демонстрируя преобладавшую в верхах осторожность при определении экономического курса, вместе с тем позволяет в какой-то мере судить о механизме предварительного согласования основных показателей плана. Куйбышев действует через своего непосредственного начальника по СНК Молотова, тот, в свою очередь, не ссылаясь на предложения Госплана, высказывает свои соображения Сталину, ответ Сталина становится известным Куйбышеву через Молотова.

Однако умеренные настроения в конце года изменились. План 1934 г., одобренный в последние недели 1933 г., был существенно увеличен по сравнению с сентябрьскими намерениями (напомним, что тогда же были увеличены лимиты второй пятилетки, подготавливаемые к съезду партии). Новый план предусматривал 25,1 млрд. руб. капитальных вложений.

Вскоре экономические реальности заставили отказаться от этих намерений. 22 марта 1934 г. Политбюро решило уменьшить капиталовложения на 3,5 млрд. руб.⁶⁴ Автор этого предложения пока неизвестен. Изданное 25 марта 1934 г. во исполнение решения Политбюро соответствующее постановление СНК СССР разъясняло, что сокращения предпринимаются «ввиду совершенно неудовлетворительной подготовки хозорганизаций к строительному сезону (необеспеченность строек проектами и сметами, неподготовленность и запаздывание в перевозке стройматериалов, недостаточная организация подготовки и др.), а также значительного отставания в выполнении производственных программ в I квартале»⁶⁵.

Как обычно, задание произвести сокращение планов отдельных ведомств получил Куйбышев. Однако 22 апреля он сообщил Политбюро, что сумел сократить планы в общей сумме лишь на 2,1 млрд. руб., что вызвало, по его словам, решительное возражение ведомств. Куйбышев признавал, что эти протесты имели основания, так как предпринятое сокращение «уже затронуло целый ряд объектов, имеющих большое народнохозяйственное значение и включенных в титульные списки по прямым решениям ЦК, СНК и Комиссии обороны, а также сокращение коснулось и таких острых позиций, как жилищное и коммунальное строительство». Самостоятельно Куйбышев не

решался на дальнейшие сокращения и запрашивал директивы Политбюро⁶⁶. На следующий день, 23 апреля, Политбюро поддержало Куйбышева — капитальные вложения были сокращены на 2,14 млрд. руб.⁶⁷ Фактически инвестиции в 1934 г. в текущих ценах составляли 21,5 млрд. руб.

План капитальных вложений 1935 г. был также очень умеренным. В июле 1934 г. Политбюро утвердило для 1935 г. только 18 млрд. руб. инвестиций и прирост промышленной продукции на 15%⁶⁸. Эти показатели были ниже даже сокращенного плана 1934 г. Через пять месяцев, в декабре 1934 г., инвестиционный план 1935 г. был увеличен, но только до 19,777 млрд. руб.⁶⁹ Эта цифра была еще раз пересмотрена в последующие несколько недель до 21,684 млрд. руб.⁷⁰ Но даже увеличенный показатель был лишь равен реальным вложениям 1934 г. и существенно меньше, чем лимиты на 1935 г., включенные в план второй пятилетки.

В 1935 г., однако, в отличие от курса прежнего года, план был существенно увеличен — до 24,8 млрд. руб. Этот увеличенный план был почти полностью выполнен. В 1935 г. впервые за многие годы промышленное производство росло более быстрыми темпами, чем было запланировано — по официальным данным на 22,3% по сравнению с 16% по плану.

НАДЕЖДЫ НА НОВЫЙ СКАЧОК

1935—1936 гг.

В 1935 г. более или менее стабильные отношения между высшим политическим руководством и экономическими наркоматами все чаще нарушались. Первоначальный план капитальных вложений на 1936 г., подготовленный Госпланом, был чрезвычайно умеренным. 19 июля 1935 г. Председатель Госплана СССР В. И. Межлаук представил в Политбюро на имя Сталина и в СНК на имя В. Я. Чубаря (Молотов в это время находился в отпуске) лимиты на 1936 г., из которых следовало, что инвестиции должны были составить только 17,7 млрд. руб., существенно меньше, чем в 1935 г. С другой стороны, ссылаясь на высокие темпы роста промышленного производства в 1935 г., Межлаук предлагал принять для 1936 г. этот показатель в размере 25,3%⁷¹.

На заседании в ЦК ВКП(б) 21 июля 1935 г. рассматривался лишь несколько измененный проект Госплана — инвестиции были увеличены до 19 млрд. руб. Представители ведомств, однако, потребовали на совещании увеличения вложений и нашли поддержку у Сталина. В письме Молотову в тот же день Сталин сообщил: «При самом экономном подходе все же ничего не получается, особенно, если иметь в виду то обстоятельство, что НКОбороны придется удовлетворить полностью при всяких условиях. Я предложил цифру — 22 млрд. руб. ... Межлауку и Чубарю поручили сделать разверстку (наметку) на базе 22 млрд. Посмотрим. Есть некоторые вещи, которых нельзя сокращать: НКОбороны; ремонт пути и подвижного состава плюс оплата новых вагонов и паровозов по НКПС; строительство школ — по НКпросу; переоборудование (техническое) по легпрому; бумажные и целлюлозные заводы — по лесу; некоторые, очень нужные предприятия (уголь, нефть, мартены, станы, вискоза, электростанции, химия) по НКтяжу. Это затрудняет дело. Посмотрим»⁷².

Фактически на совещании 21 июля по предложению Сталина было определено 21 350 млрд. руб. капиталовложений. Поэтому, выполняя поручение о подготовке нового плана на 22 млрд., в Госплане распределили лишь оставшиеся 650 млн. руб. Об этом Межлаук сообщил Сталину и Чубарю, представляя им новые лимиты 26 июля 1935 г. В своей записке Межлаук признавал, что при финансировании капитальных работ в размере 22 млрд. руб. возникает ряд серьезных проблем — трудным будет положение НКТП «с точки зрения обеспечения перспективного развития на 1937—1938—

1939 г.» и Наркомлегпрома, которому вместо выделенных 1,05 необходимо 1,4—1,5 млрд. руб. Несмотря на это, писал он, дальнейшее увеличение лимита капитальных работ на 1936 г. будет «весьма затруднительным по финансовым соображениям». При таких условиях, писал Межлаук, «следовало бы обсудить вопрос только о возможном небольшом увеличении капитальных затрат по Наркомтяжпрому и Наркомлегпрому, главное внимание обратив на удешевление капитального строительства» (на 15—20%). Дополнительные средства для капитального строительства Межлаук предлагал искать в самих наркоматах и ведомствах. С этой целью он считал возможным установить новый порядок планирования капитальных работ, разрешив советским, хозяйственным, кооперативным и общественным организациям производить сверх установленных для них лимитов затраты, «дающие немедленный хозяйственный эффект за счет сверхплановых накоплений и мобилизации внутренних ресурсов» (речь шла о приобретении недорогого оборудования, затратах на незначительный ремонт предприятий, жилья, благоустройство населенных пунктов). По расчетам, утверждал Межлаук, это позволит привлечь дополнительно до 900 млн. руб. капиталовложений, в том числе 350 млн. на ремонт жилья⁷³.

Таким образом, руководство Госплана ориентировалось на прежнюю ограничительную политику, позволившую в 1934—1935 г. добиться некоторой стабилизации экономики. Однако предложения Госплана на этот раз были отвергнуты. 28 июля 1935 г. Политбюро вновь рассматривало директиву ЦК ВКП(б) и СНК СССР по составлению контрольных цифр на 1936 г. Объем капитальных вложений был утвержден в сумме 25—27,3 млрд. руб.⁷⁴ Главную роль в этом повышении, судя по всему, сыграл Сталин. По поводу этого решения он писал Молотову: «22 млрд. не хватило, и, как видно, не могло хватить. Увеличение по школьному строительству (+ 760 млн.), по легпрому, лесу, пищевому и местному (всего + 900 с лишним млн. руб.), по обороне — (+ 1 млрд. 100 млн.), по здравоохранению, Москаналстрою и другим статьям (более 400 млн. руб.) определили физиономию и размеры КЦ на 36 год.

Я не жалею, так как все, что умножает продукцию предметов ширпотреба, — необходимо усиливать из года в год. Без этого — нет возможности двигаться теперь вперед»⁷⁵.

Увеличение капиталовложений летом 1935 г. было отражением новых настроений советского политического руководства. Проявляя относительную осторожность в годы глубокого кризиса на рубеже первой и второй пятилеток, после относительной стабилизации, оно чувствовало себя увереннее и явно поворачивало «генеральную линию».

Особенно наглядно эта тенденция проявилась осенью и зимой 1935 г., в период развертывания стахановского движения. В конце 1935 г. был поставлен вопрос о новом увеличении контрольных цифр на 1936 г. При проработке новых лимитов в Госплане его руководители отстаивали свои прежние позиции. В архиве сохранился вариант проекта новых директив по народнохозяйственному плану на 1936 г., датированный 29 ноября и завизированный Межлауком. В этом документе предлагалось значительное увеличение июльских директив по производству, приросту производительности труда и снижению себестоимости. Так, общий рост промышленной продукции в 1936 г. предлагалось довести до 25—26%. Хозяйственным наркоматам СССР и СНК союзных республик предлагалось «пересмотреть в пятидневный срок представленные ими планы капитальных работ, имея в виду исключение из плана вложений, ставших ненужными вследствие того, что внедрение стахановских методов в производство обеспечивает намеченный планом рост производства за счет полного использования мощности существующих предприятий и наличного оборудования, и внести свои предложения в ЦК и СНК СССР»⁷⁶.

На заседаниях 4 и 9 декабря Политбюро рассмотрело и одобрило директивы плана на 1936 г. Они предусматривали некоторое сокращение прироста

промышленной продукции — с 25—26 до 23% и одновременно завышенные задания по капиталовложениям — 31,6 млрд. руб. в сравнении с 28,3 млрд. руб., предлагаемые Госпланом. Эта цифра была зафиксирована в постановлении Совнаркома о плане 1936 г., принятом 9 декабря⁷⁷.

В дальнейшем контрольные цифры на 1936 г. еще несколько раз увеличивались. К октябрю 1936 г. планы капитальных работ были доведены до 36,1 млрд. руб., что превышало фактически выполненный в 1935 г. объем работ на 50% и на 83% цифры, предложенные Госпланом в июле 1935 г.⁷⁸ Столь значительное наращивание вложений вызывало в народном хозяйстве серьезные проблемы, которые усугублялись усилением политических репрессий. На практике эти высокие инвестиции не были обеспечены. Реальные капиталовложения в 1936 г. в текущих ценах насчитывали только 31,8 млрд. руб.

НАЗАД К УМЕРЕННОСТИ?

ПЛАН 1937 г.

Попытки форсировать экономическое развитие при помощи стахановского движения породили обычные в таких случаях противоречия и проблемы: рост незавершенного производства, падение качества, диспропорции между различными отраслями, дестабилизацию бюджета и т. д. Все это в очередной раз заставило предпринять отступление, проявить относительную осмотрительность. Одним из инициаторов этого поворота при формировании плана на 1937 г. вновь выступил Госплан. В июле 1936 г. его сотрудники подготовили проект директив к составлению народнохозяйственного плана на 1937 г. и направили их в ЦК и СНК на имя Сталина и Молотова. Принципы, которыми руководствовался Госплан при подготовке этого документа, были изложены в сопроводительном письме к директивам, подписанном Межлауком⁷⁹. Этот сугубо служебный документ, помеченный грифом секретности, не отличался тем не менее особой откровенностью и сообщал в основном об успехах стахановского движения и перевыполнении пятилетнего плана. О существовавших проблемах можно было лишь догадываться в связи с предложениями, которые выдвигались в письме. Например, главными задачами тяжелой промышленности на предстоящий год назывались подтягивание отстающих отраслей, резкое повышение качества продукции, достижение полной ее комплектности, сокращение незавершенного производства и уменьшение потерь на этой основе. Прирост продукции тяжелой промышленности предлагалось сократить до 20,1% по сравнению с 34,4% в 1936 г. Существенно — до 28,6 млрд руб. по сравнению с 35,5 млрд в 1936 г. — Госплан предлагал уменьшить капиталовложения. В обоснование этого показателя в записке, подписанной Межлауком, говорилось: «Прошедшими отраслевыми конференциями по пересмотру норм выявлены значительные резервы производственных мощностей по всем отраслям народного хозяйства, позволяющие добиться выполнения установленных планом заданий по производству при меньших капиталовложениях. В этих условиях центральной задачей строительства должно явиться сосредоточение внимания всех хозяйственных организаций на максимальном использовании этих резервов с тем, чтобы новое строительство было сконцентрировано в тех отраслях, уровень производства которых и намеченные производственные мощности отстают от потребностей народного хозяйства... Сужение фронта строительства при росте материальных ресурсов и рост механизации дают возможность коренным образом упорядочить и удешевить капитальное строительство».

19 июля 1936 г. Совнарком и ЦК ВКП(б) фактически приняли директивы плана на 1937 г., предложенные Госпланом. Капиталовложения в 1937 г. были установлены на уровне 28,6 млн. руб. в ценах 1935 г.; поскольку

же стоимость капитального строительства на 1937 г. планировалась на 12% ниже уровня 1935 г., инвестиции в 1937 г. составляли только 25,17 млрд. руб.

Предложения по поводу роста промышленной продукции в июльских директивах также демонстрировали их умеренность: она должна была увеличиться на 23%⁸⁰. Продукция наркоматов легкой, пищевой и местной промышленности должна была расти более быстрыми темпами, чем производство Наркомтяжпрома.

В течение следующих нескольких месяцев план капиталовложений увеличивался. Окончательные цифры, с опозданием одобренные ЦИК СССР 29 марта 1937 г., были повышены до 29,17 млрд. руб.⁸¹ Но даже после этого план капиталовложений 1937 г. был на 10% ниже ожидаемых результатов 1936 г. в текущих ценах. План промышленной продукции оставался на уровне, зафиксированном директивами от 19 июля 1936 г.: окончательный план 1937 г. предусматривал увеличение промышленной продукции на 20,8% по сравнению с 30,1%, ожидаемых в 1936 г.⁸²

Парадоксальным образом движение к более умеренной и взвешенной экономической политике происходило в условиях усиления массовых репрессий, затронувших прежде всего промышленные и транспортные наркоматы.

Возвращение к плановой умеренности было вызвано тяжелым положением, в котором находилось народное хозяйство. Как известно, с 1937 г. началось падение темпов прироста производства, обострились противоречия, порождаемые существовавшей хозяйственной системой. Специалистам еще предстоит выяснить, какие факторы влияли на это, в частности, в какой мере проблемы конца 30-х г. были предопределены попыткой нового скачка на волне стахановского движения.

Конкретное изучение обстоятельств разработки и принятия планов второй пятилетки прежде всего подтверждает факт, который вряд ли нуждался в особом подтверждении: высшей инстанцией, в конечном счете определявшей принципы экономической политики, было Политбюро, которое, в свою очередь, руководствовалось мнением Сталина. Однако это не раз доказанное положение, как свидетельствуют приведенные материалы, лишь отчасти характеризует механизм принятия экономических решений.

Отрезвление после кризиса на рубеже пятилеток сопровождалось нарастанием относительного «разномыслия» в различных структурах партийно-государственного аппарата. Не имея больше возможности беспрекословно подчиняться принципам форсированного развития и вынужденные считаться с социальнo-экономическими реальностями, различные инстанции, не исключая и высшее политическое руководство, все чаще предлагали решения, противоречившие политике «большого скачка». Все откровеннее проявляли себя прагматичные ведомственные интересы, ранее абсолютно подавленные «единой волей». Корректировка же «генеральной линии», придание ей большей гибкости происходили в результате сложного взаимоучета интересов и позиций различных государственных инстанций: хозяйственных наркоматов, Госплана, Наркомфина, руководства правительства. Политбюро и Сталин чаще всего выступали в роли арбитра, который хоть и обладал решающим голосом, но должен был считаться с претензиями нередко конфликтующих сторон. В советской партийно-государственной системе весомость этих претензий напрямую зависела как от степени приоритетности задач, которые решало то или иное ведомство, так и от влияния его руководителя. Некоторую роль в разработке экономической политики мог играть, например, такой внеэкономический фактор, как членство Куйбышева или Орджоникидзе в Политбюро.

В СССР, как и в других государствах, основанных на жесткой централизации, сохранялась тем не менее некоторая независимость отдельных структур. Теперь можно утверждать, например, что руководство Госплана на протяжении второй пятилетки последовательно отставало сравнительно сбалансированную

экономическую политику, выступало за ограничение капиталовложений. Причем происходило это даже в тех случаях, когда высшее политическое руководство страны очевидно придерживалось курса на ускорение экономического развития и наращивание инвестиций.

Надежды же на новый скачок, как свидетельствуют факты, у лидеров страны сохранялись даже после того, как провал подобной политики в годы первой пятилетки заставил их проявлять большую осмотрительность. Корректировка планов сопровождалась заявлениями о необходимости их переполнения. По мере стабилизации планы становились все более радикальными, хотя уроки первой пятилетки не прошли бесследно: экономические амбиции второй половины 30-х гг. укладывались в более жесткие и прагматичные рамки, чем это было в период «большого скачка».

Примечания

¹ Кузьмин В. И. В борьбе за социалистическую реконструкцию. 1926—1937. Экономическая политика Советского государства. М., 1976; Лельчук В. С. Индустриализация СССР: История, опыт, проблемы. М., 1984; Девис Р. У. Советская экономика в период кризиса. 1930—1933 годы // История СССР. 1991. № 4; Nove A. An Economic History of the USSR. L., 1969; Zaleski E. Stalinist Planning for Economic Growth. 1933—1952. L., 1980; Jasný N. Soviet Industrialization 1928—1952. Chicago, 1981 и др.

² Davies R. W. The Soviet Economy in Turmoil. 1929—1930. L., 1989; P. 399—400.

³ РГАЭ, ф. 4372, оп. 29, д. 90, л. 41.

⁴ Плановое хозяйство. 1931. № 2. С. 12.

⁵ РГАЭ, ф. 4372, оп. 29, д. 73, л. 174, 419, 705—707.

⁶ Кузьмин В. И. Указ. соч. С. 187—188. Автор не привел источников этой информации. Соответствующие документы в архивах пока не обнаружены.

⁷ Были индустриальными: Очерки и воспоминания. М., 1973. С. 191—194.

⁸ Индустриализация СССР. 1929—1932 гг.: Документы и материалы. М., 1970. С. 606.

⁹ Правда. 1932. 5 января.

¹⁰ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3а, д. 101, л. 1—2.

¹¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. (далее — КПСС в резолюциях). Т. 5. М., 1984. С. 393.

¹² РЦХИДНИ, ф. 79, оп. 1, д. 561, л. 22.

¹³ XVII конференция ВКП(б): Стеногр. отчет. М., 1932. С. 149, 170.

¹⁴ Zaleski E. Op. cit. 127—128.

¹⁵ РЦХИДНИ, ф. 558, оп. 1, д. 3000, л. 11.

¹⁶ См.: Zaleski E. Planning for Economic Growth in the USSR. 1918—1931. Chapel Hill. 1971. P. 217. Пересмотренные цифры появились в статье, отправленной в печать в мае (Плановое хозяйство. 1932. № 1. С. 133).

¹⁷ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 878, л. 61 (решение Политбюро от 31 марта); ГА РФ, ф. 5446, оп. 1, д. 67, ст. 508 (постановление Совнаркома от 16 апреля).

¹⁸ За индустриализацию. 1932. 15 апреля.

¹⁹ РГАЭ, ф. 4372, оп. 30, д. 25, л. 229.

²⁰ Там же, л. 383.

²¹ Экономическая жизнь. 1932. 24 июня.

²² ГА РФ, ф. 5446, оп. 22, д. 21, л. 8—9.

²³ РЦХИДНИ, ф. 79, оп. 1, д. 376, л. 1—2.

²⁴ Там же, ф. 17, оп. 3, д. 894. л. 3, 12; ГА РФ, ф. 54546, оп. 57, д. 20, л. 100—101.

²⁵ Первоначальный план капитальных вложений на III квартал, одобренный 17 июля, см.: РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 889, л. 15; ГА РФ, ф. 5446, оп. 1, д. 69, л. 114.

²⁶ РЦХИДНИ, ф. 85, оп. 29, д. 433, л. 1—2.

²⁷ РГАЭ, ф. 4372, оп. 31, д. 25, л. 347—348.

²⁸ Там же, д. 24, л. 7—23.

²⁹ Там же, л. 113—115.

³⁰ ГА РФ, ф. 5446, оп. 13, д. 23, л. 2.

³¹ Там же, оп. 22, д. 5, л. 34—45.

³² РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 910, л. 5—6.

³³ ГА РФ, ф. 5446, оп. 57, д. 21, л. 165—166, 168.

³⁴ РГАЭ, ф. 4372, оп. 31, д. 24, л. 31.

³⁵ Там же, д. 513, л. 133—137.

³⁶ Там же, оп. 92, д. 10, л. 164—166.

³⁷ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 2, д. 750, л. 52.

³⁸ Там же, оп. 3, д. 913, л. 9.

³⁹ Там же, оп. 2, д. 750, л. 54—56.

⁴⁰ КПСС в резолюциях... Т. 6. С. 18.

- ⁴¹ РГАЭ, ф. 4372, оп. 31, д. 24, л. 36.
⁴² Там же, оп. 92, д. 13, л. 26—30.
⁴³ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 917, л. 7.
⁴⁴ РГАЭ, ф. 4372, оп. 92, д. 14, л. 62—65.
⁴⁵ Там же, д. 13, л. 98—103.
⁴⁶ Там же, д. 18, л. 1—2.
⁴⁷ Там же, д. 17, л. 366.
⁴⁸ Там же, д. 16, л. 149—150; д. 17, л. 213—214.
⁴⁹ Там же, д. 16, л. 415.
⁵⁰ Там же, д. 17, л. 367, 434—442.
⁵¹ Там же, д. 18, л. 76—78.
⁵² РЦХИДНИ, ф. 79, оп. 1, д. 798, л. 5.
⁵³ Там же, ф. 17, оп. 3, д. 933, л. 5.
⁵⁴ Там же, ф. 558, оп. 1, д. 3109; ф. 79, оп. 1, д. 563, л. 1—23.
⁵⁵ ГА РФ, ф. 5446, оп. 22, д. 24, л. 114—114 об.
⁵⁶ Там же, ф. 5446, оп. 22, д. 27, л. 230—234.
⁵⁷ XVII съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М., 1934. С. 435.
⁵⁸ Там же. С. 523.
⁵⁹ Там же.
⁶⁰ Социалистический вестник. 1934. № 4. С. 14.
⁶¹ РЦХИДНИ, ф. 79, оп. 1, д. 798, л. 4.
⁶² Коммунист. 1990. № 11. С. 105.
⁶³ РЦХИДНИ, ф. 79, оп. 1, д. 798, л. 5—6.
⁶⁴ Индустриализация СССР. 1933—1947 гг.: Документы и материалы. М., 1971. С. 619.
⁶⁵ ГА РФ, ф. 5446, оп. 57, д. 30, л. 14.
⁶⁶ Там же, оп. 22, д. 92, л. 20—21.
⁶⁷ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 944, л. 21.
⁶⁸ Там же, д. 949, л. 6.
⁶⁹ ГА РФ, ф. 5446, оп. 57, д. 33, л. 223—226.
⁷⁰ Народнохозяйственный план на 1935 г. М., 1935. С. 460—461. Эта цифра включала 494 млн. руб. на покрытие роста заработной платы и стоимости фуража в результате отмены карточек и соответствующего увеличения цен на хлеб и зерно.
⁷¹ ГА РФ, ф. 5446, оп. 26/4, д. 9, л. 247—255.
⁷² РЦХИДНИ.
⁷³ ГА РФ, ф. 5446, оп. 26/4, д. 9, л. 247—268.
⁷⁴ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 969, л. 1, 31—36.
⁷⁵ Там же.
⁷⁶ РГАЭ, ф. 4372, оп. 92, д. 59, л. 11—17.
⁷⁷ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 973, л. 43—46, 60—63; ГА РФ, ф. 5446, оп. 57, д. 38, л. 171—172.
⁷⁸ ГА РФ, ф. 5446, оп. 20, д. 62, л. 170.
⁷⁹ РГАЭ, ф. 4372, оп. 92, д. 63, л. 210—225.
⁸⁰ ГА РФ, ф. 5446, оп. 57, д. 42, л. 114—122.
⁸¹ Народнохозяйственный план Союза ССР на 1937 г. М., 1937. С. 36.
⁸² Там же. С. 44—45.

«ВТОРОЕ РАСКУЛАЧИВАНИЕ»

(Аграрная политика конца 40-х — начала 50-х годов)

Приоткрывшиеся в последнее время спецхраны дали возможность исследователю ознакомиться с ранее неизвестными страницами истории советской деревни. Сегодня мы убеждаемся в том, что обстановка сплошной секретности была необходимым условием существования государства, построенного на принципах насилия и принуждения. В рамках сталинской конституции при всеобщем равноправии перед беззаконием вопиющими были бесправность и приниженность колхозно-совхозного населения. Обособленная Уставом сельскохозяйственной артели жизнь, прикрепление к одному колхозу или совхозу, отсутствие права на выезд, а с 1948 г. и высылка «провинившихся» в отдаленные края возвращали людей в худшие времена крепостничества.

В годы войны, несмотря на неисчислимы лишения и трудности, колхозы, совхозы, личные хозяйства колхозников, рабочих, служащих и единоличников давали стране необходимое количество сельскохозяйственной продукции, платили многочисленные налоги, вместо денег получали облигации военного займа. В ответ на бескорыстную помощь государству деревня была «наказана» голодом 1946—1947 гг., а в последующие годы на нее обрушивались новые репрессии и налоговые тяготы. Предпринятые правительством чрезвычайные меры по укреплению колхозно-совхозного строя ускорили развал сельского хозяйства и исход крестьян из деревни. 21 февраля 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР принял секретный указ «О выселении из Украинской ССР лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни». Указ предоставлял право местному руководству при помощи колхозных собраний и сельских сходов решать вопрос о выселении за пределы республики в отдаленные края практически любого живущего в деревне человека. Вначале указ действовал только в 16 восточных областях Украины, а со 2 июня охватил всю территорию СССР, за исключением западных областей Белоруссии. На следующий день правительство приняло секретное постановление за подписью Сталина и Чадаева, в котором был подробно расписан порядок применения указа на практике и определены районы размещения будущих спецпереселенцев в бассейнах рек Оби, Енисея и Лены. С 23 ноября 1948 г. указ стал действовать в Измайльской области Украинской ССР¹.

Под предлогом укрепления дисциплины началось преследование колхозников, рабочих совхозов и единоличников. Жители деревни называли это особое государственное мероприятие вторым раскулачиванием. На сей раз «классовый враг» был обнаружен среди самих колхозников, которые на деле, как и немногочисленные советские единоличники, были еще реальной опорой существующего строя. Для них указ был ударом в спину. В архивах МВД сохранились полученные от осведомителей высказывания крестьян с оценкой происшедшего: «В 1930 году выселяли кулаков, а теперь выселяют нашего брата»; «начинается раскулачивание тех, кто стремился остаться самостоятельным...»; «это страшнее раскулачивания 1929—1932 гг. От такого суда никуда не уйдешь!» и т. п.² Целью репрессий было запугать народ, сломить нараставшее антиколхозное движение, заставить работать бесплатно голодных, оборванных людей и одновременно загнать в колхозы и совхозы как можно

* Зима Вениамин Федорович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

больше жителей села из так называемого околоколхозного населения. Поскольку в послевоенной деревне тунеядцев насчитывалось единицы, то под действие указа в основном попали фронтовики, вдовы, старики и молодежь.

Принуждение, облеченное в специфическую идеологическую форму борьбы за хлеб, подробно охарактеризованное Н. Д. Кондратьевым на примере продразверстки 1918 г.³, особенно активно применялось в послевоенные годы. Срыв плановых заготовок толковался как действие, направленное на подрыв общественного строя. Как пишет французский историк Г. Т. Риттершпорн, производственные неудачи толкали руководство к поиску врагов. Если в 20-е и 30-е гг. виновниками были кулаки, то в конце 40-х гг. ими стали не справившиеся с заданием колхозы и совхозы, а страдали от этого люди⁴. Ежегодно большинство колхозов и совхозов, вынужденных под давлением отдавать последнее зерно, не обеспечивали своим работникам натуральную и денежную оплату труда.

Голод, отсутствие материальной заинтересованности приводили к тому, что производительность труда в колхозах и совхозах падала. Весь «интерес» держался на том, что крестьянину разрешали пользоваться приусадебным участком земли лишь при условии полной трудовой отдачи в общественном хозяйстве.

Беспокойство правительства вызывало возросшее стремление крестьян любым способом выйти из колхоза. Представитель Совета по делам колхозов в Чкаловской области информировал секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова о том, что «часть колхозников выходит из колхозов, становятся единоличниками. Число единоличных хозяйств в области увеличилось с 1078 в 1947 г. до 1907 в 1948 г., т. е. на 70%». Поступала информация о передаче колхозной земли для расширения приусадебных участков и переходе колхозных дворов на аренду⁵. По тем временам такие факты расценивались не только как нарушение колхозного Устава, а и как покушение на социализм.

В Совет по делам колхозов при правительстве СССР поступало много писем с предложениями о коренном изменении системы организации труда. Председатели колхозов из Кировской области, сообщив о том, что после заготовок 1947 г. хозяйства снова остались без хлеба, предлагали уменьшить хлебопоставки, налоги, гарнцевый сбор, натуральную плату государству за работу МТС, меньше продавать за границу, чтобы оставлять колхозам и колхозникам потребное количество хлеба⁶.

Вместо того, чтобы дать колхозам и совхозам возможность самим решать хозяйственные вопросы и право распоряжаться произведенной продукцией, правительство вновь пошло на применение устрашающих мер, чтобы заставить людей бесплатно работать в колхозах и совхозах и под угрозой ареста платить непомерные налоги.

Не случайно репрессии начались с Украины, где за время оккупации немало крестьян вышли из колхозов, вернулись к единоличному ведению хозяйства. После освобождения они не желали возвращаться в колхоз. Таких людей выселяли в первую очередь, так как они мешали восстанавливать колхозно-совхозную систему. На собрании по обсуждению указа от 21 февраля 1948 г. в колхозе им. Чкалова (село Обуховичи Иванковского района Киевской области) после того, как было предложено выселить четверых колхозников, взял слово член ВКП(б) Ф. Н. Гук. Он сказал: «Мы обсуждаем колхозников, которые не хотят работать в колхозе. А почему не хотят?— Потому что во время оккупации получили от немцев землю и хозяйничали на ней самостоятельно. Такая жизнь их устраивала, поэтому они не желают снова идти в колхоз...». В тот же день бюро Иванковского райкома КП(б) за проявленное антиколхозное настроение исключило коммуниста Гука из партии⁷.

Одновременно правительство решило покончить с единоличниками, укрепить колхозы путем присоединения их скота и инвентаря. После войны в РСФСР насчитывалось 242,8 тыс. маломощных, ограничиваемых законом и налогами

единоличных хозяйств, в восточных областях Украинской ССР — 34,9 тыс., примерно 30 тыс. хозяйств уцелело в Закавказье и Средней Азии. По России численность единоличных хозяйств составляла 2,5% численности хозяйств колхозников, по другим республикам, кроме Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии, Молдавии, — и того меньше⁸. Единоличникам предлагали «по-хорошему» вступить в колхоз, в противном случае давали понять, что их ожидала ссылка с конфискацией имущества. Нередко сельская администрация охотно шла на раскулачивание, стремясь поживиться за чужой счет. Учитывая опыт коллективизации 30-х гг., ЦК ВКП(б), Совмин СССР через республиканские, краевые, областные органы власти возглавили кампанию по реализации указа. Накануне на местах получили закрытое письмо, в котором партийно-советским активам разъяснялись цель и задачи указа, давались инструкции в подготовке планов проведения мероприятий на всех уровнях, вплоть до колхозного, в составлении списков кандидатов на выселение. В села были направлены сотни работников аппарата. Под контролем областных представителей подготовкой и проведением колхозных собраний руководили секретари райкомов партии и председатели райисполкомов.

Для обеспечения порядка, усиления охраны общественного имущества, предотвращения возможных покушений с целью мести на жизнь колхозного актива со стороны «антисоветски настроенных лиц и родственников выселяемых» к делу подключились органы внутренних дел и государственной безопасности.

На основании указа по приговорам общих собраний и сельских сходов за невыполнение обязательного минимума трудодней и прочие «грехи» колхозников выселяли, как правило, на 8 лет. После собрания, чтобы не сбежали, приговоренных сразу арестовывали. До отправки в места поселения, в ожидании заявок МВД на рабочую силу приговоренных держали на сборных пунктах и в камерах предварительного заключения. В документах жертвы указа назывались спецпереселенцами, а чаще осужденными. Перевозка спецпереселенцев осуществлялась по тарифу, предусмотренному для транспортировки заключенных, с той лишь разницей, что средств на их питание выделяли значительно меньше⁹.

Кроме выселения применялась и другая мера наказания лиц, «уклонявшихся от трудовой деятельности», — предупреждение о возможной высылке. В том случае колхознику или рабочему совхоза давался для исправления трехмесячный испытательный срок с письменным обязательством исправиться и честно трудиться, выполняя обязательный минимум трудодней. Если взятые обязательства нарушались, то до истечения трехмесячного срока общее собрание могло заменить предупреждение высылкой. Со времени принятия указа и до конца 1948 г. на Украине были предупреждены более 20 тыс. человек, в Казахстане — 4,7 тыс., в Московской области — 3 тыс.¹⁰.

В первую очередь пострадали те, кто выражал недовольство творившимся в колхозах произволом: разоблачал действия членов правления колхоза, нарушавших Устав сельскохозяйственной артели, открыто выступал с критикой действий местных руководителей. По отчету управления МВД Новосибирской области за июль 1948 г. установлено несколько случаев отказа колхозников-коммунистов голосовать на собраниях за выселение односельчан. Заведующий молочно-товарной фермой колхоза им. Ворошилова Татарского района член ВКП(б) Лопатин заявил: «Я недоволен указом, он очень резко рубит колхозников». Не остановились и перед выселением коммунистов, выступавших против проведения указа. В колхозе «Победа» Венгеровского района той же области был сослан член партии Власов, предварительно исключенный из ВКП(б), в связи с арестом¹¹.

Несмотря на предварительную подготовку сценариев колхозных собраний и сельских сходов, голосование за выселение сельчан проходило с большими

трудностями. В итоговых отчетах, посланных в Москву (разумеется, далеко не во всех), указаны десятки, сотни и тысячи людей, голосовавших против выселения. По нашим подсчетам, воздержавшиеся и открытые противники репрессий составляли от 5 до 10% всех присутствовавших на собраниях и сходах. Так, по данным на февраль 1949 г., в Приморском крае из 9 тыс. присутствовавших на собрании более тысячи человек воздержалось или голосовало против выселения людей, в Таджикской ССР из 26 тыс. присутствовавших на собрании — 5 тыс. человек. Обзор колхозных и совхозных отчетов о проведении собраний по указу о выселении дает еще более неприглядную картину «мероприятия». Например, в 6 колхозах Чувашской АССР за выселение проголосовало в среднем не более 70%, присутствовавших на собраниях, а по отдельным колхозам — и того меньше. Нередко вопрос о выселении решался перевесом всего в 2 голоса. Чем больше намеревались выселить, тем сильнее нарастало сопротивление крестьян, поэтому администрация прибегала к фальсификации процесса голосования и его результатов¹².

Сохранившиеся в делах МВД письма и заявления колхозников и рабочих совхозов представляют ценный источник для изучения событий по оценке самих крестьян. В этих материалах упоминаются случаи шельмования негодных с целью расправы. Так, уполномоченный исполкома Ярмолинцкого района Каменец-Подольской области Украинской ССР И. И. Киселевский, председатель сельсовета с. Буйволыцы С. В. Рябой, председатель колхоза В. Н. Симчук, секретарь сельсовета Н. Ф. Фурин добились вынесения общественного приговора о выселении колхозников К. И. Дурняка и К. Г. Разгона, представив на них характеристики, в которых заведомо ложно указывали, что Дурняк и Разгон нигде не работали, вели паразитический образ жизни, а в период оккупации состояли на службе в полиции. При проверке жалобы пострадавших представитель областной прокуратуры обнаружил, что в действительности оба колхозника являлись участниками войны, находились в Красной Армии, а после демобилизации работали в колхозе и ничем себя не скомпрометировали¹³.

Из архивных источников известен и факт вынесения приговора о выселении матери четверых малолетних детей, награжденной орденом «Материнская слава» 3-й степени. Собрание колхоза им. Ворошилова Старо-Синявского района Каменец-Подольской области УССР в присутствии секретаря РК ВЛКСМ Примака вынесло такой приговор за невыработку трудодней колхознице Пидульской. Ее муж погиб на фронте, двое старших сыновей только в 1947 г. демобилизовались из армии¹⁴.

Под угрозой суда и высылки выгоняли на колхозные поля всех способных двигаться — стариков, инвалидов, больных, детей начиная с 10-летнего возраста. Многодетные матери вынуждены были оставлять без присмотра грудных и малолетних детей и идти на работу. Вооружившись такими методами организации труда, ЦК КП(б) Украины рапортовал о досрочном выполнении плана весеннего сева. Выступая на Пленуме ЦК КП(б) Украины 25 мая 1948 г., секретарь ЦК Хрущев сказал, что «...достигнутые успехи в укреплении трудовой дисциплины не должны никого успокаивать. Борьба за укрепление трудовой дисциплины в колхозах, за образцовую организацию труда должна все время находиться в центре внимания парторганизаций. Борясь с лодырями, со злостными нарушителями дисциплины, с паразитическими элементами, сельские коммунисты, все честные коммунисты расчищают путь для еще более успешного продвижения вперед по пути к коммунизму»¹⁵. В печати не сообщалось о том, какой ценой осуществлялось это «успешное» продвижение к светлому будущему.

В самый разгар кампании по раскулачиванию колхозников «Правда» от 16 июня 1948 г. поместила заметку об образцовом отношении к защитникам Родины на Смоленщине, где якобы построено свыше тысячи домов для семей

инвалидов Отечественной войны, многим из них новые дома предоставлены бесплатно... Более того, инвалидам-фронтовикам выдано также бесплатно свыше 500 голов скота, а кроме пенсии, они будто бы получили сотни тысяч рублей единовременных пособий.

При этом пресса умалчивала о том, что в районах РСФСР, подвергшихся оккупации, проживало в землянках 16 тыс. семей колхозников, в том числе в Брянской области — 7102 семьи, в Орловской — 4183, в Курской — 2539, в Калужской — 1052, в Смоленской — 689, из них большинство составляли семьи погибших воинов и инвалидов войны¹⁶.

В Пензенской области собранием колхоза «Красный партизан» Рамзайского сельсовета (Нечаевский район) был вынесен приговор о выселении колхозницы Т. П. Великановой в отдаленные районы за уклонение от трудовой деятельности и паразитический образ жизни. При проверке оказалось, что Великанова, имея мужа-инвалида II группы (без обеих ног), выработала в 1946 г. 133 трудодня, за неполный 1947 г. — 113 трудодней. Исполком областного Совета отменил это решение¹⁷.

Председатель колхоза, сельсовета, даже счетовод мог выслать в дальние края любого жителя. Неограниченная возможность вершить судьбы людей, безнаказанность развращали руководителей, приводили к воровству и пьянству. Председатель Талицкого сельисполкома Воткинского района (Удмуртская АССР) Русанов, будучи пьяным, нагишом разгуливал по деревне, а в ответ на увещевания сельской учительницы, пытавшейся призвать его к порядку, пригрозил ей выселением¹⁸.

В украинском колхозе «Червоний шлях» (с. Гребля Монастырищенского района Винницкой области) наметили к выселению колхозника В. П. Гопольняка. Ему ставилось в вину нежелание работать и паразитический образ жизни. При проверке оказалось, что он инвалид войны и врачебно-трудовой экспертной комиссией (ВТЭК) признан нетрудоспособным. Тем не менее он трудился в колхозе сторожем и в 1947 г. выработал 136 трудодней. Выяснилось, что счетовод колхоза был в ссоре с ним из-за личной усадьбы и оговорил его, добиваясь выселения¹⁹.

Дела осужденных на выселение нетрудоспособных (стариков, несовершеннолетних и больных) МВД вынуждено было возвращать в исполкомы областных, краевых, республиканских советов с просьбой пересмотреть и отменить приговор. Эти просьбы не всегда удовлетворялись, так как в соответствии с разрядкой области, края, республики должны дать определенное количество людей. Деревня была настолько обескровлена, что «борьба» велась за каждого человека. Заместитель министра внутренних дел СССР Серов жаловался Маленкову, что секретарь Калужского обкома и председатель облисполкома отказались давать указание о пересмотре решений исполкома в отношении И. С. Сладкова, уроженца дер. Утешево Бобынинского района, инвалида войны III группы, имевшего на своем иждивении больную жену и двоих детей (сын погиб на фронте), а также в отношении несовершеннолетней Н. Жило, настаивая на их выселении.

Известному на всю страну депутату Верховного Совета СССР, члену Совета по делам колхозов при правительстве, председателю саратовского колхоза «Стахановец» Ферапонту Головатому были предъявлены обвинения в том, что он принял в колхоз Сергиенко и Сахно, которые в период оккупации Украины якобы служили у немцев, кроме того, он «допускал нарушения колхозной демократии, мало советовался и прислушивался к мнению колхозников, продавал излишки сельхозпродукции на рынках по более высоким ценам вместо продажи их сельхозкооперации». Головатого вызвали на беседу в Саратовский обком ВКП(б), указали на недостатки в руководстве и ведении хозяйства. Он воспринял критику «правильно» и по возвращении в село исключил из колхоза Сергиенко и Сахно, передав

их дело в органы МГБ. Тем не менее за Головатым была установлена слежка²⁰.

Летом 1948 г. последовали самые обильные репрессии. В донесении Сталину от 3 сентября говорилось, что выслано 23 тыс. крестьян, из них по России — 12 тыс., по Украине — 9 тыс., по Казахстану — 1,7. Среди высланных большую часть составляли женщины. Вместе с ними добровольно выехало более 9 тыс. членов их семей, включая около 5 тыс. детей до 16 лет²¹.

На этом операция по усмирению деревни не закончилась. Выселение проводилось и в последующие годы. В РСФСР наибольшее число крестьян было выслано из Курской области, где жители деревни, сильнее других пострадавшие от голода и болезней, не могли полноценно трудиться. На 1 сентября 1949 г. отсюда в места поселения отправлено 1680 «указников», в том числе 756 мужчин и 924 женщины. Среди высланных было 1333 колхозника и 347 единоличников, отказавшихся вступать в колхозы и сознательно решившихся на ссылку. Из Новосибирской области было выслано около 780 человек, по 600 с лишним человек — из Московской и Вологодской областей, из Пензенской — более 500 и т. д. Кроме того, на общих собраниях колхозников и сельских сходах было предупреждено о выселении с испытательным сроком и письменными обязательствами более 60 тыс. человек. Впоследствии некоторые из них (по официальным данным, 1,5—2%) были приговорены к выселению как не справившиеся с выработкой обязательного минимума трудодней. Та же участь постигла единоличников, не выполнивших норму обязательных поставок²².

Итоги реализации указов показали, что ради собственного спасения система отторгала самые зрелые, опытные кадры сельского хозяйства. Например, общим собранием колхозников и сельских сходов из Московской области выселили в отдаленные районы 623 человека, из них 11 человек в возрасте до 20 лет, от 20 до 25 лет — 95, от 26 до 30 лет — 48, от 31 до 40 лет — 180, от 41 до 50 лет — 223, от 50 и старше — 66 человек. Следовательно, большинство выселенных (403 человека) находились в возрасте от 30 до 50 лет. Аналогичные данные имелись по Крымской и другим областям, где также выселяли людей самого трудоспособного возраста, в число которых попало немало недавних переселенцев из центральных областей, не успевших обжиться и завести хозяйство на новом месте²³.

По одной из сводок МВД, 17,5 тыс. осужденных и членов их семей отправлено на спецпоселение в Якутскую АССР, Красноярский, Приморский, Хабаровский края, Иркутскую, Кемеровскую, Тюменскую и Читинскую области. Из них 8,9 тыс. человек были определены на золотодобывающие предприятия МВД, 2,7 тыс. человек — на лесозаготовительные предприятия Южно-Кузбасского и Северо-Кузбасского исправительно-трудовых лагерей, 1,8 тыс. человек — на Норильский никелевый комбинат МВД, 1,3 тыс. человек — на строительство МВД и т. д.²⁴

Выражая официальную точку зрения, руководство МВД СССР разъяснило в своей инструкции, что высланных крестьян нельзя считать отбывающими наказание, так как никаких судебных решений в отношении их не было вынесено. Они якобы переселялись не в наказание, а в результате особых государственных мероприятий. В соответствии с Конституцией спецпереселенцы включались на общих основаниях в списки избирателей, исправно платили налоги, покупали облигации восстановительного займа. Следовательно, «социалистическая демократия» не нарушалась.

Министр внутренних дел СССР Круглов докладывал заместителю председателя Совмина СССР Молотову о положительном воздействии указа на укрепление дисциплины в колхозах. Многие единоличники «изъявили желание» вступить в колхозы. В Каракалпакской АССР Узбекской ССР вступило в колхозы 2,1 тыс. единоличников, в Вологодской области — 1285 (только в Череповецком районе этой области более 300 хозяйств).

Лживостью и цинизмом пронизаны отчеты об этом «мероприятии». Председатель исполкома Московского областного совета Бурыличев писал, что указ воспринят широкими массами колхозников как проявление новой заботы партии и правительства об укреплении колхозного строя и улучшении материального благосостояния колхозников²⁵.

С начала 50-х гг. исполнение указа все более сводилось к предупреждениям, исполкомы обычно отменяли ранее принятые приговоры о выселении. За лето 1950 г. в Новосибирской области ни выселили ни одного человека, отменили четыре ранее принятых приговора; в Бурят-Монголии был выселен лишь один колхозник. Примерно та же картина была и в других местах. Постепенно драконовский указ отмирал. В то же время, пройдя все испытания, с большим трудом добившись разрешения местных властей, начали возвращаться из ссылки в родные края больные, нетрудоспособные и неправильно выселенные «указники».

В целом по СССР было направлено на спецпоселение 33 266 человек, за которыми последовали 13 598 членов их семей. Со второй половины 50-х гг. их начали освобождать, поэтому число высланных по указам 1948 г. стало сокращаться: на 1 января 1957 г. в спецпоселках оставалось 2220 человек, на 1 января 1958 г.— 860, на 1 января 1959 г.— 459 человек²⁶.

Война и голод 1946—1947 гг. обнажили противоречия колхозно-совхозной системы. Даже немногие более-менее крепкие общественные хозяйства были полностью обессилены и не обеспечивали содержание работникам. По причине крайней дороговизны хлеба и расстройств личных «подсобных» хозяйств население не могло оплачивать растущие налоги. Многократно возросшие недоимки оказали губительное воздействие на государственный бюджет страны. Правительство не видело иного выхода, кроме очередного повышения налогообложения и усиления правовой ответственности за несвоевременный расчет.

Важнейшей составной частью «второго раскулачивания» являлось налоговое давление на крестьян. Налог имел силу закона, всякое сопротивление уплате, нарушение сроков считалось государственным преступлением. Сбор налогов был настолько важным мероприятием, что к работе по обеспечению поступления платежей в помощь налоговым агентам привлекался весь сельский актив. На заседаниях сельсоветов 1—2 раза в месяц заслушивалась информация о выполнении плана по сбору налога.

Послевоенная система налогообложения состояла из нескольких видов государственных и местных налогов. К государственным относились два самых крупных вида налогов — сельскохозяйственный и подоходный (для рабочих), а также налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан, рыболовный и билетный (разрешавший ловлю рыбы) сборы, налог на лошадей единоличных крестьянских хозяйств. К местным налогам относились: налог со строений, земельная рента, разовый сбор на колхозных рынках, сбор с владельцев транспортных средств вплоть до велосипедов, сбор с владельцев скота и налог со зрелищ. Как самостоятельный платеж налогового характера продолжала действовать государственная пошлина. Поступления от госпошлины в местные бюджеты по СССР составили в 1948 г. 696,8 млн. руб.²⁷

Почти каждая семья в сельской местности платила самообложение, которое в отличие от налога являлось добровольным сбором. Решение о самообложении принималось на общем собрании большинством граждан селения. Полученные средства предназначались на проведение и ремонт дорог, постройку и ремонт школ, больниц и проч. Общая сумма получаемых по самообложению средств в том же году в целом по Союзу составила 385 млн. руб.²⁸ Лишь незначительная часть этой суммы расходовалась по назначению.

В связи с ростом затрат на вооружение безудержно росло налоговое бремя. Постановлением Совмина СССР от 30 марта 1948 г. и указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 и 15 июня того же года были внесены

изменения в Закон о сельскохозяйственном налоге. Размер налога при тех же источниках и нормах доходности повысился в 1948 г. по сравнению с 1947 г. на 30%.

По измененному закону вдвое повысилось налоговое давление на единоличников и бывших колхозников. Сумма налога на единоличные крестьянские хозяйства была на 100% выше, чем с хозяйства колхозников. Хозяйства, выбывшие (исключенные) из колхоза, привлекались к уплате сельхозналога на одинаковых основаниях с единоличными крестьянскими хозяйствами, независимо от времени выбытия из колхоза.

Закон о сельхозналоге привлекал к общественному хозяйству всех трудоспособных членов колхозного двора. Если в составе колхозного двора отдельные трудоспособные члены семьи не состояли членами колхоза или были изгнаны из колхоза и не работали по найму, то исчисленная сумма с такого хозяйства повышалась на 20%.

В 1947 г. от уплаты налога освобождались хозяйства нетрудоспособных (мужчин 60 лет и старше и женщин 55 лет и старше) колхозников и единоличников, не имевших трудоспособных членов семьи, своими силами ведущих хозяйство. После нового указа такие хозяйства колхозников облагались в размере 50% исчисленного налога, а единоличные крестьянские хозяйства лишались этих льгот.

До 1948 г. хозяйствам колхозников и единоличников, в составе которых при наличии одного трудоспособного члена семьи имелось двое и более детей или при наличии двух трудоспособных — трое и более детей до 12 лет, предоставлялись скидка с исчисляемой суммы налога в размере 15%. Теперь скидка отменялась.

Если ранее хозяйства военнослужащих, погибших или без вести пропавших во время войны, а также хозяйства погибших партизан, в которых не было других трудоспособных, кроме вдовы, имеющей детей в возрасте до 8 лет, полностью освобождались от налога, то по новому положению им предоставлялась только скидка в размере 50%²⁹.

Такими мерами правительство не достигло желаемого результата, так как совершенно не учло потенциальную платежеспособность населения. Если до указа уплата налога проходила с невероятными трудностями и стоила колхозникам и единоличникам последних натуральных и денежных средств, то после его повышения своевременный расчет с государством стал не по плечу большинству сельского населения. В таких случаях шли на крайние меры — сокращали поголовье скота, площади посевов, вырубали фруктовые деревья. Очень скоро повышение налога привело к сокращению поступления натуральных и денежных средств в государственную казну, но и это не остановило правительство, которое продолжало налоговую кампанию.

В сентябре Секретариат ЦК ВКП(б) принял постановление «Об усилении налоговой работы и организации поступления сельхозналога», которое давало право местным партийным комитетам применять чрезвычайные меры. Ф. Абрамов в романе «Две зимы и два лета» пишет, что в разгар заготовок в колхозах собиралось сразу несколько уполномоченных: «уполномоченный по хлебозаготовкам, уполномоченный по мясу, уполномоченный по молоку, уполномоченный по дикорастущим — и на них был план... Плюс к этому свой постоянный налоговый агент... и все эти люди с пухлыми полевыми сумками, в которых заранее было все решено и рассчитано... И каждый из них требовал, ссылаясь на райком, на директивы и постановления... Тон среди них задавал... уполномоченный по хлебозаготовкам».

Вместе с сельским активом уполномоченные ходили по дворам колхозников. Требовали с них выполнения обязательств на поставку государству картофеля, зерна, мяса, молока, яиц, шерсти, кож. Причем нередко забирали все попавшееся на глаза. В колхозе «Липовский» Мурашинского района Кировской области уполномоченные из г. Кирова и районное начальство изымало у колхозников

насиленно с милицией зерно и картофель³⁰. Открытый грабёж получил широкое распространение. Из писем колхозников в Москву известно, что по приказу председателей сельсоветов забирали со дворов купленное на рынке сено, по контрактации уводили у стариков последнего теленка. Имели место случаи избияния тех, кто пытался защищать свое имущество³¹.

Хозяйства колхозников облагались сельхозналогом с учетом размеров дохода, получаемого с каждой головы скота, площади посева культур, количества фруктовых деревьев и проч. Закон о сельхозналоге предоставлял правительству возможность наращивать размеры налогообложения за счет увеличения норм доходности от личного хозяйства. Ежегодно повышалась прогрессия шкалы ставок обложения доходов.

Спускаемые правительством нормы доходности не учитывали урожайность посевов на приусадебных участках колхозников, сложившихся цен на сельхозпродукты, в результате фактический доход оказывался намного меньше. Например, в Новосибирской области в 1948 г. соотношение установленных норм доходности и фактического дохода определялось далеко не в пользу крестьянина. Нормы доходности личных хозяйств колхозников по коровам в 8 раз превышали их фактический доход, по картофелю — в 2,3 раза. Исчисленный по этим нормам сельхозналог в 2,5 раза превысил налог 1947 г. и составил в сумме 642 руб.³²

В начале 50-х гг. были увеличены нормы доходности личных хозяйств колхозников по посеву зерновых культур, картофеля, овощей, по садам и ягодникам, по коровам, свиньям и т. д. По союзным республикам средние нормы доходности были особенно завышены именно на те виды сельскохозяйственной продукции, которые составляли основу бюджета колхозно-совхозной семьи: в РСФСР — от коровы, в Средней Азии — от хлопка, в Белоруссии — от картофеля.

Средняя норма дохода от одной коровы для РСФСР определялась в 2400 руб., что на 100 руб. выше, чем для Белорусской ССР, а до войны эта норма была одинаковой для обеих республик. Принятое различие было совершенно не обоснованным в смежных областях России, Украины и Белоруссии. Так, в Харьковской области норма доходности одной коровы составляла 2290 руб., а в соседней Курской — 2700 руб., в Витебской области — 1800 руб., а в Смоленской — 2600 руб. Разница — существенная, если учесть, что размер налога с хозяйства определялся именно этой статьей дохода³³.

Завышенный сельхозналог вынуждал жителей деревни за бесценно сбывать свою продукцию на рынке. Снижение госцены на промышленные и продовольственные товары вызвало снижение рыночных цен на сельскохозяйственные продукты. На городских колхозных рынках цены на основные продукты питания по сравнению с 1947 г. снизились в 3—4 раза. В Центральном-Черноземном районе средняя цена на мясо понизилась с 37 до 11 руб. за килограмм, на масло животное — со 115 до 33—40 руб., на молоко — с 6 руб. за 1 литр до 2 руб., на картофель — с 3 руб. до 56 коп. за килограмм. Чтобы заплатить денежный налог, крестьянин должен был продать на рынке почти всю произведенную в хозяйстве продукцию.

Средняя по центральночерноземным областям сумма налога, предъявляемого к уплате на одно хозяйство колхозника, в 1950 г. составила 559 руб. против 217 руб. в 1947 г.—увеличение в 2,5 раза. Поступление сельхозналога к предъявленной сумме в 1946 г. равнялось 74,6%, в 1947 г.— 87, в 1948 г.— 88,4, в 1949 г.— 83,6 и в 1950 г.— 76,3%³⁴. Эти данные свидетельствуют о том, что бесконечное повышение налогов приводило к снижению поступлений к предъявленной государством суммой.

Причину несвоевременного получения денег по налогам правительство видело в неудовлетворительной организации работы финансовых органов, недостаточном внимании местных партийных и советских органов к выполнению финансовых планов на селе и проведению агитации среди колхозников,

поэтому отвергались все предложения о снижении норм доходности и уменьшении суммы сельскохозяйственного налога.

Финалом налоговой гонки явились законы «О сельскохозяйственном налоге» и «О подоходном налоге с колхозов», принятые в 1952 г. Этими законами в очередной раз повышалась общая сумма налогов, увеличивались учитываемые нормы доходности для личных хозяйств колхозников. Кроме того, к общему нормативному доходу от всех сельскохозяйственных источников личных хозяйств устанавливалась еще единая 10-процентная надбавка на прочие доходы (от птицеводства, от выращивания молодняка скота, от сбора дикорастущих ягод, грибов и т. д.) вне зависимости от размера этих доходов.

Отличительная особенность Закона о сельскохозяйственном налоге 1952 г. состояла в том, что впервые к оплате привлекались доходы колхозников, получаемые от общественного хозяйства по трудодням в денежной и натуральной форме, чего не делалось даже в годы войны. В республиках Прибалтики применяли 50-процентную надбавку к хозяйствам, трудоспособные члены которых не выработывали обязательный минимум трудодней без уважительных причин³⁵. В целом сумма сельскохозяйственного налога с учетом всех повышений возросла в 1952 г. по сравнению с 1951 г. в среднем в 1,5—2 раза. Закон о сельскохозяйственном налоге 1952 г. отменил льготы для хозяйств сельских учителей, врачей, агрономов и других сельских специалистов, а также для хозяйств 30 районных руководителей и лиц, работающих на подземных объектах в угольной промышленности.

Засилье налогов вызвало бурную реакцию протеста со стороны руководства республик, краев и областей. Приведем несколько отрывков из секретной почты в Президиум Совета Министров СССР: «Натуральные и денежные доходы, распределяемые по трудодням, не следует привлекать к обложению сельскохозяйственным налогом... Повышение суммы сельскохозяйственного налога может быть неправильно воспринято колхозниками, вызовет массовую подачу жалоб, отрицательно скажется на трудовой и платежной дисциплине»... (зам. председателя Совмина Молдавской ССР Н. Щелоков). «Налогоплательщик... будет настаивать на том, чтобы ему конкретно указали, какие „прочие“ доходы он получил и из какого расчета они определены в размере 10% к общему нормативному доходу от всех сельскохозяйственных источников его хозяйства... Целесообразно эту надбавку исключить» (председатель Совмина Белорусской ССР А. Клещев). Против повышения самого сельскохозяйственного налога выступили председатели республиканских Советов Министров: России — Б. Черноусов, Латвии — В. Лацис, Киргизии — А. Серкулов, Таджикистана — Д. Расулов, Карелии — А. Егоров и др.³⁶ Больше всего нареканий со стороны местных властей вызвал налог на оплату трудодней колхозников и 10-процентная надбавка на прочие доходы.

По огромному потоку жалоб, доведенных до отчаяния людей, можно судить об отношении граждан к методам по укреплению дисциплины и к налоговой политике в деревне. Как и в коллективизацию, люди не могли понять, в чем состоит их вина и за что такая кара. Много обращений, в том числе повторных, поступало во властные структуры от пострадавших, их родственников на неправильные действия председателей колхозов, сельсоветов по исполнению указа от 2 июня 1948 г. Как показал анализ, из сотни рассмотренных обращений удовлетворялись одно-два, остальные отклонялись как необоснованные. Те, кто чинил расправу, всегда оказывались правы, потому что никто из крестьян не мог знать содержание секретного указа и порядок его исполнения. В исполком Горьковского областного Совета на 1 января 1949 г. поступило 50 жалоб, из которых рассмотрено 40. Только в одном случае постановление общего собрания и решение райисполкома были пересмотрены и отменены как неправильные³⁷.

Если жалобы граждан доходили до правительства, то их проверка обязательно возлагалась на областные, краевые, республиканские организации,

которые командировали на места своих представителей. Этим неписанным правилом советской бюрократии судьба каждого жалобщика отдавалась в руки тех, против кого он осмеливался выступить. На незащитную жертву обрушивались самые изощренные преследования. Если жалобщик состоял в рядах ВКП(б), то вскоре его исключали из партии за клевету, «провинившийся» не допускался к колхозным работам как разлагавший дисциплину вредитель, а через два-три месяца колхозное собрание выносило приговор о выселении строптивого за невыработку установленного минимума трудодней.

В ЦК ВКП(б) порой прорывались сигналы о незаконных арестах колхозников, писавших жалобы, но особой обеспокоенности они не вызывали. Когда рабочие совхоза «Петровское» Ухтомского района Московской области заявили своему директору о том, что за нарушение законности они намерены на него жаловаться, тот ответил: «Жалуйтесь... Судья у меня в одном кармане, прокурор — в другом, а депутат — пастухом». Рабочие неоднократно подавали жалобы и на имя Сталина, и в редакцию «Правды», и даже в МГБ. Откликнулись органы госбезопасности — передали список жалобщиков директору совхоза для принятия мер³⁸.

В конце 40-х — начале 50-х гг. размер предъявляемого к оплате налога и обязательные поставки сделали для колхозников невозможным содержание личного хозяйства, которое являлось для подавляющего большинства единственным источником существования. Вот что писала по этому поводу в Совет по делам колхозов И. П. Рохманова из колхоза им. Держинского Мойловского сельсовета Хвостовичского района Калужской области: «Пятый год мы живем в мире и с каждым годом все труднее... Госналоги все больше... Если в 1949 г. я уплатила 375 руб. и сдала 40 кг мяса, то в 1950 г. — 550 руб. и 44 кг мяса. А всего скота — коза да маленький поросенок. Денег не видим, т. к. на трудодни ничего не выдают. Живем лишь на своей картошке вдвоем с дочерью, а у кого семья большая, дети пухнут с голода». По данному письму, как и по всем другим, органами госбезопасности по всей форме велось расследование, по итогам которого секретарь Калужского обкома заверил председателя Совета по делам колхозов Андреева, что Рохманова никакого письма не писала и претензии к обложению не имеет, что все написанное — вымысел, так как указанных случаев дистрофии не установлено³⁹. Людей заставляли отказываться от своих подписей.

Многие жаловались в местные финансовые органы на неправильное обложение сельхозналогом. Так, в Курской области в 1950 г. по данному вопросу поступило 26 260 жалоб, удовлетворено из них 3624, т. е. 13,8%⁴⁰. Отказы районных, областных, республиканских организаций вынуждали людей обращаться в высшие инстанции.

Поток жалоб и заявлений обрушился на центральные учреждения. Не дождавшись ответа, распродав последние пожитки, люди отправлялись на поиски правды в Москву, обивая пороги приемной Президиума Верховного Совета СССР. Нам удалось обнаружить не более десятка просьб по налогообложению и госпоставкам, которые после разбора были удовлетворены Президиумом. Почти каждое дело завершалось отказом. Так, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Шверник 15 апреля 1949 г. принял инвалида войны I группы (слепого, без обеих рук) орденоносца И. М. Ларионова, проживавшего в селе Дмитровский погост Коробовского района Московской области, в связи с его просьбой снять с хозяйства налоги и поставки в 1949 г. из-за тяжелого материального положения семьи, состоящей из шести человек. На запрос приемной Коробовской райисполком, обследовавший материальное положение семьи Ларионова, ответил, что удовлетворить просьбу инвалида об освобождении от налогов и поставок не может. Принимая окончательное решение, Шверник полностью согласился с мнением райисполкома⁴¹. Как показал анализ других дел, это было правилом в деятельности главы советского парламента.

Людской протест против репрессий и налогового произвола выражался в разнообразной, порой необычной форме. По-своему реагировали на беззаконие женщины. Жена выселенного по указу П. Маслюкова работница колхоза «Челюскинец» Коченевского района Новосибирской области Аксинья Маслюкова 13 июля 1948 г. сорвала портреты членов Политбюро ЦК ВКП(б), а также Сталина и Ленина, висевшие в комнате правления колхоза, и топтала их ногами. Тут же она была арестована за антисоветскую вылазку⁴².

Председателей, отказавшихся участвовать в выселении, увольняли, отдавали под суд. Новых угрозами принуждали выполнять указ. Председатель колхоза им. Чапаева Валуйкского района Курской области Андросов накануне собрания колхозников бросился под поезд. В кармане гимнастерки у него обнаружили записку со словами: «Я не хотел выселять людей...»⁴³.

Но чаще бывало так, как сообщалось в сводке заместителя начальника управления МВД по Ленинградской области: 18 июня 1948 г. в колхозе «Ленинское знамя» Тосненского района на общем собрании был вынесен общественный приговор о выселении колхозницы Ходковой, якобы уклонявшейся от трудовой деятельности. На собрании выступил ее муж И. М. Ходков, инвалид войны II группы. Он сказал, что, несмотря на освобождение по состоянию здоровья, старался работать в колхозе, имел к июню 80 трудодней. Жену не пускал на работу потому, что она была занята с тремя детьми. Но решение не отменили. По окончании собрания Ходков подошел к представителю обкома партии и сказал: «...Теперь все разбито. Забирайте моих детей. Я больше жить не буду, петлю на шею надену и все». В целях предупреждения возможного самоубийства в дом Ходкова были направлены два сотрудника райотдела МВД, которые там его не застали и вскоре обнаружили повесившимся на дереве в лесу, прилегавшем к поселку⁴⁴.

Далеко не все жители села смирились с «липовыми» приговорами. При первой возможности люди бежали из-под стражи в сельсоветах, при погрузке в эшелон, прыгали из арестантских вагонов на ходу поезда, уходили из мест поселений. Некоторые сбежавшие возвращались в свои села, где их снова арестовывали и привлекали уже к уголовной ответственности, направляя в тюрьмы и колонии под более надежную охрану.

Доведенные до отчаяния колхозники поджигали дома наиболее рьяных активистов, убивали ненавистных председателей колхозов, секретарей местных парторганизаций, уполномоченных по заготовкам. Например, в Чкаловской области 26 июня 1948 г. в полночь во время заседания правления выстрелом через окно был убит председатель колхоза «Красное знамя» Саракташского района Е. Иванов. В донесении говорилось, что он вел «непримиримую борьбу с расхитителями соцсобственности и дезорганизаторами трудовой дисциплины...» Тревожные спецсообщения поступали со всех концов Союза: убиты председатель колхоза «Перебудова» и заместитель уполномоченного Министерства заготовок в Новошепеличском районе Киевской области; убита жена председателя колхоза в Вологодской области; совершены поджог дома и попытка убийства с целью мести секретаря парторганизации колхоза в Калужской области и др.⁴⁵ Такие действия расценивались как антисоветские террористические акты. Расследованием занималась не милиция, а органы госбезопасности, безжалостно подавлявшие всякое сопротивление указу. Попутно производилось изъятие оружия у населения. Многие сельские фронтовики были осуждены и получили срок за хранение именного оружия.

Если поначалу правительству удалось убедить большинство республиканского, краевого и областного актива в том, что указы от 21 февраля и 2 июня 1948 г. были необходимы для укрепления трудовой дисциплины в колхозах и совхозах, то скоро под воздействием сопротивления народа отношение актива к данному мероприятию в корне изменилось. Несмотря на то, что ЦК партии и правительство по-прежнему требовали исполнять

указ, некоторые местные партийные и советские руководители его фактически бойкотировали: ограничивали зону действия лишь 2—3 районами, старались меньше выселять, а больше предупреждать, демонстрировали кипучую деятельность в основном в отчетах, как, например, это делали в Чувашии. Под предлогом, что все предупрежденные собраниями о возможном выселении колхозники исправились, в 1949—1952 гг. отказывались кого-либо выселять председатель Курганского облизполкома Иванов и его заместитель Кальченко⁴⁶.

Следствие названных государственных мероприятий разрушению деревни в конце 40-х — начале 50-х гг. стало катастрофическим. В 1951 г. производство зерна составляло 82%, подсолнечника — 65%, льно-волокна — 55%, картофеля — 77%, овощей — 69% от уровня 1940 г.⁴⁷ поголовье скота в колхозах уступало его численности в 1940 г. По плану намечалось иметь в 1951 г. в колхозах 34 млн. голов крупного рогатого скота, 18 млн. свиней, 88 млн. овец и коз, а имели, соответственно, 28, 12, 68 млн. голов⁴⁸. Государственные закупки зерна, подсолнечника, картофеля, овощей на шестом году мирного времени уступали уровню довоенного 1940 года⁴⁹.

Бесправие и налоговый террор в отношении сельчан не способствовали укреплению их личного хозяйства. В связи с непомерно завышенными нормами доходности производился вынужденный забой скота, находящегося в личном пользовании колхозников. В Новосибирской области за период с 1 июля 1948 г. по 1 января 1949 г. поголовье коров сократилось на 29 тыс., а свиней — с 14 до 4 тыс., т. е. на 10 тыс. голов⁵⁰. В последующие годы поголовье скота в хозяйствах колхозников продолжало сокращаться, и в 1951 г. по количеству коров, свиней и овец находилось ниже уровня военных лет⁵¹. Процент бескоровных хозяйств колхозников в 1951 г. по сравнению с 1946 г. значительно увеличился. Как минимум две пятых всей численности колхозных дворов не имели коров⁵².

Многие колхозы из года в год не обеспечивали общественный скот кормами, поэтому сено на трудодни не выдавали, запрещали колхозникам производить покосы для личных нужд. Заготовка кормов была жизненно важной и самой трудной для сельчан проблемой. Приведем отрывок из письма колхозницы С. Н. Байды, направленного осенью 1949 г. в Москву из села Зеленый Гай Петропавловского района Днепропетровской области: «Все мое богатство заключается в том, что я имею корову. Это моя кормилица. Купить сено, чтобы обеспечить ее кормами, нет денег. Остается одно — продать корову, а это все, чем я живу...»⁵³.

Административно-правовое и налоговое насилие давало возможность государству отчислять в бюджет огромные денежные средства, доводя народ до нищеты. По СССР общая сумма сельхозналога выросла с 1,9 млрд. руб. в 1940 г. до 8,3 млрд. руб. в 1951 г., т. е. в 4,3 раза⁵⁴. Рост налогов вдвое опережал рост доходности колхозов, совхозов и личных хозяйств, поэтому значительная их часть не могла быть оплачена в установленные сроки и переходила в долги. К примеру, недоимки по налогам Курской области на 1 января 1947 г. составляли 34 млн. руб., на ту же дату 1948 г. — 31, 1949 г. — 49,9, 1950 г. — 74, 1951 г. — 123 млн. руб. Из общей суммы недоимок по налогам недоимки по сельскохозяйственному налогу составили на 1 января 1947 г. — 22,7 млн. руб., 1948 г. — 17,3, 1949 г. — 32,6, 1950 г. — 47,9, 1951 г. — 92,1 млн. руб.⁵⁵ Оставшиеся недоимки числились за хозяйствами, не имевшими средств к погашению, к которым бессмысленно было применять меры принудительного взыскания из-за отсутствия имущества, подлежащего описи и изъятию. Число таких хозяйств ежегодно увеличивалось. Образование крупных сумм недоимок отрицательно влияло на выполнение доходной части госбюджета. Однако, находясь в состоянии налоговой эйфории, правительство не придавало особенного значения опасному симптому и продолжало повышать нормы доходности при исчислении налогов.

Изъятие зерна в колхозах и совхозах производилось с целью увеличения

госзапасов и наращивания экспорта. В 1948 г. в закромах государства оказалось 23,8 млн. т зерна, т. е. на 4,8 млн. т больше, чем в 1947 г., и на 2,8 млн. т больше, чем в довоенном 1940 году. И это при том, что производство зерна в СССР в 1947—1948 гг. было на $\frac{1}{3}$ меньше, чем в 1940 г.⁵⁶

Экспорт зерна в 1948 г. составил 3,2 млн. т, что было в 2,5 раза больше, чем в 1940 г. Во все последующие годы вывоз зерна за рубеж нарастал и достиг в 1952 г. 4,5 млн. т⁵⁷. Значительная доля зерна поступала в страны восточноевропейского блока. Так, ввиду неурожая в Чехословакии советское правительство поставило ей в 1948 г. 200 тыс. т пшеницы и 200 тыс. т кормового зерна. В соответствии с соглашением от 26 января того же года осуществлялись поставки зерна в Польшу⁵⁸. Аналогичные поставки в основном пшеницы производились в 1948—1953 гг. в Албанию, Болгарию, Венгрию, Восточную Германию, Румынию и другие соцстраны, а также Англию, Австрию, Голландию, Данию, Израиль, Индию, Пакистан, Финляндию, Швецию и др.⁵⁹

Пренебрежительное отношение руководства страны к потребностям в хлебе собственного народа привело к тому, что во многих колхозах и совхозах Великолукской, Пензенской, Саратовской, Сталинградской областей, Татарской АССР, пострадавших от засухи 1948 г., люди голодали весной и летом 1949 г.

В результате недорода зерновых значительная часть населения Казахстана, особенно выселенцев, в северных и северо-восточных районах не была обеспечена продовольствием. По неполным данным МВД СССР, в Акмолинской, Актюбинской, Кокчетавской, Кустанайской, Северо-Казахстанской, Семипалатинской областях на 1 апреля 1949 г. было учтено 118 259 выселенцев, остро нуждающихся в хлебе, из них 2590 больных дистрофией. Зарегистрировано 18 случаев смертности от истощения и недоедания⁶⁰.

В связи с этим демографическая ситуация оставалась тяжелой. Рождаемость в СССР в 1948 г. ухудшилась даже в сравнении с голодным 1947 годом. В Москве рождаемость упала на 25%, в Ленинграде — на 22%. В 1949—1953 гг. существенных сдвигов к лучшему не произошло⁶¹.

Во многих республиках, краях и областях России, в Азербайджанской, Армянской, Грузинской, Казахской, Узбекской ССР смертность населения в 1948 г. превысила уровень смертности 1947 г. К примеру, в Грузии в 1948 г. по сравнению с 1947 г. число умерших возросло на 36%, в Азербайджане — на 13%, причем в обеих республиках в основном из-за увеличения смертности на селе⁶². Только в январе 1948 г. по 33 республикам, краям и областям РСФСР было зарегистрировано 2370 умерших от дистрофии и 603 — от сыпного тифа. Существенное снижение смертности началось только после 1953 г.

В первом полугодии 1948 г. естественный прирост населения СССР составил 716,5 тыс. человек, т. е. на 323 тыс. (31,1%) меньше, чем в первом полугодии 1947 г.⁶³ Коэффициент естественного прироста населения СССР увеличился к 1953 г. незначительно по сравнению с 1946 г. Общая численность населения Союза в 1953 г. составила 187,9 млн. человек, т. е. на 6 млн. меньше, чем в 1940 г. По тем же данным ЦСУ, в 1955 г. довоенная численность населения была восстановлена в целом по СССР, а также по РСФСР, Молдавской ССР. Позднее это произошло на Украине и в Белоруссии⁶⁴. В составе населения СССР послевоенного периода численность женщин намного превышала численность мужчин. В 1951 г. на 1000 мужчин приходилось 1273 женщины⁶⁵. Они доминировали в сельском хозяйстве и промышленности. Доля занятости женщин на физических работах по сравнению с военным периодом сократилась незначительно.

В послевоенную пятилетку сельское население СССР постоянно сокращалось в среднем на миллион человек в год. Особенно интенсивно этот процесс

происходил во время голода в России, на Украине, в Белоруссии и Молдавии. Под разными предлогами многие покидали деревню и в начале 50-х гг. Так, в 1950—1951 гг. численность сельского населения страны сократилась на 645 тыс. человек⁶⁶. Миграция из села привела к сокращению численности колхозных дворов с 1 ноября 1949 г. по 1 ноября 1950 г. в Вологодской области на 3754, в Костромской — на 1954, в Кировской — на 16204, в Молотовской — на 3937, в Рязанской — на 11 000 дворов⁶⁷. По сути, именно в эти годы и возникают те безлюдные деревни, которые ныне насчитываются сотнями. Население городов России в 1945—1953 гг. увеличилось на 13 млн. человек. Ежегодный механический прирост городского населения СССР в тот же период исчислялся в 2 млн. человек⁶⁸.

Чтобы занять массу голодных людей, бежавших в города, правительство приступило к организации широкомасштабного промышленного и гражданского строительства по типу общественных работ, проводимых в голодные годы в царской России. В Москве началось возведение высотных зданий — Московского университета, административного корпуса на Смоленской площади, гостиницы на Дорогомиловской набережной и др.; в 1947 г. возобновилось строительство Дворца Советов.

Выход из тупикового положения правительство намеревалось найти в укреплении материально-технической базы колхозов и совхозов. Впервые в конце 1948 г. началась запоздавшая подготовка мероприятий по оказанию помощи сельскому хозяйству наиболее разоренных областей, краев и республик. Совет Министров СССР в ноябре 1948 г. принял постановление о мерах помощи сельскому хозяйству Ленинградской области, которое предусматривало не только обеспечение техникой МТС, но и продажу ее колхозам, для чего стали выделять кредиты. Одним из первых постановлений запретило с 1949 г. производить дальнейший набор рабочей силы из колхозов для работы в промышленности, а также призыв молодежи в школы ФЗО и ремесленные училища.

В постановлении выражалось беспокойство за состояние дел в сельском хозяйстве, но прежние установки и подходы в нем доминировали. Больше внимания уделялось чисто внешней, а не сущностной стороне дела. Подтверждением тому являлась заключительная часть постановления, в которой Совмин СССР обязал облисполком и горисполком построить в 1949—1951 гг. на магистральных подъездных дорогах к Ленинграду шесть показательных колхозных сел⁶⁹.

Таким образом, «второе раскулачивание» в миниатюре в основных чертах повторило раскулачивание 30-х гг.: насильственное изъятие зерна, усмирение голодом, наращивание госзапасов и экспорта хлеба, высылка непокорных в отдаленные края. Преемственность замыкалась тем, что раскулачивание и выселение колхозников в 1948 г. по срокам совпадало со снятием с учета спецпоселений и «освобождением» бывших кулаков.

Как и в 30-е гг., оказавшееся у разбитого корыта правительство принялось лихорадочно укреплять партийно-политическое влияние. Серия постановлений ЦК ВКП(б) и Совмина СССР обрушилась на деревню летом 1950 г.⁷⁰ Их цель состояла в административном укреплении руководства колхозами и совхозами. Большие силы были брошены на усиление аппарата сельских райкомов ВКП(б) и первичных парторганизаций. Под предлогом повышения требований к образовательному уровню руководителей на селе были заменены почти все пережившие вместе с колхозниками войну и голод председатели колхозов, а новым, присланным райкомами, помимо трудовой давали повышенные оклады, кредиты на постройку домов с садами и огородами, льготы по налогам. Тем самым спешно пытались создать послушную колхозно-совхозную номенклатуру. Но все усилия оказались напрасными, поскольку время «социалистической» барщины прошло.

Таким образом, в начале 50-х гг. весь нехитрый набор административно-

экономического подавления деревни был исчерпан. Вместо усмирения власти получили разрушенное сельское хозяйство и растущее недовольство народа. Итогом послевоенного голода, репрессий, налогового гнета стала гибель самого аграрного деспотизма.

Примечания

- ¹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 42.
- ² ГА РФ, ф. 9479, оп. 1, д. 458, л. 74—75.
- ³ Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 222—223.
- ⁴ Rittersporn G. T. The Omnipresent Conspirasy: On Soviet Imagary of Politics and Social Relations in the 1930s//Stalinism: Its Nature and Aftermatn. L., 1992. P. 115.
- ⁵ РГАЭ, ф. 9476, оп. 2, д. 19, л. 9.
- ⁶ Там же, д. 14, л. 35/39.
- ⁷ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 138, д. 42, л. 15—16.
- ⁸ РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 632, л. 40—40 об., 113—115 об., 142—142 об.
- ⁹ ГА РФ, ф. 5446, оп. 52, д. 3952, л. 6.
- ¹⁰ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 138, д. 42, л. 43; ГА РФ, ф. 5446, оп. 53, д. 4978, л. 24.
- ¹¹ ГА РФ, ф. 9479, оп. 1, д. 382, л. 155.
- ¹² Там же, ф. 5446, оп. 52, д. 4025, л. 5—10.
- ¹³ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 138, д. 42, л. 15—16.
- ¹⁴ Там же, л. 43.
- ¹⁵ Правда. 1948. 28 мая.
- ¹⁶ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 138, д. 44, л. 61.
- ¹⁷ ГА РФ, ф. 5446, оп. 52, д. 4026, л. 39.
- ¹⁸ Там же, ф. Р-9479, оп. 1, д. 379, л. 308.
- ¹⁹ Там же, ф. 5446, оп. 52, д. 4026, л. 18.
- ²⁰ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 138, д. 43, л. 37—38.
- ²¹ ГА РФ, ф. Р-9479, оп. 1, д. 373, л. 57.
- ²² Там же, д. 382, л. 1.
- ²³ Там же, ф. 5446, оп. 53, д. 4978, л. 3052.
- ²⁴ Там же, ф. Р-9479, оп. 1, д. 373, л. 57, 79.
- ²⁵ Там же, л. 79.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Марьяхин Г. Л. Налоги и сборы с колхозов и населения. М., 1949. С. 106.
- ²⁸ Там же. С. 118.
- ²⁹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 138, д. 45, л. 51.
- ³⁰ РГАЭ, ф. 9476, оп. 2, д. 45, л. 30.
- ³¹ ГА РФ, ф. 7523, оп. 38, д. 100, л. 176.
- ³² Там же, ф. 5446, оп. 53, д. 4655, л. 2—3.
- ³³ Там же, оп. 60, д. 7188, л. 27.
- ³⁴ Там же, оп. 59, д. 6284, л. 3—8.
- ³⁵ Там же, оп. 60, д. 7188, л. 1.
- ³⁶ Там же, л. 1—33.
- ³⁷ Там же, ф. 7523, оп. 38, д. 43, л. 59.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ РГАЭ, ф. 9476, оп. 2, д. 45, л. 33.
- ⁴⁰ ГА РФ, ф. 5446, оп. 59, д. 6284, л. 5.
- ⁴¹ Там же, ф. 7523, оп. 38, д. 80, л. 48—54.
- ⁴² ГА РФ, ф. Р-9479, оп. 1, д. 382, л. 166.
- ⁴³ Там же, д. 458, л. 173.
- ⁴⁴ Там же, д. 382, л. 1.
- ⁴⁵ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 138, д. 42, л. 4; ГА РФ, ф. Р-9479, оп. 1, д. 379, л. 33; д. 381, л. 160—162; д. 384, л. 86—87.
- ⁴⁶ ГА РФ, ф. 5446, оп. 52, д. 4025, л. 5—10; оп. 53, д. 4978, л. 8; д. 4979, л. 2.
- ⁴⁷ Сельское хозяйство: Стат. сб. М., 1971. С. 24—25.
- ⁴⁸ Островский В. Б. Колхозное крестьянство СССР. Саратов, 1967. С. 38.
- ⁴⁹ Сельское хозяйство. С. 28.
- ⁵⁰ ГА РФ, ф. 5446, оп. 53, д. 4655, л. 4.
- ⁵¹ Островский В. Б. Указ. соч. С. 77.
- ⁵² Советское крестьянство: Краткий очерк истории (1917—1970). М., 1973. С. 424.
- ⁵³ ГА РФ, ф. 7523, оп. 38, д. 100, л. 158.
- ⁵⁴ Там же, ф. 5446, оп. 20, д. 7188, л. 8.
- ⁵⁵ Там же, оп. 59, д. 6284, л. 3.
- ⁵⁶ РГАЭ, ф. 8040, оп. 3, д. 360, л. 21—23.
- ⁵⁷ Внешняя торговля СССР 1918—1966: Стат. сб. М., 1967. С. 20—21.
- ⁵⁸ Внешняя торговля СССР (1946—1963 гг.), М., 1964. С. 70—71.

- ⁵⁹ ГА РФ, ф. 5446, оп. 52, д. 420; оп. 53, д. 406, 590, 591; оп. 54, д. 1274, 1286, 1309; оп. 59, д. 1049, 1067, 1216.
- ⁶⁰ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 138, д. 51, л. 21—88; 40—50-е годы: последствия депортации народов (Свидетельствуют архивы НКВД—МВД СССР)/Составитель Бугай Н. Ф.//История СССР. 1992. № 1, С. 135.
- ⁶¹ Женщины в СССР: Стат. сб., М., 1975. С. 101; Население СССР. 1987: Стат. сб. М., 1988. С. 127.
- ⁶² РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 2648, л. 52—53; д. 3162, л. 79—83 об.
- ⁶³ ГА РФ, ф. 9415, оп. 3, д. 1427, л. 97—100.
- ⁶⁴ Население СССР. 1987. С. 8—12; Страна Советов за 50 лет: Стат. сб. М., 1967. С. 257.
- ⁶⁵ Женщины в СССР. С. 6.
- ⁶⁶ Население СССР. 1987. С. 8.
- ⁶⁷ Б е з н и н М. А. Колхозное население в Российском Нечерноземье в 1950—1965 гг. Вологда, 1990. С. 25—26.
- ⁶⁸ Население СССР. 1987. С. 8; И с у п о в В. А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х — конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991. С. 254.
- ⁶⁹ ГА РФ, ф. 5446, оп. 52, д. 3462, л. 280.
- ⁷⁰ КПСС в резолюциях... Изд. 8. Доп. и испр. Т. 6. М., 1971. С. 304—331: Постановление ЦК ВКП(б) об укреплении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле. 30 мая 1950 г.; Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) о задачах партийных и советских организаций по дальнейшему укреплению состава председателей и других руководящих работников колхозов. 9 июля 1950 г. и др.

СИМПТОМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ РУССКИХ

В течение нескольких веков после падения татарского ига границы России систематически расширялись и в XX в. этот процесс продолжался овященный лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Русские в мире воспринимались часто как этническая база новой социальной системы, призванной заменить «систему капитализма». Все вопросы войны и мира, революции и социальной трансформации, где бы они ни возникали, прямо или косвенно, в той или иной степени были связаны с русскими.

Сейчас мы живем в период глубинных исторических перемен мирового и общественного развития, органически связанного с поворотом в исторических судьбах русских. Политика сохранения и распространения социалистической системы, которая дорого стоила русскому народу, отвергнута исторической действительностью. «Советский» контроль в Восточной Европе полностью снят с конца 80-х гг., и сейчас свободно избранный Президент России, новая российская власть отказались от идеи Советской Родины как системы, интегрирующей русских и другие народы бывшего Союза.

Естественно, такое развитие явилось следствием и причиной колоссальных изменений социально-политического сознания русских. Изучить эту трансформацию сознания нужно не только для понимания прошлого, но в определенном смысле для оценки наших перспектив и актуальных проблем будущего развития.

Этой цели в рамках своих возможностей служит данная статья, где сделана попытка отразить коренные перемены социально-политического сознания русских в 80—90-е гг., с чем органически связаны исторические судьбы «сопредельных» с русскими и других народов. В центре внимания будут материалы Российской Федерации, Эстонии и Узбекистана, где проводилось наше исследование «Оптимизация социально-культурных условий развития наций» (ОСУ)¹.

ПЕРЕМНЫ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЯХ

Для анализа смены политических ориентаций важно выяснить прежде всего положение русских в разных этнических средах, соотношение русского и нерусского населения в бывшем Союзе и современной России (табл. 1). По данным последней переписи (1989 г.), 25,4 млн. русских (17,4% их общего числа) жили вне Российской Федерации. Внутри самой России подавляющее большинство их (76,4% от общего числа) было сосредоточено в областях и краях РФ, где они составляли $\frac{9}{10}$ всего населения. В республиках РФ (в прошлом автономных), где жила примерно $\frac{1}{6}$ населения Федерации, русские составляли либо основную часть, либо в некоторых, преимущественно «окраинных», южных республиках уступали свое «демографическое преобладание» только «титulyльному» народу. (Табл. 1).

Политические установки русских и у «себя», и в республиках СССР в недалеком прошлом определялись рядом общих факторов. Прежде всего на их сознание влияла идея «преимуществ социалистического общества». На протяжении нескольких десятилетий людям упорно внушалась идея возло-

Арутюнян Юрий Варганович, член-корреспондент РАН, заведующий отделом социологии Института этнологии и антропологии РАН.

Динамика численности населения русских в разных этнических средах с 1970 по 1989 г. *

	Число русских (млн.)		В % к общему числу русских		В % к населению данной территории	
	1970 г.	1989 г.	1970 г.	1989 г.	1970 г.	1989 г.
Российская Федерация	107,7	119,9	83,5	82,6	82,8	81,5
в том числе: края и области	99,6	111,8	77,2	76,4	89,0	88,3
республики с преобладанием русского населения **	5,3	6,0	4,1	4,1	51,2	52,6
республики с преобладанием нерусского населения ***	2,8	3,1	2,2	2,1	33,0	30,3
Территории, отошедшие в Ближнее зарубежье	21,3	25,3	16,5	17,4	19,0	18,0
в том числе:	10,1	12,7	7,8	8,6	18,0	21,0
Украина, Белоруссия						
Эстония, Латвия, Литва, Молдавия	1,7	2,3	1,3	1,6	17,0	19,0
Грузия, Армения, Азербайджан	1,0	0,8	0,8	0,6	8,0	5,0
Казахстан	5,5	6,2	4,3	4,3	42,0	38,0
Узбекистан, Таджикистан, Туркмения, Киргизия	3,0	3,3	2,3	2,3	15,0	10,0

* Подробнее см. Приложение 1. Таблица рассчитана по: Народное хозяйство РФ в 1990 г., М., 1992. С. 7. 82—86, 95—96; см.: Аргументы и факты. 1991. № 13. С. 1 — Справка Госкомстата РФ; Итоги Всесоюзной переписи населения в 1970 г. Т. 4. М., 1973. С. 61—151.

** Башкирия, Бурятия, Калмыкия (1970 г.), Карелия, Коми, Марийская республика, Мордовия, Удмуртия, Якутия.

*** Дагестан, Кабардино-Балкария, Калмыкия (1989 г.), Северная Осетия, Татария, Тувинская республика, Чечено-Ингушская республика, Чувашия.

женной на них исключительной миссии развития социализма у себя в стране и вне нее, оправданности жертв во имя «счастливого будущего», неизбежности обострения мировых противоречий, опасности агрессии со стороны «империалистических государств» и постоянной угрозы при Сталине «внешних» и «внутренних» врагов, при Хрущеве и Брежневем — уже преимущественно только «внешних».

Все это оказывало определяющее влияние на социальное сознание русских и многих других народов СССР. Люди готовы были идти на жертвы во имя «светлого будущего» и делать все, чтобы не было агрессии империализма, «чтобы не было войны». В 70-е и начале 80-х гг. в нашем исследовании ОСУ четко отразился глубоко овладевший сознанием наших народов страх угрозы войны.

В исследовании опрашиваемым систематически задавался вопрос о проблемах «первостепенной важности» — о необходимости «обороны», развития национальной культуры, демократии, экономической реформы. Всюду, где бы ни проводилось исследование, люди, и прежде всего русские, выделяли, как особо значимую проблему укрепления обороны, на что в первую очередь должны были расходоваться средства. Этой позиции придерживалось более 70% русских, тогда как за развитие демократии и культуры высказывались не более 10—15%. Различия в образовании, занятиях и возрасте мало влияли на общественное сознание. Приведенное мнение не поддерживали лишь небольшие группы научно-гуманитарной интеллигенции и людей искусства.

Благосостояние в СССР *

	1974 г.	1981 г.	1986 г.	1988 г.	1990 г.
Потребление мяса (кг на душу населения)	55	58	62	66	67
Телевизоры (число на 100 семей)	71	88	97	100	107
Стиральные машины (число на 100 семей)	55	70	70	72	67
Расход электричества (кВт на душу населения)	3870	5063	н. св.	5965	н. св.
Обеспеченность жильем горожан (кв. м на человека) РФ	11,6	13,0	14,7	14,7	15,7

* Подсчитано по: Народное хозяйство СССР в 1973 г. М., 1974. С. 7, 10, 615; Народное хозяйство СССР в 1974 г. М., 1975. С. 215, 603, 604; Народное хозяйство СССР в 1922—1982 гг. М., 1982. С. 12, 179, 431, 447, 448; Народное хозяйство СССР в 1989 г. М., 1989. С. 118, 119, 163, 274, 372, 379; Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 140, 141, 194.

Таблица 3

Удовлетворенность русских работой, культурно-бытовыми условиями жизни в % ко всему взрослому населению *

	Таллинн			Ташкент			Москва	
	1974	1988	1991	1974	1988	1991	1987	1992
Удовлетворены работой	77	58	49	79	72	27	73	50
Удовлетворены культурно-бытовыми условиями в том числе работой учреждений:	77	30	14	47	9	2	32	4
медицинских	69	23	16	62	14	3	24	9
торговых	69	19	8	25	7	0	12	2
культурно-массовых	88	41	30	69	28	4	45	15
транспортом	79	56	25	26	19	3	17	11

* Здесь и далее данные приводятся на основании статистически представительной выборки по исследованию ОСУ.

Причем, как показало исследование, приоритет обороны устойчиво сохранялся в 70-е и начале 80-х гг. К примеру, $\frac{2}{3}$ русских горожан Молдавии и в 1971 г., и в 1980 г. отдали ему предпочтение, тогда как «демократия, экономическая реформа, экономическая инициатива» как проблемы «первостепенной важности» были поддержаны не более 14—17% респондентов. Хотя результаты опросов среди творческой интеллигенции дали иные пропорции выборов, но и здесь «оборона» преобладала над «демократией». У людей искусства «демократия» и «оборона» получали примерно одинаковый выбор, но эти группы — гуманитарная и творческая интеллигенция — составляли менее 1% населения².

Как ни парадоксально, несмотря на постоянную угрозу так называемых «внутренних и внешних врагов», нацеленность на борьбу с которыми сопровождалась многими жертвами, особенно в эпоху Сталина, в народе доминировал оптимизм. В гражданской войне, во время коллективизации, в Отечественной войне были принесены миллионные жертвы, но, несмотря на это, люди верили, что страна, власть в этом не виноваты, а главное, что наступит новое время всеобщего коммунистического благоденствия. И каждое незначительное улучшение жизни воспринималось народом как подтверждение

Распределение ответов русских на вопрос «Становится ли Ваша жизнь лучше с течением времени» 1974, 1988, 1991—1992 гг., в % *

	Год	«Да»	«Нет»
Таллинн	1974	52	10
	1988	32	26
	1991	15	51
Ташкент	1974	77	4
	1988	26	39
	1991	4	79
Саратов	1974	73	8
	1980	74	9
	1991	4	50
Москва	1988	48	21
	1992	9	46

* Не учтены нейтральные ответы: «и да, и нет».

Самооценка русскими своего участия в делах производственного коллектива, 1974—1992 гг. *

	Год	Влияния совсем не оказывают	Оказывают существенное влияние
Ташкент	1974	33	12
	1988	33	18
	1991	33	11
Таллинн	1974	32	17
	1988	32	18
	1991	42	6
Москва	1987	32	22
	1992	38	15

* В таблицу не включены «промежуточные группы», т. е. те, кто указывает на «слабое» или «ограниченное» влияние на дела производственного коллектива.

неизбежности, безусловности прогресса и наступления новой эры. Мираж коммунизма гипнотизировал массовое сознание.

Но чем дальше, тем труднее было сохранять веру в неизбежность обретения «земного рая». Ядерное оружие не позволяло рисковать и выходить на масштабные военные катаклизмы. Соревнование с капитализмом (борьба с «империализмом») требовали включенности в НТР, а НТР нуждалась в массовом образовании населения. При все еще достаточной плотности идеологической ширмы, теоретически вооруженной, оснащенной «научным коммунизмом» и марксизмом-ленинизмом, даже при соблюдении известных норм «железного занавеса» распад «коммунистической сознательности» все же был неизбежен. «Перестройка» усилила требования к результатам преобразований, обострила ожидания и стимулировала массовую ностальгию и разочарование.

Вплоть до 90-х гг. упадок в экономике еще реально не сказывался ни на потреблении, ни на жилищных, ни на бытовых условиях жизни населения

Самооценка русскими своего влияния, участия в управлении на разных уровнях, 1987—1988, 1992 гг., в %

	Год	В коллективе *	На предприятии (учреждении)	В районе, городе	В обществе
Москва	1987	31	15	4	5
	1992	19	8	2	1
Таллинн	1988	24	10	2	3
	1991	14	6	1	1
Ташкент	1988	31	18	5	5
	1992	15	10	2	2

* С учетом «ограниченного влияния».

Изменение социальных авторитетов у русских в 80—90-е гг. *

	Ученые	Писатели, деятели культуры и искусства	Исторические деятели	Классики марксизма-ленинизма
Начало 80-х гг. (С)	1	1,62,6		5,4
Конец 80-х гг. (М)	1	1,2	2,8	2,7
1991 г. (С)	1	1,7	3,1	0,8
1992 г. (М)	1	н. св.	2,0	0,3

* Опрашиваемым предлагалось называть известных деятелей, к которым они испытывают наибольшее уважение, признавая их особую роль в социальном развитии и культуре. Для сравнимости за 1 было принято число названных ученых. В таблице приведены данные по Москве (М) и Саратову (С).

(см. табл. 2). Но возросли требования к уровню благосостояния. Только хлеба, по мнению населения, было достаточно. Потребление молока, молочных продуктов отвечало потребностям примерно наполовину, а рыбы, мяса, мясopодуlктов еще меньше³.

И хотя уровень жизни в конце 80-х гг. практически отнюдь не ухудшился (см. Приложение 2), а политической свободы стало несравненно больше, чем в прошлом, ожидания, обещанные «перестройкой», не оправдались и оценка развития страны и качества жизни стала отрицательной. Наше исследование четко отразило систематическое снижение удовлетворенности русских работой и социальными сферами жизни (табл. 3).

То, что отвечало потребностям в прошлом, теперь, когда был снят гипноз, пробудилось сознание народа и возросли требования, оказалось абсолютно недостаточным.

Когда мы задавали вопрос: «Становится ли Ваша жизнь лучше с течением времени», обнаруживалось, что ничего от оптимизма, характерного для начала 70-х гг., не оставалось.

В сознании людей не фиксировалось никаких признаков улучшения жизни, скорее наоборот (см. табл. 4).

Отрицательная оценка перестройки и собственной жизни отнюдь не сочеталась с осознанием гражданами расширения их политических прав и

Религиозность русских (в % верующих) *

	1973 (74) г.	1980 (81) г.	1987 (88) г.	1991 (92) г.	В том числе колеблющихся
Ташкент	15	18	19	38	24
Таллинн	12	20	н. св.	55	36
Саратов	13	13	н. св.	56	31
Москва	нет сведений		20	64	34

* В 1973—1988 гг. в ОСУ верующие учитывались вместе с «колеблющимися».

Выбор проблем первостепенной важности русскими в 1987—1988, 1991—1992 гг., в %

	Год	Оборона	Национальная культура	Демократия
Москва	1987	53	12	35
	1992	21	32	42
Таллинн	1988	21	25	52
	1991	20	35	42
Ташкент	1988	46	26	45
	1991	9	27	48

свобод. Доля людей, считающих, что они оказывают влияние на решение социальных вопросов в коллективе и в разных сферах общественной жизни, также не только не увеличилась, а скорее, наоборот, уменьшилась (табл. 5, 6).

Но, несмотря на глубокое разочарование перестройкой, и в 1988-м, и в 90-х гг., как показало наше исследование, не произошло реанимации традиционных советских ценностей и престиж Коммунистической партии в сознании русских не был восстановлен. Особенно заметно это сказалось на довольно устойчивом отрицании авторитетов марксизма-ленинизма. Конкретные данные показывают, что образ Ленина, его оценка еще в недалеком прошлом — даже в начале 80-х гг. — была самой высокой. Никакие общественные деятели, ученые, люди искусства, писатели, исторические деятели даже вместе взятые не могли конкурировать с ним во влиянии на общественное сознание русских. Но уже в конце 80-х гг. это влияние заметно снизилось, а в 90-х гг. авторитет классиков марксизма реально был сведен на нет (см. табл. 7).

Падение традиционных идеологических авторитетов сопровождалось ростом религиозности (табл. 8), но этим вряд ли заполнялась вакансия социальных идеалов.

Религиозность среди русских отнюдь не стала еще всеобщей. К тому же она совсем не обязательно сопровождается изменением отношения к общественным реалиям. Установки «верующих» и «неверующих», например, на «интересную работу», «семью», и т. п., если и отличаются друг от друга, то очень незначительно.

Наиболее существенный и как бы суммирующий индикатор перемен в социальном сознании русских фиксировался в стремительном падении культа коммунистических лидеров, снижении их авторитета, значимости «обороны» и росте ценностей демократии. Но очень важно то, что эти изменения, особенно заметные в конце 80-х гг., были как бы приторможены в 90-е гг.,

Выбор проблем первостепенной важности русскими различных социально-профессиональных групп в 1987/88, 1991/92 гг., в %

Социальный статус	Оборона, дисциплина		Национальная культура		Демократия и реформы	
	1987/88	1991/92	1987/88	1991/92	1987/88	1991/92
Москва						
Неквалифицир. и малоквалифицир. рабочие	63	50	16	10	27	26
Квалифицир. неиндустриальные рабочие	58	32	12	12	24	40
Квалифицир. рабочие индустриального профиля	51	34	25	22	34	31
Интеллигенция	40	23	36	27	40	32
Таллинн						
Неквалифицир. и малоквалифицир. рабочие	33	33	22	24	44	32
Квалифицир. неиндустриальные рабочие	29	27	29	31	48	23
Квалифицир. рабочие индустриального профиля	38	26	26	31	45	37
Интеллигенция	17	22	29	24	56	36
Ташкент						
Неквалифицир. и малоквалифицир. рабочие	75		17		8	
Квалифицир. неиндустриальные рабочие	67	67*	13	21*	20	27*
Квалифицир. рабочие индустриального профиля	42	27	14	50	44	41
Интеллигенция	41	17	10	46	49	47

* Рабочие неквалифицированные и «неиндустриального» профиля учтены вместе.

Сумма ответов не обязательно составляет 100%, так как респонденты могли либо не ответить на вопрос, либо не ограничивались только одним ответом; в отличие от предыдущей таблицы здесь сходные проблемы как бы спарены: учитывается преимущественный выбор: «обороны» и «дисциплины», «национальной культуры» и «экономических процессов нации», «демократии» и «экономических реформ».

когда люди все больше и больше осознавали, что демократия оказалась неспособной реально оздоровить социально-политическую и экономическую жизнь. В этой связи все большее значение начинали приобретать национальные ценности, способные, как показывают приведенные данные, вступать в конкуренцию с ценностями «демократии» (табл. 9).

Если в 70-е и в начале 80-х гг. только творческая интеллигенция оценивала «демократию» и «реформы» почти так же высоко, как «оборону», то теперь подобный выбор был характерен для всех групп населения, кроме групп людей, занятых неквалифицированным или малоквалифицированным трудом. Причем тот факт, что демократия не дала ожидаемого эффекта и положение страны в 90-е гг. ухудшилось, не привел к реабилитации «обороны». Пропорции в ценностях традиционных и современных по социально-профессиональным группам за последние годы практически мало изменялись (см. табл. 10).

Социально-профессиональная структура русских 1974, 1987—88, 1991—92 гг., в % *

	Таллинн			Ташкент			Москва	
	1974	1988	1991	1974	1988	1991	1987	1992
Неквалифицир. и малоквалифицир. рабочие	13	8	10	10	5	5	8	9
Квалифицир. неиндустриальные рабочие	18	10	16	15	11	7	9	5
Квалифицир. рабочие индустриального профиля	17	18	25	17	16	13	15	9
Служащие («белые воротнички»)	12	13	11	12	11	13	9	14
Работники квалифиц. умственного труда	21	33	17	31	33	42	39	35
Руководители, администраторы	8	8	2	14	12	5	3	8

* В Таллинне в 1991 г. доля административной интеллигенции всех национальностей с учетом руководителей коллективов составляла 7% занятого населения; в составе административной интеллигенции в приведенной таблице учтены руководители русской национальности всех рангов включая первичные коллективы. Не учтено неработающее население.

ФАКТОРЫ, ВЫЗВАВШИЕ ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК

Множество факторов предопределило изменение социально-политических установок русских. Первый, безусловно, был связан с поражением социалистической экономической системы в соревновании с системой западных стран (которые принято называть капиталистическими). Вопреки предсказанию Ленина социально-экономическая система России не преодолела превосходство западного мира в экономическом развитии и научно-техническом прогрессе. Западная модель обеспечила более успешное развитие общества. На этом фоне цена борьбы за распространение советского влияния становилась слишком высокой и малооправданной.

Другим основанием переоценки ценностей и падения престижа страны, как это ни парадоксально звучит, было отсутствие великих международных бедствий и больших войн. Нуклеарное оружие исключило военные эксперименты крупных масштабов, а многолетнее мирное развитие требовало систематического, реального улучшения социально-экономического состояния страны. Если после войны и разрухи достаточно было уйти из землянок и восстановить элементарные условия мирной жизни, то в условиях длительного мирного развития общество ожидало качественно нового уровня жизни, который не мог быть обеспечен существующей социально-политической системой.

В то же время кардинально изменились и социальная структура, и политическое сознание русских, расширились их интеллектуальные и культурные горизонты. Отрицание «культы личности» Сталина и реабилитация «врагов народа» создали условия для коренной трансформации социальной психологии нашего общества. Даже если бы социализм в экономической сфере себя оправдал, природа политической системы неизбежно была бы изменена в соответствии с социальной и психологической трансформацией населения.

Еще один фактор, предопределивший изменения, который обычно недооценивается при осмыслении этих процессов, связан с отменой колхозного «крепостного права» в эпоху Хрущева. Впервые за всю историю колхозной системы именно тогда, начиная со второй половины 50-х гг., поставки продукции колхозов государству стали приобретать товарный характер и прежде символические цены за колхозную продукцию были повышены. Доходы колхозников, получаемые из «общественного» хозяйства, стали расти, их

Специалисты и руководители в составе занятого русского населения в трех поколениях, в %

	«Отцы»	Опрашиваемые	«Дети»
Таллинн	7	29	39
Кишинев	6	30	47
Тбилиси	5	33	48
Ташкент	3	34	52
Саратов	7	21	46

соотношение с доходами собственного хозяйства стало меняться в пользу «общественного», благосостояние улучшилось. К середине 60-х гг. паспортизация колхозников выравнивала их правовое положение с другими группами общества.

Стремление вывести страну в число мировых лидеров неизбежно должно было привести ее руководство к признанию и стимулированию научно-технической революции. Курс на развитие НТР, соответственно рост образования, науки и культуры в стране неизбежно сказывались на социальной структуре русских (табл. 11).

Как показывают данные таблицы 12, межпоколенные изменения социально-профессиональной структуры русских были исключительно динамичными.

Рост пропорции русских, занятых квалифицированным трудом, достижение ими высокого статуса в республиках отнюдь не были результатом вытеснения с престижной работы нерусского населения. Напротив, как это иллюстрирует таблица 13, русские занимали такие позиции скорее в тот период, когда среди некоторых коренных национальностей республик не хватало специалистов с образованием. По мере роста их числа и профессиональной квалификации русские вытеснялись. НТР требовала высокой квалификации и, как следствие этого, в 70—80-е гг. стало обязательным среднее образование, последовательно росла также доля студентов вузов. Эти изменения четко фиксировались социально-профессиональной структурой русских и представителей коренных национальностей республик (см. табл. 13).

Как ни старался руководящий аппарат страны канализировать образование с целью воспитания политического сознания в коммунистическом духе, ни политическая пропаганда, ни псевдонаучные дисциплины типа «научного коммунизма», не могли полностью обезопасить для системы рост квалификации и профессиональных знаний у населения страны.

Положительное влияние на сознание людей оказывали и новые социальные ценности, новые политические представления, стимулированные перестройкой. В начале XIX в. П. Чаадаев писал, что «массы находятся под влиянием тех, кто стоит у верхушки общества. Массы не думают самостоятельно, привилегированное меньшинство думает, основная часть населения только чувствует. Это облегчает управление»⁴.

Точка зрения Чаадаева безусловно верная и для нашего недавнего прошлого в 90-гг. переосмысливается. Очень трудно, однако, объяснить трансформацию сознания русских только их политической просвещенностью. В значительной мере она сформировалась под влиянием нового мышления тех, кто стоял на политической вершине и регулировал социальную жизнь общества.

Но в то же время данные таблицы 10 о корреляции социально-профессионального статуса с признанием ценностей «обороны» еще раз убеждают в том, что образование и высокий профессионализм создают важную базу для трансформации политического сознания.

Социально-профессиональный престиж занятий русских и людей коренных национальностей республик в 70—80-е гг. *

Столица	Доля русских ^а	Коэффициент престижа занятий ^б	
		«титულიная» нация	русские
70-е годы			
Тбилиси	19	2,7	2,2
Таллинн	40	1,9	1,9
Кишинев	45	2,0	2,2
Ташкент	52	1,7	2,3
80-е годы			
Тбилиси	15	2,7	1,7
Таллинн	46	2,1 ^в	2,1
Кишинев	44	2,5	2,5
Ташкент	44	2,4	2,6

* Социально-профессиональные группы были шкалированы следующим образом: не-квалифицированный физический труд — 0, физический труд средней квалификации — 1, не-квалифицированный и малоквалифицированный умственный труд — 1, высококвалифицированный физический труд индустриального профиля — 2, умственный труд средней квалификации — 2, квалифицированный умственный труд (занятия, требующие высшего образования) — 3, административно-управленческий труд, требующий средней квалификации — 3, высококвалифицированный управленческий труд — 4. С учетом приведенных шкал рассчитывается средний показатель для всех русских и титульной нации.

^а По переписи. Русские с коренной национальностью = 100%.

^б По материалам ОСУ.

^в Экстраполяция данных 70-х гг.

ПРОБЛЕМА РУССКИХ В НЕРУССКОЙ СРЕДЕ

В историческом прошлом русские в Российской империи преобладали не только военной силой, но и благодаря социально-демографическим преимуществам. Они выделялись образованием и социальным статусом⁵. Русским принадлежала ведущая роль в городском строительстве, урбанизации и внедрении во все сферы жизни норм цивилизованного общества.

Как следствие этого, в годы существования СССР русский язык фактически функционировал как государственный, русские играли особую роль в межреспубликанских коммуникациях и развитии образования. Естественно, эти социально-культурные позиции были не одинаковы в разных регионах страны, но во всех случаях они существенно отличались от ролевых функций других народов. Даже среди таких многочисленных народов, как украинцы, мигранты, оставляя свою республику, во многом расставались и с культурой. В России они в школах изучали русский язык, свой собственный часто забывая, входили в тесные контакты с людьми других национальностей, что неизбежно влияло не только на культурный облик, но даже на их национальное самосознание. В какой-то мере зависимость этноса от среды нашла отражение в теоретических понятиях «нации» и «национальности». Концепция «нации» полагала обретение «национальностью» собственной территории, что, безусловно, сопровождалось утверждением понятия собственной культуры и сознанием «своих национальных» государственных интересов. Если принять это теоретическое определение,

Знание языка коренной национальности как второго языка русскими. 1974, 1988, 1991 гг., в %

	Таллинн			Ташкент		
	1974	1988	1991	1974	1988	1991
Свободно или достаточно свободно	14	14	16	6	5	6
С трудностями или с большими трудностями	43	48	50	31	26	20
Совершенно не знают	43	38	35	61	69	74

то за русскими в психологическом плане в Советском Союзе мы должны признать исключительную роль. Где бы они ни находились в каждой республике, они чувствовали себя «у себя», рассматривая Союз ССР как «свое отечество». Именно поэтому, где бы ни жили русские, в отличие от других народов Союза, они пользовались там своим языком, придерживались своих порядков и норм своей культуры.

Поэтому, как показывают, в частности, материалы и нашего исследования, русские никогда и нигде не находились под угрозой ассимиляции, тогда как люди любой другой национальности активно адаптировались к культуре и языку той среды, где они жили и нередко знали русский язык лучше, чем свой собственный. Например, половина эстонцев или латышей, живущих в России, видели в русском свой родной язык, тогда как 99,1% русских, живущих вне России, сохранили как родной язык только свой собственный. Причем эти данные, впервые обнародованные и зафиксированные Переписью 1970 г., как показали две последующие переписи (1979 и 1989 гг.), со временем не изменились.

К языку нерусских республик, в которых русские жили, они вообще приобщались очень медленно. В 1970 г. только 12,5% русских в Эстонии считали, что они знают эстонский язык свободно, как второй язык; по Переписи 1989 г., число их увеличилось только до 13,7%; в Узбекистане знали узбекский язык в 1970 г. 3,7% русских, в 1989 г.— 4,5%.

Эти цифры, однако, не вполне корректны потому, что перепись не могла уточнить и определить, что значит «свободно» владеть языком. В нашем исследовании мы использовали более четкую градацию, спрашивая, в какой мере люди знают второй язык — «совершенно свободно», «достаточно свободно», «с известными трудностями», «с большими трудностями» или «не знают совсем». Как свидетельствуют данные таблицы 14, доля русских, совершенно не знающих коренных языков республик, была достаточно велика и довольно устойчива.

Причем в течение 20 лет в этом плане не было существенных изменений. Это означало, что русские и в Таллинне, и в Ташкенте в большинстве своем были отчуждены от культуры тех республик, где они жили. К примеру, когда русских вне России спрашивали «о выдающихся людях, достойных признания, уважения», они называли представителей «титულных наций» республик, где они жили, в исключительно редких случаях (в пределах 1—2%, как в Таллинне, так и в Ташкенте).

Не удивительно, что русские, живущие в разных местах (в Москве, Таллинне или Ташкенте), когда их спрашивали о чувстве родства с людьми их национальности, безусловно, отвечали положительно. Причем, как это на первый взгляд ни покажется странным, русские в иноэтнической среде такие чувства испытывали чаще, чем у «себя в республике», в России. В Москве 85% русских выражали чувства родства с людьми своей национальности, а

Семейные ценности русских в разных этнических средах. 1981—1988, 1991 гг., в %

Семейные установки	Таллинн		Саратов		Ташкент	
	1988	1991	1981	1991	1988	1991
Недопустимость разводов, когда есть дети	31	19	47	19	57	36
Недопустимость иметь детей вне семьи	14	н. св.		н. св.	26	н. св.
Необходимость получить одобрение родителей перед женитьбой	34	29	46	38	40	45

Таблица 16

Знание узбекского языка русскими. Ташкент 1974 г. (в %)

Длительность проживания	Совершенно свободно	Достаточно свободно	С трудностями	С большими трудностями	Совершенно не знают
До 10 лет	2	4	11	18	65
10 лет и больше	2	4	11	22	61
Уроженцы Ташкента	5	5	11	19	59

в Ташкенте, например, 97%. В условиях территориального отчуждения чувства национального единения у русских выражались даже активнее, чем в своей моноэтнической среде.

На вопрос: «Что вызывает чувство родства со своим народом?» — русские в разных этнических средах также отвечали по-разному. В России они реже указывали язык, и это понятно, поскольку в России все, а не только русские, знают его. В приблизительно одинаковых пропорциях русские в Москве, Таллинне, Ташкенте отмечали другие индикаторы национальной общности — культуру, обычаи, обряды и традиции. Реже называли место рождения, особенности характера.

Несмотря на устойчивое сохранение и выраженность «своих» этнических признаков, было бы ошибочно утверждать, что русские, живущие вне своей республики, совершенно не адаптируются в иноэтнической среде. Например, постоянно находясь в сравнительно консервативном ташкентском окружении, они довольно часто принимают психологические установки узбеков, даже в наиболее интимной сфере жизни, в семье (см. табл. 15).

Конечно, русские в Ташкенте не так традиционны в семейных ценностях, как узбеки, но они, как показывают приведенные данные, в этом отношении более консервативны, чем русские в Саратове или Таллинне. Эти различия в установках в известной мере ассоциируются с реальным поведением, что отражается, например, в «детности» русских, живущих в разных регионах, или в частоте разводов. Несмотря на это, мы должны быть очень осторожны в оценке приобщенности русских к иноэтнической среде вообще, а тем более в Средней Азии. В этнографической литературе иногда упоминается о так называемой субкультуре или субэтноте среди русских, которые интегрируются с местной культурой. Но эти группы, если они вообще существуют, слишком малы и неустойчивы. Например, даже те русские, которые родились вне России, очень редко имеют друзей среди титульных народов других республик. Так, в 1988 г. только 4% русских, которые жили в Таллинне в пределах 10 лет, имели близких друзей эстонцев; 11% — среди тех, кто дольше жил в городе, и 14% — среди русских — уроженцев Таллинна. Эти данные были

Знание эстонского языка русскими. Таллинн 1974 г. (в %)

Длительность проживания	Совершенно свободно	Достаточно свободно	С трудностями	С большими трудностями	Совсем не знают
До 10 лет	1	5	14	12	68
10 лет и больше	3	7	18	28	44
Уроженцы Таллинна	16	22	28	24	10

Таблица 18

Знание эстонского и узбекского языков среди русских, проживающих в Таллинне и Ташкенте в 1974, 1988 и 1991 гг. (в %)

Год	Совершенно свободно	Достаточно свободно	С трудностями	С большими трудностями	Совсем не знают
Ташкент					
1974	3	4	11	21	61
1988	5*			26**	
1991	1	4	7	14	74
Таллинн					
1974	5	9	19	24	43
1988	5	9	21	27	38
1991	6	10	21	29	34

* «Свободно».

** «С трудностями».

почти такими же в Ташкенте: у 8% русских иммигрантов были близкие друзья узбеки, а среди тех, кто родился в Ташкенте,— у 13%.

Точно так же нет большой разницы, например, в приобщенности к национальной культуре, знанию узбекского языка среди тех русских, кто прибыл в Узбекистан и кто родился здесь.

Как показывают приведенные данные таблицы 16, с течением времени приобщенность русского населения к узбекскому языку так же, как их межнациональные контакты, мало менялись. Эта ситуация несколько лучше среди русских в Таллинне (табл. 17). Но даже и здесь очень немногие из них, независимо от времени проживания в Эстонии, имели близких друзей эстонцев и знали свободно эстонский язык.

Причем с течением времени положение мало менялось. Картина в начале 90-х гг. оставалась примерно такой же, как почти 20 лет назад (табл. 18).

Хотя в адаптации русских в иноэтнических средах важное место занимает языковой механизм, от знания языка прямо никак не зависят национальные отношения. Но с языком связаны межнациональные контакты, эффективность механизма адаптации, овладение инациональной культурой и т.п. Как показывает ОСУ, русские, знающие республиканский язык, выше оценивают качества людей коренных национальностей. К примеру, по данным ОСУ, русские, владеющие эстонским языком, чаще признавали за эстонцами такие

«Родина» в сознании русских в 1988, 1991 гг., в %

	1988 г.	1991 г.		1988 г.	1991 г.
	Таллинн			Ташкент	
Эстония	25	35	Узбекистан	8	21
СССР	52	20	СССР	72	47
Россия	7	22	Россия	7	15
Другое	16	23	Другое	13	17

качества, как «чистоплотность», «трудолюбие», «деловитость». Знающие узбекский язык также оценивали узбеков выше. Причем дело не только в оценках, но и в реальном поведении, контактах. У русских, знающих эстонский язык, 18% близких друзей — эстонцы, у незнающих — 8%, в Ташкенте — соответственно 20 и 6%. Понятно, что среди русских, знающих язык, чаще встречались национально-смешанные браки: в Таллинне — 41% у первых и 27% у вторых, в Ташкенте — соответственно 21 и 9%.

Знание языка не прямо, а через межнациональные контакты, приобщение к инонациональной культуре отразилось и на общественной жизни. В Эстонии, например, многие из хорошо знающих эстонский язык русских (данные 1988 г.) считали, что их интересам Народный фронт отвечает больше, чем Интердвижение, тогда как не знающие языка очень редко сочувствовали Народному фронту и в подавляющем большинстве (58%) поддерживали Интердвижение. Понятно, что знание языка республики облегчает русским деловые контакты, активность в работе, но опять в разной мере и не в каждой республике одинаково. Если в Ташкенте, например, эти обстоятельства, во всяком случае до 1988 г., реальной роли в деловой жизни русских не играли, в Таллинне они влияли существенно. По материалам ОСУ, в Таллинне среди русских, знающих эстонский язык, сделали карьеру за 5 лет 39%, среди незнающих — 16%. Владение языком связано с миграционным поведением. Знающие местный язык реже высказывают желание уехать из республики, тогда как незнающие чаще ориентированы на миграцию (например, в Ташкенте среди тех, кто не знал язык коренной национальности, хотели уехать 37%, а среди знающих — 11%).

Приведенные данные говорят о том, что при всей независимости и даже «стихийности» социально-этнических процессов возможно их определенное регулирование. Для этого необходимо овладеть механизмом управления указанными процессами и использовать рычаги приспособления русских в иноэтнической среде.

ОСУ свидетельствует об определенной поляризации социально-национальных установок на адаптацию. В какой-то мере об этом говорит трансформация представлений о родине. Если прежде у русских, независимо от того, где они жили, родина ассоциировалась с Союзом ССР, то теперь происходит поляризация этих представлений между Россией и республикой, в которой они живут (табл. 19). Конечно, от такого сознания до овладения культурой республики, где живут «нероссийские» русские, очень далеко. Однако в новой психологической установке «родины» — заложена определенная посылка, которая при разумной политике в СНГ может дать определенный положительный результат.

Конечно, надо оставаться реалистами. И надо отдать себе отчет в том, что, хотя действия центробежных сил в иноэтнической среде в поведении

русских и могут быть в какой-то мере приторможены, абсолютно нейтрализовать их нельзя. У русских в отличие от нерусских шире выборы и возможности миграции прежде всего в необъятные просторы России. В новой ситуации у них возникает проблема «тройного» выбора: или адаптация к иноэтнической среде по новым сложным нормам селекции, или обособление, самоизоляция, или, наконец, миграция. Наиболее ущербна самоизоляция. Она может только участить конфликты и осложнить межнациональные отношения. Что касается адаптации или миграции, то выбор, приоритет того или иного решения каждый раз будет зависеть от конкретной среды или ориентации русских. Неизбежен в таких условиях (как бы ни способствовать адаптации) рост интенсивности миграции. Это уже сказалось на реальном поведении и, как видно по данным последней переписи, даже отразилось на динамике русского населения в инонациональных средах.

Абсолютная убыль русского населения, которая, даже уже судя по данным Переписи 1989 г., происходила не только в Закавказье, но и в республиках Средней Азии — результат не только низкого естественного прироста, но и миграции. В последующие годы миграция неизбежно усиливается и в остальных республиках. Чем дольше, тем больше русские сосредоточиваются «у себя дома».

Оптимизация этих процессов отнюдь не предполагает насильственной миграции, а тем более обособления русских в иноэтнических средах.

Для оздоровления процессов необходимо облегчать их реализацию.

Нужно выявить потребности и возможности русских в адаптации и соответственно им строить национальную политику, пропаганду. По-видимому, в какой-то мере должны использоваться и финансы для помощи в овладении языками, переустройстве школьных программ, подготовке кадров и т. п.

Главное, надо избегать стереотипных решений во внешне сходных вопросах. Проблемы адаптации, равно как и миграции, в каждой этнической среде имеют свою специфику и должны поэтому решаться со строгим учетом этой специфики. Такое осознание важно не только с точки зрения выбора правильного политического курса, но и правильной идеологической ориентации и соответственного воспитания русского населения в республиках. Больше всего следует опасаться унифицированных централизованных решений, не учитывающих специфики национальных регионов и навязывающих одинаковые средства при глубокой дифференциации этнических сред. Со временем в нашем обществе все сильнее будет осознаваться необходимость такого дифференцированного подхода. И чем скорее это станет обязательным и существенным принципом в решении национальных проблем, тем меньше будет издержек и сложностей, что создаст основу оптимизации национальных отношений сегодня и в будущем.

Разумеется, теперь и в благоприятной ситуации трудно полностью избежать роста национальной напряженности. Консервативные национальные установки берут верх во всех этнических средах, что сильно осложняет национальные отношения.

Тем не менее можно надеяться, что высокий уровень образования и культуры народов, развитие рыночных связей, оптимальное регулирование национальных отношений приведут в конце концов и к реальным результатам в овладении культурой, языками, и адаптации, таким образом, к местной жизни русских в республиках.

Надо надеяться, что, несмотря на все сложности сегодняшнего дня, демократические ориентации, живые традиции Сахарова окончательно преодолеют консервативное наследие и откроют новую эру в развитии межэтнических отношений. При этом именно в республиках вне России — новое социально-политическое сознание русских вынужденно будет пройти самые большие испытания. Очень многое, конечно, здесь будет зависеть и от политики

лидеров коренных наций новых республик, их готовности и способности предупредить проявление национального эгоизма, угрожающего взаимопониманию народов.

Примечания

¹ О методике исследования, выборке и инструментариим см.: Арутюнян Ю. В. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР (Программа, методика и перспективы исследования)//Советская этнография. 1972. № 3. С. 3—18; Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Кондратьев В. С., Сусоколов А. А. Этносоциология: цели, методы исследования. М., 1984; Русские: Этносоциологические очерки. М., 1992, С. 452—462.

С 1993 г. программа исследований ОСУ: экспедиции, опросы, обработка материалов реализуются благодаря финансовой помощи Фонда фундаментальных исследований РАН.

² Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М. Многообразие культурной жизни народов СССР. М., 1987. С. 188—192; Социально-культурный облик советских наций. М., 1986. С. 244—248.

³ По материалам единовременного выборочного обследования 30 тыс. жителей Союза ССР в 1990 г. См.: Народное хозяйство СССР в 1990 г.: Статист. ежегодник. М., 1990. С. 141.

⁴ Чаадаев П. Философские письма. М., 1989. С. 24.

⁵ Социально-культурный облик советских наций. С. 46—47.

Приложение 1

Расселение русских в республиках с преобладанием русского населения или титульных наций

	В % к населению данной территории			
	русские		титульные нации	
	1970	1989	1970	1989

С преобладанием русского населения

Бурятия	74,0	70,0	22,0	24,0
Карелия	68,0	73,6	12,0	10,0
Мордовия	59,0	61,0	35,0	33,0
Удмуртия	57,0	59,0	34,0	31,0
Коми	53,0	58,0	25,0	23,0
Мари	47,0	48,0	44,0	43,0
Якутия	47,0	50,0	43,0	33,0
Башкирия	40,0	39,0	23,0	22,0

С преобладанием титульных наций

Калмыкия	46,0	38,0	41,0	45,0
Татария	42,4	43,3	49,1	48,5
Тува	38,2	32,0	58,6	64,3
Кабардино-Балкария	37,1	32,0	53,7	57,6
Северная Осетия	36,6	29,9	48,7	53,0
Чечено-Ингушетия	34,5	23,1	58,5	70,0
Чувашия	24,5	26,7	70,7	67,8
Дагестан	14,7	9,2	74,3	80,2

Некоторые индикаторы имущественного положения русских в Москве, Tallинне, Ташкенте (в %) *

Предметы обихода *	Все население **	Социальные группы ***				
		Г ₂	В	А ₁	Р _{1,2}	П
Москва, 1987 г.						
Телефон	92	91	96	95	95	
Автомобиль	21	6	24	27	37	
Магнитофон	63	48	58	73	60	
Пианино	20	7	11	29	37	
Мебельный гарнитур	76	70	76	82	74	
Стиральная машина	73	65	74	76	72	
Проигрыватель	58	39	55	71	60	
Холодильник	96	95	99	98	96	
Телевизор	93	96	96	95	95	
1992 г.						
Стереосистема	27	17	28	31	39	42
Цветной ТВ	76	66	84	88	84	нет св.
Видеомагнитофон	19	6	18	26	27	25
Телефон	92	94	96	97	98	100
Автомобиль	22	9	22	27	33	33
Магнитофон	65	55	76	85	64	85
Пианино	20	6	10	30	23	15
Мебельный гарнитур	77	68	83	87	91	нет св.
Стиральная машина	77	75	81	84	88	85
Проигрыватель	57	54	61	67	63	62
Холодильник	92	98	99	97	99	100
Телевизор	84	88	87	88	87	85

Предметы обихода	Все население		Все население	
	1988 г.	1991 г.	1988 г.	1991 г.
	Tаллинн		Tашкент	
Стереосистема *	—	37	—	38
Цветной ТВ *	—	88	—	95
Видеомагнитофон *	—	18	—	17
Телефон	46	58	70	85
Автомобиль	35	39	33	26
Магнитофон	69	75	63	68
Пианино	14	16	19	20
Мебельный гарнитур	87	95	89	93
Стиральная машина	83	87	88	95
Проигрыватель	56	60	49	47
Холодильник	94	98	98	99
Телевизор	93	79	98	97

* В 1987—1988 гг. стереосистемы, цветные ТВ и видеомагнитофоны при опросе не фиксировались.

** В сводных итоговых распределениях % подсчитан по «всему населению», в данных по социальным группам — только по ответившим.

*** Условные обозначения социальных групп: Г₂ — разнорабочие; В — высококвалифицированный физический труд; А₁ — занятия, требующие высшего образования («интеллигенция»); Р₂ — руководители первичных коллективов; Р₁ — руководители предприятий, учреждений и т. п.; П — предприниматели, торговые и другие группы, связанные с частной собственностью.

© 1994 г. Ю. В. КРИВОШЕЕВ, А. Ю. ДВОРНИЧЕНКО *

ИЗГНАНИЕ НАУКИ: РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ В 20-х — НАЧАЛЕ 30-х ГОДОВ XX ВЕКА

Российская историография конца XIX — начала XX в. являла собой одну из вершин отечественной культуры и науки «серебряного века». Разнообразие подходов к историческим событиям и явлениям далекого и недавнего прошлого обусловило существование различных научных школ и направлений. Во главе их стояли крупнейшие отечественные историки — С. Ф. Платонов, М. К. Любавский, А. С. Лаппо-Данилевский, Ю. В. Готье, А. А. Кизеветтер, А. Е. Пресняков, Н. П. Павлов-Сильванский и др. Тематика их исследований охватила все периоды и все стороны общественной жизни Руси и России; обращались они и к методологическим вопросам. Можно без преувеличения сказать, что русская историческая школа в это время выходила на передовые рубежи в мире: ни одна страна не могла представить тогда такую блестящую плеяду историков¹. Историографическое исследование «серебряного века» отечественной исторической науки еще предстоит². Цель же настоящей статьи — коснуться ее судьбы в первое пятнадцатилетие после 1917 г.

* * *

К истории исторической науки в Советской России в 20-е гг. неоднократно обращались как советские, так и зарубежные исследователи³. За разностью методологических и идеологических подходов их выводы в основном сводились к констатации имевшегося с первых лет советской власти в России противоборства марксистского и немарксистского (буржуазного) направлений⁴. Как правило, отмечалось, что борьба эта происходила в основном в рамках полемики (правда, не всегда научной) в условиях своеобразного «мирного сосуществования», а закончилась победой историков-марксистов (в последнее время приводятся факты прямого вмешательства карательных органов, приведшего к репрессиям против представителей старой школы).

При таких выводах полностью выпадала из поля зрения еще одна сторона этой борьбы: выхолащивание и уничтожение самого предмета русской истории, который в конце 20-х — начале 30-х гг. был заменен «историей СССР» (изучавшейся до 90-х гг.)⁵. Историки же, писавшие русскую историю, стали огульно обвиняться в «великодержавном шовинизме».

В новейших работах по этим сюжетам обращено внимание на воинственное отношение к культурному национальному наследию русского народа у большевистской власти. «Резкое классовое противопоставление культурных тенденций, селекция одной и низвержение другой основаны на крайних формах национального нигилизма, на стремлении отсечь от культуры прошлого все, противоречащее классовой, социальной, революционной идее, все, что напрямую не связано с ней», — так оценивает ситуацию того времени современный литературовед М. М. Голубков⁶.

* Кривошеев Юрий Владимирович, кандидат исторических наук, старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета.

Дворниченко Андрей Юрьевич, доктор исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета.

Аналогичным было состояние дел и в других общественных науках. Новая историческая наука строилась в основном на двух идеологических и методологических «китах»: интернационализме (ибо, согласно большевистской идее, российская революция вскоре должна была перейти в мировую, и, следовательно, в изучении национальной истории не было необходимости) и учении о классовой борьбе — ядре марксизма — как движущей силе исторического процесса.

Большое значение идеологи новой власти придавали преподаванию истории на всех уровнях обучения. Тон задавал Наркомпрос, которым руководили А. В. Луначарский и М. Н. Покровский⁷.

Атака на традиционное («формальное») историческое образование велась начиная от школы и кончая университетом. Так, например, в одном из своих выступлений А. В. Луначарский наметил, по сути, программу советской политики в области преподавания истории в средней школе. «Преподавание истории с той точки зрения, чтобы научить людей идее постепенности, закономерности, эволюции, должно быть отброшено; преподавание истории в направлении национальной гордости, национального чувства и т. д. должно быть отброшено; преподавание истории, жаждущей в примерах прошлого найти хорошие образцы для подражания тоже должно быть отброшено»⁸. Это было сказано в 1918 г. «Возьмем преподавание истории... — писал один из ведущих идеологов того времени Ю. Ларин в 1924 г.— Полагается сейчас более или менее знать первобытную историю, древнюю историю, среднюю историю, новую историю, новейшую историю. Что если от каменного и металлического „доисторического“ человека, познакомив вкратце с логикой возникновения товарного хозяйства, с его надстройкой, перейти прямо к истории последних десятилетий?» Примерно начиная с 60-х гг. XIX в. он предлагал изучать «вообще тот ряд событий, какой непосредственно связан с пониманием современного положения». «Сейчас,— недовольно замечал он,— даже в одобренной ГУСом (Главный ученый совет.— *Авт.*) учебнике русской истории первой ступени имеются главы об Олеге, Святославе, Владимире Мономахе, Иване Калите и прочих и прочих». В связи с этим он решительно настаивал: «Пора порвать с этой традицией: представим себе, что „от Рождества Христова“ прошло не две тысячи лет, а еще двадцать тысяч лет. Неужто и тогда все еще учить об Олеге, Иване Калите и „Соборном уложении царя Алексея“ (есть и такая глава в нашем официально допущенном Наркомпросом учебнике первой ступени). Накопится в конце концов столько событий, что не поможет и упразднение летних каникул. Все эти подробности надо оставить для любителей, найдется достаточно охотников читать исторические книжки в свободное время, или для специальных занятий. Но нам пора перейти к ознакомлению с историей человека большими мазками: докаменный человек, человек каменной техники, век металла и современность. <...> Упрощение функций до действительно необходимых размеров — вот что должно стать правилом реформы как этого дела, так и всего госаппарата. Поставить дело так — значит вместе с тем создать широкую возможность для приспособления к выполнению этих функций (в данном случае преподавания истории в средней школе) социально близких нам элементов»⁹.

Таким образом, Ю. Ларин сознательно «упрощал» историю, исходя из революционно-утилитарных целей, чтобы исключить влияние в школе — уже на первой стадии обучения — «старой идеологии». На одной из страниц своей брошюры он высказывается достаточно откровенно: «Лучше топорнее, да по-нашему, чем тоньше, да по-чужому»¹⁰. Но одновременно с такого рода установками решается и еще одна задача: в школах упразднялась национальная русская история.

Борьба против чуждого влияния «буржуазной науки» велась и в университетах, где еще продолжали работать многие ученые-историки, так называемые старые «спецы». Осуществлялась она в двух направлениях: коренное изменение

учебного процесса и структуры гуманитарных факультетов и отстранение от преподавания старой профессуры.

Еще весной 1918 г. Государственная комиссия по просвещению обратила особое внимание на необходимость изменения учебных планов юридических и историко-филологических факультетов¹¹. Через год эти факультеты были закрыты, а вместо них были созданы факультеты общественных наук (ФОНы)¹², при которых существовали исторические отделения. Однако эти меры оказались недейственными. М. Н. Покровский констатировал в 1920 г.: «И вот у нас в университетах читается буржуазный курс русской истории, еще более буржуазная политэкономия и т. д. У нас читается идеалистическая философия профессором в таком направлении, что каждая лекция начинается и кончается Христом»¹³.

В 1921 г. проводится новая реорганизация преподавания общественных наук: учреждаются институты по подготовке «красной профессуры», а на ФОНах историческое образование ограничивается в основном изучением экономического развития и революционного движения в России в XIX — начале XX в.¹⁴

Об изучении русской истории в Московском университете во второй половине 20-х гг. вспоминает студент того времени (ныне академик) Б. А. Рыбаков: студенты-историки, как и студенты-археологи, «тоже не интересовались ни Киевской Русью, ни древностью вообще. Считалось, что это „бегство от современности“, что изучать следует только события, происходившие не ранее, чем позавчера. И преподавать в то время историю начинали с периода декабристов. Или говорили два-три слова о том, что были крестьянские войны Степана Разина и Емельяна Пугачева, потом — декабристы, и после этого — крестьянская реформа, народничество, марксизм. Происходило страшное искажение исторической правды»¹⁵.

* * *

Еще в начале 20-х гг. большевиков не оставляла надежда, что старая интеллигенция может быть переучена, обращена в новую веру. «В. И. Ленин считался с тем, что без привлечения старых преподавателей специальных наук пролетариату не обойтись. Но он предложил обязать их изучить в кратчайший срок основы марксизма и сдать экзамен»¹⁶. Какие конкретные установки при этом давал он, вспоминал М. Н. Покровский. «Свяжите их (профессоров, преподавателей.— *Авт.*) говорил В. И. Ленин в устной беседе, твердыми программами, дайте им такие темы, которые объективно заставляли бы их становиться на нашу точку зрения. Например, заставьте их читать историю колониального мира... „Литература предмета“ принудит наших профессоров рассказывать о мерзостях колониального капитализма вообще. Потребуйте, кроме того, от каждого из них основательного знания марксистской литературы; объявите, что кто не сдаст специального марксистского экзамена, будет лишен права преподавания. Вождь революции был уверен: „Уверяю Вас, что если они не сделаются ортодоксальными марксистами, они все же будут излагать такие вещи, которые раньше совсем не входили в программу их курсов, а уж дело студентов, под нашим политическим руководством, использовать этот материал, как нужно“»¹⁷.

Сам Покровский тоже пытался указать на недостатки в мировоззрении некоторых историков в то время. В частности, обвинению в немарксистском подходе подверглись популярные книги С. Ф. Платонова «Борис Годунов» (Пг., 1921) и Р. Ю. Виппера «Иван Грозный» (Пг., 1922). Дело в том, что ни Платонов, ни Виппер никак не хотели признать, что стержнем исторического процесса является классовая борьба. Покровский определяет это как «классобоязнь», когда «нельзя ни под каким видом говорить о классовой борьбе, хотя бы вы о ней и знали». По его мнению, объяснение этому — в существовании

своеобразного «академического этикета», которым руководствуется старая профессура в угоду классу буржуазии, терпящей поражение, но помышляющей о реставрации¹⁸. Кроме того, Покровского, возможно, не устраивало и другое. Ведь в книге Виппера, как отмечает наш современник исследователь В. Г. Сафонов, «одна из ведущих тем — реабилитация и прославление России. Через все разделы ее проходит мысль о величии ее военной, административной, хозяйственной, дипломатической и духовной культуры. Это глубоко патриотическое произведение»¹⁹.

В 1922 г. Покровский как бы подводит итоги развития общественных наук в России за четыре послереволюционных года. По существу, он отрицает какие-либо позитивные результаты деятельности буржуазных ученых и пишет в пренебрежительном тоне о них и о русской истории вообще. «Российская буржуазная общественная наука, поскольку эта наука являлась более или менее непосредственным отражением жизни, не дала нам за эти четыре года ровным счетом ничего, что было бы отмечено печатью самостоятельной мысли», а «в области истории, экономики и права она уже бесплодна». Непосредственно «буржуазные историки за это время с какой-то необъяснимой предвзятостью культивируют темы, которые, с позволения сказать, были положены на чердак еще после первой революции. Дело доходит до перерывания в сотый раз такой ветоши, как путешествие княгини Ольги в Царьград». И «на этом фоне монография о Борисе Годунове, — делает снисхождение историк-марксист, — не дающая ни одного факта, который не был бы известен специалистам, и ни одной мысли, которую нельзя было бы найти уже давно в писаниях того же автора или других, более, чем он, радикальных историков, представляет уже „шаг вперед“»²⁰.

Однако, как известно, такие идеологические проработки и воздействия не возымели должного результата. И в 1922 г. принимаются более характерные для новой власти меры организационного порядка. Особо непримиримые оппозиционеры-«обществоведы», не переучившиеся и сохранившие прежние взгляды, высылаются принудительно за границу²¹. Наряду с философами-идеалистами, экономистами, социологами, писателями изгоняются известные историки А. А. Кизеветтер, А. В. Флоровский, В. А. Мякотин, А. П. Карсавин и др. Но высланы были не все. В России остался ряд историков «старой школы», из которых только некоторые и далеко не сразу стали приближаться к марксизму (А. Е. Пресняков, В. М. Пичета, Б. Л. Греков)²². Большинство же не изменили своих убеждений и своего научного «кредо»²³.

С середины 20-х гг. начинается новый виток идеологической борьбы, в основном под флагом борьбы с буржуазностью дореволюционной исторической науки, но очень быстро в качестве мотивов обвинения начинают выступать шовинизм, великодержавность как наследие в целом буржуазной историографии²⁴. Кульминацией наступления на представителей «старой школы» становится «дело» русских историков. Одну из страниц борьбы приоткрывает в своих воспоминаниях А. Н. Анциферов.

Проходящий по этому делу С. В. Бахрушин упрекнул его в том, что будто бы на Всероссийском краеведческом съезде 1927 г. он «выступил с шовинистической речью». Как вспоминает А. Н. Анциферов Бахрушин тогда призвал краеведов собирать сведения и вещи о современном быте разных национальностей нашего Союза. «Если мы теперь не позаботимся об этом, то многое исчезнет безвозвратно». Выступление это было поддержано представителями разных народов. В частности, проф. С. Н. Чернов сказал: «Все это очень хорошо, очень нужно. Но следует среди разных национальностей нашего Союза не забывать еще одну национальность, русскую. Нужно предоставить и ей право позаботиться о фиксировании исчезающих явлений быта, а также уходящих из употребления вещей. Почему слово «русский» почти изгнано теперь из употребления?» В ответ — резкие протесты различных националов, обвинения в «великодержавной вылазке». Анциферов выступил

с пояснениями, сказав, что «речь идет не о каком-то преимуществе для русских, а о признании прав русской национальности на любовь к своей стране, как это признано за другими нациями»²⁵.

С резкой критикой старой буржуазной науки как великодержавной обрушился М. Н. Покровский. Ни в одном из своих предыдущих экскурсов в буржуазную историческую литературу он, выступая против буржуазности и мелкобуржуазности Соловьева, Ключевского, Шапова и др., не обвинял их так откровенно в «грехе» великодержавности²⁶. В предисловии же к сборнику «Русская историческая литература в классовом освещении» в борьбе против старых историков он прибегает к навешиванию ярлыка национализма. Русская историческая литература середины XIX в. (как и русская классическая литература) «насквозь великодержавна», пишет он. «И великодержавие ее чрезвычайно характерно для националистической политики. Для всех этих историков русская история есть история великорусского племени. ...Русский промышленный капитализм складывался вокруг Москвы, великорусского центра... Отсюда прежде всего великодержавность этой литературы, то, что она смотрит с московской колокольни».

В том же сборнике «национализм» русской историографии отметили (правда, вскользь) З. Лозинский в очерке «Историк великодержавной России. С. М. Соловьев» и М. Нечкина в статье «В. О. Ключевский». Первый писал: «На процесс образования Русского государства Соловьев смотрит глазами националиста-великоросса. Он отрицает сколько-нибудь значительное влияние других народностей, кроме великоруссов, на ход русской истории, утверждая, что на Восточной равнине не наблюдалось даже „развитого провинциализма“». М. В. Нечкина заметила, что «шовинистичность концепции Ключевского очевидна — он упорно хочет видеть в „русской“ истории историю именно русской национальности — и только»²⁷.

Борясь со старой историографией, Покровский ревностно оберегал современную науку от любых проявлений «великодержавности» и «шовинизма». Так, объектом его нападок стали работы крупнейшего русского этнографа Д. К. Зеленина. В 1927 г. был опубликован фундаментальный труд этого ученого «Русская (восточнославянская) этнография»²⁸, а в 1929 г. вышла его статья о происхождении великорусской народности²⁹. Взгляды Зеленина расходились со взглядами Покровского, поскольку последний «скептически относился к культуре и характеру русского народа». Зеленин был обвинен в «великодержавном шовинизме» и подвергся резкой критике³⁰.

Итог дискуссии по этим вопросам подвел сам М. Н. Покровский, напечатанный в 1930 г. статью «Возникновение Московского государства и „великорусская народность“». Вот ее последний абзац: «Российскую империю называли „тюрьмой народов“. Мы знаем теперь, что этого названия заслуживало не только государство Романовых, но и его предшественница, вотчина потомков Калиты. Уже Московское великое княжество, не только Московское царство, было „тюрьмой народов“. Великороссия построена на костях „инородцев“, и едва ли последние много утешены тем, что в жилах великоруссов течет 80% их крови. Только окончательное свержение великорусского гнета той силой, которая боролась и борется со всем и всяческим угнетением, могло послужить некоторой расплатой за все страдания, которые причинил им этот гнет»³¹. Это обвинение предъявлено уже не старой историографии, не проклятым царям, а русскому народу и его истории. Так происходит переход от научных обвинений к политическим. Чтобы самого себя обезопасить от подобного, Покровскому приходится публично заявлять о своей «правоверности». В «Историке-марксисте» появляется его предисловие к чешскому переводу «Русской истории в самом сжатом очерке». Этот очерк «носит будто националистическое название. Но это название есть просто дань прошлому, — оправдывается он. — ... Теперь мы больше не употребляем этого термина, мы говорим об истории народов СССР»³².

После этого заявления начинается последний этап изгнания не столько уже представителей школы дореволюционных историков (ими уже занимались соответствующие органы), сколько самих остатков русской национальной идеи, выражавшейся прежде всего через изучение отечественной истории. Немалую роль в том сыграло и Общество историков-марксистов. Еще в августе 1928 г. в информации «О созыве Всесоюзной конференции историков-марксистов», подписанной председателем совета Общества историков-марксистов М. Н. Покровским и ученым секретарем общества П. Гориным, сообщалось о предстоящей работе на конференции секции «История России»³³. Однако на конференции, открывшейся 28 декабря 1928 г., эта секция уже имела название «История народов СССР»³⁴. Покровский не без пафоса прокомментировал это так: «От одной из устаревших рубрик нас избавил коммунистический стыд. Мы поняли — чуть-чуть поздно, — что термин „русская история“ есть контрреволюционный термин (! — *Авт.*), одного издания с трехцветным флагом и „единой неделимой“. У нас была секция „народов СССР“. ...История угнетенных народов не может не упоминать об истории народа-угнетателя (русского. — *Авт.*), но отсюда заключать к их тождеству было бы величайшей бессмыслицей»³⁵.

Одним из результатов конференции стало провозглашение: «Лучшее средство для искоренения как „великодержавного“, так и всякого иного шовинизма»³⁶. Другим — ликвидация Института истории при РАНИОН (в 1929 г. было закрыто и существовавшее с 1804 г. Общество истории и древностей российских) и создание аналогичного института при Комакадемии, но с иной структурой подразделений. В речи при открытии Института истории при Комакадемии Покровский подробно остановился на вопросе перестройки в изучении истории. «Ни западной истории, ни русской истории, ни древней истории, ни средней истории, ни новой истории, ни новейшей — ничего нет! ...Мы решили таким образом организовать нашу работу в Институте, чтобы она была сосредоточена около основных нескольких крупнейших исторических проблем» (история империализма, история эпохи промышленного капитала, история пролетариата в СССР)³⁷. Так происходило насаждение узкой специализации историков. Тем не менее нововведения встретили полную поддержку историков-марксистов, расценивших их как «крупную заслугу», в результате чего «удалось... преодолеть косность домарксистских исторических рубрик...»³⁸.

Не отставали в гонениях на русскую историю от патриарха советской исторической науки и некоторые его коллеги. Так, в 1928 г. С. Г. Томсинский, один из активных участников в кампании по выборам в Академию наук СССР, выступил в «Ленинградской правде» с характеристикой ученого, М. К. Любавского, назвав одну из его работ «национально-шовинистической галиматъей»³⁹.

Новым толчком и политической основой для нагнетания обстановки стал XVI съезд ВКП(б) (июнь — июль 1930 г.). В выступлениях И. В. Сталина, Л. М. Кагановича и др. подчеркивались опасность национализма, необходимость решительного исправления искривленной ленинской линии «в области национального вопроса», под которым понимался наряду с «уклоном к местному национализму» и «уклон к великорусскому шовинизму»⁴⁰. В концентрированном виде задачи классовой борьбы на «национальном фронте» были сформулированы в «Резолюции по Отчету ЦК ВКП(б)». В ней, в частности, отмечалось: «Главную опасность на данном этапе представляет великодержавный уклон, пытающийся ревизовать основы ленинской национальной политики и под флагом интернационализма прикрывающий стремления отживающих классов ранее великорусской нации вернуть себе утраченные привилегии»⁴¹.

Послесъездовские номера рупора историков-марксистов — журнала «Историк-марксист» (17, 18—19-й) — во многом посвящались борьбе против национализма в историографии. Именно в них напечатаны ранее упоминавшиеся разъяснения Покровского по поводу названия «Русская история в самом

сжатом очерке» и его статья о происхождении великороссов. Здесь же были опубликованы и выпады против украинских и белорусских историков, также обвиненных в проявлении националистических тенденций⁴².

В нахлынувшей волне покаяния некоторые историки-марксисты за недостатком свежих работ с явно «националистической» направленностью находят ее у своих же коллег в книгах прошлых лет, когда еще сочетание «русская история» не рассматривалось как противоречащее официальной идеологии, и тому же не имеющих прямого отношения к русской истории. Такова, к примеру, рецензия М. Волина «Против великодержавной тенденции в истории». Начав с общих фраз об «украинском национализме» украинской историографии и «великодержавном шовинизме» «русской мелкобуржуазной и буржуазной историографии», рецензент пишет: «Эти националистические идеи проникают даже в ряды историков-марксистов, находят себе место среди близких к марксизму историков». Объектом его критики становится книга Розенталя «История Европы в эпоху торгового капитализма», выпущенная в 1927 г. Ограничившись лишь «русской» частью книги, рецензент ставит себе «задачу — вскрыть великодержавнический характер этой части книжки». 35 страниц «сжатого изложения истории России XVII—XVIII вв.» позволяют ему констатировать «непонимание, игнорирование, замалчивание и разные другие виды „грубого“ или „тонкого“ отрицания колониального характера царской России» — «одной из основных форм проявления великодержавного шовинизма в русской историографии». Наряду с этим автор «Истории Европы...» «следует великодержавным традициям» и «в своем изложении захвата Украины», да и его «терминология... не свободна от великодержавных влияний» (а ведь «Октябрьская революция вместе со многим другим выбросила в мусорный ящик истории и эти великодержавным шовинизмом рожденные имена и названия»). Итог, конечно же, неутешительный: «Главы, посвященные истории России в книжке Розенталя, являются проявлением великодержавных тенденций в исторической литературе». Поэтому необходима «решительная и беспощадная борьба со всяким проявлением всяких националистических тенденций в истории» как «одна из важнейших и основных задач историков-марксистов»⁴³.

Другой книгой, подвергшейся марксистской — «националистической» критике, стала «Книга для чтения по истории народов СССР». Т. 1 (1927 г.), выпущенная под редакцией М. Н. Покровского коллективом вполне благонадежных авторов (П. Лещенко, А. Малышев, А. Пресняков, Рахметов, М. Нечкина, С. Томсинский), да еще под эгидой Общества историков-марксистов. Тем не менее автор рецензии А. Гайсинович отмечал: «Содержание книги не оправдывает своего названия: все без исключения статьи относятся к истории Московской Руси, России, а не к истории народов СССР. (...) Мы потому остановились на этой как будто внешней стороне дела — о названии книги, — что в последнее время наблюдается такое явление (особенно распространенное в высшей школе), когда под ярлыком истории народов СССР подносится в сущности та же история России». Редакция в комментарии, сделанном в извинительном тоне, присоединялась к рецензенту: «Настоящая рецензия, отмечающая серьезные недостатки книги, на титульном листе которой значится имя Общества историков-марксистов, печатается нами как вполне справедливо критикующая названную работу. Следует лишь отметить, что книга составлялась почти 3 года тому назад»⁴⁴.

Однако самым последовательным и активным в преследовании русской исторической мысли в начале 30-х гг. показал себя бывший питомец Института красной профессуры С. А. Пионтковский⁴⁵. В своем безоглядном нигилизме в отношении старой историографии, подогреваемом обстановкой углубляющейся и расширяющейся «классовой борьбы», он, безусловно, превзошел своего наставника — Покровского. Последний все-таки признавал, хотя и с оговорками, и Соловьева, и Ключевского своими предшественниками⁴⁶. Для Пионтковского никакой преемственности между ними и историками-марксистами просто не

существовало. Его две статьи и брошюра стали вершиной политического, идеологического и научного отрицания и отвержения всей предшествующей отечественной историографии в прошлом и настоящем⁴⁷.

«Характернейшей чертой буржуазной историографии дореволюционной был национализм. Буржуазная историография не изучала в истории России национальных вопросов. Вся история России для нее была лишь историей Великойроссии», — такова исходная позиция одного из ведущих историков-марксистов того времени. Главным же «националистом» и, следовательно, основным объектом критики становится В. О. Ключевский, который «в своем безудержном национализме» рассматривал лишь историю «одного великорусского народа», не интересуясь «на всем протяжении своей исторической работы» «национальными вопросами». «Отрицание национального вопроса было у него ничем не прикрытым шовинизмом, обслуживанием великодержавных тенденций господствующей буржуазии...»

Однако виднейший русский ученый для Пионтковского не является самоцелью. Действительно, он и другие историки его времени сами по себе не представляли опасности, поскольку их давно уже не было в живых (В. О. Ключевский умер в 1911 г.). Другое дело — их идеи, мысли, концепции, научные школы... И Пионтковский без обиняков переходит к тому, ради чего затевалась вся кампания. Оказывается, «Ключевский и сейчас является знаменем для буржуазной историографии», и «в своих построениях исторического прошлого нашей страны буржуазные историки и сейчас исходят из положений Ключевского»⁴⁸.

Что же взято у него оставшимися «буржуазными» историками? «Шовинизм Ключевского, его глубокий великорусский национализм являются характерной чертой, которую сохранила наряду с отрицанием монизма, т. е. отрицанием марксизма, и многими другими чертами воззрений Ключевского буржуазная историография нашего времени. Великодержавность и национал-шовинизм свойственны всем буржуазным историкам России. В своих исторических работах эти историки по своей методологии, по своим концепциям, по своей фразеологии стоят на тех позициях, которые были свойственны зоологическому национализму московских лабазников»⁴⁹.

В «зоологическом национализме» обвинялись М. К. Любавский, С. Ф. Платонов, С. В. Бахрушин — «историки прежде всего великорусского народа, певцы господствующего прошлого Великойроссии». В качестве примеров приводились работа М. К. Любавского «Образование основной государственной территории великорусской народности» (М., 1929), сборник статей С. Ф. Платонова «Из прошлого Русского Севера» (1923) и «Очерки по истории колонизации Сибири в XVI в.» С. В. Бахрушина (1928). Так, монография М. К. Любавского оценивалась следующим образом: «При полном замалчивании истории отдельных национальностей и при подчиненном отношении к национальному вопросу, при упорной защите великорусской национальности — это является резко шовинистическим выступлением». Далее отмечалось, что «от оценки национального вопроса Любавским не отстают и академик Платонов». С. В. Бахрушин же в своей книге якобы «ни одной теоретической, ни одной социальной проблемы историк не ставит, он следит лишь за распространением великорусов на сибирской территории и этим самым лишь резче подчеркивает свой примитивный национализм»⁵⁰.

Окончательные же выводы Пионтковского носят отнюдь не научный характер и по сути являются политическим обвинением, выносимым на судебном заседании. Вновь подчеркнув «полную и тесную» связь между «работами русских буржуазных историков после Октября и работами буржуазной историографии до Октября», он пишет: «Эта одна и та же историческая традиция». Но это и «выступление одного и того же класса — класса буржуазии». И именно последнее утверждение проходит красной нитью через всю заключительную часть статьи. Оказывается, национальный вопрос для

сохранившейся буржуазии — это «одно из средств мобилизации сил на борьбу за свое утраченное положение. Обосновывая создание Московского княжества, описывая колонизацию Сибири, она тем самым описывает старую „Великую и Неделиму“». Последние остатки буржуазии своими историческими работами пытаются развернуть старую политическую программу. ...Для российской буржуазии национал-шовинистические выступления являются формой выражения ее тоски по потерянным позициям и ее стремлением к восстановлению разрушенной системы отношений. Вот почему буржуазные историки обостренно защищают политику старой царской России, вот почему они исключают национальный вопрос из исторического изучения. Вот почему они историю народов СССР трактуют лишь как материал, из которого создавалась русская история...» Но, несмотря на все их попытки, заканчивает Пионтковский, «подменить историю СССР историей Великороссии так же не удастся, как не удастся заменить диктатуру пролетариата диктатурой буржуазии»⁵¹.

В октябре 1930 г. Пионтковский вновь привлекает внимание историков-марксистов к этим проблемам. Он выступает с большим докладом «Великорусская буржуазная историография последнего десятилетия» на соединенном заседании секций промышленного капитализма Института истории Комкадемии и Общества историков-марксистов⁵². В нем в основном были повторены положения вышеуказанной статьи, но более конкретно была рассмотрена «политическая и экономическая программа» современных «великорусских буржуазных историков», защищавших «на всем протяжении революции» «интересы великорусских собственников». И «если по характеру и положению буржуазной историографии судить о состоянии того класса, интересы которого она представляет, то мы должны сказать,— подводит итог Пионтковский,— что буржуазная историография свидетельствует о нежизненности буржуазии, о том, что она уже умерла. Ни одной живой мысли, ни одной темы буржуазия после Октября дать не может. Она только шамкает о прошлом, и эти выступления ее лишний раз подчеркивают, что мы имеем дело с представителями умершего класса, и наша задача заключается в том, чтобы помочь им скорее умереть, умереть без следа и остатка, а не заниматься тем, чем занимались в течение 10 лет до сих пор, издавали сборники трудов, печатали их работы и т. п.»⁵³

К политической оценке С. А. Пионтковского в целом присоединились участники прений по докладу. Тем не менее было отмечено, что «вопрос о великорусском шовинизме освещен был т. Пионтковским недостаточно» (А. В. Шестаков). К именам, названным в докладе, Шестаков добавляет еще академика-востоковеда В. В. Бартольда, который «представляет собой столь типичный образчик великорусского великодержавного шовинизма, что приходится только разводиться руками, почему такая книжка („Очерки культуры жизни Туркестана“.— *Авт.*) могла появиться в нашей стране. По существу, это апологетика действий великодержавного русского шовинизма, русского капитала, русской колониальной политики в Средней Азии». Эту мысль развил Л. Мамет: «Те самые историки, которые в своих работах являются типичными российскими великодержавниками», «уходят в историю национальных окраин, делают своеобразный поворот и начинают обосновывать местный национализм — по-своему, конечно. Таким образом, получается своего рода стык великодержавного шовинизма с местным национализмом». Пример этого — работа С. В. Бахрушина «Исторические судьбы Якутии». Итог дискуссии подвел И. Л. Татаров. Еще раз подчеркнув то значение, которое имеет «проблема великодержавности и национал-шовинизма» для современного положения, он констатировал: «Буржуазные ученые живо откликаются на те проблемы, которые мы ставим. В противовес нашей постановке вопроса об истории народов СССР мы встречаем у них законченную постановку проблемы великодержавности»⁵⁴.

Однако и выступлениями Пионтковского, и состоявшейся дискуссией итоги

борьбы с русской историографией еще подведены не были. Пыл историков-марксистов в конце 1930-го — начале 1931 г. поддерживался следствием по «делу Платонова». О его результатах публично было объявлено 2 февраля 1931 г.⁵⁵ Историки-марксисты поспешили еще раз отмежеваться от «контрреволюционеров». 29 января, 1, 12 и 16 февраля в Ленинграде (как центре «вредителей на историческом фронте») состоялись совместные заседания Института истории при Ленинградском отделении Комакадемии и Ленинградского отделения общества историков-марксистов. С докладами о «вредительстве» «классовых врагов на историческом фронте» выступили директор Института истории Комакадемии Г. С. Зайдель («Тарле как историк») и доцент Ленинградского историко-лингвистического института М. М. Цвибак («Платонов и его школа»)⁵⁶... В выступлении последнего была затронута ставшая уже традиционной тема национализма русской историографии. Разбирая сочинения Платонова (особенно о Смутном времени) и касаясь общественной деятельности ученого (в частности, его участия в праздновании 300-летнего юбилея дома Романовых), он заявил: «Вокруг юбилеев (1909, 1912, 1913) складывается единство историков-монархистов. Во главе с Платоновым и Чечулиным издаются строго монархические, не чуждые антисемитского духа сборники...» Тогда же «националистическое крыло русских историков стало во главе основных русских буржуазных историков»⁵⁷.

Более пространно высказался в прениях Н. Попов. Он связал воедино такие понятия, как «контрреволюционность» в «великодержавность»: «Разоблачая исторические взгляды Платонова, вскрывая их контрреволюционный характер, необходимо также обратить внимание на одну очень вредную сторону его исторических сочинений — на их откровенную великодержавность. Все работы дворянского историка, монархиста Платонова, насквозь великодержавны». «Даже великодержавно само определение задач русской исторической науки, даваемое Платоновым. Русский историк, по Платонову, изучает только один факт мировой исторической жизни — жизнь своей национальности. История нашей страны, по Платонову, есть история русского народа, многочисленнейшие народы нашего союза упоминаются на страницах его работ только как объекты кровавых подвигов сатрапов самодержавия, объект колонизации русского царизма, объект дворянской эксплуатации, насилий и зверств. В угоду истории Великой России, истории великорусской народности Платонов не стесняется даже искажать, фальсифицировать подлинный исторический процесс, процесс героической борьбы этих народностей против колонизаторства Великой России». В поисках примеров Попов обращается и к учебной книге С. Ф. Платонова «Сокращенный курс русской истории», и к сборнику его научных статей «Прошлое Русского Севера». Написанное С. Ф. Платоновым он квалифицирует как «вредительство в исторической науке». Заключительные слова Н. Попова прозвучали как призыв к продолжению борьбы: «Заострить внимание работников исторического фронта против великодержавности в исторической науке тем более необходимо, что великодержавная идеология нашего времени есть по существу контрреволюционная идеология прямой защиты „Великой и Неделимой“»⁵⁸.

На этот призыв, связывая его в очередной раз с решениями XVI съезда ВКП(б), немедленно отозвалось Общество историков-марксистов. На заседании фракции совета Общества историков-марксистов 6 февраля принимаются тезисы «О задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период». В них, в частности, говорилось: «XVI съезд ... напоминал историкам и еще об одной задаче, неудовлетворительно ими до сего времени разрешавшейся. В связи с социалистической реконструкцией XVI съезд во всей широте поставил перед партией национальный вопрос, указав на особенную опасность, которую в этот момент представляет уклон к великорусскому националистическому шовинизму...» На историков в связи с постановлениями XVI съезда ложится не только обязанность всячески разоблачать великодержав-

жавный уклон... и проявления национального шовинизма в исторической литературе. ... Перед нами стоит уже теперь вплотную совершенно положительная задача — создание истории народов СССР»⁵⁹.

Номер журнала «Историк-марксист», в котором были напечатаны данные тезисы, стал, по сути, отчетом о деятельности советских историков в последние годы. Таковым являлся и материал «„Историк-марксист“ за пять лет (1926—1930 гг.)». Здесь отмечалось, что определенные шаги в борьбе с великодержавным шовинизмом журналом уже предприняты. «В последний год в связи с ростом сопротивления кулачества и остатков буржуазии, ищущих опоры, между прочим, в национал-шовинистических настроениях, журнал хотя и с опозданием, усилил борьбу с великодержавным и национальным шовинизмом в буржуазной и марксистской историографии»⁶⁰. В этом «признании» примечательна расстановка акцентов. Во-первых, шовинизм связывается теперь среди прочего с коллективизацией, а во-вторых, обращается внимание (и, пожалуй, впервые) на проявления великодержавности у историков-марксистов.

В этом же номере выступил и М. Н. Покровский⁶¹. Остановившись прежде всего на заслугах историков-марксистов в борьбе за Академию наук⁶², он коснулся предстоящих задач, в частности и по освещению в историографии национального вопроса. Рассматривая как пройденный этап критику «великодержавности» в сочинениях «буржуазных» историков, он предупреждает о недопустимости такого рода явлений в марксистской историографии, тем более, что обобщающие марксистские труды только еще предстоит создать. «Самое создание истории народов СССР есть еще дело будущего, и целая огромная область — область национального вопроса и всего, что с ним связано, борьбы с великодержавным шовинизмом как с главной опасностью и с местными националистами как с опасностью второстепенной, но не менее настойчиво требующей отражения,— только еще начинает нами разрабатываться. Так что историкам СССР хвастаться еще особенно нечем»⁶³.

Так в начале 30-х гг. завершился разгром русской национальной историографии. Большинство представителей русской исторической мысли были насильственно отстранены от своих занятий. Их (кроме тех, что принял марксистское учение) практически не осталось ни в академических, ни в учебных учреждениях. Их исследования русского исторического процесса подверглись уничтожающей критике с классовых позиций сторонниками новой воинствующей идеологической доктрины — марксизма. С середины 30-х гг. стала преподаваться история СССР. Началась и работа по созданию новых школьных и вузовских учебников.

Вместе с тем уже тогда становится ясно, что без патриотического воспитания и патриотического подъема нельзя построить сильное государство на международной арене. Воспитание же в духе патриотизма требовало, в свою очередь, обращения к историческому прошлому. Партийными директивами историки обязывались вновь заняться русской историей⁶⁴. Но эта история уже имела марксистскую подкладку...

Примечания

¹ На Отделении исторических наук и филологии РАН в 1916 г. говорилось о «русской исторической науке», «успевшей занять почетное место даже в международном научном общении» (История Академии наук СССР. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 591). То, что «отечественная наука (до 1917 г.) достигла мирового уровня в изучении почти 1000-летней истории России и зарубежных стран», признавалось и за рубежом (см. об этом: Золотарев В. О статье Н. И. Павленко//Отечественная история. 1992. № 4. С. 215. Автор ссылается на «Histoire et historiens depuis 50 ans. Méthodes, organisation du travail historique de 1876 à 1926»/Vol. 1—2. Paris, 1927—1928. Vol. 1. P. 341—370/).

² Как известно, в советской историографии этот этап российской историографии трактуется как период «кризиса буржуазной историографии».

³ Данилова Л. В. Становление марксистского направления в советской историографии эпохи феодализма // Исторические записки. Т. 76. 1965; Очерки исторической науки в СССР. Т. IV. М., 1966. Вайнштейн О. Л. Становление советской исторической науки (20-е гг.) // Вопросы истории. 1966. № 7; Алексеева Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука в России (1917—1923 гг.). М., 1968; Волков Л. В. Проблемы истории позднего феодализма в России в советской исторической науке (1917—серед. 30-х гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970; Чагин Б. А., Клушин В. И. Борьба за исторический материализм в СССР в 20-е годы. Л., 1975; Развитие исторического образования в СССР. Воронеж, 1976; Алексеева Г. Д., Желтова Г. И. Становление и развитие советской системы научно-исторических учреждений. Ташкент, 1977; Клаус В. А. Методологические проблемы советской исторической науки (20-е — начало 30-х гг.): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1980; Соколов В. Ю. История и политика (К вопросу о содержании и характере дискуссий советских историков 1920-х — начала 30-х гг.). Томск, 1990; Кобрин В. Б. Кому ты опасен, историк? М., 1992; Чернобаев А. А. «Профессор с пикой», или Три жизни историка М. Н. Покровского. М., 1992 и др.

⁴ См.: Историческая наука в 20—30 годы: «Круглый стол» научного совета по историографии и источниковедению // История и историки. М., 1990. С. 64—105. Советские исследователи отмечали отсутствие преемственности дореволюционной буржуазной историографии и советской марксистской историографии 20-х гг. Так, Г. Д. Алексеева писала, что «марксистская историография начала 20-х годов явилась продолжательницей дореволюционных традиций, развивавшихся в большевистской общественно-политической и исторической литературе» (Алексеева Г. Д. Указ. соч. С. 11).

⁵ Дело доходило до курьезов, когда в научных и учебных учреждениях в ходу были такие выражения, как «история СССР феодального периода», «история СССР периода империализма» и т. д. Тезисно о гонениях на предмет русской истории см.: Брачев В. С. Трагедия академика Платонова // Ленинградская панорама. 1989. № 9. С. 28.

⁶ Голубков М. М. Утраченные альтернативы. Формирование монистической концепции советской литературы. 20—30-е годы. М., 1992. С. 21.

⁷ Подробно о деятельности М. Н. Покровского на этом посту см.: Чернобаев А. А. Указ. соч. С. 127—136, 140—154. См. также: О'Коннор Т. Э. Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры. М., 1992.

⁸ Луначарский А. В. О преподавании истории в коммунистической школе: Лекция, прочитанная на сентябрьских педагогических курсах в Петрограде в 1918 г. Пг., 1918. С. 10; Волобуев О. В., Кузина А. С. Методическая секция Общества историков-марксистов — в борьбе за преподавание истории в школе (1926—1931 гг.) // Развитие исторического образования в СССР. С. 59.

⁹ Ларин Ю. Советы и интеллигенция. Хозяйство, буржуазия, революция, госаппарат. М. [б. г.]. С. 83—84.

¹⁰ Там же. С. 76. Надо сказать, что такая постановка вопроса вполне устраивала многих преподавателей. Так, одна из участниц 5-й методической конференции преподавателей совпартшкол (на которой, кстати, выступали Луначарский, Крупская, Покровский, Фридлянд), Шапиро из Нижнего Новгорода, заявила: «Если мы сделаем опрос наших историков, то мы увидим, что большинство из нас (нечего греха таить) не кончало никаких исторических факультетов, что мы больше понимаем историю, чем знаем ее. А понимаем мы ее потому, что учили Ленина, а не Милокова, Ключевского и еще целый ряд историков» (Вопросы преподавания исторических дисциплин. М., 1926. С. 80). Позднее М. Н. Покровский признавался в ошибках: «Восемь-девять лет тому назад история была почти совершенно изгнана из нашей школы — явление, свойственное не одной нашей революцией. Детей и подростков занимали исключительно „современностью“... результаты получились такие, что сейчас мы имеем жесточайший перегиб палки в другую сторону, жесточайшую историческую реакцию. Наши „обществоведы“ готовы изучать что угодно, до Рюрика и Ромула с Ремом включительно, лишь бы это была „история“. С этой реакцией нужно, конечно, бороться всеми силами. (Русская историческая литература в классовом отношении. Т. I. М., 1927. С. 6—7.)

¹¹ Подробно о политике советского государства в 20-е гг. в отношении университетов см.: Купайгородская А. П. Высшая школа Ленинграда в первые годы советской власти (1917—1925). Л., 1984. С. 155—156, 164—165 и др.; Чанбарисов Ш. Х. Формирование советской университетской системы. М., 1988. С. 30—147; Алексеева Г. Д. Указ. соч. С. 257—263, 272—273; Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV. С. 237—243.

¹² Перед ФОНами ставилась задача «разработки и распространения идей научного социализма, а также ознакомления широких народных масс с переменами в общественно-политическом строе России, с основными принципами советского управления» ((Чанбарисов Ш. Х. Указ. соч. С. 62; Чернобаев А. А. Указ. соч. С. 146 и сл. см. также: Купайгородская А. П. Указ. соч. 49—50, 56).

¹³ Материалы по профессионально-техническому образованию. Вып. 3. М., 1920. С. 23.

¹⁴ Такая реорганизация гуманитарного образования продолжалась и в последующие годы. Так, заместитель наркома просвещения В. Н. Яковлева отмечала в 1923 г., что в университетах необходима «переработка учебных планов многопредметности и универсализма, сокращение в программах исторической части и перенесение центра тяжести всего преподавания в область чисто специальной подготовки» (Яковлева В. Н. Организация высшей школы // Высшая школа в РСФСР и новое студенчество. Пг., 1923. С. 22). Аналогичны высказывания и идеологов студенчества. Так, в петроградском журнале «Красный студент» его ответственный редактор Г. Горбачев прямо ставил вопрос: «Не слишком ли много истории прошлого мы даем в ущерб

современности тем нашим учащимся, которые получают специальное марксистски-коммунистическое и общественно-марксистское (по возможности) образование? Не слишком ли много исторического материала, не обязательного с точки зрения... задач истории в общей системе марксистского образования...?» «Надо твердо осознать,— требовал он,— что нам нужно исходить в построении программ из потребностей революционной современности, а не из осторожного подновления старых программ, отрешиться от всякого фетишизма перед тем, что люди прошлого периода считали за необходимый элемент „образованности“, и все пересмотреть» (Красный студент. 1923. № 7—8. С. 40, 42).

¹⁵ Рыбаков Б. А. История и перестройка. М., 1989. С. 33.

¹⁶ Чанбарисов Ш. Х. Указ. соч. С. 135, 157.

¹⁷ Покровский М. Н. Ленин и высшая школа//Правда. 1924. 27 января.

¹⁸ Печать и революция. 1921. Кн. 2. С. 136—140; Красная новь. 1922. Кн. 3. Май — июнь. С. 275—276. Взгляды Р. Ю. Виппера и С. Ф. Платонова критиковались и позже: Покровский М. Н. Общественные науки в СССР за 10 лет//Вестник Коммунистической академии. 1928. Кн. XXVI (2). С. 24—27; Буржуазные историки Запада в СССР//Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 47, 51.

¹⁹ Сафонов В. Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. М., 1976. С. 152.

²⁰ Покровский М. Н. Общественные науки в России за 4 года (1917—1921)//Наука в Советской России. М., 1922. С. 6, 8, 11—12. См. также: Алексеева Г. Д. Указ. соч. С. 205—207, 217—218, 240—242. Наряду с критикой взглядов происходило закрытие исторических журналов («Русский исторический журнал», «Исторический архив», «Дела и дни», «Анналы»), сборников («Века», «Россия и Запад») якобы по причине финансово-материальных затруднений. Однако вместо них стали печататься марксистские журналы, освещавшие историю революционного движения в России («Пролетарская революция», «Каторга и ссылка», позже «Историк-марксист»). См. также: Алексеева Г. Д. Указ. соч. С. 39—48.

²¹ См.: Костюков В. В. Не будем проклинать изгнание... Пути и судьбы русской эмиграции. М., 1990. С. 176—181; Яров С. В. Идеологизация советского общества и эмиграция 1922 г.//Из российской эмиграции. СПб., 1992. С. 34—37; Пашуто В. Т. Русские историки эмигранты в Европе. М., 1992; Греков В. Н. Государственное насилие над интеллигенцией России//IV Соловецкий общественно-политический форум. Тезисы докладов Международной научной конференции. Архангельск; Соловки, 1992. С. 94—95.

²² Четыре раза на заседаниях Политбюро обсуждался вопрос о высылке известного русского историка-меньшевика Н. А. Рожкова. Ограничились ссылкой во Псков (см.: Родина. 1992. № 3. С. 9). О Н. А. Рожкове см.: Алексеева Г. Д. Указ. соч. С. 219—223.

²³ Об идейном размежевании русских историков в начале 20-х гг. см.: Алексеева Г. Д. Указ. соч. С. 271—281.

²⁴ Необходимо отметить, что русский вопрос с самого начала находился в поле зрения победивших большевиков. В новейших исследованиях отечественной историографии отмечается, что «внимание Ленина было сосредоточено на проявлениях великодержавия» (Красовицкая Т. Ю. Власть и культура. М., 1992. С. 157). Это нашло свое отражение и в резолюциях X съезда РКП(б), который посчитал «нужным указать на особую опасность и особый вред... уклона в сторону великодержавности, колонизаторства». (Десятый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М., 1963. С. 607). Особо остро вопрос о великодержавности и шовинизме русского народа (по терминологии того времени: «великодержавность и русопятство») был поставлен на XII съезде РКП(б), определившем национальную политику в будущем. «Опаснейшим врагом, которого мы должны свалить», назвал «великорусский шовинизм» Сталин. Он был поддержан Зиновьевым, делавшим основной политический доклад: этот вопрос, говорил он, «мы должны, безусловно, поставить ребром», ибо «пропорция требует, чтобы мы пригнали (! — Авт.) прежде всего великорусский шовинизм». В том же русле высказался и Бухарин: «Мы в качестве бывшей великодержавной нации... должны поставить себя в неравное положение... Только при такой политике, когда мы себя искусственно поставим в положение, более низкое по сравнению с другими, только этой ценой мы сможем купить доверие прежде угнетенных наций». Резолюция подвела итог этой антирусской кампании: «Решительная борьба с пережитками великорусского шовинизма является первоочередной задачей нашей партии» (Двенадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М., 1968; С. 481, 484, 494—495, 613, 694 и др.). См. также: Емельянов Ю. В. Заметки о Бухарине. Революция, история, личность. М., 1989; Барсенков А. С. Русский народ в межнациональных отношениях (к преодолению стереотипов)//Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1991. № 5. С. 73—75, 79; Вдовин А. И. Национальная политика 30-х годов (об исторических корнях кризиса межнациональных отношений в СССР)//Там же. № 4. С. 24—28); Проблемы социальной политики и общественно-политической мысли в России и СССР. М., 1992; Красовицкая Т. Ю. Указ. соч. С. 228—231.

²⁵ См. об этом: Анциферов А. Н. Из дум о былом: Воспоминания. М., 1992. С. 368 и др.

²⁶ Например, в цикле лекций под общим названием «Борьба классов и русская историческая литература», прочитанных в 1923 г. в Петроградском Коммунистическом университете им. т. Зиновьева, М. Н. Покровский лишь мимоходом, не заостряя на этом внимания, называет С. М. Соловьева автором «националистической теории» (Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов (историографические оценки, критические статьи и заметки). Вып. 1. М.; Л., 1933. С. 49).

²⁷ Русская историческая литература в классовом освещении/С предисл. и под ред. М. Н.

Покровского. Т. 1. М., 1927. С. 11, 17, 243, 254, 288. Наводит на размышления и то, что в 1927 г. (январь) пишет свои «Злые заметки» Н. И. Бухарин. Они пестрят по поводу русских литераторов такими выражениями, как «шовинистическое свинство», «юродствующий», «quasi-народный национализм» (См.: Российский ежегодник. Вып. 1. М., 1989. С. 206—210). Не отказался он от уничижительных оценок и в дальнейшем, изображая Россию страной, «где обломовщина была самой универсальной чертой характера, где господствовала нация Обломовых», а русских как «аморфную, малосознательную массу» (Бухарин Н. Наш вождь, наш учитель, наш отец//Известия. 1936. 21 января).

²⁸ Показательно, что книга вышла в Германии на немецком языке. На русском она увидела свет только в 1991 г. (Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991).

²⁹ Зеленин Д. К. Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности//Сборник Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей. Вып. 1. Л., 1929. Свои суждения по этому вопросу он высказал еще в 1921 г. См.: Проблемы славянской этнографии (к 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. К. Зеленина). Л., 1979. С. 110.

³⁰ Гаген-Торн Н. И. Д. К. Зеленин как педагог и ученый (ленинградский период)//Проблемы славянской этнографии... С. 54—55, 42—43 и др.

³¹ Покровский М. Н. Возникновение Московского государства и «великорусская народность»//Историк-марксист. 1930. Т. 18—19. С. 28. Спустя время и М. Н. Покровский будет всенародно обвиняться в том, что он, проведя «блестящую работу по разрушению» буржуазных исторических концепций, «в противовес всем и всяким буржуазным историческим концепциям „Истории Государства Российского“ не разработал „историю хотя бы главнейших поработанных им народов“». А подчеркивая в последние годы необходимость изучения народов СССР, М. Н. Покровский «впал в другого типа крайность, оторвав изучение этой истории от изучения исторического процесса в России как определенном государственном образовании» (Бухарин Н. И. Нужна ли нам марксистская историческая наука? (О некоторых существенно важных, но несостоятельных взглядах тов. М. И. Покровского)//Известия. 1936. 27 января).

³² Покровский М. Н. К истории СССР//Историк-марксист. 1930, Т. 17. С. 18. См. также: Чернобаев А. А. Указ. соч. С. 165.

³³ Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 261; Вестник Коммунистической Академии. 1928. Кн. XXVII (3). С. 318. В это время еще существовала в научно-исторических учреждениях и даже в самом Обществе историков-марксистов секция русской истории, а последнее готовило пятитомную «Книгу для чтения по истории России», охватывающую период с XVII в. по гражданскую войну (См.: Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 291; Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. 1. М., 1930. С. 20).

³⁴ Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. 2. С. 574. В прениях на методической секции С. Кривцовым было заявлено: «...у нас даже история России уничтожена, а есть история народов СССР».

³⁵ Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. 2. С. VIII—IX. Другой известный историк-организатор того времени — Г. С. Фридлянд пишет: «Совершенно очевидно, что само по себе название „русская история“ давно пора было ликвидировать как пережиток „великодержавных“ тенденций в нашей среде. Первая Всесоюзная конференция историков-марксистов поэтому говорит не о русской истории, а об истории народов СССР» (Фридлянд Г. С. Очередные задачи марксистской исторической науки//Бюллетень заочно-консультационного отделения ИКП. 1930. Март. № 4. С. 10).

³⁶ Покровский М. Н. Всесоюзная конференция историков-марксистов//Историк-марксист. 1929. Т. 11. С. 9.

³⁷ В основу этого деления был положен ленинский принцип преподавания истории, на который и ссылается М. Н. Покровский (Покровский М. Н. Институт истории и задачи историков-марксистов//Историк-марксист. 1929. Т. 14. С. 5, 8. См. также: Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 88). В резолюции конференции историков-марксистов отмечалось, что Ленин сделал «для понимания русского исторического процесса больше, нежели все обладатели всех исторических кафедр для „российских“ университетов» (Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. 2. С. 611).

³⁸ Резолюции, принятые на общем собрании Общества историков-марксистов от 19.03.30 г./Историк-марксист. 1930. Т. 15. С. 166.

³⁹ Ленинградская правда. 1928. 7 октября; Горяинов А. Н. «Ленинградская правда» — коллективный организатор «великого перелома» в Академии наук//Вестник АН СССР. 1991. № 8. С. 112—113. Роль М. Н. Покровского в репрессиях против русских историков в конце 20-х — начале 30-х гг. не совсем ясна. К тому же в это время он сам становится объектом критики ряда историков-марксистов (см.: Чернобаев А. А. Указ. соч. С. 175—176, 191—197). Однако как бы то ни было, выступления М. Н. Покровского и его последователей объективно явились идеологической подоплекой к «делу русских историков». (См.: Брачев В. С. Опасная профессия — историк. Страницы жизни академика С. Ф. Платонова//Вестник АН СССР. 1991. № 9. С. 65, 70—71; «Мне же они совершенно не нужны» (Семь писем из личного архива академика М. Н. Покровского)//Вестник РАН. 1992. № 6).

⁴⁰ XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стеногр. отчет. М.; Л., 1931. С. 54—56, 77, 108, 242—243, 290 и др. Так, Скрыпник отметил: хотя «в этом вопросе принципиальные позиции партии давно были высказаны», «вполне правильно» сделал Сталин, когда «этот вопрос подчеркнул» (С. 242).

⁴¹ XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 716. См. также: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV. С. 157.

⁴² Скубицкий С. Классовая борьба в украинской исторической литературе//Историк-марксист. 1930. Т. 17; Югов М. Положение и задачи исторического фронта в Белоруссии//Там же.

⁴³ Историк-марксист. 1930. Т. 18—19. С. 201—202. См. также: Зайдель Г., Цвибак М. Классовый враг на историческом фронте. Тарле и Платонов и их исторические школы. М.; Л., 1931. С. 221.

⁴⁴ Зайдель Г., Цвибак М. Указ. соч. С. 218. И в последующих рецензиях на работы современных авторов обязательно подчеркивалось «великодержавничество современных буржуазных историков» (Куршанак И. Как разрабатывают буржуазные историки идеологию интервенции.//Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 115. Рец. на: Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. М.; Л., 1930. См. также: Кобрин В. Б. Указ. соч. С. 145.

⁴⁵ В посвященной С. А. Пионтковскому статье современный его биограф, перечисляя его заслуги перед молодой советской исторической наукой, выражает сожаление по поводу его занятий буржуазной историографией (Литвин А. Л. В ряду первых советских историков//Вопросы истории КПСС. 1990. № 1. С. 129—130). См. также: Очерки истории исторической науки СССР. Т. IV. С. 163—164.

⁴⁶ «Мы не преклоняемся перед ними со слепой покорностью авторитетам, мы критикуем их, но мы не думаем отрицать, что мы многому от них научились и что без их работ не были бы возможны и наши работы» (Цит. по: Говорков А. А. М. Н. Покровский о предмете исторической науки. Томск, 1976. С. 226). См. также: Чернобаев А. А. Указ. соч. С. 173—175; Пионтковский С. А. Борьба М. Н. Покровского с российской буржуазной историографией//Историк-марксист. 1932. Т. 4—5. С. 86.

⁴⁷ Пионтковский С. А. Великодержавные тенденции в историографии России//Историк-марксист. 1930. Т. 17; его же. Великодержавная буржуазная историография последнего десятилетия//Историк-марксист 1930. Т. 18—19; его же. Буржуазная историческая наука в России. М., 1931. См. также: Пионтковский С. А. Борьба М. Н. Покровского с российской буржуазной историографией.

⁴⁸ Пионтковский С. А. Великодержавные тенденции... С. 21. В следующих своих работах он и его коллеги добавляют к ученым, стоявшим на «великорусско-буржуазных национал-шовинистических позициях», Соловьева и Чичерина, а из современных — Готье, Кизеветтера, Бартольда, Любомирова и др. А так как «буржуазная демократия после Октября полностью повторила схему старой великодержавной историографии», то к последователям Соловьева и Чичерина были отнесены Плеханов и... Троцкий (Пионтковский С. А. Борьба М. Н. Покровского с российской буржуазной историографией. С. 86—87, 91 и др.).

⁴⁹ Пионтковский С. А. Великодержавные тенденции... С. 22. В другой работе он еще более откровенно высказывается о В. О. Ключевском: «это был представитель шовинистическо-зоологической великорусской буржуазии» (Пионтковский С. А. Буржуазная историческая наука в России. С. 32).

⁵⁰ Пионтковский С. А. Великодержавные тенденции... С. 22—23.

⁵¹ Там же. С. 25—26.

⁵² Его выступление, а также прения по докладу почти сразу же были напечатаны в «Историке-марксисте» (1930. Т. 18—19) и происходили под рубрикой «Буржуазная историография и идеология реставраторства».

⁵³ Пионтковский С. А. Великодержавные тенденции... С. 170. Популяризацией идей С. А. Пионтковского тотчас занялся Н. Рубинштейн, выпустивший брошюру «Классовая борьба на историческом фронте» (Иваново-Вознесенск, 1931), представлявшую собой «переработанный доклад, прочитанный на областной конференции преподавателей истории классовой борьбы и истории партии».

⁵⁴ Пионтковский С. А. Великодержавные тенденции... С. 170—176.

⁵⁵ Брачев В. С. «Дело» академика С. Ф. Платонова//Отечественная история. 1993. № 1. С. 125; Перчёнок Ф. Ф. Академия наук на «великом переломе»//Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991.

⁵⁶ Зайдель Г., Цвибак М. Классовый враг на историческом фронте...

⁵⁷ Там же. С. 93—94.

⁵⁸ Там же. С. 125. См. также: Кобрин В. Б. Указ. соч. С. 145—147.

⁵⁹ Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 10.

⁶⁰ Там же. С. 135, 136..

⁶¹ Там же.

⁶² Поворотным он видит здесь 1928—1929 гг.: «В дальнейшем нам почти уже не пришлось заниматься отечественными буржуазными историками, ибо наиболее крупные из них были уже нами разоблачены, а о других взяли на себя попечение соответствующие учреждения, и открытые признаки этих других избавили нас от всякой необходимости что бы то ни было разоблачать. Человека (имеется в виду С. Ф. Платонов.— Авт.), который сам о себе заявляет, что он хотел посадить „на всероссийский престол“ одного из бывших великих князей, разоблачать в монархизме, конечно, нет никакой необходимости, как нет необходимости доказывать, что лошадь есть лошадь, а не курица». (Там же. С. 3—4.)

⁶³ Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 6—7. См. также: О работе Историко-археографического института АН СССР: Сообщение С. Г. Томсинского на заседании директората Института истории Комакадемии 9 апреля 1932 г.//Историк-марксист. 1932. Т. 4—5. С. 352.

⁶⁴ В Замечаниях по поводу конспекта учебника по «Истории СССР» И. Сталина, А. Жданова и С. Кирова от 8 августа 1934 г. говорилось: «Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР» (Правда. 1936. 27 января). Но вместе с тем группа Ванага обвинялась в том, что «она составила конспект русской истории, а не истории СССР, т. е. истории Руси, но без истории народов, которые вошли в состав СССР» (Там же). Редакционные статьи от того же числа в «Правде» и «Известиях» откликнулись именно на второе положение, не увидев изменения в расстановке акцентов. К постановлениям 1934—1936 гг. в современной историографии отношение неоднозначное. См., напр.: Алаторцева А. И. Советская историческая периодика. 1917 — середина 1930-х годов. М., 1989. С. 231—232, 240—241; Нечкина М. В. Вопрос о М. Н. Покровском в Постановлениях партии и правительства 1934—1938 гг. о преподавании истории и исторической науке (к источниковедческой стороне темы)//Исторические записки. Т. 118. М., 1990. С. 232—246; История и историки. С. 97; Кобрин В. Б. Указ. соч. С. 149—152.

© 1994 г.

НОВЕЙШАЯ ФИНЛЯНДСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ФИНЛЯНДИИ

Тема советских военнопленных является сравнительно новой для финляндской историографии. Одним из первых к ней обратился Т. Миккола в своей неопубликованной работе, написанной в 1976 г.¹ В 1987 г. вышла в свет монография Э. Пиетолы «Военнопленные в Финляндии в 1941—1944 гг.»², вызвавшая оживленную полемику в финляндской прессе. Книга Пиетолы привлекла к себе внимание не только темой исследования, но и манерой написания. В ней практически полностью отсутствуют ссылки на источники. Автор лишь однажды указывает, с какими документами каких архивов он работал и в конце книги помещает копии некоторых из них, однако пограничных сносок не дает. В связи с этим встал вопрос о достоверности и обоснованности выводов автора. Критики Пиетолы упрекали его также за тенденциозность, проявившуюся в стремлении показать лишь негативную сторону исследуемой проблемы. Так, например, факты жестокого обращения с советскими военнопленными заимствованы им главным образом из документации лагеря № 3, где содержались пленные, считавшиеся опасными, и режим которых был более строгим по сравнению с другими лагерями. Следует отметить также, что в работе Пиетолы рассматривается положение советских военнопленных лишь в период войны 1941—1944 г., получившей в финляндской историографии название «Война-продолжение».

Единственным исследованием, касающимся положения советских военнопленных периода Зимней войны 1939—1940 гг., является монография Р. Хански³, выполненная при Институте правоведения Шведского университета г. Турку в рамках проекта «Финляндия и права человека». Автор рассматривает проблему главным образом с точки зрения международного права и ставит перед собой следующие задачи: определить международные нормы, касающиеся военнопленных и являющиеся обязательными для Финляндии и СССР и установить, как они истолковывались и соблюдались воюющими сторонами, исследовать проблемы обращения с военнопленными, их использования и репатриации.

Одним из дискуссионных вопросов темы о советских военнопленных в Финляндии является вопрос об их численности. Дискуссия по этому вопросу была открыта в 1980 г. на страницах журнала «Посев»⁴. Хански приводит следующие цифры: 5615 военнопленных в Зимнюю войну и 61 188 — в Войну-продолжение (с. 32). Эти данные совпадают с выводами Пиетолы. Большинство пленных было захвачено в первые месяцы войны. В декабре

1941 г. их численность составляла уже 56 334 человека. Численности пленных соответствовало и число лагерей. Во время Зимней войны в Финляндии было 4 лагеря для военнопленных, в 1941—1944 гг. их количество увеличилось до 30, хотя не все они функционировали одновременно.

Анализируя условия содержания советских военнопленных, и Пиетола, и Хански отмечают, что официально установленные нормы питания соблюдались не всегда, и в целом снабжение военнопленных продовольствием нельзя признать удовлетворительным. Нормы питания были крайне скудными, но следует учитывать, что они устанавливались в 1941 г., когда продовольственная ситуация в Финляндии была довольно сложной.

Несмотря на то, что Советский Союз не подписал международных соглашений о военнопленных, финская сторона старалась соблюдать их в отношении советских пленных. Финны не воспользовались готовым образцом немецких концлагерей, а создали свою собственную систему, которая была гораздо гуманнее немецкой. Конечно, она не исключала жестокости в отношении военнопленных, но эта жестокость не была следствием правительственной политики. Значительную часть вины за негуманное отношение к военнопленным Пиетола возлагает на шюцкор⁵, который ведал ими до сентября 1943 г. Он обвиняет шюцкоровцев в фанатичной ненависти к русским. Хански не ставит под сомнение антирусские настроения большинства шюцкоровцев, но не считает, что членство в шюцкоре всегда имело своим следствием жестокое обращение с русскими военнопленными. Каких-либо свидетельств особой жестокости шюцкоровцев по сравнению с другими охранниками нет. Кроме них в охрану лагерей в связи с нехваткой персонала привлекали бывших преступников и даже пациентов психбольниц. Хански считает, что они были более жестокими, чем другие охранники (с. 67). В то же время, по свидетельству самих военнопленных, среди охраны были и такие, кто дружески относился к советским военнопленным.

Условия содержания военнопленных зависели также от их политических убеждений и национальной принадлежности. Во время Войны-продолжения их разделяли почти на 90 национальных групп. Отделение представителей национальных меньшинств от русских военнопленных проводилось для облегчения ведения пропагандистской работы среди «нацменов». Представителей родственных финнам народов размещали в специальном лагере № 21. Власти хотели сделать из них «хороших финских граждан», чтобы впоследствии заселить ими земли Восточной Карелии (Пиетола. С. 259). Вместе с офицерами и женщинами они составляли привилегированную часть военнопленных. Политически опасные военнопленные (политработники, партизаны) содержались в специальном лагере № 3, где до 1943 г. содержали также лиц еврейской национальности. Недисциплинированные и склонные к побегам пленные содержались в лагере № 24. По подсчетам Пиетола и Хански, по приговору суда и при попытке к побегу было расстреляно 1234 человека, что составляло 5,3% от общего числа умерших в плену.

Особое внимание в работах Пиетола и Хански уделяется использованию советских военнопленных в качестве рабочей силы и в военных операциях против СССР. При этом отмечается, что использование труда военнопленных не всегда соответствовало международным нормам и распоряжениям военного командования, не всегда обращалось должное внимание на физическое состояние военнопленных и их способность к физическому труду. Кроме того, советских военнопленных иногда использовали на опасных видах работ, например, вблизи линии фронта. Для непосредственного участия в военных действиях в годы Войны-продолжения были сформированы, так называемый «Родственный» батальон из родственных финнам народов, Отдельный батальон № 6 из ингерманландцев и Пехотный полк 200 из эстонцев.

Наиболее сложной проблемой, связанной с репатриацией советских военнопленных из Финляндии, является судьба репатриированных в 1940 г.

Известно, что финны репатриировали 5468 советских военнопленных. Дальнейшая судьба их неизвестна. Поскольку ни Пиетола, ни Хански не работали в советских архивах, вполне понятно, что они не проливают свет на эту проблему. Что касается репатриации советских военнопленных из Финляндии после Войны-продолжения, то она началась в октябре 1944 г. и в основном завершилась уже к началу ноября. Финляндия репатриировала в СССР свыше 42 тыс. человек. Однако возвращаться хотели не все, прежде всего те, кто участвовал в боевых действиях на стороне Финляндии. Часть солдат Родственного батальона ушла в Швецию, и проблема их репатриации легла на плечи шведов⁷. К сентябрю 1945 г. из 2125 человек, служивших в финской армии, в СССР было выслано 1088 человек (Хански. С. 120)⁸.

Решение проблемы невозвращенцев осложнялось отсутствием четких международно-правовых норм по этому вопросу. По мнению Хански, Финляндия могла отказываться от репатриации военнопленных против их желания лишь теоретически, ссылаясь лишь на гуманитарные мотивы. На практике ее положение на переговорах как проигравшей стороны было тяжелым. Ей было опасно вступать в дискуссию и следовало соглашаться на условия победителей. Наилучшим выходом и для финских властей, и для невозвращенцев было бегство в другие страны (прежде всего в Швецию), чему финны, видимо, не только не препятствовали, но часто и способствовали.

Таким образом, в новейшей финляндской историографии довольно подробно исследована система содержания советских военнопленных в 1941—1944 гг. Гораздо меньше информации по этой теме имеется применительно к периоду Зимней войны. Между тем именно эта война была важным фактором, определявшим условия содержания и отношение к русским военнопленным в Финляндии во время Войны-продолжения. Кроме того, именно к периоду Зимней войны относится большая часть нерешенных проблем: численность советских военнопленных и их судьба после репатриации, попытка формирования из них Русской народной армии⁹, отношение к этому русской эмиграции, идеологическая обработка военнопленных.

Большинство этих вопросов можно решить на основании финских источников, но некоторые — только с привлечением документов советских архивов. Вполне вероятно, что наилучшие результаты могла бы принести совместная работа советских и финских историков в рамках общего научно-исследовательского проекта.

В. Г. Коваленко

Примечания

¹ Mikola T. Sotavankikysymys Suomessa vuosina 1941—1944. Pol. hist. pro-gradu tutkielma. Helsingin yliopiston valt. tiet. tiedekunnassa. 1976.

² Pietola E. Sotavangit Suomessa 1941—1944. Jyväskylä, 1987. Отрывки из книги Э. Пиетола были опубликованы в журнале «Север» (1990. № 12).

³ Hanski R. Behandlingen av krigsfångar under Vinteroch fortsättningskriget. Åbo, 1990.

⁴ Посев. 1980. № 7, 10; 1990. № 2.

⁵ Шюцкур — охранный корпус, военнизированная организация, созданная для борьбы с левыми силами во время революционных событий 1905—1907 гг.

⁶ См.: Дьяков Н. Под чужим небом//Север. 1991. № 3. С. 112; Твардовский И. У нас нет пленных//Новый мир. 1991. № 10. С. 145—148.

⁷ См.: Berge A. Sverige och de sovjetryska flyktingarna under andra världskriget. Uppsala, 1992.

⁸ Эстонский пехотный полк 200 был распущен в августе 1944 г., и часть служивших в нем эстонцев вернулась на родину.

⁹ См.: Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СП «Софинта», 1990. С. 295—296.

С. Я. БОРОВОЙ (1903—1989)

Вклад Саула Яковлевича Борового в отечественную историческую науку столь обширен и многогранен, что остается только сожалеть о том, что при жизни известность и признание не были отпущены ему полной мерой. Скромность старого интеллигента не была единственной тому причиной («Типичный интеллигент, идеология мелкобуржуазная», — говорилось о нем в характеристике в бытность его студентом Одесского института народного хозяйства). Он вел жизнь профессора, далекого от «первых рядов борцов идеологического фронта». Амплуа такого борца было глубоко чуждо ему, обладавшему высочайшим профессионализмом и прекрасно понимавшему смысл страстных методологических дискуссий, неизбежно превращавшихся в проработки с взаимными разоблачениями участников и страшным концом. Но и тот кабинетный образ жизни, который он предпочел, занимаясь лишь темами конкретно-исторического характера, отнюдь не давал в те времена гарантий от катастрофы. В 50-х гг. его занятия историей евреев в России послужили поводом к доносу, в котором ему было приписано утверждение: «Да здравствует еврейская буржуазия!» Кампания борьбы с космополитизмом не могла обойти его стороной, но он отделался «малой кровью». Как писал С. Я. Боровой в своих только что изданных воспоминаниях, он вполне мог быть арестован после снятия его с работы в феврале 1953 г., во время пресловутого «дела врачей». Спасли его тогда два обстоятельства. Во-первых, то, что его комната в коммунальной квартире со следами протечки на потолке (а отдельной квартиры он за всю свою жизнь в Одессе так и не имел) разочаровала влиятельного претендента на его жилье, пришедшего под предлогом проверки паспортов осмотреть «апартаменты» намеченного к аресту профессора. Во-вторых, смерть Сталина. Саул Яковлевич в этот момент был в Москве, где хлопотал о своем трудоустройстве. Срочно предупрежденный родственниками о возможности ареста, он уехал из столицы и некоторое время скрывался вне дома.

Каждый из авторов этих строк не раз обращался к работам С. Я. Борового в той или иной области, потому мы вместе взялись за перо, желая воздать должное таланту ученого, оставившему разностороннее научное наследие*.

С. Я. Боровой родился в еврейской интеллигентской семье в Одессе, где еще в начале XIX в. поселились его предки. Семья была тесно связана с еврейским общественным движением. В родительском доме бывали Менделе Мойхер-Сфорим, Шаул Черниховский, Шолом-Алейхем и другие писатели, издатели газет и деятели еврейской культуры и просвещения. Близким другом семьи был Хаим Нахман Бялик, который в начале 1920-х гг. эмигрировал из России. Эта среда во многом определила круг интересов будущего ученого. Благодаря общению с такими личностями он уже в отроческие годы немало почерпнул из области еврейской истории, культуры, языка. После революции юноша самостоятельно, без помощи учителей, изучил и основные западные языки.

В 1924 г. он окончил юридический факультет Одесского института народного хозяйства. В те же годы одновременно учился и в Археологическом институте. В 1927—1930 гг. С. Я. Боровой — аспирант Одесской Центральной научной библиотеки. Здесь он защитил диссертацию, получив степень кандидата педагогических наук. В 1938 г. ему без защиты были присвоены степени кандидата исторических и экономических наук. В 1940 г. он защитил в Институте истории АН СССР докторскую диссертацию по истории на тему «Очерки по истории евреев на Украине в XVI—XVIII вв.» Свою трудовую деятельность С. Я. Боровой начал как библиограф и архивист в одесских

Еврейской академической и Центральной научной библиотеках, в архиве. С 1934 по 1977 г. преподавал в Одесском институте народного хозяйства с вынужденным перерывом в 1952—1954 гг. в связи с «делом врачей». В его научном багаже — более 200 научных работ, не считая статей в энциклопедиях. Таковы основные вехи его научного пути, начавшегося очень рано.

«На моих глазах — мне было тогда 14 лет — произошла революция, — вспоминал Саул Яковлевич в последние свои годы. — И эта творящаяся при нас история увлекла меня. Хоть по природе я не коллекционер, но в те годы начал собирать революционные листовки. Спустя несколько лет описал свою коллекцию... В 1924 г. в журнале „Коммунист“, издававшемся тогда в нашем городе, появилась моя статья „Революционные листовки в Одессе“. Уже позднее я узнал, что эта статья была самой первой разведкой данной темы. Остался я ей верен и по сей день...»¹.

Историко-революционная тема была важным элементом формирования советской историографии. Старшие коллеги С. Я. Борового, тогда еще молодые историки старой академической выучки — С. Н. Валк, Б. А. Романов, А. А. Шилов в Ленинграде, Б. П. Козьмин в Москве и многие другие — впервые приступили к исследованию нового для профессиональных историков круга источников. Они предложили специальные приемы их библиографического описания и архивной обработки. Свою лепту внес в это и С. Я. Боровой, опубликовавший ряд работ методического характера². До сих пор не утратил своего значения цикл его работ, посвященных библиотечному и книжному делу, изданных в 20—50-е гг.³

К исследованиям по истории евреев на Украине и в России, ставшим одним из главных дел его жизни. С. Я. Боровой приступил как книговед. В 1925 г. он опубликовал в двух номерах украинского книговедческого журнала статью по истории еврейской книги, в которой, в частности, рассматривалась хасидская литература на Украине⁴. В 1928 г. в «Еврейском вестнике», издаваемом в Ленинграде под редакцией известного знатока истории евреев в России С. М. Гинзбурга, были помещены статьи С. Я. Борового, «Новое о Ковнере» и «Еврейские газеты перед судом „ученых евреев“». Во второй статье рассматривается влияние «ученых евреев» на определение позиции властей по отношению к еврейской печати, связанного главным образом с вопросом о допущении древнееврейского языка. В статье о Ковнере, которого автор называл «первым вестником российского нигилизма на еврейской улице и наиболее ярким его представителем», приводился донос Ковнера, датированный 1867 г., новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору на газету А. Цедербаума «Гамелиц». С. Я. Боровой исследует проблему с беспристрастностью ученого, не делая никаких уступок ни национальным чувствам, ни левому радикализму, возникшему в качестве оборотной стороны еврейской эмансипации.

В 1928 г. вышла его монография «Еврейская земледельческая колонизация в старой России. Политика, идеология, хозяйство, быт. По архивным материалам». Отвечавшая насущным потребностям времени, связанным с привлечением к земледельческому труду еврейского населения бывшей черты оседлости, монография эта отличалась чисто академическим подходом. Она была основана на нескольких сотнях архивных дел, обнаруженных С. Я. Боровым еще в 1920 г. К этой работе проявил интерес известный русский книгоиздатель С. В. Сабашников. По рекомендации историка С. В. Бахрушина, специалиста по колонизации Сибири, работа была издана.

С краткой рецензией на эту книгу выступил С. М. Гинзбург, подписавшийся инициалами «С. Г.». Вопрос еврейской земледельческой колонизации в старой России, — говорилось в рецензии, — занимал правительство не сам по себе, а в связи с планами „исправления“ евреев, „коренного преобразования“ их быта, с насильственными массовыми выселениями евреев из сельских местностей, „разбором“ и другими суровыми мерами в отношении еврейского

населения. С другой стороны, в поисках способов улучшения и оздоровления условий еврейской жизни еврейская общественная мысль уже с начала XIX в., естественно, заинтересовывается проблемой насаждения среди евреев земледелия, которое с 20—30-х годов становится одним из основных пунктов программы еврейской интервенции в России. На фоне общей правительственной политики по еврейскому вопросу и колонизационной идеологии автор рисует историю наших земледельческих поселений за первую половину минувшего столетия в тесной связи с общими событиями еврейской жизни. Он подробно останавливается на экономико-политических предпосылках еврейской колонизации и на ходе развития колоний (переселения и водворения, законодательство и административная практика, состав колонистов, хозяйственное положение поселений, быт, школьное дело и т. д.). Ценность и значение труда С. Я. Борового коренится в том, что он представляет собою исследование, основанное на еще не опубликованных архивных данных. Кроме литературы предмета здесь широко использован архив Попечительного комитета поселенцев Южного края России и ряд дел различных фондов, содержащихся в архивах Одессы. Обилие новых, автором удачно подобранных и умело обработанных архивных материалов дало ему возможность нарисовать яркую, живую и поучительную картину истории южноеврейских колоний за первый, столь скорбный период их существования»⁵.

На языке идиш С. Я. Боровой печатает в те же годы ряд тематически связанных с предыдущими работ, среди которых — «Забывтый нигилист Иегуда Иосиф Лернер», «Попытка Аксенфельда создать типографию в Одессе», «Израэль Аксенфельд. Биографический этюд», «Неизвестная страница из истории просвещения („гаскалы“) в России».

Тем временем история евреев в России оказалась как предмет изучения фактически под запретом. В начале 30-х гг. работавшие в этой области исследователи подверглись репрессиям, продолжавшимся и впоследствии. Одним из немногих, кого эта чаша миновала, был известный историк Ю. И. Гессен, полностью сосредоточившийся на работе по истории труда в России. В 1931 г. на одной из своих книг, подаренной им С. Я. Боровому, он сделал надпись: «Дорогому Саулу Яковлевичу Боровому — последнему р[усско]-евр[ейскому] историку». Слова эти полностью оправдались. Боровой действительно оказался едва ли не единственным, кто еще в течение почти целого десятилетия продолжал работать над историей евреев на Украине и в России. В его архиве остались рукописи: «Евреи на Левобережной Украине в XVII—XVIII вв.», «Евреи в Одессе», «Евреи в русском общественно-политическом движении в первой половине XIX в.» Но две весьма важные работы по истории евреев на Украине ему удалось опубликовать. Они были связаны тематически с его докторской диссертацией, которая, как уже отмечалось, была посвящена украинскому еврейству XVI—XVIII вв.

То обстоятельство, что для него, уроженца многонациональной Одессы, родными языками были русский, украинский и оба еврейских языка — иврит и идиш, позволило ему обратиться к источникам по истории Украины, практически недоступным ни русским, ни украинским историкам, не владеющим еврейскими языками, ни историкам еврейства, почти не привлекавшим малодоступные и неопубликованные русско-украинские архивные материалы. В своей работе «Евреи в Запорожской Сечи (По материалам сечевого архива)»⁶ С. Я. Боровой показал, в частности, деловые связи еврейских купцов с Запорожьем. Долгое время по каким-то причинам считалось неудобным ссылаться на сборник, в котором она была помещена. И только много лет спустя Е. И. Дружинина как бы восстановила в правах эту работу, обращаясь к ней в своих трудах.

Важнейшим источником, на который опирался С. Я. Боровой в своем исследовании истории евреев на Украине, были еврейские хроники XVII в. Три такие хроники он перевел с древнееврейского и подготовил к печати

с примечаниями и вводной статьей. В предисловии автор писал: «В обширной, насчитывающей сотни названий литературы о „хмельничине“ мы не встречаем ни одной работы, посвященной изучению еврейских источников, ни одного серьезного научного издания текстов их (в оригинале или в переводе). Настоящая книга является, таким образом, первой (не только на русском языке, но и вообще в научной литературе) попыткой заполнить этот, как нам представляется, весьма существенный пробел...» Книга должна была выйти в 1937 г. в Соцэкгизе в Москве. Она уже была набрана и сверстана, но так и не увидела света и осталась у автора в единственном экземпляре. Ее издание — насущная необходимость как для украинской, так и для еврейской историографии.

В своей докторской диссертации, частично опубликованной в «Исторических записках» в год ее защиты⁷, С. Я. Боровой, основываясь, с одной стороны, на еврейских хрониках, в первую очередь на хронике Натана Гановера, а с другой — на русских и украинских документальных источниках, нарисовал картину межнациональных отношений на Украине в середине XVII в. Картина эта оказалась гораздо более сложной, чем она виделась русско-украинским историкам, представлявшим евреев в виде однородной массы «эксплуататоров», и еврейским историкам, изображавшим еврейство как однородную массу пассивных жертв, оказавшихся «между молотом и наковальней». «Активное участие евреев в вооруженной борьбе — как на стороне повстанцев, так и против них — находится в резком противоречии с традиционным представлением о евреях той поры, — писал С. Я. Боровой. — Однако следует отметить, что при более пристальном изучении фигура владеющего оружием украинского еврея (разных социальных прослоек) не покажется такой неправдоподобной... Владение оружием не было необычным явлением среди украинского еврейства, особенно среди арендаторов, живших в тревожной обстановке тогдашнего села».

Он привел ряд примеров участия евреев в войне: зажиточной части — на стороне поляков, а бедняков (обращавшихся в этих случаях в православие) — в рядах запорожского казачества.

Б. Д. Греков, В. И. Пичета и другие крупные историки России оценили выдающееся значение работы С. Я. Борового. Однако его бескомпромиссный, сугубо научный подход к историографической традиции встретил, как и в случае с его ранней работой «Новое о Ковнере», возражения и даже неприятие некоторых еврейских историков в СССР и за рубежом⁸. Эту монографию ему припомнили в начале 1950-х гг. С. Я. Боровой был уволен с работы. На одном из многочисленных собраний в связи с той небезвестной кампанией секретарь по пропаганде Одесского обкома КПСС В. С. Готт под смех зала заявил, что в Одессе был такой профессор, который разыскал в Запорожье Янкелей и Ицеков. После выхода статьи в «Исторических записках» и докторской защиты занятия Саула Яковлевича, как, впрочем, и других ученых, историей евреев⁹ прекратились.

С. Я. Боровой тогда переключился на историю кредита и банков в России — тему, которая заняла важное место в его творчестве. Публикации ученого по этой тематике регулярно появлялись в 40-х — начале 50-х гг. и затем были включены в сокращенном виде в монографию «Кредит и банки России. Середина XVII в. — 1861 г.»¹⁰ Развитием кредитной системы дореформенной России ученый интересовался в контексте экономической и специально банковской политики правительства, причем поставил себе задачу показать действие банковских учреждений не только в «классический» период второй половины XVIII в., но и на временном отрезке с 90-х гг. XVIII в. до середины XIX в., когда старая система переживала кризис под влиянием капиталистических отношений. Большое внимание в его трудах уделено планам правительства и частных лиц, пытавшихся создать первые банки, а также опыту функционирования их приблизительно с начала XVIII в. В отечественной

историографии банков монография С. Я. Борового является столь же важным достижением, как и появившийся на десять лет ранее труд И. Ф. Гиндина «Русские коммерческие банки». Более того, тема считалась в значительной мере изученной и не привлекала широкого интереса историков, занятых с конца 50-х гг. проблемами империализма и предпосылок Октябрьской революции 1917 г. Период до второй половины XIX в. в развитии банковского дела не стал полем столкновения мнений и в дискуссиях 60-70-х гг. Все же по мере освоения архивов и начавшегося (в том числе и не без влияния идей западной литературы) уточнения и некоторого пересмотра положений И. Ф. Гиндина, становится очевидно, что прежние обобщающие работы по истории российской кредитной системы не учитывают фактов, появившихся в новых специальных исследованиях и, соответственно, не дают ответов на некоторые новые вопросы. Однако нынешние историки экономики не могут в той же мере упрекнуть С. Я. Борового, а также И. Ф. Гиндина в освещении лишь отдельных сторон истории банков, использовании ограниченного круга источников и упущении «самых важных проблем истории дореформенных банков», как это сделано С. Я. Боровым относительно трудов В. Т. Студейкина, П. П. Мигулина, И. И. Левина¹¹. Время показало, что противостояния между дореволюционной историографией и отечественной литературой советского периода нет. Есть продолжение традиции исследований истории предпринимательства (не всегда в прямой и идеологически адекватной форме), экономической истории страны и политики правительства в этой сфере. Труд С. Я. Борового прочно стоит в ряду таких работ.

Ученый, по существу, впервые на большом хронологическом отрезке обобщил сведения о деятельности ростовщиков в России (не отделяя их от частных банкиров)¹². Эти сюжеты представляются достаточно свежими и сейчас. Прежде в литературе предполагалось отсутствие сколько-нибудь значительной роли ростовщического и торгового капитала в развитии кредита в России. При этом сказались слабая изученность истории торговли вообще и торговых и банкирских домов в частности, вызванная последствиями административного разгрома некоторых историографических направлений в отечественной науке в конце 20-х — 30-е гг. Довольно долго и устойчиво существовала приблизительно такая схема: государственные банки; ликвидация этой системы в конце 50-х — начале 60-х гг. XIX в. (в общем негативно оцененная еще П. П. Мигулиным)¹³; создание в 1860-1870-х гг. при посредстве частного капитала сети новых кредитных учреждений (акционерных коммерческих и земельных банков) во главе с Государственным банком, первоначально также коммерческим и постепенно эволюционировавшим в «банк банков». Показательно в этом смысле положение И. И. Левина: «В то время как на Западе возникновению акционерных банков предшествовало занятие банкирским промыслом торговцев, мясн., ювелиров, наконец, банкиров в собственном смысле слова, в России акционерные банки могли опереться, помимо казенного кредита, на традиции лишь немногих, рассеянных по стране городских банков...» И еще: «Как явление типичное, частный банкир не знаком русской экономической истории вплоть до XIX в.»¹⁴ В итоге этап деятельности частных банкирских заведений выпал из поля зрения и как бы не существовал. С. Я. Боровой попытался собрать данные о кредитных операциях купцов и торговцев¹⁵ и частично затронул проблему банкирского промысла. Он, в отличие от И. И. Левина, также искавшего материалы о частных банкирах, не ограничился архивом Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов и обратился к документам доминистерского периода.

Боровой подчеркивал самобытность докапиталистических российских банков, созданных государством, отвергая тезис о заимствовании Россией западноевропейских учреждений, находившихся в сфере деятельности частного капитала¹⁶. Конечно, монополизм казны, подменившей частную инициативу в области

легальных кредитных операций, был вызван недостатком свободных капиталов и антикомпанейскими настроениями российских купцов (частично преодоленными усилиями правительства к середине XVIII в.). Оценивая государственную банковую монополию до начала XIX в., ученый полагал, что она свидетельствовала об экономической отсталости и архаичности экономической политики. Запрещение же частным лицам организовывать банки препятствовало установлению гегемонии иностранных банкиров на российском рынке¹⁷. С. Я. Боровой справедливо отмечал, что правительственный контроль над денежными расчетами с зарубежными банкирами при посредстве придворных банкиров¹⁸ способствовал укреплению государственного кредита¹⁹. Контроль усилился при Павле I с образованием в 1798 г. государственной конторы придворных банкиров как реакции на не вполне управляемые действия предшественников Р. Сутерланда (екатерининского придворного банкира) и его самого, смешавшего свои частные счета с казенными и в конце концов обанкротившегося. Однако уже через год император отказался (под градом инспирированных банкирами просьб и обращений со всех сторон) от запрета придворным банкирам участвовать в торговых домах, и они продолжали действовать как частные предприниматели, представлявшие государство²⁰. Вместе с тем на волне увеличения оборотов внешней торговли²¹ и в связи с возрастанием значения портов Азовского и Черного морей к концу XVIII в.²² усилилась роль частного кредита. И хотя С. Я. Боровой, как он признавал, не располагал «достаточными данными о масштабах и характере деятельности частных банкиров», тем не менее он утверждал, что «в кредитовании внутреннего и даже внешнего товарооборота они играли в рассматриваемый период более значительную роль, чем [государственный] Коммерческий банк»²³.

В общих чертах он обрисовал деятельность банкирских домов в основных экономических районах, отметив их конфессиональные и местные особенности (и прежде всего в Москве, вслед за П. Г. Рындзюнским, и в городах черты еврейской оседлости)²⁴. Банкирским домам как важному звену кредитной системы России не только до реформ 1860-х гг., но вплоть до 1917 г. посвящена монография Б. В. Ананьича²⁵, в которой развитие частного банкирского дела рассматривается как одна из крупных проблем экономической истории России. Свою часть пути в разработке этой темы прошел и С. Я. Боровой. Несмотря на известные трудности (разрозненность документов, поиск материалов, особенно о деятельности банкиров в ранний период) изучение этой проблемы должно быть продолжено.

Книгу «Кредит и банки России» пронизывает главная идея — о предназначении российских банков крепостнической эпохи для обслуживания землевладения. Однако материал монографии и сопутствовавших ей статей несравненно богаче и позволяет судить о взаимодействии банков и банкиров и с промышленностью, и с торговлей. Кредитные учреждения (о некоторых из них ранее были известны лишь самые общие сведения, например о Медном, Вспомогательном банках) описаны С. Я. Боровым подробно и систематически.

В своих историко-экономических занятиях исследователь обращался и к более поздним периодам. В 1967 г. он опубликовал тематически новую для его творчества статью о частных коммерческих банках на Украине в конце XIX — начале XX в.²⁶ Проблемам империализма была посвящена еще одна его работа — «On the Economic Ties Between the Top Capitalists and Tsarism in the Imperialist Period»²⁷.

В 1978 г. вышел в свет учебник для высшей школы по экономической истории, одним из авторов которого был С. Я. Боровой, заостривший в нем мысль о том, что российские банки XVIII в., по сути, тормозили экономический прогресс, выдавая непроизводительные кредиты землевладельцам. В учебнике также проводится тезис о связи российской экономической истории с общемировыми процессами²⁸.

Устойчивый интерес С. Я. Борового к кредитно-банковскому делу в

дореформенной России определили направленность ряда важных его работ по общественно-политической истории XIX в. Рассматривая постановку столь, казалось бы, узкоспециальных финансовых проблем в трудах целой плеяды русских мыслителей — от А. Н. Радищева и М. М. Сперанского до Н. П. Огарева и Н. Г. Чернышевского, С. Я. Боровой вскрыл, в сущности, малоизвестный ранее пласт социологических воззрений эпохи²⁹. Едва ли не центральное место занимают здесь исследования С. Я. Борового о трактовке этих проблем идеологами декабризма³⁰, и в частности, одним из важнейших его представителей М. Ф. Орловым. Работы С. Я. Борового много способствовали восстановлению в правах забытой в течение 100 с лишним лет, не оцененной по достоинству книги Орлова «О государственном кредите». С. Я. Боровой принял деятельное участие во введении в оборот свежих архивных материалов об этом анонимно изданном в 1833 г. произведении опального декабриста (рукописных вставок автора, восполняющих цензурные изъятия, конспекта его утраченного сочинения «О состоянии кредитных установлений в России», документов цензурной истории книги, переписки на эту тему с П. А. Вяземским)³¹. В предпосланном этой публикации обширном исследовании С. Я. Боровой убедительно показал значение трактатов Орлова с их антикрепостническим пафосом, установкой на реформы и критикой архаических черт кредитной политики царизма как выдающегося памятника русской общественной мысли постдекабристской эпохи. Вместе с тем была раскрыта и их роль в мировой финансово-экономической литературе. По обоснованному суждению С. Я. Борового, Орлов явился фактически создателем «современной доктрины» государственного кредита, завоевавшей благодаря зарубежным переизданиям его труда в 1840—1850-х гг. (и тоже анонимным) широкое признание в европейских странах, вступивших на путь капиталистического развития³².

Этим, однако, С. Я. Боровой в изучении творчества Орлова не ограничился. В 1963 г. совместно с М. И. Гиллельсоном он выпустил в академической серии «Литературные памятники» собрание его сочинений, сведшее воедино историко-мемуарное, научное, публицистическое и эпистолярное наследие декабриста, которое было затеряно во множестве старых и редких изданий и архивных фондов³³. Наряду с ценным реально-историческим и источниковедческим комментарием издание включало в себя и богато документированную статью С. Я. Борового — первый после известных работ М. О. Гершензона опыт политической и литературной биографии Орлова, вобравший в себя новейшие достижения исторической науки³⁴. В результате М. Ф. Орлов предстал перед читателем не только крупным военным и дипломатом эпохи 1812 г., активнейшим участником тайных декабристских организаций, общественным деятелем незаурядного темперамента, не только глубоким и разносторонним мыслителем и оригинальным писателем, но и яркой трагической фигурой в идейной борьбе 1830-х гг. Недаром авторитетный знаток той эпохи и взыскательный критик Л. П. Гроссман увидел в этой статье «образец исчерпывающего научного исследования, художественно и увлекательно разработанный <...> шедевр исторической характеристики»³⁵.

В тесной связи с «орлововедческими» штудиями С. Я. Борового стоит и его статья об экономических воззрениях А. С. Пушкина — пожалуй, одно из наиболее капитальных исследований в данной области. Прежде всего, отталкиваясь от наблюдений П. Е. Щеголева и Ю. Г. Оксмана, С. Я. Боровой устанавливает, что экономические взгляды Пушкина в ряде случаев имели своим источником сочинения и устные высказывания Орлова. Анализируя пушкинские тексты об имущественном положении дворянства, о майорате и судьбах старинной аристократии, о взаимосвязи дворянской задолженности и кредитной политики правительства с перспективой освобождения крестьян, С. Я. Боровой выявляет и принципиальное сходство позиций того и другого в этих животрепещущих вопросах российской действительности 30-х гг. XIX в.

Всем ходом своих изысканий он подводит к пониманию того, что и Пушкин, и Орлов, размышляя над этими вопросами, преследовали одну общую цель — уяснение условий и способов превращения просвещенного слоя дворянства в оппозиционную, материально и политически независимую от самодержавия силу, способную побудить его к проведению радикальных реформ в стране ³⁶.

Пушкинско-декабристская тема нашла отражение и в некоторых других работах С. Я. Борового ³⁷. Самая значительная среди них — монографическое исследование «Мицкевич накануне восстания декабристов», находящаяся как бы на стыке истории русского общественного движения и полониистики — новой сферы научно-литературных интересов ученого, в которой он оставил свой весьма заметный след ³⁸. На основе специальных архивных разысканий, мобилизовав все доступные источники, С. Я. Боровой воссоздал в этой работе живую и достоверную картину общественно-идеальной жизни Одессы в 1825 г., дружескую атмосферу вокруг сосланного сюда польского поэта, его отношения с участниками масонских и конспиративных политических объединений на юге России, с одесским окружением Пушкина — всем этим был заложен прочный фундамент дальнейшего изучения истории пребывания Мицкевича в России и русско-польского общественно-литературных связей ³⁹.

В исследованиях по вопросам русской истории и литературы первой половины XIX в. ученому удалось установить ряд исторических реалий известнейших литературных произведений. Он показал основу сюжета «Мертвых душ»: получение ссуды под залог фактически умерших, но числившихся в «ревизских сказках» крепостных практиковалось еще в XVIII в.; безвозмездный отвод земель в Новороссии практиковался до 1817 г. ⁴⁰ Он также установил возможного прототипа главного героя окончательной редакции «Капитанской дочки». Им был отставной поручик А. М. Гринев, первоначально обвиненный в пособничестве Пугачеву, но затем оправданный ⁴¹.

Две статьи С. Я. Боровой посвятил А. И. Герцену и его «Колоколу» ⁴². Новые сведения ввел он в научный оборот об И. С. Тургеневе ⁴³.

Среди предметов занятий С. Я. Борового был еще один — аграрная история Степной Украины. Рукопись монографии под названием «Степная Украина» осталась в его архиве; в «Ежегодниках по аграрной истории Восточной Европы» были напечатаны его статьи «О некоторых особенностях аграрного строя Степной Украины в предреформенный период» ⁴⁴ и «Основные моменты в развитии сельскохозяйственного производства и форм эксплуатации крестьян Степной Украины в дореформенный период» ⁴⁵.

Надо надеяться, что скоро увидят свет ярко и точно написанные воспоминания С. Я. Борового отразившие такие стороны политической и научной жизни минувших десятилетий, которые он один, вероятно, описал. Перед читателем предстанет жизненный путь крупного ученого и скромного человека, который много сделал в науке, но сделал бы еще больше, если бы на этом пути не было множества препятствий и опасностей.

Р. Ш. Ганелин, С. К. Лебедев, Я. С. Лурье, А. Г. Тартаковский

Примечания

* Авторы благодарят Е. И. Кореневу, вдову С. Я. Борового, за существенную помощь советами, сведениями и материалами.

¹ Вечерняя Одесса. 1983. 19 ноября.

² Книга в Одессі в 1917—1921 рр.//Праці Одеська центр. наук. б-ка. 1927. Т. 1; Volantia в Одессі (1917—1921): До питання про бібліографування листівок-метеликів//Там же.

³ Одеська академічна бібліотека ім. Менделєва Мойхер-Сфоріма (С. Абрамовича)//Бібліол. вісті. 1926. № 4; Архівні методи в бібліотечній роботі//Журн. бібліотекознавства та бібліографії. 1929. Ч. 3; Одесская государственная научная библиотека в послеоктябрьский период: Исторический очерк (Одесская гос. науч. б-ка им. А. М. Горького. Одесса, 1941; «Библиотека чтения» Н. Клочкова (Из истории библиотек в начале второй четверти XIX в.)//Библиотеки СССР. 1957. Вып. 7.

- ⁴ Бібліол. вісті. 1925. № 1—2; 1926. № 1. К этой статье примыкало и сообщение о проекте создания еврейской типографии в Киеве в 1836—1846 гг., опубликованное в 1930 г. Европейская старина. Т. XIII. Л., 1930. С. 184—185.
- ⁶ Исторический сборник. Т. 1. Л., 1934.
- ⁷ Национально-освободительная война украинского народа против польского владычества и еврейское население Украины//Исторические записки. М., 1940. Т. 9.
- ⁸ См., в частности: Greenbaum A. A. The Jewish Scholarship and Scholarly Institutions in Soviet Russia. Jerusalem, 1978. P. 131.
- ⁹ С. Я. Боровой принял участие в составлении «Черной книги» об уничтожении евреев на территории СССР, оккупированной немецко-фашистскими захватчиками. Он написал для нее в 1946 г. раздел «Гибель еврейского населения Одессы во время фашистской оккупации». Однако предпринятая И. Г. Эренбургом и В. С. Гроссманом попытка издания «Черной книги» была пресечена. Написанный С. Я. Боровым раздел был опубликован в журнале «Советиш Геймланд» (1989. № 7). Ряд статей по истории евреев в России был им написан для «Советской исторической энциклопедии».
- ¹⁰ См. его работы: Банки в России в первые десятилетия их существования//Сборник трудов Одесского кредитно-экономического института. 1940. Т. 1. С. 35—48; Из истории экономической политики России XVIII в. Вопрос о банках в 60—70-х гг. XVIII в.//Научные записки Одесского гос. пед. ин-та. 1947. Т. 8. С. 89—106; Попытка создания банка в России XVII в.//Деньги в кредит. 1947. № 1. С. 36—39; Банки в России в последней четверти XVIII в.//Сборник трудов Одесского кредитно-экономического института. 1947. Т. 2. С. 93—110; Вопросы кредитования торговли и промышленности в экономической политике России XVIII в.//Исторические записки. 1950. Т. 33. С. 93—122; Вспомогательный банк//Исторические записки. 1953. Т. 44. С. 206—230; Кредитная политика царизма в условиях разложения крепостничества//Вопросы истории. 1954. № 2; К истории ростовщического капитала в России XVII в.//Научные записки Одесского кредитно-экономического института. 1955. Т. 4. С. 159—180; Из истории кредитной политики России в период разложения крепостничества. Коммерческий банк//Сборник трудов Одесского кредитно-экономического института. 1955. Т. 3. С. 98—123; К истории промышленной политики России в 20—50 гг. XIX в.//Исторические записки. 1957. Т. 60. С. 276—290 и др. Полную библиографию см.: Боровой С. Я. Кредит и банки России. Середина XVII в.—1861 г. М., 1958. С. 7—8.
- ¹¹ Боровой С. Я. Кредит и банки России. С. 6.
- ¹² В отличие от И. И. Левина. См.: Левин И. И. Акционерные коммерческие банки в России. Пг., 1917. С. 2—20.
- ¹³ Мигулин П. П. Русский государственный кредит (1769—1899). Опыт историко-критического обзора. Т. 1. Харьков. 1899.
- ¹⁴ Левин И. И. Указ. соч. С. 24, 11.
- ¹⁵ Боровой С. Я. Кредит и банки России. С. 15—16, 235—240 и др.
- ¹⁶ Там же. С. 4.
- ¹⁷ Боровой С. Я. Россия и иностранные банкиры в XVIII и в начале XIX в.//Из истории общественных движений и международных отношений. М., 1957. С. 106—115.
- ¹⁸ Б. А. Романов еще в 1950—1955 гг. намеревался включить в свой научный план работу о банкирском промысле в XVIII в., в частности, о придворном банкире Ричарде Сутерланде. Намерение это не было осуществлено. В последние годы появились статьи Б. В. Ананьича и К. С. Лебедева «Ричард Сутерланд — банкир Екатерины II» (в: Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII вв.: Тезисы докладов и сообщений. Т. 1. М., 1990. С. 18—21); «Контора придворных банкиров в России и европейские денежные рынки (1798—1811 гг.)» (в: Проблемы социально-экономической истории России. СПб., 1991. С. 125—147); «Russian Finance during the French Revolution and the Napoleonic Wars (Proceedings. Tenth International Economic History Congress. Leuven, 1990. Session V—1. P. 38—47).
- ¹⁹ Боровой С. Я. Россия и иностранные банкиры... С. 115.
- ²⁰ См.: Ананьич Б. В., Лебедев К. С. Контора придворных банкиров... С. 129.
- ²¹ Обнаруженные С. Я. Боровым в архивах проекты внешнеторговых банков, периодически появлявшиеся в XVIII—начале XIX в., свидетельствуют о росте самосознания российского купечества и стремлении к освобождению от опеки иностранного капитала на внешних рынках (Боровой С. Я. Россия и иностранные банкиры... С. 115).
- ²² Очень интересна статья С. Я. Борового «Франция и внешнеторговые операции на Черном море в последней трети XVIII—начале XIX в.: Источниковедческие заметки» (в: Французский ежегодник 1961 г. М., 1962. С. 496—506).
- ²³ Боровой С. Я. Кредит и банки России. С. 238. Сегодня даже для конца XVII—первой четверти XVIII в. устарели некоторые стереотипы историографии: преобладание казны во внешней торговле и принижение роли российского купечества в связях с Западом (Репин Н. Н. Проблема торговли России с Западом в Петровскую эпоху в отечественной исторической литературе и итоги ее изучения//Труды Всероссийской научной конференции, посвященной 300-летию юбилею отечественного флота. Вып. 1. Переславль-Залесский, 1992. С. 97—99). Ср.: Захаров В. Н. Торговля западноевропейских купцов в России в конце XVII—первой четверти XVIII в.//Исторические записки. Т. 112. М., 1985. С. 177—214; его же. Участие западноевропейских купцов в операциях российской казны с иностранной валютой при Петре I//Труды Всероссийской научной конференции, посвященной 300-летию юбилею отечественного флота. С. 84—92.
- ²⁴ Боровой С. Я. Кредит и банки России. С. 236—239.

- ²⁵ А н а н ь и ч Б. В. Банкирские дома в России. 1860—1914 гг.: Очерки частного предпринимательства. Л., 1991.
- ²⁶ До питання про місце України в системі Російського фінансового капіталу//Економічні передумовки Великої Жовтєвої соціалістичної революції. Київ, 1967. Стор. 21, 31.
- ²⁷ Soviet Studies. Hist. 9(1970/71). P. 300—321.
- ²⁸ Экономическая история СССР и зарубежных стран/Под ред. И. Н. Шемякина, А. А. Успенского, В. Т. Цунтулова и В. Г. Сарычева. М., 1978. С. 277 и др.
- ²⁹ Б о р о в о й С. Я. А. Н. Радищев о кредите, банках и деньгах//Деньги и кредит. 1952. № 5; е г о ж е. Кредит и банки в России. Середина XVII в. — 1861 г. М., 1958. С. 140—155, 258—266.
- ³⁰ Б о р о в о й С. Я. Декабристы о деньгах, кредите и банках//Деньги и кредит. 1951. № 1.
- ³¹ Новые материалы о книге декабриста М. Ф. Орлова «О государственном кредите»//Записки ОР ГБЛ. М., 1955. Вып. 17. С. 192—247.
- ³² Там же. С. 152—191. См. также: Декабрист М. Ф. Орлов и его книга «О государственном кредите»//Известия АН СССР. Сер. истор. и филос. 1951. № 1.
- ³³ О р л о в М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963.
- ³⁴ Там же. С. 269—313.
- ³⁵ Письмо Л. П. Гроссмана С. Я. Боровому от 11 ноября 1963 г. (Архив С. Я. Борового).
- ³⁶ Б о р о в о й С. Я. Об экономических воззрениях Пушкина в начале 1830-х гг.//Пушкин и его время. Вып. 1. Л., 1962. С. 246—264.
- ³⁷ Е г о ж е. Одесса пушкинской поры//Пушкин на Юге. Труды Пушкинских конференций в Кишиневе и Одессе. Кишинев, 1958. С. 153—164; «Путешествие Онегина» и одесская тема в русской литературе первой трети XIX в.//Там же. Т. 1. Кишинев, 1961. С. 265—288.
- ³⁸ Литературное наследство. Т. 60. М., 1956, С. 411—474.
- ³⁹ См., напр.: Л а н д а С. С. Мицкевич накануне восстания декабристов (Из истории русско-польских общественных и литературных связей)//Литература славянских народов. Вып. 4. М., 1959.
- ⁴⁰ Б о р о в о й С. Я. Кредит и банки в России. С. 49; е г о ж е. О реально-исторической основе сюжета «Мертвых душ»//Вопросы литературы. 1966. № 4. С. 251—252; е г о ж е. Еще о реально-исторической основе сюжета «Мертвых душ»//Там же. 1968. № 9. С. 187—188.
- ⁴¹ Б о р о в о й С. Я. О прототипе одного из героев «Капитанской дочки»//Русская литература. 1966. № 2. С. 194—195.
- ⁴² «Колокол» и общественно-политическая жизнь Одессы в годы первой революционной ситуации//Революционная ситуация в России. 1859—1861. М., 1974; С. С. Громека и А. И. Герцен//Революционная ситуация в России в середине XIX в. Деятели и историки. М., 1986.
- ⁴³ Тургенев в записках немецкого дипломата: Из дневника Х. Гогенлоз. 1876 и 1879 гг.//Литературное наследство. Т. 76. М., 1967.
- ⁴⁴ Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. Минск, 1964.
- ⁴⁵ Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964. Кишинев, 1966.

© 1994 г. С. Ю. М А Л Ы Ш Е В А *

ДВЕ КАЗНИ. СУДЬБА М. Л. КОГАН-БЕРНШТЕЙНА

Сегодня после долгого забвения к нам возвращаются имена видных политических деятелей, руководителей российских политических партий. В ряду этих незаурядных личностей на политическом небосклоне России эпохи революций — и имя Матвея Львовича Коган-Бернштейна, гибкого политика, первым в начале 1918 г. заговорившего о необходимости тактического изменения политики российских демократов по отношению к партии большевиков и советской власти.

Судьба отпустила ему 32 года, вместивших так много: учебу в Гейдельбергском университете и российские тюрьмы, докторскую диссертацию и партийную журналистику, работу в ЦК партии правых эсеров и солдатскую службу, избрание в Учредительное собрание, вскоре разогнанное, и ВЦИК Советов, из которого он был изгнан, скитание по станам гражданской войны, трогательную любовь, мечты о «царстве добра» и смертельный выстрел в деревушке под Сызранью.

* Малышева Светлана Юрьевна, кандидат исторических наук, преподаватель Казанского университета.

... В марте 1919 г. в социалистических и коммунистических газетах России появились сообщения, посвященные гибели Матвея Коган-Бернштейна, арестованного большевиками в конце сентября 1918 г. в прифронтовой деревне Черный Затон, у Сызрани, и расстрелянного по приговору военно-полевого суда. Смерть его — сына известных народовольцев — стала поводом для спора партийных газет. 21 марта орган Московского бюро ЦК партии социалистов-революционеров «Дело народа» опубликовал статью «Две казни — памяти М. Л. Коган-Бернштейна и его отца, в которой отмечал символичность в схожести судеб этих революционеров двух поколений: «К петле царской военно-судной комиссии для отца присоединилась пуля военно-полевого суда „рабоче-крестьянского правительства“ для сына»¹. На следующий день «Известия ВЦИК» опубликовали возмущенный ответ «Кто виноват?» на статью в эсеровской газете: «... ничего общего между двумя этими казнями нет. Отец был казнен царскими генералами за преданность интересам трудящихся масс. Сын был расстрелян представителями трудящихся масс за свой союз с царскими генералами... Мы жалеем молодого Коган-Бернштейна. Он производил впечатление честного, но ограниченного человека. Вероятно, он в глубине души был предан народным интересам. Но зловещее влияние белогвардейских заправил правозероветской партии... толкнуло его на путь измены заветам своего отца...»². На Матвея Коган-Бернштейна легло обвинение в предательстве дела отца.

Фамилия Коган-Бернштейн действительно была хорошо известна демократической революционной России двух поколений — «Народной воли» и периода русских революций. Еще в 1930 г. она трижды упоминалась на страницах Малой Советской Энциклопедии: отцу, матери и сыну были посвящены три статьи. В 1938 г. в Большой Советской Энциклопедии нашлось место только для отца. В последующих изданиях фамилия Коган-Бернштейн более не появлялась.

8 февраля 1881 г., в Петербургском университете, студенты-народовольцы сорвали выступление министра народного просвещения Сабурова. 19-летний Лев Коган-Бернштейн, входивший в рабочую группу «Народной воли» и в центральный студенческий кружок, организованный Исполнительным комитетом «Народной воли»³, потребовал восстановления университетского Устава 1864 г., а его друг Паппий Подбельский дал пощечину министру. Позже современник назовет этот день «вступлением в трагедию 1 марта 1881 года»⁴: убийство Александра II 1 марта 1881 г. народовольцами стало началом разгрома этой организации. Кстати, по свидетельству одного из товарищей Льва Коган-Бернштейна, Желябов намеревался поручить Коган-Бернштейну роль одного из метальщиков бомб в деле 1 марта и тот согласился, но на последних этапах подготовки террористического акта Исполнительный комитет «Народной воли» по тактическим соображениям заменил его Рысаковым: Исполком опасался обвинений в национальной окраске готовящегося покушения⁵. Некоторое время после 8 февраля 1881 г. Коган-Бернштейн скрывался на конспиративной квартире Геси Гельфман, потом жил в Саратове, затем в Москве, где и был арестован в апреле 1881 г. за расклейку прокламаций. 12 мая 1882 г. он был административно выслан в Якутскую область на 5 лет. Это была его первая ссылка⁶. Из ссылки в 1885 г.⁷ Лев Коган-Бернштейн вернулся с женой — Саррой (Натальей) Осиповной (урожденной Барановой). Они поселились в Дерпте, где Лев Матвеевич намеревался сдать выпускные экзамены при университете. Здесь, в Дерпте, 3 августа 1886 г. и родился их сын Матвей. Но уже через два года Наталья Осиповна и Лев Матвеевич были арестованы по делу таганрогской подпольной народовольческой типографии и сосланы на восемь лет в Якутскую область.

22 марта 1889 г. в Якутске разыгрались кровавые события, получившие большой резонанс в России. Речь идет о так называемой «якутской бойне», или «Монастыревской истории»⁸. 22 марта 1889 г. политические ссыльные в Якутске организовали вооруженное сопротивление в ответ на распоряжение администрации о новом, ускоренном порядке высылки их в Колымск и Верхоянск.

Трагедия разыгралась в доме Монастырева на квартире Ноткина, где собрались ссыльные. В конфликте с солдатами и полицией из 34 «монастырцев» было убито 6 и ранено 8 человек. Л. М. Коган-Бернштейн в результате тяжелого ранения не мог ходить. На материалах по «Якутскому делу» Александр III наложил резолюцию: «Наказать примерно». Трое участников якутского протеста — Н. Л. Зотов, А. С. Гаусман и Л. М. Коган-Бернштейн — были приговорены военно-судной комиссией к смертной казни. Коган-Бернштейн, парализованный, был вынесен к месту казни на кровати и повешен. За день до казни, 6 августа 1889 г., в одном из трех написанных им писем — в письме-завещании трехлетнему сыну Матвею — он написал: «... Да благословит тебя Бог, да не покинет тебя всю жизнь твоя вера живая в царство правды, свободы, добра»⁹.

Для жены Льва Когана-Бернштейна эта ссылка тоже была второй. 17-летней девушкой она ушла из дома. Училась на фельдшерских и акушерских курсах в Симферополе и Киеве, Наталья Осиповна работала в народовольческих организациях. В 1882 г. за революционную деятельность она была сослана в Томск. За участие же в якутском протесте 1889 г. она была приговорена к 15 годам каторги. До середины 1890 г. она отбывала каторгу в Вилюйской каторжной тюрьме, а затем по высочайшему повелению была переведена на поселение в Верхоянск, а с мая 1893 г. — в Красноярск¹⁰. В Красноярске в 1898 г. Наталья Осиповна встретилась с приехавшим из Шушенского Лениным (об этом факте нет упоминаний ни в литературе, ни в Биохронике Ленина). И тогда, и позже — в эмиграции, встречаясь с Лениным на Капри, в Женеве, в других уголках Европы, ее всегда удивляла какая-то особая бережность Ленина по отношению к ней. Наталья Осиповна считала, что судьба ее мужа напоминала Ленину судьбу его старшего брата-народовольца¹¹. Все годы жизни в Сибири с ней был сын. Вернувшись в Россию после долгих лет ссылки и эмиграции, Наталья Коган-Бернштейн поселилась в Воронеже. И она, и ее сын, приехавший в Воронеж в 1915 г.¹², состояли членами партии социалистов-революционеров.

Матвей Коган-Бернштейн по «доброй» традиции российских интеллигентов отдал дань отечественным тюрьмам. В 1917 г. Матвей Львович возглавлял воронежскую организацию партии эсеров, будучи председателем губкома партии, в состав которого входила и его мать. Он был достаточно видной фигурой в руководстве Воронежской губернии: председателем Воронежского Совета РСКрД; председательствовал на губернском крестьянском съезде в июне 1917 г. В дни корниловского мятежа, получив телеграмму Керенского об измене и предательстве Корнилова, Президиум Совета 28 августа образовал «Революционный распорядительный комитет» («Комитет пяти») под председательством Коган-Бернштейна для руководства защитой законной власти в губернии. А 8 сентября на заседании Городской думы М. Л. Коган-Бернштейн был избран одним из двух делегатов от Воронежа на Демократическое совещание в Петрограде¹³.

Октябрьский переворот Коган-Бернштейн встретил с возмущением, видя в нем опасность для демократического развития страны. 27 октября (8 ноября) 1917 г. в Воронежском Доме народных организаций, открывая общее собрание Воронежского Совета, Матвей Львович сказал: «Товарищи и граждане! Впервые прибегаю к слову „граждане“ на заседании Совета, так как не могу назвать товарищами тех, кто арестовывает министров-социалистов, насилует женщин и открывает дорогу контрреволюции»¹⁴.

К 1917 г. в жизни Матвея Коган-Бернштейна произошло событие, которое повлияло не только на его личную судьбу, но и на посмертную память о нем. В 1915 г., приехав в родительский дом в Воронеже, он был очарован юной Фанни Аронгауз, своей названной сестрой: в начале мировой войны с группой детей-беженцев из Дерпта 15-летняя Фаина приехала в Воронеж, и Наталья Осиповна приняла девочку под свою опеку, стала ей приемной матерью. С октября 1916 г. на имя «мадемуазель Аронгауз» из разных мест страны слал письма влюбленный рядовой 5-й роты 190-го пехотного запасного полка Матвей Коган-Бернштейн.

Год спустя непреклонная красавица ответила взаимностью. 7(19) ноября 1917 г. перед отъездом из Воронежа в столицу счастливый Коган-Бернштейн записал в девичьем дневнике Фанни: «Фаня, ты моя утренняя молитва. Фаня, ты моя последняя надежда. Фаня, я сделал тебе только один подарок, но такой, которого назад не берут: мою жизнь»¹⁵.

1918 год был последним в жизни Матвея Коган-Бернштейна. Член ЦК партии правых эсеров, он был избран членом Учредительного собрания от Воронежской губернии и членом ВЦИК Советов, став, таким образом, депутатом двух парламентов, двух народных представительств. Из 715 делегатов, избранных в российский парламент — Учредительное собрание — к началу его заседания 5(18) января 1918 г. у комиссара Всевыборы М. С. Урицкого зарегистрировалось 463 человека¹⁶.

4(17) января Коган-Бернштейн получил временное удостоверение члена Учредительного собрания за № 211¹⁷. Его обуревали тяжелые предчувствия, накануне открытия Учредительного собрания он написал молодой жене письмо, в котором на всякий случай попрощался с ней.

Разгон большевиками 6(18) января 1918 г. Учредительного собрания, с которым связывали столько надежд на демократическое развитие страны, был сокрушительным ударом по юному российскому парламентаризму; он подтолкнул страну к гражданской войне, пропахав глубокую борозду между большевиками и демократической, социалистической Россией: последняя вскоре встала в оппозицию новой власти. Партия правых эсеров в мае 1918 г. решила перенести свою деятельность за Волгу, и начать там собиание общероссийского правительства, восстановление Учредительного Собрания. В июне 1918 г. с помощью чехословацких легионеров в Самаре пришел к власти Комитет членов Учредительного собрания — одно из первых антибольшевистских правительств на пестрой карте российской гражданской войны. К сентябрю 1918 г., когда «территория Учредительного собрания» охватывала несколько приволжских губерний, в Комуче состояло около сотни членов Учредительного собрания.

Но Матвея Львовича Коган-Бернштейна не было в их числе. Разгон Учредительного собрания знаменовал для него начало его собственного пути, который он выбрал и которым шел до дня своей смерти. 20 января (1 февраля) 1918 г. во втором номере журнала «Партийные известия» — издания ЦК партии правых эсеров, которое Коган-Бернштейн редактировал совместно с В. М. Зензиновым и Б. О. Фликкелем, он опубликовал статью «Наши расхождения (по поводу 4-го съезда партии с.-р.)». В ней Коган-Бернштейн заявил: «... в полном сознании того, что основная доля ответственности за гражданскую войну внутри демократии, за срыв демократической революции и выраживание контрреволюции под флагом революции социалистической в настоящий момент лежит на большевистской власти, мы, левые члены партии, не устанем повторять, что будущее возрождение партии как руководительницы масс и сохранение ее революционно-социалистического характера возможно лишь при твердом и бесповоротном отказе поднять бросаемую большевиками перчатку гражданской войны... тактическая задача левых внутри партии ограничить ее идейной борьбой против большевистского максимализма, заставить избежать нового обескровления трудящихся классов и на путях мирного изживания большевизма спасти, что еще можно, из завоеваний русской революции»¹⁸.

Его мало кто поддержал в те дни — лишь члены ЦК В. А. Чайкин и Н. И. Ракитников. Гражданская война в России начиналась как война внутри демократии, и, когда коммунисты и социалисты укрепились по разные стороны баррикад и приготовились к решающему бою, когда взаимные обвинения в контрреволюционности уже приобретали вкус крови, как странен и нелеп казался этот одинокий голос: «знамя гражданской войны — не наше знамя», предупреждавший, что война внутри демократии прокладывает дорогу диктаторам. Год спустя социалистическая демократия, раздавленная между двух диктатур —

большевистской и колчаковской, демократия, практически сошедшая с политической сцены (объявленная вне закона в Советской России и разогнанная в Сибири) — вспомнит своих пророков. Группа правых эсеров в России встанет на путь сотрудничества с большевиками, признав главной опасностью на тот момент диктатуру белую. Группа эта, называвшаяся сначала «Уфимской делегацией», затем группой «Народ», оформилась в октябре 1919 г. в «Меньшинство партии социалистов-революционеров» (МПСР)¹⁹. Еще 5 декабря 1918 г. в Уфе состоялось объединенное собрание представителей ЦК партии правых эсеров, съезда членов Учредительного собрания. Было решено прекратить вооруженную борьбу с большевиками и направить все силы на борьбу с «буржуазной реакцией»²⁰. После занятия Красной Армией Уфы оставшиеся в городе члены ЦК партии эсеров К. С. Буревой, Н. И. Ракитников, видные деятели партии Н. В. Святицкий, Н. А. Шмелев, В. К. Вольский, Б. Н. Черненко обратились в Уфимский ВРК с предложением о переговорах. Переговоры проходили 10—19 января 1919 г. в Уфе. 26 февраля 1919 г. постановлением ВЦИК была легализована часть партии правых эсеров, поддерживавшая позиции Уфимской делегации²¹. Позиция уфимской делегации послужила причиной конфликта с руководством партии правых эсеров. На IX Совете партии 16 июня 1919 г. Ракитников и Буревой сложили с себя полномочия членов ЦК. После Совета партии на собрании уфимской делегации и московской группы Смирнова и Либермана было принято «Обращение к партии», подписанное К. Буревым, В. Вольским, И. Дашевским, Л. Либерманом, Н. Ракитниковым, Н. Святицким, Н. Смирновым и Б. Чернековым. Обращение это, содержавшее принципиальную позицию группы (идейная борьба с большевиками, организация демократии, пере выборы Советов на основе свободы агитации всех социалистических партий и отказа от партийной диктатуры), — было напечатано в первом номере московской газеты «Народ», которая и дала название этой группе²². Группа отказалась выполнить решение ЦК ПСР о ее роспуске и 30 октября объявила о выходе из партии, образовании «Меньшинства партии социалистов-революционеров» и избрании его Центрального бюро (ЦБ)²³.

Группа, призвав к прекращению войны внутри демократии, все же сохраняла определенную независимость суждений в своих изданиях, являясь идейной оппозицией большевикам. Ее представители выступили на VII и VIII Всероссийских съездах Советов РККД в декабре 1919-го и декабре 1920 г. В выступлениях Вольского и Буревского говорилось о необходимости привлечения к советской власти всей демократии, пересмотра функций ЧК, пересмотра положений Конституции (ввод положений о всеобщем избирательном праве, праве слова для трудящихся, праве свободы печати, собраний, гарантий от несудебных расправ для трудящихся, предоставления свободы действий тем социальным и политическим партиям, которые не ведут борьбу против советской власти)²⁴. После окончания гражданской войны и по мере укрепления партии большевиков у руля страны независимость суждений группы все меньше устраивала власти. Группа подвергалась нападкам и справа, и слева. Отношение к ней характеризует ехидная реплика, брошенная из зала на VIII съезде Советов выходящему на трибуну Вольскому: «т. Вольский, как поживает Колчак?» Негативное отношение к группе усиливалось после Кронштадтского восстания и по мере подготовки к процессу над правыми эсерами. После Кронштадта был распущен отряд МПСР на фронте. Роковую и странную роль сыграло в окончательном распаде МПСР создание так называемого «Политического центра» и такая личность, как М. А. Гинзбург. Во время Кронштадтского восстания по его инициативе был создан «Политцентр» как якобы будущее правительство, в который вошли два члена ЦБ МПСР, в том числе Вольский. Политцентр никакой роли в событиях не сыграл, лишь растратил партийные деньги. Члены ЦБ, не замешанные в этой аванюре, предложили исключить Вольского из МПСР и продолжить партийное следствие по делу «Политцентра». Большинство МПСР отклонило их предложение. Тогда часть МПСР заявила о выходе из организации и издала 16 февраля 1922 г.

«Обращение о самороспуске». «Диктатура РКП,— писали участники „меньшинства МПСР“, — исключала всякую возможность осуществления задач МПСР. Репрессии и преследования МПСР на местах и в центре ... внутри организации развились авантюристические настроения...»²⁵ Подписали обращение Фанни Коган-Бернштейн, В. П. Семенов, О. Затейщиков, Л. Декатова, Н. Смирнов и К. Буревой. Через месяц, в марте 1922 г., ГПУ раскрыло «Политцентр», изъяв в ходе обысков и арестов в том числе материал партийного следствия. История создания «Политцентра» весьма подозрительна, особенно учитывая, что идея провокаторства витала среди членов МПСР задолго до Кронштадтского восстания. Гинзбург распространял в отряде МПСР на фронте слухи, что Затейщиков, Буревой и Смирнов — сотрудники ВЧК. Между тем непонятна роль в событиях самого Гинзбурга, бывшего инициатором организации «Политцентра», — единственного из видных деятелей МПСР, избежавшего ареста²⁶. В результате всех этих событий к началу 1923 г. группа прекратила свое существование.

Но пророчества Коган-Бернштейна о гибельности войны внутри демократии вспомнятся только через год, когда их автора уже не будет в живых. В 1918 г. Матвей Коган-Бернштейну еще предстояло девять месяцев, чтобы предсказать события и с горечью убедиться в своей правоте.

Коган-Бернштейн остался в Петрограде как член ВЦИКа: правые эсеры все еще состояли его членами. Уже было ясно, что вслед за разгоном Учредительного собрания и созданием антибольшевистского Комитета членов Учредительного собрания за Волгой последует вывод эсеров из ВЦИКа. Это не угнетало 32-летнего политика: ему нужна была свобода рук, чтобы разобраться в происходящем, определить свое место. 13 июня 1918 г. Коган-Бернштейн пишет жене в Воронеж: «Завтра опять очередной бенедикс: на повестке вновь вопрос об исключении противосоветских партий (из ВЦИКа.— С. М.). Выступать, конечно, придется мне. Кроме того, поговаривают, что одновременно с исключением — или вскорости после него будет сделано распоряжение об аресте Ц. комитетов таких партий...»²⁷. Днем позже он признается в очередном письме: «Наше исключение я встречу с чувством душевного облегчения. Ты знаешь, в каких я тенетах на фоне общей неразберихи, как жажду получить возможность осознать и осмыслить происходящее, вырвавшись из гущи событий, отойдя на время в сторону, став хоть на месяцы зрителем из участника трагедии...»²⁸. В тот же день такая возможность ему была предоставлена: 14 июня постановлением ВЦИКа правые эсеры и меньшевики были выведены из состава ВЦИКа и местных Советов. 16 июня в письме к жене и матери Матвей Львович описывал ход заседания: «... член чрезвычайной комиссии борьбы и т. д. Лацис (Фаня его помнит), пристально глядя в нашу сторону, позвал солдат и прогулялся ко всем выходам — очевидно, отдать распоряжение о невыпуске определенных лиц. С таким веселым ожиданием пришлось выступать (от фракции эсеров.— С. М.). Говорил я без особого подъема, но достаточно „контрреволюционно“. Перебивали не слишком бурно, просто потому, что знали, что это наша „лебединая песня“... Чувствую себя пару дней (со вчерашнего) в блаженном состоянии — избавился от сидения в ЦИК!»²⁹

Большевики решительно рвали с социалистической демократией — они не намерены были делить власть. Матвей Коган-Бернштейн шел не в ногу со своей партией, но он не был и с большевиками. Он искал свой путь — путь компромисса на благо революции. Штрих, характеризующий Коган-Бернштейна, — его отношение к товарищам, с которыми еще вчера шли вместе: в середине июня он писал жене: «Ты и представить себе не можешь, где я пишу: в Кремле, в галерее Александра II-го, на перилах... По дороге встретил лицом к лицу на тротуаре Ленина. Он скосил на меня глаза и сжал губы. Старенькое пальтецо и потертая шляпа. Совершенно один идет, без всякой охраны. Впереди и сзади на несколько десят. шагов — никого. Поверишь ли, у меня сжалось сердце. Представь себе, если бы это был не я, а кто-нибудь другой, ведь в Кремль и „обозревателей“

пускают. Мое глубокое убеждение, что он — величайший русский революционер и, может, единственный человек в России, с ясным умом и твердым характером идущий навстречу гибели всего»³⁰. А в конце июня он признается мимоходом: «... если Михаил Романов или ему подобный выступит, я скорее решительно пойду с большевиками, чем пассивно [буду] выжидать хода событий»³¹. Нет, не удавалось ему роль наблюдателя!

Поиск своего пути привел Коган-Бернштейн в комучевскую Самару. Посещение профсоюзов и Совета рабочих депутатов убедили его: и по ту сторону фронта гражданской войны не было спасения для революции. Позже, сделав для себя некоторые выводы, 2 сентября он опубликовал статью «Учредительное» в самарской газете социал-демократов-интернационалистов «Свободное слово». В этой статье в свойственной ему хлесткой манере Коган-Бернштейн писал: «... „Освобожденные“ от большевиков земли начинают созревать для диктатуры, заговора, корниловщины, скоропадщины, иноземного пленения... Гешефтмахи коалиции и матадоры социал-предательства, расправив свои крылья, распоясались вовсю. Господа Аргуновы, Павловы, Авксентьевы и прочие и близкие и далекие отщепенцы социализма хоронят Учредительное собрание, расшаркиваясь перед разного рода калифами на час, предают трудящиеся массы, отдаваясь в привычный плен к буржуазной коалиции под маской „общенациональной власти“; губят Россию, не заставляя союзников объявить народу во всеуслышанье, с чем и зачем идет англо-франко-японо-американское вмешательство»³². За эту статью Коган-Бернштейн был отстранен от участия в работе ЦК ПСР³³. Однако к подобным выводам он пришел еще раньше. Уже 21 августа Матвей Львович пророчествует из Самары: «Каштаны из огня, по-видимому, таскаются для черных (сторонников диктатуры. — С. М.), и в тот момент, когда будет праздноваться победа (если будет), придет некто в черном и даст увесистого пинка ногой»³⁴, — предсказав события, которые произойдут спустя два месяца с небольшим, когда социалисты «получат пинка» от Колчака. В этом последнем письме домой Матвей Коган-Бернштейн написал: «Я никогда и ни за что не допущу, чтобы мое имя, имя социалиста, могло быть примешано к чему-либо, что социализму противоречит... Где я буду, куда поеду, не знаю. Принципиально не буду брать никаких назначений, чтоб рук не марать, буду идти своей дорогой...»³⁵.

Его дорога лежала на восток — в начале сентября 1918 г. в Уфе открылось Государственное совещание — совещание представителей многочисленных антибольшевистских российских правительств, партий, организаций, на котором разгорелась борьба сторонников демократии и диктатуры. Правое крыло совещания представляли делегация Временного Сибирского правительства, кадеты, меньшевистская группа «Единство», делегаты от казачеств — они выступали за диктатуру. Левые — Комуч, эсеры, меньшевики, Съезд городов и земств — требовали создания демократического правительства, ответственного перед Учредительным собранием. 23 сентября было создано компромиссное «Временное Всероссийское правительство» (Уфимская директория) из пяти человек. Но времена демократии к осени 1918-го миновали, директория стала первым шагом на пути к диктатуре.

Коган-Бернштейн, приехавший на Государственное совещание формально от Комуча, придерживался избранной им роли независимого социалиста. На совещании он даже сел не с эсерами, а в стороне, левее мусульманских представителей, сидевших слева от социалистов-революционеров. Слова на совещании ему не дали. Он письменно сложил с себя полномочия члена Совещания и уехал, не желая санкционировать уступки со стороны фракции эсеров³⁶. Невеселые свои мысли он набросал в подготовленной уже 17 сентября статье — вероятно, последней — «Русский термидор (с Уфимского государственного совещания)». «Он уже наступил, русский термидор, он уже в полном расцвете... Мы, граждане страны „неограниченных возможностей“, позволяем себе роскошь одновременного существования и русского робеспьеризма и русского термидора...»³⁷, — с горькой

иронией писал Коган-Бернштейн. Но виноватых Матвей Львович видел не только в российских робеспьерянцах-большевиках и российских термидорианцах-сторонниках военной диктатуры: он писал о вине демократов, социалистов-революционеров, которые «оказались вольно или невольно впряженными в победную колесницу директории и диктатуру»³⁸, и даже самые решительные демократы оказались бессильны перед реакцией, ибо «одной цепью совместного с нею участия в гражданской войне скованы они, и этого предела им не перейти, когда реакция предьявит свои векселя к оплате»³⁹.

Две недели спустя автор статьи был расстрелян при переходе фронта под Сызранью по приговору военно-полевого суда как правый эсер и член Учредительного собрания. Есть сведения, что на допросе, предшествующем расстрелу, он заявил, что принимает на себя ответственность за действия партии социалистов-революционеров, совершенные до настоящего момента⁴⁰. Он опять шел своим собственным путем — не на восток и не за границу, как большинство руководителей социалистов, осознавших, что настали времена столкновения двух диктатур — красной и белой, а демократия удаляется со сцены. Коган-Бернштейн шел на запад — в Советскую Россию. Напомним: «если Михаил Романов или ему подобный выступит, я скорее решительно пойду с большевиками, чем пассивно [буду] выжидать хода событий». Социалист, он верил: термидор страшнее нового Робеспьера. Трудно сказать, как бы могла повлиять эта личность на дальнейшие события в России, — история не признает сослагательного наклонения. Ясно, что мудрость единиц и идейная оппозиция уже не могли остановить катка большевизма, как не могли они остановить гражданской войны. Свидетельство тому — судьба группы «Народ». Большевики ясно дали понять, что не потерпят ни оппозиции, ни инакомыслия.

В конце гражданской войны имя Коган-Бернштейна пригодилось не только его сторонникам. В 1920 г. МПСР подготовило сборник памяти М. Л. Когана-Бернштейна. За разрешением на его печатание вдова Коган-Бернштейна, активная участница МПСР, обратилась в Совнарком. В архиве сохранилось письмо управляющего делами Совнаркома В. Бонч-Бруевича Л. Каменеву от 27 сентября 1920 г., в котором он, излагая эту просьбу, между прочим писал о Коган-Бернштейне: «Матвей Львович Коган-Бернштейн, разочаровавшись в деятельности своих бывших товарищей левых (ошибка: правых. — С. М.) эсеров, переходил к нам с желанием работать вместе с Рабоче-Крестьянским правительством, что и было вполне доказано после, и его расстрел является печальной ошибкой военно-полевого суда... Я докладывал по поводу этих рукописей сборника статей В. И. Ленину, и он просил меня переслать эти рукописи Вам для просмотра и, если Вы найдете нужным и возможным, то возбудить ходатайство перед Государственным издательством об их издании...»⁴¹. Такая версия смерти Коган-Бернштейна устраивала большевистское руководство, и Каменев наложил на письма резолюцию: «Ходатайство о печатании поддержать». Сборник вышел в 1922 г., став одним из последних изданий МПСР. Еще заманчивее было бы объявить Коган-Бернштейна жертвой его бывших соратников. Вероятно, этим объясняется появление сомнительной версии смерти его в конце 1922 г.: К. Буревой упоминал в своей книге «Распад» о статье некоего эсера А. К., в которой тот уверял, что Матвей Львович был убит не большевиками, а офицерами Народной Армии. А. К. заявлял, что был попутчиком Коган-Бернштейна до Белебея, где их арестовали офицеры Народной Армии; ему удалось бежать, а Матвей Львович был расстрелян. Но уже тогда, в 1922 г., Буревому эта версия представлялась сомнительной, хотя он знал А. К. лично и хорошо о нем отзывался⁴².

Выстрел под Сызранью осенью 1918 г. изменил жизнь 19-летней вдовы Коган-Бернштейна, студентки естественного факультета Петроградского университета. Когда-то, целую вечность и всего лишь год назад, влюбленный мечтатель написал ей: «Фаня, я люблю вещи и идеи и прошлое человечества... Неужели у тебя не вспыхивает радостно взор при мысли-мечте о будущем человеке?»⁴³, — удивляясь ее равнодушию к истории и политике. В 1920 г. она поступила на факультет

общественных наук Московского университета и всю жизнь посвятила истории, защитив кандидатскую и докторскую диссертации по истории гуманизма и свободы мысли в Западной Европе⁴⁴. Как это похоже на Коган-Бернштейна: говорить о мире в эпоху гражданской войны — думать о гуманизме в эпоху тоталитарной ночи. В 1925 г. она вновь вышла замуж за ученого Павла Соломоновича Юшкевича. Фаина Абрамовна Коган-Бернштейн умерла в июне 1976 г. Она всю жизнь бережно хранила бумаги и документы первого мужа: не уничтожила их ни в страшные 30-е годы, когда лишилась работы, а причастность к оппозиционеру, хранение его работ и «контрреволюционных» изданий могли стоить жизни; не потеряла в годы Отечественной войны — во время эвакуации в Киров; сберегла в конце 40-х — начале 50-х гг., когда в разгар кампании «борьбы с космополитизмом» вынуждена была оставить профессорскую должность в МГУ и уехать из Москвы. Фаина Абрамовна сберегла документы и фотографии Матвея Коган-Бернштейна и его родителей, его статьи и письма. Сегодня они хранятся среди бумаг профессора Ф. А. Коган-Бернштейн, которые А. П. Юшкевич — сын ее мужа — принес в Архив АН СССР после смерти Фаины Абрамовны. Листая страницы этих документов, мы понимаем, что вдова Коган-Бернштейна сохранила для нас не только память о близком ей человеке, но и очень значимую страничку из истории нашего вечно воюющего отечества, на которой рукой ее мужа было начертано: война внутри демократии прокладывает дорогу диктаторам, знамя гражданской войны не наше знамя.

Примечания

¹ Л. М. Две казни. Памяти Л. М. и М. Л. Коган-Бернштейн (1889—1918) // Дело народа. М., 1919. 21 марта.

² Кто виноват? // Известия ВЦИК. 1919. 22 марта.

³ Волков Н. Народоволюнская пропаганда среди московских рабочих в 1881 г. // Былое. 1906. Кн. 2. С. 178; Якутская трагедия. М., 1925. С. 67.

⁴ Тани-Богораз В. Г. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 234.

⁵ Якутская трагедия. С. 101.

⁶ Кротов М. А. Якутская ссылка 70—80-х гг. М., 1925. С. 191.

⁷ Он вернулся чуть раньше, так как в ссылке отбывал воинскую повинность.

⁸ См.: Якутская трагедия; Кротов М. А. Указ. соч.; Минор И. Якутская драма 22 марта 1989 г. // Былое. 1906. Т. 9. С. 129—157; Розенор С. Ледяная тюрьма (Якутская ссылка). М., 1934. С. 34—41 и др.

⁹ Архив РАН, ф. 1697, оп. 1, д. 110, л. 7.

¹⁰ Кротов М. А. Указ. соч. С. 192.

¹¹ Архив РАН, ф. 1697, оп. 1, д. 53, л. 1.

¹² Бердников Г. В., Курсанова А. В., Поливанов А. С., Стрыгина А. И. Воронежские большевики в трех революциях (1905—1917). Воронеж, 1985. С. 77.

¹³ Лавыгин М. Б. 1917 год в Воронежской губернии (Хроника). Воронеж, 1928. С. 60, 66, 83, 89, 97, 99, 109.

¹⁴ За власть Советов: Сб. воспоминаний участников революционных событий в Воронежской губернии в 1917—1918 гг. Воронеж, 1957. С. 50.

¹⁵ Архив РАН, ф. 1697, оп. 1, д. 67, л. 32.

¹⁶ Знаменский О. Н. Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения. М., 1976. С. 338.

¹⁷ Архив РАН, ф. 1697, оп. 1, д. 118, л. 1.

¹⁸ Там же, д. 114, л. 2 (с. 63—64).

¹⁹ О группе «Народ» см.: Чемерисский И. А. Эсеровская группа «Народ» и ее распад (1919—1923 гг.) // Банкротство мелкобуржуазных партий в России. 1917—1922 гг.: Сб. научн. трудов. Ч. II. М., 1977. С. 77—86; Шестаков Ю. И. Большевики и эсеровская группа «Народ» (О взаимоотношениях РКП(б) с меньшинством партии социалистов-революционеров) // Вопросы истории КПСС. 1978. № 8. С. 95—105; Петров М. Н. В. И. Ленин об отношении РКП(б) к партиям мелкобуржуазной демократии // Учение Ленина — незыблемая основа революционно-преобразующей деятельности КПСС / Уч. зап. кафедры обществ. наук вузов Ленинграда. История КПСС. Вып. XIX. Л., 1980. С. 48—60; его же. Возникновение и распад меньшинства партии эсеров // Вопросы истории. 1979. № 7. С. 49—60; его же. Политика большевиков по отношению к меньшинству партии эсеров в городских Советах 1919—1922 гг. (борьба за средние городские слои в Октябрьской революции и гражданской войне) // Межузов. сб. научн. трудов. М., 1984. С. 104—171; Гусев К. В., Ерицын Х. А. От соглашательства к контрреволюции (Очерки истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров). М., 1968. С. 297—303 и др.

- ²⁰ Буревой К. Распад. 1918—1922. М., 1923. С. 59.
- ²¹ Петров М. Н. В. И. Ленин об отношении... С. 55.
- ²² Буревой К. Указ. соч., С. 73—83.
- ²³ Петров М. Н. Возникновение и распад... С. 55.
- ²⁴ VII Всероссийский съезд Советов РКК и КД: Стеногр. отчет. М., 1920. С. 21, 68—71; VIII Всероссийский съезд Советов РКК и КД: Стеногр. отчет. М., 1921. С. 49—52.
- ²⁵ Цит. по: Буревой К. Указ. соч. С. 117—118.
- ²⁶ Там же. С. 119.
- ²⁷ Архив РАН, ф. 1697, оп. 1, д. 85, л. 43.
- ²⁸ Там же, л. 41.
- ²⁹ Там же, л. 44.
- ³⁰ Там же, л. 41.
- ³¹ Там же, л. 51.
- ³² Цит. по: Попов Ф. Г. 1918 год в Самарской губернии: Хроника событий. Куйбышев, 1972. С. 204—205.
- ³³ Буревой К. Указ. соч. С. 47.
- ³⁴ Архив РАН, ф. 1697, оп. 1, д. 124, л. 107.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Утгоф В. Л. Уфимское государственное совещание 1918 г. (Из воспоминаний участника) // Былое. 1921. № 6. С. 31.
- ³⁷ Архив РАН, ф. 1697, оп. 1, д. 115, л. 1.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же, л. 3.
- ⁴⁰ Буревой К. Указ. соч. С. 49.
- ⁴¹ Архив РАН, ф. 1697, оп. 1, д. 122, л. 1—2.
- ⁴² Буревой К. Указ. соч. С. 50—51.
- ⁴³ Архив РАН, ф. 1697, оп. 1, д. 67, л. 32.
- ⁴⁴ См.: Средние века. 1977. Вып. 41. С. 424; Советские архивы. 1976. № 6. С. 118. Библиографию работ Ф. А. Коган-Бернштейн см.: Средние века. 1981. Вып. 44. С. 394—396.

© 1994 г. З. П. СОКОЛОВА *

НАРОДЫ СЕВЕРА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ И ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

В 1989 г. 26 народов, выделенных специальным постановлением ВЦИК и СНК СССР в 1925 г. в особую группу так называемых «малых народов Севера»¹, насчитывали 184 478 человек. Из них в семи автономных округах (Ненецком, Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском, Эвенкийском, Таймырском, Чукотском и Корякском) проживает свыше 95 тыс. человек (51,6%) — ненцы, энцы, ханты, манси, селькупы, эвенки, долгане, нганасаны, чукчи, коряки, эвены, ительмены и эскимосы; почти 13,5% — эвенки, эвены, юкагиры — в Республике Саха (Якутия); остальные 35% — саамы, кеты, негидальцы, нанайцы, ульчи, удэгейцы, нивхи, ороки (ульта), орочи, алеуты, тофалары — не имеют своих автономий, заселяя северные территории европейской и азиатской России.

Проблемам социального и экономического развития этих народов, их культуры правительственные органы СССР уделяли внимание на протяжении более 70 лет. Однако решались они с позиций теории социалистического строительства, создания новых хозяйственных структур, внедрения новых отраслей экономики, путем коренной ломки традиционного образа жизни народов Севера, разрушения наиболее отсталых, по мнению преобразователей, традиций их быта и культуры. И хотя в результате преобразований возникли крупные промысловые и оленеводческие хозяйства, улучшены жилищные условия для большинства населения, организовано медицинское его обслуживание, введено всеобщее среднее образование с помощью системы интернатов, создана письменность, литература, налажена подготовка специалистов со средним и высшим образованием из числа представителей народов Севера, не удалось избежать разрушительных последствий нововведений, особенно после упразднения в середине 1930-х гг. Комитета Севера, ликвидации национальных районов.

Начавшееся с 1960-х гг. интенсивное промышленное освоение региона резко обострило проблемы малых народов. В последние 15—20 лет особенно резко стали проявляться негативные стороны в их этнокультурном развитии.

Благодаря деятельности национальной интеллигенции, ученых, в печати с 1988—1989 гг. появилось несколько десятков статей на эту тему². Стали создаваться общественные организации народов Севера. В марте 1990 г. состоялся их I Съезд³, на котором была завершена работа по образованию ассоциации на основе возникших на местах в 1989—1990 гг. региональных объединений; «Спасение Югры» (Ханты-Мансийский а. о.), «Ямал — потомкам» (Ямало-Ненецкий а. о.), Ассоциация саамов (Мурманская обл.), «Кольта-куп» (селькупы Томской области), «Арун» (Эвенкийский а. о.), «Ясавэй» (Ненецкий а. о.), «Аван» (бухта «Провидения»), Ассоциации нганасан и долган на Таймыре, народов республик Саха (Якутия), эвенков Читинской области, орочей и нанайцев Хабаровского края, ительменов Камчатской области, народов Чукотки и Колымы, Корякского а. о., и др.⁴ Возглавил ассоциацию нивхский писатель В. Санги.

Съезд принял декларацию, программу и устав ассоциации, обсудил Комплексную программу дальнейшего развития экономики и культуры малочисленных народов Севера на 1990—1995 гг. и на период до 2005 г. Были избраны Совет ассоциации, ее президент. Эта организация выразила серьезное беспокойство за судьбу народов Севера, негативно оценила последствия промышленного освоения Севера для коренных его жителей, поставив вопрос о предоставлении независимости

* Соколова Зоя Петровна, доктор исторических наук, заведующая сектором Института этнологии и антропологии РАН.

Работа выполнена за счет фонда фундаментальных исследований РАН.

национальным образованиям, осудила патерналистскую политику государства, однако одновременно высказалась за необходимость государственной, особенно финансовой, помощи правительства СССР.

Региональные и Всероссийская ассоциации малочисленных народов Севера провели ряд конференций и фестивалей, в том числе международного характера. Они влияли на работу своих депутатов в Советах различного уровня. Особое значение придает ассоциация развитию национальных языков, промыслов, сувенирного производства, народного творчества и искусств, изданию художественной литературы, учебников, закреплению международных связей с представителями аборигенных народов других стран. В части регионов удалось добиться выделения угодий для промыслового хозяйства, финансовых компенсаций от нефтегазодобытчиков, жилищного строительства за счет нефтегазовых ведомств и т. п.

В 1990 г. ряд автономий объявил суверенитет: Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Чукотский и Корякский автономные округа провозгласили себя республиками, Эвенкийский — автономной областью. Однако федеративный Договор 1992 г., как и проект новой Конституции, не закрепил этих изменений⁵. После создания Эвено-Бытантайского района в Якутии образование национальных районов, сельсоветов и поселков затормозилось, что было связано с нежеланием местной окружной и районной администрации, состоявшей в основном из представителей народов Севера, делиться властью с низовыми структурами (сельсовет, поселок). Лишь в отдельных местах явочным порядком такие сельсоветы были созданы (например, Красноярский в Приморском крае).

За последние 3 года в ходе преобразований в нашей стране возникла система различных организаций, занимающихся проблемами выживания и развития народов Севера, в том числе и руководимых их представителями.

В 1990 г. при Верховном Совете РСФСР была создана Комиссия по вопросам социального и экономического развития республик, автономной области, автономных округов и малочисленных народов в составе Российской Федерации. Ее целью являлась законотворческая деятельность по правовой защите малочисленных народов, в том числе Севера, организация конференций, симпозиумов, конгрессов, посвященных их развитию, контроль за выполнением законов и постановлений Верховного Совета и правительства РСФСР за социально-экономической ситуацией в регионах⁶.

В 1990 г. вместо расформированного отдела развития экономики и культуры народностей Крайнего Севера и Арктики Совета Министров РСФСР был создан Государственный комитет РСФСР по социально-экономическому развитию Севера⁷ (Госкомсевер). Одним из заместителей председателя комитета стала Е. А. Гаер, нанайка, тогда народный депутат СССР.

В 1991 г. по инициативе депутата Верховного Совета СССР Е. Д. Айпина на I Съезде народных депутатов от малочисленных народов Севера создана Ассамблея для решения вопросов социально-экономического развития, законодательной защиты народов Севера. Возглавил ее Е. Д. Айпин.

В том же году с целью обеспечения национального суверенитета и самостоятельности в решении вопросов природопользования создана Ассоциация автономных образований (областей и округов)⁸.

В 1992 г. образовалась Международная Лига малочисленных народов и этнических групп (председатель Е. А. Гаер), а также фонд выживания, развития экономики и культуры⁹.

С 1990 г. велась разработка специального законодательства по проблемам аборигенов Севера. Были подготовлены следующие документы: «Основы правового статуса малочисленных народов СССР»; «Статус родовых угодий малочисленных народов Севера»; закон «Об охране и рациональном использовании земельных и других природных ресурсов в местах проживания малочисленных народов Севера» (позднее — «О территориях традиционного природопользования малочисленных народов Севера»); законопроекты «О гарантиях возрождения и развития малочисленных коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», «О национальной автономии в РСФСР», об отдельных округах, «Об экономическом статусе Севера» и др.¹⁰

В 1992 г. представители автономных округов подписали Федеративный Договор.

В 1991—1992 гг. был принят ряд постановлений правительства и Указов Президента России о некоторых мерах по социально-экономическому и культурному развитию народов Севера¹¹.

Однако в жизни малочисленных народов Севера заметного улучшения не произошло, напротив, за последние годы в ряде социальных сфер положение резко ухудшилось.

В 1991 г. сотрудники ВЦИОМ провели опрос специалистов по рассматриваемым проблемам¹². Его результаты выявили существенную разницу в оценке изменений, произошедших в положении

народов Севера, учеными и самими представителями этого населения. Первые видят положительные сдвиги в гласности, росте национального самосознания, общественной активности; вторые констатируют, что уровень жизни остался низким, экономика дошла до кризисного состояния, угасает национальная культура, языки, коренное население бесправно¹³.

О демографических процессах у народов Севера после Всесоюзной переписи 1989 г.¹⁴ можно получить некоторое представление, обратясь к ежегодным справочникам Госкомстата¹⁵, страдающим, к сожалению, неполнотой данных¹⁶.

На площади в 11 млн. кв. км Крайнего Севера и районов, приравненных к нему (эти регионы составляют $\frac{2}{3}$ территории России), живет 10 млн. человек (6,6% населения Федерации). На 1 января 1989 г. численность 26 народов Севера составила 184478 человек. На сегодня эта цифра неизвестна: в справочнике Госкомитета РФ по статистике¹⁷ учтено лишь сельское население, проживающее в трех республиках, 10 областях, трех краях Севера, — 140 689 человека на 1 января 1992 г. (на 1 января 1989 г. этот показатель был равен 140 121 человеку).

Темпы прироста сельского населения малочисленных народов Севера с 1989 по 1992 г. увеличились в среднем почти в 2 раза по сравнению с десятилетием 1979—1989 гг. — с 1 до 2% в год (см. табл.). Но если по разным районам увеличение сельского населения за 10 лет колебалось от 1,8 до 30,5% и наилучшая ситуация наблюдалась в Якутии, Приморском крае, Бурятии, Иркутской, Камчатской и Магаданской областях, то за 1990—1992 гг. эти показатели составили соответственно 2,9 и 22,4% и лучшие показатели были лишь в Сахалинской области и Бурятии. Ухудшение произошло в Якутии, Приморском крае, Республике Коми, в Амурской, Мурманской, Читинской и Иркутской областях. В Томской и Тюменской областях за эти годы численность сельского населения несколько увеличилась. Постоянно уменьшается она в Республике Коми, несколько сократилась по сравнению с 1979—1989 гг. в Архангельской, Камчатской, Магаданской областях, Красноярском крае.

Сведения о естественном приросте у народов Севера имеются лишь на 1989 г. Он колебался от 5,2 до 29 человек на каждую тысячу, в целом по Федерации этот показатель составлял 3,9 человека, по районам проживания народов Севера у всего населения — 11,1 человека, по этим же районам только у народов Севера в среднем — 21,5 человека, при этом у трех народов выше в 1,5—2 раза, у 23 народов — в 4—7 раз.

Рождаемость в 1989 г. у коренных народов в среднем составляла 31,9‰ (в целом по РФ — 14,6‰, на Севере — 17,7‰). Рождаемость у народов Севера была в 2—2,5 раза выше, чем у всего населения РФ (от 16,8 до 45,9 человек на тысячу), за исключением ороков (7,9 человек). Умерших в 1989 г. в среднем по РФ — 10,7‰, по Северу в целом — 6,6‰, у народов Севера в среднем — 10,4‰ (от 6,2‰ до 28,3‰). По сравнению с РФ на 30‰ меньше у 9 народов; в 1,5—2,5 раза больше у 11 народов, у остальных — примерно, как в РФ. Уровень смертности у малочисленных народов Севера в 1,5 раза выше, чем у всего населения Крайнего Севера. Наиболее частые причины смерти (свыше 50%) — несчастные случаи, отравления, травмы, болезни органов пищеварения, кровообращения.

Младенческая смертность составляла в 1989 г. 30 человек на тысячу населения. В среднем по РФ этот показатель был равен 17,8‰, в целом по Северу — 19,9‰, при этом у семи проживающих здесь малочисленных народов он был в 2—2,5 раза, у четырех — в 1,5 раза выше. О средней продолжительности жизни коренных жителей Севера данных нет. Однако по сведениям, полученным в ходе этнографических обследований, лиц старше 60 лет здесь очень мало (доля не доживших до 60 лет — 70‰, тогда как в среднем по России она равна 30%). По данным переписи 1989 г., на территории Якутии численность мужчин старше 30 лет ниже чем женщин у эвенков — на 33‰, у эвенов — на 50‰, у юкагиров — на 31‰¹⁸.

Среди причин большой смертности — весьма значительное число самоубийств, гибель от несчастных случаев (этот показатель выше среднего по РФ)¹⁹. Можно сказать, что в основном за счет высокой рождаемости некоторый весьма незначительный прирост населения есть. Особенно тревожная ситуация в этом отношении у саамов, ительменов, ороков, энцев — при небольшой численности они имеют и незначительный естественный прирост. И если у аборигенов Севера США и Канады за последние 30 лет (1959—1989) этот показатель составил от 133 до 300‰²⁰, то у народов, проживающих на территории России, — чуть больше 33‰, а в последние 4—5 лет — еще меньше.

Крайне остро стоял вопрос о развитии отраслей традиционного хозяйства народов Севера. Оленеводство, охота, рыболовство, морской зверобойный промысел постепенно угасали. Причин

Численность сельского населения у народов Севера в 1979, 1989 и 1992 г. *

Регионы Крайнего Севера и приравненные к нему районы	1979 г.	1989 г.	% прироста	1992 г.	% прироста по сравнению с 1989 г.
Республика Бурятия	1241	1399	+12,7	1654	+18,2
« Коми	125	111	-11,2	70	-63,0
« Саха (Якутия)	15364	20058	+30,5	19714	-1,7
Архангельская область	5652	6046	+7,0	6220	+2,9
Амурская »	1445	1546	+7,0	1486	-3,9
Иркутская »	1527	1709	+12,0	1564	-8,5
Камчатская »	8506	9642	+13,0	10345	+7,3
Красноярский край	11740	12655	+7,8	13170	+4,0
Магаданская область	15183	16916	+11,4	18294	+8,0
Мурманская »	1204	1226	+1,8	1152	-6,0
Приморский край	937	1071	+14,3	1017	-5,0
Сахалинская область	1373	1238	-9,8	1515	+22,4
Томская »	1771	1620	-8,5	1731	+6,8
Тюменская »	38369	40134	+4,6	44036	+9,7
Хабаровский край	14404	16069	+11,5	17649	+9,8
Читинская область	1243	1358	+9,2	1072	-21,0
И т о г о о...	120084	132798	+10,6	140689	+5,9

* Оперативные данные о численности народов Севера по Переписи 1989 г. Отдела развития экономики и культуры народностей Крайнего Севера и Арктики Совета Министров РСФСР 1990 г. М., 1990. С. 13—35; Основные показатели социально-экономического положения районов Крайнего Севера. Госкомитет РФ по статистике. М., 1992. С. 148—150.

тому немало: значительное сокращение оленьих пастбищ и промысловых угодий, что связано с промышленным освоением Севера; развитие промышленного рыболовства (Обь, Амур), централизованной добычи морского зверя, запрет на добычу китов. Шло вытеснение народов Севера из охотничьего промысла любителями и профессиональными охотниками из числа приезжего населения. Ситуация усугублялась экономическим кризисом в стране, приведшим к удорожанию горючего для мотолодок и снегоходов, авиатранспорта для доставки охотников и рыбаков на дальние угодья, транспортной и иной техники, а также к росту цен на предметы первой необходимости и продукты питания.

В итоге все меньшая часть представителей народов Севера была занята в традиционных отраслях хозяйства. К сожалению, точных данных на этот счет нет. Но если учесть, что около половины (47%) населения трудятся в сельском хозяйстве, можно приблизительно определить число занятых в традиционном хозяйстве. В 1992 г. из 140 689 сельских жителей примерно 14 900 человек составляли оленеводы, рыбаки и охотники²¹. По данным Ханты-Мансийского окружного статуправления, в 1985 г. из 17 131 коренного жителя Севера трудоспособных было 6616 человек (38,6%). В составе сельского населения в 1992 г. было 54 305 трудоспособных (38,6%); из них оленеводством, охотой и рыболовством занималось 27,4%. Это почти в 2 раза меньше, чем в 60—70-х гг.²².

Проблема трудоустройства аборигенов — одна из острейших в регионе. Согласно данным опроса Госкомстата РФ, проведенного в 1991 г. 66,5% опрошенных констатировали факт вытеснения коренных народов Севера из традиционных отраслей (в Ханты-Мансийском и Эвенкийском а. о. — 89—89,3%)²³. 42,3% мужчин и 57% женщин заявили, что им сложно найти работу, соответственно 26,2 и 21,9% считали, что в поиске работы имеются небольшие трудности. В межсезонье занята лишь половина работающих в традиционных отраслях. Особенно актуальна проблема занятости для молодежи: для 60,9% опрошенных работу найти было сложно, для 15,2% — в этом имелись

определенные трудности. Лучше всего положение с трудоустройством в Якутии, хуже — в Хабаровском крае, на Таймыре, в Эвенкии, Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском, Ненецком автономных округах, на Чукотке. Большинство опрошенных считали, что труднее найти работу женщинам и молодым.

В то же время 83,2% всех опрошенных (из них только 3% занимаются охотой и рыболовством) считали, что традиционные отрасли должны быть их основным занятием. В Эвенкии, на Таймыре, в Якутии такого мнения придерживались 90—93%. Индивидуальным охотничьим промыслом хотели бы заниматься, но не имели возможности 13% опрошенных. Другие были готовы работать и в иных сферах хозяйства, но на первом месте для них стояли занятия индивидуальной охотой и рыболовством, на втором — индивидуальная трудовая деятельность, далее — работа в кооперативе, учеба, домашние занятия, работа на госпредприятиях. В 5—7 раз меньше было желающих работать в колхозе, совхозе, учреждении.

Площадь оленьих пастбищ с 1985 по 1990 г. уменьшилась на 12,5 тыс. га²⁴. Поголовье домашних оленей с 1980 по 1991 г. сократилось примерно на 57 тыс. голов²⁵. Закупки оленьих шкур и камусов снизились на треть. Правда, возросло поголовье оленей в личном хозяйстве: с 1985 по 1991 г. — на 143 тыс. голов, причем в 1990—1991 гг. — на 31,4 тыс. голов.

Добыча рыбы и морского зверя уменьшилась с 1985 по 1991 г. на 456 тыс. т, хотя в 1985—1990 гг. ее уровень был выше, чем в 1980 г. на 476—491 тыс. т. Рыбных консервов в 1991 г. произведено меньше, чем в 1990 г., на 149 млн. условных банок. Сокращалось число охотничьих хозяйств, площадь охотничьих угодий. Государственные закупки пушнины снизились с 1990 по 1991 г. на 27%. При этом по песцу — в 2—3 раза, по соболю — на 21%, серебристо-черной лисице — в 2,5 раза, горностаю — в 2 раза, белке — на 33%, колонку — на 20%, клеточной норке — на 34%, зайцу-беляку — на 17%, ондатре — на 32%²⁶. Таким образом, и в охоте, и в клеточном звероводстве происходит спад хозяйственной активности.

Респонденты отмечали, что в последние 5 лет на Крайнем Севере были предприняты некоторые меры к развитию традиционных отраслей хозяйств: повышены закупочные цены на пушнину, рыбу, продукцию морских промыслов (это признали 44% опрошенных), дана возможность реализовать продукцию промыслов по договорным или свободным ценам (20%), ограничен отвод земель промышленным предприятиям (5%), некоторые угодья возвращены коренному населению: местным Советам переданы службы, ведающие установлением сроков охоты (5%), упрощен порядок приобретения охотничьего оружия (5%) и др. Однако эти новшества вводились слабо и не везде. Из опрошенных в 1991 г. Госкомстатом РФ 4399 представителей малочисленных народов Севера отрицательно оценили изменения в своей жизни в связи с промышленным освоением районов их проживания от 50 до 80% опрошенных. При этом отрицательные оценки колебались от 33,2 (Корякский а. о.) до 60,9% (Ханты-Мансийский а. о.). Более благоприятные условия жизни сложились в Корякском, Таймырском, Ненецком а. о., худшие — Хабаровском крае, Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком, Эвенкийском, Чукотском автономных округах.

Многие респонденты считают, что для улучшения жизни аборигенов ничего не предпринято (преимущественно это жители Хабаровского края, Чукотского, Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов)²⁷.

Следует отметить, что в регионе идет спад и в промышленных отраслях хозяйства. В 1991 г. уменьшились добыча нефти, угля, производство электроэнергии, древесины, продуктов питания. Сократился на 5% и объем производства картофеля, овощей, мяса, молока (этот показатель по России был равен 2,2%)²⁸.

В то же время статистика свидетельствует, что уровень заработной платы в колхозах и совхозах территорий Крайнего Севера в ряде случаев даже выше, чем в других областях России²⁹, но это связано с высокой оплатой лишь некоторых категорий работников — оленеводов, звероводов, руководящего аппарата.

По данным опроса Госкомстата РФ, в 1991 г. до 150 руб. в месяц получали от 13,3 до 48,4% опрошенных, 150—300 руб. — от 42,2 до 54,8%, 300—400 руб. — от 7,8 до 22,2%, 400—500 руб. — от 1,6 до 15,6%, свыше 500 руб. — от 1,8 до 8,6%³⁰.

В 1991 г. каждый третий опрошенный имел земельный участок, каждый пятый — оленей (Ямало-Ненецкий, Чукотский, Ненецкий, Корякский а. о., Якутия), крупный рогатый скот имели 6% респондентов, свиней — 13%, птицу — 7% (Ханты-Мансийский а. о., Хабаровский край, Якутия). За счет личного подсобного хозяйства и самозаготовок полностью или частично удовлетворяли

свои потребности в мясе около половины опрошенных, в картофеле — около 40% и овощах — 20%, в молоке — 7%; рыбой обеспечивали себя более 64%.

Угасание традиционных отраслей хозяйства обусловлено разными причинами: дальнейшим ухудшением экологической обстановки, утратой оленьих пастбищ и промысловых угодий в связи с расширением промышленного освоения Севера, дороговизной техники, средств транспорта, оборудования и т. п., отходом все большей части представителей коренных народов Севера от традиционного хозяйства и образа жизни, их миграциями в города и поселки, урбанизацией их культуры, ассимилятивными процессами.

Так, в половине регионов Крайнего Севера от 40 до 90% сточных вод сбрасываются неочищенными. Например, в Архангельской области только три предприятия «поставляют» их около 700 млн. куб. м, в Сахалинской области — шесть предприятий — 85 млн. куб. м. Увеличились выбросы вредных веществ в атмосферу. В отдельных регионах Крайнего Севера не улавливается и не обезвреживается до 97% вредных веществ³¹.

Самыми крупными очагами загрязнения атмосферы оставались предприятия крупных городов — Дудинки, Норильска, Мурманска, Заполярного, Колы, Салехарда, Южно-Сахалинска, Поронайска, Архангельска, Нарьян-Мара, Новодвинска, Братска, Усть-Илимска, Петропавловска-Камчатского, Комсомольска-на-Амуре.

До сих пор природоохранным требованиям не соответствуют технологии разведки, освоения и эксплуатации месторождений полезных ископаемых. При проведении геологоразведочных работ нарушается почвенный слой земли, гибнут олени пастбища, загрязняются атмосфера и водные бассейны. Значительны потери нефти и газа при добыче. Например, в 1990 г. в Ненецком а. о. в факелах сожжено 140,5 куб. м газа, в Тюменской области ежегодно сжигается около 10 млрд. куб. м попутного газа (всего уже сожжено здесь 150 млрд. куб. м газа).

В связи с добычей нефти и газа в автономных округах Тюменской области потеряно более 10 млн. га оленьих пастбищ, около 20 тыс. га нерестилищ, загрязнены 20 промысловых рек.

Число лесных пожаров в районах Крайнего Севера увеличилось в 1991 г. по сравнению с 1990 г. в 6. из 16 регионов, при этом в Тюменской, Камчатской и Магаданской областях расширилась площадь, охваченная пожарами, хотя в большинстве регионов уменьшилось количество сгоревшего и поврежденного на корню леса (с 22 135,1 до 10 894 тыс. куб. м). В 1991 г. огонь уничтожил 332 тыс. га оленьих пастбищ. Авиационная охрана действовала менее чем на половине площадей.

56% опрошенных в 1991 г. Госкомстатом РФ представителей малочисленных народов Севера высказались против дальнейшего интенсивного промышленного развития Крайнего Севера; 60% отметили неудовлетворительное состояние пастбищ; 68% — рек, озер, прибрежной полосы; 43% — атмосферы; 60% — качества питьевой воды; 56% — мест сбора ягод и грибов; 63% — потери в численности животных и птиц (в Ненецком и Ямало-Ненецком а. о. — до 79)³².

Тяжелейшая ситуация сложилась в образовании, здравоохранении, жилищном строительстве, культуре народов Севера. Ассигнования на эти сферы уменьшились в 1991 г. в ряде случаев наполовину. Сократился ввод в действие школ — на 44%, дошкольных учреждений — на 47%, больниц — на 20%, клубов, домов культуры — на 52%³³.

В отдельных квартирах, собственных домах живет 71,9% опрошенных Госкомстатом РФ лиц — представителей народов Севера; 6,7% — в балках, ярангах, чумах; 21,4% — в коммунальных квартирах и чужих домах. Жилищные условия остаются неблагоприятными: электричество есть лишь в 88,8% жилых помещений, центральное отопление — в 34,5% домов, водопровод — в 21,3%, газ в баллонах и сетевой — в 23,9%, канализация — в 16,2%, горячее водоснабжение — в 10,9%, ванна, душ — в 12%, телефон — в 26% домов. Лучше всего благоустроено жилье в Чукотском и Корякском автономных округах³⁴.

Детские ясли, согласно итогам опроса, не посещали 46% детей, детские сады — 24%, из них более половины — либо из-за отсутствия этих учреждений, либо из-за их отдаленности от места проживания детей. В специально построенных зданиях находятся 73,4—74,5% детсадов и ясель. Остальные — в приспособленных или неприспособленных помещениях. То же относится к школам, интернатам³⁵.

Ухудшилось состояние здоровья коренного населения Севера. За 75 лет впервые из-за дороговизны здесь перестали проводиться медицинские обследования разъездными медицинскими отрядами. Как неудовлетворительное оценили свое здоровье 17,6% опрошенных, здоровье своих детей — 14,4%. Самое негативное влияние на этот показатель, по мнению респондентов, оказывает

недостаток и низкое качество продуктов питания (68,8%), плохие жилищные условия (43,2%), невысокое качество медицинского обслуживания, безобразное состояние окружающей среды³⁶. По-прежнему сильно распространен алкоголизм, в том числе женский. Спиртное завозится на Север торговыми предприятиями и особенно приезжим населением, выменивающим «за бутылку» все — рыбу, пушнину, лес, оленей. Алкоголизм ведет к утрате здоровья, многочисленным несчастным случаям, самоубийствам.

Продолжались процессы утраты национальной культуры и языков. По данным Госкомстата РФ 1991 г., большинство опрошенных (56,4%) оценивая развитие своей национальной культуры, отметили, что потерь здесь больше, чем приобретений (от 36,8% респондентов в Ненецком а. о. до 68,5% в Эвенкийском а. о.)³⁷. Опросы показали, что, утрачивая самобытную культуру, многие представители народов Севера не воспринимают и современной урбанизированной культуры, переходят в состояние деградации и деэтнизации. Большинство аборигенов (82,9%) высказалось и за развитие родных языков, считая, что образование надо вести на национальном и русском языках, и за увеличение объема радио- и телевидения, газет, детских книг на родных языках³⁸.

Межнациональные отношения коренные жители Севера (68%) в основном оценивают как спокойные и дружественные. Наибольшая конфликтность в этой области отмечена в Ямало-Ненецком, Эвенкийском и Чукотском автономных округах³⁹.

Как видим, за годы реформ ситуация на Севере не улучшилась, а по ряду параметров осложнилась в связи с переходом к рыночным отношениям. Одна из главных причин такого развития событий кроется в характере отношений народов Севера и государства. Весь советский период, да и последние 2—3 года после распада СССР в них преобладал патернализм государства, которое разрабатывало программы развития этих народов, финансировало их, определяло пути и методы их осуществления⁴⁰. Однако, с одной стороны, значительная часть направляемых государством средств шла на нужды пришлого населения, занятого в сельском хозяйстве, промышленности и расходовалось номенклатурой⁴¹, с другой — народам Севера предоставлялись различные льготы, на почве которых стало развиваться иждивенчество⁴². Угасание традиционного хозяйства, становившегося нерентабельным, не сохраняло в полной мере систему жизнеобеспечения аборигенов. Проведенные реформы не изменили в этом регионе экологическую ситуацию. Коренные жители лишаются своих оленьих пастбищ и промысловых угодий для ведения традиционных отраслей хозяйства. Они оказались неконкурентоспособными для работы в иных сферах экономики рядом с приезжими специалистами, не смогли адаптироваться к условиям труда в промышленности. Для выживания в условиях рынка необходима активизация самостоятельных действий аборигенов. Отказ государства от голого патернализма, предоставление коренным народам возможности выбора путей своего развития, структуры хозяйства, различных его форм (не только колхозов, совхозов и промхозов), создание материальной основы для их самостоятельного развития путем предоставления им земли и кредитов. В современных условиях необходимо решить по-новому вопрос о земле и о самоуправлении (общине как органе самоуправления и национальном районировании).

Вопрос о земле, промысловых угодьях и оленьих пастбищах имеет здесь особое значение, так как гибель традиционного хозяйства ведет к утрате этнической специфики местного населения. Этнографам пришлось потратить много усилий, чтобы доказать это. Теперь, кажется, никто не сомневается⁴³ в том, что культура, язык этих народов настолько тесно связаны с природным окружением, что угасают без него в городах и поселках почти полностью, ведя народы к деградации.

Определяя современные подходы к решению судеб малых народов Севера, государство исходит из того, что промышленное освоение региона, где добывается 92% газа, 75% нефти, 15% угля, половина рыбы и нефтепродуктов, производится 17% электроэнергии, 25% деловой древесины, весь апатитовый концентрат, около 40% рыбных консервов⁴⁴, не может быть остановлено. Чтобы в этих условиях сохранить местные этносы необходимо не внедрять частную собственность на землю, а выделять для ведения традиционного хозяйства часть территорий, не подлежащих промышленному освоению, в общинное владение согласно местным традициям. Указом Президента России от 22 апреля 1992 г. предписано определить их границы, бесплатно передавать народам Севера пастбища и угодья в пожизненное наследуемое владение, либо в аренду (колхозам и совхозам — в бессрочное постоянное пользование или в аренду)⁴⁵. На местах необходимость этой меры была осознана еще раньше⁴⁶. Однако на практике указ не реализуется и решения местных органов власти не исполняются. Например, в Ханты-Мансийском а. о. охотничьи угодья закрепляются за охотником лишь на один год (!). Участки выделяются небольшие, по меркам сельского, а не

промышленного хозяйства. Часть территорий отходит не к народам Севера, а промышленным предприятиям, различным фирмам, инвесторам, в том числе иностранным. Кое-где уже распускаются колхозы и совхозы, в том числе оленеводческие, но пастбища и олени передаются работникам бухгалтерии, административного аппарата и т. п.

Необходимы законы, регулирующие эти вопросы. Последние 3—5 лет общественные деятели из числа народов Севера постоянно выступают за ратификацию международной Конвенции МОТ «О коренных и ведущих племенной образ жизни народах в независимых странах», принятую в 1989 г. Один из основных вопросов Конвенции — о земле и природных ресурсах (статьи 13—15). Однако такие страны, как США и Канада, где живет гораздо большее, чем у нас, число аборигенов и где на северных территориях плотность населения много ниже нашей (в том числе гораздо меньше пришлого населения чем, например, в Западной Сибири, отдельных районах Крайнего Севера России), до сих пор не ратифицировали Конвенцию МОТ 1989 г., поскольку ее немедленная ратификация чревата большими межнациональными конфликтами. Эта вероятность особенно актуальна для России, где аборигены составляют меньшинство населения (даже в автономных округах — от 1,5 до 25%).

В связи с этим целесообразно сначала создать правовую систему переходного характера, исходящую из реальных условий жизни. К 1993 г. разработаны законопроекты «О правовом статусе малочисленных народов России», «О правовом статусе коренных народов Севера», «О территориях традиционного природопользования малочисленных народов Севера»⁴⁷, где предпринята попытка решить основные вопросы дальнейшего социально-экономического и культурного развития этой части населения в комплексе, предусмотрев национальное районирование (создание национальных районов, сельсоветов, поселков в местах компактного проживания народов Севера)⁴⁸, возрождение общинного самоуправления⁴⁹, а для ведения оленеводства, охоты и рыболовства — выделение территории традиционного природопользования с закреплением их за конкретными общинами (в их постоянное владение)⁵⁰. Эти меры могут предоставить большую самостоятельность и независимость народам Севера.

Помощь государства должна быть выражена в разработке и осуществлении целевых программ, направленных на развитие хозяйства, образования, здравоохранения, языков и культуры, подготовку кадров и адресована конкретным общинам, с тем чтобы средства дошли по их действительному назначению.

К сожалению, время, когда еще можно было повлиять на улучшение состояния традиционных отраслей хозяйства, ушло. Сейчас можно восстановить лишь тундровое оленеводство в ограниченных размерах. Охота и рыболовство все больше становятся любительским занятием или промышленной отраслью. Кроме того, не все представители народов Севера в настоящее время выражают желание в них работать, особенно из-за необходимости вести кочевой или полуседлый образ жизни⁵¹. В связи с этим большей части коренного населения Севера так или иначе предстоит включиться в иные сферы хозяйства. Предпочтительнее близкие им традиционно: перерабатывающая промышленность на местном сырье (оленьих шкурах, пушнине, мясе зверей и птиц, рыбе, ягодах, орехах, грибах, лекарственном сырье и пр.). При этом потребуются помощь государства в образовании, особенно специальном, для обеспечения аборигенам конкурентоспособности с населением, прибывающим из более развитых регионов.

К сожалению, утрата традиционных отраслей хозяйства, урбанизация культуры, ассимиляционные и миграционные процессы среди северных, в том числе арктических, народов носят глобальный характер, присущи не только нашему Северу, но и Северу Канады, США, Скандинавии⁵². И чем малочисленнее народы, тем сильнее эти процессы их затрагивают. По существу, установление государственных льгот народам Севера для их сохранения, хотя и необходимо, но малорезультативно. Многие представители этих малочисленных народов уже безвозвратно утратили свою этническую специфику. В перспективе процессы ассимиляции малочисленных народов их окружением, по-видимому, будут продолжаться. Важнейшей задачей государства является их физическое сохранение и предотвращение психологической деградации из-за полной утраты национальной культуры и неспособности воспринять современную урбанизированную культуру.

Вряд ли сейчас возможно ориентироваться только на полное невмешательство государства и возврат народов Севера к традиционному образу жизни с превращением территорий их расселения в заповедные зоны либо на переход этих народов на «европейскую модель» развития и ассимиляцию северных культур. Скорее всего, необходимо дать им возможность сделать выбор: всем желающим

вернуться к традиционным нормам жизни, обеспечив по возможности для этого условия (национальное районирование, общинное самоуправление, территории традиционного природопользования), и в то же время облегчить переход к «европейскому» (урбанизированному) образу жизни всем, кто уже не хочет возврата к прежним традициям, не может отказаться от достижений современной цивилизации.

Примечания

¹ Собрание узаконений и распоряжений 1925 г. № 74. С. 543. Решениями Верховного Совета РФ в 1992—1993 гг. к малочисленным народам Севера были отнесены также телеуты, шорцы, кумандинцы. Это стремление попасть в данную группу народов связано с теми льготами и помощью государства, которые оказываются малочисленным народам Севера.

² См.: Советская этнография. 1990. № 6.

³ См.: Соколова З. П. Съезд малочисленных народов Севера (взгляд этнографа)//Советская этнография. 1990. № 5; е е же. Народы Севера России/Народы и культуры: Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XVIII. Ч. II. М., 1992. С. 447—458.

⁴ Народы Севера России. Ч. II. С. 439—447.

⁵ Этнополис: Этнополитический вестник России. 1992. № 1. С. 28—32; Российская газета. 1993. 10 ноября.

⁶ Корнилова З. Малочисленным народам — правовую и социальную защиту//Этнополис. 1992. № 1. С. 67—70.

⁷ Законодательные акты. 1917—1992 гг. (социально-экономическое и культурное развитие народов Севера)//Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XI. Национальная политика в России. Кн. 2. М., 1992. С. 212—214, 221—222.

⁸ Там же. С. 226—227.

⁹ Там же. С. 226.

¹⁰ Народы Севера России. Ч. II. С. 461—481.

¹¹ Законодательные акты. 1917—1922 гг. С. 214—235.

¹² Народы Севера России. Ч. III. С. 669—718.

¹³ Там же. Ч. II. С. 486—487.

¹⁴ К сожалению, уточненные результаты Переписи 1989 г. в полном объеме до сих пор не опубликованы.

¹⁵ Основные показатели социально-экономического положения районов Крайнего Севера. Госкомитет по статистике. М., 1992; Социальное и экономическое развитие районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера. 1992. Госкомстат России. М., 1992.

¹⁶ Госкомстатом учтены представители народов Севера, живущие лишь в районах Крайнего Севера и местностях, приравненных к ним. Между тем численность этих народов за пределами данной территории — в центре европейской части, на Урале, в Поволжье и др., по Переписи 1989 г., составляла 5,4% от их общего количества (из них 1,6% — за пределами России, т. е. на территории республик бывшего СССР). Даже по районам, где Госкомстат вел учет, невозможно сравнить данные 1989 г. и последующих годов, так как в 90-х гг. по отдельным областям и краям учитывалось лишь сельское население аборигенов. Кроме того, естественный прирост населения, число родившихся и умерших, младенческая смертность даны Госкомстатом лишь по всему населению регионов Севера. Полностью отсутствуют сведения о средней продолжительности жизни коренных жителей.

¹⁷ Основные показатели социально-экономического положения районов Крайнего Севера. Ч. II. С. 148—150.

¹⁸ Подробно см.: Соколова З. П. Перестройка и судьбы малочисленных народов Севера//История СССР. 1990. № 1. С. 161; е е же. Народы Севера СССР: прошлое, настоящее и будущее//Советская этнография. 1990. № 6. С. 24; е е же. Проблемы этнокультурного развития народов Севера//Расы и народы. 1989. № 20. С. 130; Основные показатели социально-экономического положения районов Крайнего Севера. С. 139; Итоги Всесоюзной переписи населения на 12 января 1989 г. Численность и состав народностей Севера, Сибири и Дальнего Востока в Якутской АССР: Стат. сб. № 9. Госкомстат РСФСР. Якутское республиканское управление статистики. Якутск, 1990. С. 20—22.

¹⁹ Основные показатели социально-экономического положения районов Крайнего Севера. С. 24—25.

²⁰ Коренное население Северной Америки в современном мире. М., 1990. С. 86—87; Народы Севера СССР. С. 24; Народы Советского Севера. М., 1991. С. 9.

²¹ Основные показатели социально-экономического положения районов Крайнего Севера. С. 11, 33, 148.

²² Соколова З. П. Проблемы этнокультурного развития... С. 132. По данным Госкомстата РФ, в традиционных отраслях занято около трети опрошенного населения (см.: Социально-экономические условия жизни малочисленных народов Севера. Государственный Комитет Российской Федерации по статистике. М., 1992. С. 3).

²³ См.: Социально-экономические условия жизни малочисленных народов Севера. С. 17—18, 24—27, 133—134.

²⁴ См.: Основные показатели социально-экономического положения районов Крайнего Севера. С. 102, 104, 94—95, 99, 110—116, 139.

²⁵ Правда, и здесь наша статистика неточна. Ср.: Основные показатели развития экономики и культуры малочисленных народов Севера (1980—1989 годы)//Материалы «Делегату Съезда малочисленных народов Севера». М., 1990. С. 30 (табл.); Основные показатели социально-экономического положения районов Крайнего Севера. С. 103.

²⁶ Социально-экономические условия жизни малочисленных народов Севера. С. 4—5, 14—15.

²⁷ Там же. С. 19—23.

²⁸ Основные показатели социально-экономического положения районов Крайнего Севера. С. 82, 84, 88—92, 96—97, 105.

²⁹ Там же. С. 119, 122.

³⁰ Социально-экономические условия жизни малочисленных народов Севера. С. 6, 12, 45—49, 135—145.

³¹ См.: Основные показатели социально-экономического положения районов Крайнего Севера. С. 71—80.

³² Социально-экономические условия жизни малочисленных народов Севера. С. 4, 19—21, 88—97, 131—132.

³³ Основные показатели социально-экономического положения районов Крайнего Севера. С. 123, 128—135; Социально-экономические условия жизни малочисленных народов Севера. С. 60—71.

³⁴ Социально-экономические условия жизни малочисленных народов Севера. С. 39—44.

³⁵ Там же. С. 82—85.

³⁶ Там же. С. 98—113.

³⁷ Там же. С. 120—121.

³⁸ Там же. С. 122—127.

³⁹ Там же. С. 118—119.

⁴⁰ См.: «О некоторых мерах по социально-экономическому развитию народов Севера». Постановление СМ РСФСР от 4 февраля 1991 г. № 76; «О дополнительных мерах по улучшению социально-экономических условий жизни малочисленных народов Севера на 1991—1995 гг.» Постановление Кабинета министров СССР и СМ РСФСР от 11 марта 1991 г. № 74; «О государственной программе развития экономики и культуры малочисленных народов Севера в 1991—1995 годах». Постановление СМ РСФСР от 11 марта 1991 г. № 145; «О развитии Тюменской области». Указ Президента РСФСР от 19 сентября 1991 г. № 122; «О неотложных мерах по решению социально-экономических проблем Тюменской области, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов». Постановление СМ РСФСР от 8 ноября 1991 г. № 591; «О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера». Указ Президента Российской Федерации от 22 апреля 1992 г. № 397; «О социально-экономическом развитии районов Севера и приравненных к ним местностей». Постановление Правительства РФ от 12 мая 1992 г. № 308; «О мерах по развитию и государственной поддержке экономики Дальнего Востока и Забайкалья». Указ Президента РФ от 22 сентября 1992 г. № 1118 (источники, краткую аннотацию см.: Законодательные акты. 1917—1992 гг. С. 214—232).

⁴¹ Например, по постановлению ЦК КПСС и СМ СССР «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера» от 7 февраля 1980 г. № 115 с 1980 до 1990 г. было израсходовано 77 млрд. руб., или по 169 125 руб. на каждого представителя народов Севера (т. е. ежегодно — почти по 17 тыс. руб.). Однако до самих народов Севера они дошли в незначительной степени, осев в городах, окружных и районных центрах.

⁴² См. об этом: Материалы «Делегату Съезда малочисленных народов Севера»; Соколова З. П. Съезд малочисленных народов Севера.

⁴³ А было время, когда всерьез, несмотря на протесты этнографов, пытались перевести народы Севера из сферы традиционного хозяйства в промышленность и сельское хозяйство — земледелие, животноводство, а кочевых оленеводов и полуседлых охотников и рыболовов — на оседлость (ср.: Концепция развития народностей Севера СССР на период 1991—2010 гг. Новосибирск, 1988; Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера//Труды Института этнографии. Новая серия. Т. LVI. 1960. С. 7—8; Этнокультурное развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса на перспективу до 2005 г. (Концепция развития). М., 1988, 1989.

⁴⁴ Основные показатели социально-экономического положения районов Крайнего Севера. С. 12; Социально-экономические условия жизни малочисленных народов Севера. С. 60—71.

⁴⁵ О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера. Указ № 397. Отдел кодификации Верховного Совета Российской Федерации.

⁴⁶ Исполком Тюменского областного Совета утвердил предложения Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого окрсполкомов и Уватского райисполкома о создании «зон приоритетного природопользования». По этому постановлению более половины территории Ямало-Ненецкого, треть Ханты-Мансийского округов и 8 тыс. кв. м Уватского района обрели особый статус: промышленное освоение этих территорий будет производиться с разрешения местных органов власти (Известия. 1990. 4 марта). В 1990—1991 гг. статусы таких территорий разработаны и приняты в Ханты-Мансийском, Корякском а. о., Хабаровском крае, Сахалинской области.

⁴⁷ Все эти законопроекты находились в Комиссии по вопросам социального и экономического

развития республик в составе Российской Федерации, автономной области, автономных округов и малочисленных народов Верховного Совета РФ, однако продвижение их к принятию Верховным Советом было весьма медленным. В июне 1993 г. во втором чтении принят первый из перечисленных законопроектов.

⁴⁸ Создание подобных преобразований предусмотрено Конституцией РФ (ст. 130), статус таких национальных образований разрабатывается лишь на местах (Мурманская обл., Ханты-Мансийский а. о. и др.).

⁴⁹ На местах уже воссоздаются такие общины (в Якутии их свыше 200), разрабатываются и принимаются уставы подобных общин (см., напр., «Положение о статусе родовых семейных и общинных угодий в Ханты-Мансийском а. о.», «Положение о статусе общинных, родовых, семейных угодий и угодий отдельных граждан в Ямало-Ненецком а. о.», проект закона РФ «О кочевых родовых и родоплеменных общинах малочисленных народов Севера», разработанный Институтом проблем малочисленных народов Севера Республики Саха /Якутия/). На наш взгляд, это правильный путь, хотя термины «родовая община», «родоплеменная община» несколько устарели. Целесообразнее говорить об общине вообще, в каждом конкретном случае она может быть разной — территориальной (соседской), национальной, межнациональной и лишь в редких случаях — родовой (когда у населения сохранилась память о родовых подразделениях или родовых названиях, например, в фамилиях).

⁵⁰ Если опираться на историю народов Севера, то следует помнить, что для них была характерна не частная собственность на землю, а общинное владение и пользование. В связи с этим, очевидно, не случайно сейчас в ряде регионов Сибири представители коренных народов выступают против частной собственности на землю, так как она может перейти в собственность пришлого населения.

⁵¹ Согласно опросу Госкомстата, в 1991 г. за необходимость производственного кочевания высказались 36,4% опрошенных, за необходимость и бытового кочевания — 27,5% опрошенных (см.: Социально-экономические условия жизни малочисленных народов Севера. С. 32), что примерно соответствует числу занятых в традиционных отраслях хозяйства (см. об этом также: Карлов В. В. Народности Севера Сибири: особенности воспроизводства и альтернативы развития // Советская этнография. 1991. № 5).

⁵² Карлов В. В. Указ. соч. С. 13—15; Новикова Н. И. Социокультурное развитие малых народов Севера: проблемы и пути их решения (обзор текущей периодики) // Этнокультурные аспекты национальных проблем / НИО Ниформкультура. Серия I, IV. Вып. 8. М., 1989. С. 59—60.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

МОНОГРАФИИ О ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЯХ

Н. Г. ДУМОВА. ЛИБЕРАЛ В РОССИИ: ТРАГЕДИЯ НЕСОВМЕСТИМОСТИ. Исторический портрет П. Н. Милюкова. Ч. 1. М., 1993. 239 с. Тир. 500

Долгие годы имя крупнейшего политика и историка Павла Николаевича Милюкова упоминалось в советской историографии лишь в обязательном сочетании с каким-либо уничижительным эпитетом. При этом не имело значения, шла ли речь о его политической или научной деятельности.

Его ненавидели в равной степени и крайне левые, и крайне правые. Большевики, не ограничиваясь только желчными памфлетами и «научными рецензиями», уже в первые дни после Октября 1917 г. ввели применительно к его партии столь памятное теперь выражение «враг народа». А крайне правые почти нецензурно бранили его с трибуны Государственной думы, стреляли в него в эмиграции, считая, что именно он и его кадетская партия, впитавшая в себя цвет российской интеллигенции, виновны в гибели милого их сердцу самодержавия.

В наше время, как только сняли искусственные ограничения, открыли «спецхраны», стало понятно, с фигурой какого масштаба мы имеем дело. И интерес к личности Милюкова проявился в полной мере. Были не только переизданы дважды его «Воспоминания», но и появились специальные работы, анализирующие его общественную деятельность¹. Одной из первых среди ученых к личности Милюкова обратилась Н. Г. Думова², до этого много и плодотворно изучавшая деятельность партии, которой он руководил.

Автор рецензируемой работы успешно реализует замысел: создать трилогию о П. Н. Милюкове. Первая рассматриваемая здесь часть названа «Жизнь в науке» (вторая — «Жизнь в политике (1905—1918)», третья — «Жизнь в эмиграции»). Такое деление, конечно, несколько искусственно, поскольку и в ранний период жизнедеятельности П. Н. Милюков активно «жил в политике» (он — один из организаторов и активных деятелей «Союза Освобождения»), а затем до конца своих дней

не расставался с наукой. Однако всякая периодизация столь же условна, сколь и необходима. Важно только, чтобы, во-первых, эта периодизация достаточно веско обосновывалась (и тут к автору никаких претензий предъявить нельзя), а, во-вторых, чтобы автор не забывал об условности подобного деления.

Милюков родился в 1859 г., через три года после проигранной Крымской войны. Уже вполне осмысленно он воспринял русско-турецкую войну 1877—1878 гг., так называемый «период реформ», а затем, после убийства революционерами Александра II, и «период контрреформ». Его становление как ученого шло параллельно с формированием политических взглядов (этому фактору П. Н. Милюков придавал важное значение в научной биографии историка). «Основной недостаток В. О. Ключевского, — утверждал он, — заключался в отсутствии того коренного нерва ученой работы, который дается цельным философским общественным мировоззрением и которого не может заменить величайшее мастерство схематизации» (с. 119). В книге тщательно анализируется ход работы ученого над его первым крупным трудом — «Государственное хозяйство России в связи с реформой Петра Великого». И в рецензируемой монографии приводится важное наблюдение: «По существу каждое историческое исследование Милюкова на протяжении жизни являлось отражением не только его научных интересов, но и политических убеждений» (с. 96).

П. Н. Милюкова в выборе темы своей первой крупной работы заинтересовали, по-видимому, два обстоятельства: Петр I был реформатором недюжинного масштаба, а русский либерализм, как и всякий другой, отдавал предпочтение именно реформаторскому, а не революционному пути развития. Не случайно темами его других работ стали попытки реформ в годы правления Анны Иоанновны и Екатерины II.

Уже с начала XIX в. Россия вновь оказалась перед необходимостью реформирования

политических и социально-экономических условий в стране. Но и Александр I, и Николай I дальше разговоров и «Тайных комитетов», обсуждавших возможность и проведения подобных реформ, не пошли, загоняя тем самым болезнь внутрь. И чем дальше откладывались отмена крепостного права и другие связанные с историческим развитием страны реформы, тем больше трудностей возникало для их проведения.

Поражение в Крымской войне показало, насколько Россия отстала от передовых европейских стран, и сделало для Александра II проведение реформ совершенно необходимым. Между тем противоречия внутри общества достигли уже такого накала, что лишь часть общества смогла пойти на компромиссы и поддержать проведение реформ либеральными чиновниками, а другая совсем незначительная его часть, но весьма активная — схватилась за бомбы. Александр II был убит. И Александр III решил, что причина — не в остроте социально-политической напряженности, а в самих реформах и их следует оборотить.

Однако и реформистский путь развития не воплощается в единственно возможной форме и для левых либералов, к которым принадлежал Милюков. Существенным оказался вопрос о цене исторического прогресса, о том, во что обходится данный тип реформистского пути обществу, причем не только «просвещенной» его части, но и широким массам. Оценивая достаточно высоко петровские реформы, Милюков не впал в их апологетику, а решил исследовать и материальную сторону исторического процесса, более всего затрагивавшую именно народ.

Изучение государственного бюджета, состояния финансов империи показало, во что обошлись государству создание флота, новой армии европейского типа и почти беспрестанные войны в петровское царствование. Не это ли заставило политика Милюкова решительно выступать против русско-японской войны, вплоть до поражения, совершить перед началом первой мировой войны турне с пацифистскими лекциями по ряду городов России, а руководимую им фракцию кадетской партии в III и IV Думах систематически, вплоть до 1 августа 1914 г. — голосовать против военных и военно-морских программ царизма? (Хотя, заметим, нередко это было лишь демагогией, так как кадетские голоса немного значили в Думе. Но они давали надежду на рост популярности у части интеллигенции, о чем сами члены фракции открыто говорили

между собой на закрытых совещаниях ЦК партии). В монографии эта связь четко выявлена. «Провозвестником нового умонастроения (появления в России нового либерализма, отличного от старого, земского. — *К. Ш.*) представлялся Милюков и многим молодым историкам, для которых было важно не столько научное значение работы о Петре, сколько ее подтекст в свете политической современности» (с. 129—130). Хотя и научное значение работы П. Н. Милюкова в монографии оценивается высоко.

Столь же органично вытекала из политических убеждений П. Н. Милюкова и другая его крупная работа — «Очерки по истории русской культуры». Этой монографии предшествовала почти десятилетняя деятельность в журнале «Атенеум», в котором Милюков выступал с обзорами русской литературы 1889—1896 гг. В указанных обзорах, вспоминал он, «политика просачивалась сквозь литературные формы — тем более, что только в них она тогда и могла выражаться» (с. 107). В рецензируемой книге справедливо указано на двуединую задачу, поставленную и успешно решенную П. Н. Милюковым; во-первых, «заполнить недопустимый пробел: в России не было ни одной книги, на страницах которой читатель нашел бы компетентное популярное изложение общих итогов научной разработки русской истории. Вместе с тем перед Милюковым стояла и другая задача — связать историю с современностью, — и в мере работы над книгой она все более выдвигалась на передний план». Павел Николаевич считал, что изучение отечественной истории — необходимое условие «сознательного критического отношения к современной действительности». Выработке такого отношения у читателей должны были помочь «Очерки по истории русской культуры» (с. 160). И не только они, добавим, но вся научная деятельность одного из талантливейших русских историков.

Очень трудно в России «разложить» недужинного человека по полочкам даже спустя полвека после его смерти. А при жизни в императорской России подобное и вообще невозможно было сделать независимо человеку с чувством собственного достоинства. Отсюда и репрессии, сыпавшиеся на Милюкова и на родине, и за ее пределами (по требованию царского правительства его лишили в Болгарии профессорской кафедры в Софийском университете). Отсюда же и сознательное стремление самого Павла Николаевича «смешивать два этих ремесла»: в науке быть политиком, а к политике подходить с научных,

а не верноподданнических позиций. В этом, собственно, и была трагедия «несовместимости» либерала в России, где ни левые, ни правые радикалы не хотят идти на компромиссы, без чего либерализм не может существовать.

Читатель, ознакомившийся с новой содержательной и интересной работой Н. Г. Думовой, еще раз убеждается в этом.

К. Ф. Шацилло

Примечания

¹ Вандакловская М. Г. Милюков и Кизеветтер. История и политика. М., 1992;

ее же. Предисловие // Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1990.

² См.: Думова Н. Г. Предисловие к книге «П. Н. Милюков. Воспоминания». М., 1991; ее же. П. Н. Милюков // Россия на рубеже веков: исторические портреты: Сб. М., 1991; ее же. П. Н. Милюков // Политическая история России в партиях и лицах: Сб. М., 1993.

³ Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982; ее же. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1987; ее же. Кончилось ваше время... М., 1990; Думова Н. Г., Трухановский В. Г. Черчилль и Милюков против Советской России. М., 1989.

Ф. ПОМПЕР. ЛЕНИН, ТРОЦКИЙ И СТАЛИН. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ. Нью-Йорк, 1990*

Автор рецензируемой монографии профессор Веллеанского университета (Мидлтаун, штат Коннектикут, США) Филипп Помпер широко известен исследованиями по истории России. Хорошее знание русского революционного прошлого и глубокое проникновение в суть новейших психоаналитических концепций (в психоисторическом жанре им была написана ранее книга о С. Г. Нечаеве¹) позволили Помперу создать интересное исследование о трех лидерах русской революции. Можно сказать, автору удалось, говоря словами влиятельного американского психоаналитика П. Ловенберга, «достроить мост», начатый З. Фрейдом, а именно: дать сбалансированную трактовку взаимодействий рационального, осознанного и подсознательного в анализе мотивации взглядов и деятельности Ленина, Троцкого и Сталина. Историк рассматривает их не с позиций классовой парадигмы, которая, как правило, стирает своеобразие и личностные значения исторических деятелей, но с точки зрения психологических характеристик, формирующих наряду с ментальностью в процессе жизненных обстоятельств и переживаемых ими коллизий.

Исходной позицией автора является убежденность, что в конкретной ситуации люди ведут себя отнюдь не в соответствии с требованиями общественного производства, но в зависимости от своего культурного уровня и соотносящегося с ним видения мира, психологического склада и состояния, стиля мышления и подсознательных импульсов, существ-

венно влияющих на их реакцию и поступки. Отсюда следует его конечный вывод — личность может играть значительную роль в истории не только тогда, когда она более или менее адекватно выражает (или стремится выразить) интересы масс, но и тогда, когда руководствуется сугубо абстрактными идеями и идеалами, а иногда и вовсе только своими личностными интересами и амбициями, которые рационально могут даже не сознаваться ею самой.

Рассматривая деятельность вождей революции, Помпер ставит перед собой и более широкую задачу — показать, как и почему русская интеллигенция, отличавшаяся особой склонностью к поискам истины и социальной справедливости, в процессе борьбы с царизмом и начавшихся после февраля 1917 г. внутренних междоусобных распрей превратилась в нечто «совершенно отличное» и даже «противоположное» самой себе. Как и почему гуманные идеи и идеалы, за которые боролась и умирала интеллигенция XIX в., так легко и в столь короткий срок оказались настолько «переработанными», что даже гибель десятков миллионов не смогла предотвратить установления жесточайшего, бесчеловечного режима (с. X). Наконец, за этими вопросами стоит и еще более широкая, ставшая особо актуальной проблема, — интеллигенция и власть. Представляется, что именно желание изложить собственное видение этой проблемы побудило автора обратиться к рассмотрению взглядов и деятельности названных революционных лиде-

ров, хотя они отнюдь не были обойдены вниманием западных исследователей, в том числе и широко известных, как Б. Вольф, И. Дойчер, Р. Такер, А. Улам и др.

Использование психоаналитического инструментария, умело сочетаемого с социологическими подходами, и прежде всего с теорией маргинальности, позволило автору дать целостное видение своих героев, показать, как и в какой мере присущие им психологические черты определяли содержание и стиль их политических действий.

Помпер не стремится поместить рассматриваемых деятелей в заранее сконструированную схему. Они рисуются людьми сложными, неоднозначными, нередко противоречивыми и постоянно меняющимися в зависимости от конкретной ситуации, но меняющимся в пределах сугубо личностных психологических координат, которые в конечном счете и определяли их поведение и историческую роль.

Большое место отведено В. И. Ленину. Историк детально прослеживает формирование его характерологических особенностей, стремясь к точной фокусировке тех критических моментов и обстоятельств, которые оказывали решающее воздействие на психику революционера. Согласно авторской концепции, личность Ленина формировалась под постоянным воздействием его собственных волевых усилий. Он «выстраивал свою идентичность» в непрерывном борении с самим собой, жизненными коллизиями, людьми.

Как считает Помпер, нравственный императив семьи Ульяновых, провозглашавший жертвенное отношение к другим в качестве высшей добродетели и долга, изначально закладывал в детях чувство внутренней раздвоенности, поскольку самопожертвование вовсе не соответствовало самой природе детского характера. Особенно отчетливо эта раздвоенность проявлялась в будущем вожде революции при утрате близких и дорогих ему людей. В такой ситуации начинал действовать защитный механизм «компенсационной» реакции, проявлявшийся, с одной стороны, в ревностном подражании умершим, а с другой — в решительном отрицании некоторых из собственных им черт (с. 66). Обычно же, утверждает исследователь, Ленин старался вытеснить боль утраты усиленным трудом. Это помогало заглушить некое подсознательное чувство вины перед покойными и приносило спасительную убежденность в своем превосходстве, а соответственно, и праве действовать, согласуясь лишь с собственными решениями. Так, трагический финал

старшего брата, Александра, «в тени которого рос» и которому во всем стремился подражать Ленин, привел к полной переоценке способа его действий («не таким путем надо идти»).

Помпер считает, что реакция Ленина на эту и другие утраты (а их в семье Ульяновых было немало) ярко продемонстрировала в нем «замечательную» способность, ставшую позже принципиальной чертой стиля его политической деятельности — без колебаний отвергать «сентиментальную приверженность прошлому», если она мешает осуществлению цели. В подтверждение своему выводу историк ссылается на произошедший при первой же встрече с Плехановым конфликт, когда тот решительно отверг разработанный Лениным и Потресовым план издания «Искры», обвинив их при этом в оппортунизме. Когда же ценою компромисса была достигнута договоренность, этот «травматический эпизод» помог ему обрести новый уровень сознания. Понять, что сентиментальность ведет к зависимости и поражению, и что политическое сотрудничество возможно без чувства любви и дружбы (с. 65).

Так в преодолении жизненных трудностей и конфликтов у Ленина формировался «жесткий менталитет», обусловивший выраженную авторитарную направленность его теоретической мысли и своеобразный стиль поведения в отношении к своим политическим противникам: изображать их людьми недостойными — предателями, провокаторами, лжецами (с. 67).

Возможно, не все из этих рассуждений историка покажутся достаточно обоснованными, однако его вывод о жесткой ментальности Ленина едва ли может быть оспорен. Привлекает внимание также мысль автора о том, что эта доминирующая черта личности революционного вождя несла в себе элемент политической консервативности, нашедший свое реальное воплощение в организационных принципах партии, устроенной по авторитарному образцу. Теоретическое обоснование модели своих политических действий Ленин нашел в марксизме, которому соответственно был придан статус строгой науки и который в этом своем качестве должен был заменить и действительно заменил авторитет старых политических форм и символов (с. 68). Вместе с тем, и это следует особо отметить, Помпер вовсе не разделяет широко распространенное в западной литературе утверждение, что Ленин лишь использовал марксистскую риторику для прикрытия своих политических маневров. Напротив, считает он, Ленин искренне верил в возможность научного анализа ситуации и в

своей деятельности всегда стремился опереться на науку. Соответственно, все его попытки развить марксистскую теорию были обусловлены стремлением согласовать организационные принципы с задачами практической борьбы. Однако, оговаривает историк, это происходило и тогда, когда принятые Лениным решения были продиктованы лишь его стремлением к власти (с. 233, 280). Здесь, по его выражению, в значительной мере и крылись истоки догматизации марксизма, а в конечном счете и превращения его в инструмент идеологического оправдания большевистского режима.

Итак, согласно заключению Помпера, в основе действий Ленина — теоретика и практика — лежал сугубо авторитарный подход. И хотя выраженное стремление к власти не привело его к мании величия², оно неизбежно рождало приверженность якобинско-бланкистским методам революционной политики. Партия все больше превращалась для него в единственный инструмент прогресса, служанку «жестокой богини» диалектики истории (с. 355). Кроме того, как считает исследователь, авторитарный стиль руководства постоянно создавал внутри партии напряжение и конфликты³. А это еще более усиливало ее сектантскую замкнутость, отрыв от масс и превращение их лишь в средство достижения цели.

Личностью, наделенной многими сходными чертами, показан в книге Л. Д. Троцкий. Он также твердо верит в научность и правоту марксистской теории, столь же непоколебим и еще более самоотвержен в стремлении к поставленной цели. Однако своеобразие психологического склада Льва Давидовича вносит существенные коррективы в образ его политических действий.

Сын достаточно состоятельного фермера-арендатора, девятилетним мальчиком он был отправлен учиться в Одессу. Годы, проведенные в большом городе в доме образованных либерально мыслящих родственников (М. Ф. Шпенцер, в семье которого жил Троцкий, занимался журналистикой и имел свое издательское дело, жена его была директором училища) оставили неизгладимый след. Красивый, чувствительный, развитый мальчик рано стал проявлять стремление к самоусовершенствованию: следил за речью, манерами, внешней опрятностью, много и с пользой читал. Жизненный опыт укреплял это стремление. За семь лет пребывания в реальном училище умный, привлекавший к себе внимание юноша не раз сталкивался с несправедливостью учителей,

трусливым поведением и злобной завистью со стороны некоторых соучеников. В такой ситуации, как считает Помпер, в нем зрело чувство мятежа и одновременно в качестве защитной реакции зарождалась тяга к «сверхкомпенсации», выразившаяся в компульсивном стремлении создать «свою позитивную идентичность». Действие этих защитных механизмов в сочетании с незаурядным интеллектом и обусловили в Троцком редкий сплав теоретических озарений, блестящего красноречия и дерзкого стиля руководства, качеств, определивших его выдающуюся роль в революции и гражданской войне. В целом же, по мнению историка, психологический облик Троцкого — это облик маргинала со свойственным этому типу личности чувством развоенности и ощущением самозванства, следствием чего явилась характерная для еврея тяга к обретению «космополитической идентичности», тяга, выразившаяся на практике в служении делу интернационализма.

Привлекает внимание мысль автора о том, что философско-исторические взгляды Троцкого впитали элементы фрейдизма⁴, сказавшегося в его представлениях о самом себе, своей исторической роли. Он начинает смотреть на себя как на харизматического лидера, способного, учитывая действие подсознания, высвобождающего инстинктивную энергию масс, увлечь их за собою. Рассчитанное поведение Троцкого, опирающегося, кроме того, на убежденность в неотвратимости мировой революции, импонировало массовым настроениям, обеспечивало ему доверие и поддержку даже в самые критические моменты. Так было, например, считает Помпер, в Брест-Литовске, когда по его вине мир с Германией был достигнут более дорогой ценой, чем это могло бы быть. И тем не менее авторитет его не пострадал. На состоявшихся вскоре выборах в состав ЦК он получил равное с Лениным число голосов (с. 334). Однако именно здесь, по мнению историка, и таилась ловушка. То, что обеспечивало ему успех и признание в начале, в итоге стало причиной его трагического конца. Самоуверенные попытки Троцкого волевыми акциями решать сложнейшие политические проблемы не всегда соразмерялись с доверием к нему со стороны других «партийных олигархов» и начали давать сбои даже в моменты его высочайшего триумфа — в период гражданской войны. В условиях же наступившего после нее осознания тяжелейших материальных и нравственных утрат, предварившего острую внутрипартийную борьбу,

предъявляемое им ко всем требование быть в постоянной мобилизационной готовности уже не могло больше встретить понимание и поддержку у многих. В нем боялись и не хотели увидеть «второго Ленина» (с. 406).

Убедительным аргументом в обоснование вывода о значительной роли психологических свойств в теоретической и практической деятельности революционных лидеров является в книге личность Сталина. Ему отведено не много места. Он слишком прост для автора и даже примитивен в своих психологических измерениях, чтобы акцентировать на нем внимание.

Одаренный мальчик, выросший в условиях тяжелой материальной нужды и постоянных семейных раздоров, Сталин сложился озлобленной, скрытной и лицемерной личностью. Осознание себя социальной жертвой дополнялось в нем, как подчеркивает историк, чувством природной ущемленности вследствие физических недостатков. Трудно не согласиться с Помпером, что юный Сосо «имел много причин бороться за свое достоинство» (с. 158). В этой ситуации естественным было его погружение в фантастический мир романтической литературы. Здесь он нашел то, в чем особенно нуждался, — «элементы позитивной идентичности» (с. 163). Любимым героем его становится персонаж из романа Казбеги «Коба», жаждавший справедливой мести за свою обездоленную жизнь и руководствовавшийся в своих поступках кодексом абрека.

Большевизм, более чем какое-либо другое политическое течение, отвечал его психологическому складу и умонастроению. Без раздумий и колебаний он сразу же примыкает к большевикам. И отнюдь не случайно, считает Помпер, когда теоретические партийные догмы обнаружили свою явную недостаточность, чтобы стать основой нового общественного устройства, во главе партии стал именно Сталин. Его личностные качества оказались в новых условиях как нельзя более подходящими для решения поставленной большевиками задачи. В нем увидели надежду и гарантию успеха социалистической идеи. В итоге же случилось то, что должно было случиться. Осуществляемые им во имя торжества социализма преобразования служили на деле прежде всего лишь цели укрепления его личной власти. Потому-то они проводились с особым упорством, вылившись в бесконечную оргию насилия, уничтожения, убийств.

Каждый из рассмотренных деятелей пришел в революцию своим путем, внес свой личный

вклад в ее окончательный исход. Но всех троих, как убедительно показано Помпером, связывало нечто общее. Этим общим была характерная для пореформенной России вообще страстная вера в науку. Вера, рождавшая убежденность в эффективности волевых действий человека, в то, что вооруженная научным знанием личность способна определить направление общественного развития независимо от объективных условий и естественно-исторического хода. Отсюда установка на непогрешимость марксистской теории, уверенность в правильности избранного пути. Это, в свою очередь, обуславливало не только появление теоретически сконструированного общественного идеала, но и отсутствие каких-либо побудительных мотивов подвергать сомнению его жизнеспособность, а также убежденность в оправданности решительных, жестких мер в целях его воплощения. Не менее обоснованным является и другой вывод автора, а именно: видеть объяснение насильственным методам социальных действий и в присущей революционным вождям жесткой авторитарной направленности.

В книге Помпера, по сути, ставится проблема механизма становления и развития тоталитарной системы; остается нерешенным лишь то, каким образом и почему тоталитарные убеждения зарождаются не только в воззрениях лидеров революции, но и в обществе в целом. Почему оно с готовностью устремляется навстречу установкам и действиям своих вождей? Хотя, как представляется, и на этот вопрос автор пунктирно обозначает ответы, показывая, что восхождение Сталина к вершинам власти сопровождалось разрушением нравственных устоев в обществе, деградацией личности, утратой ею элементарных норм человеческого поведения.

Выводы, содержащиеся в книге Ф. Помпера, не останутся незамеченными читателем. И хотя не все из них будут безоговорочно приняты, с уверенностью можно сказать одно — всякий прочтет ее не только с интересом, но и с несомненной пользой для себя.

Л. Г. Сухотина

Примечания

* Pomper Philip. Lenin, Trotsky and Stalin. The Intelligentsia and Power. N. Y.: Columbia Univ. Press, 1990. 431 p. 433—446. Index.

¹ Pomper Ph. Sergei Nechaev. New Brunswick. N. Y., 1979.

² От этого, по мнению историка, Ленина

спасла присущая ему самоирония, проявившаяся, в частности, в самом псевдониме «Ленин», отразившем-де его ироничное отношение к своим недостаткам — некоторой пассивности и депрессивным ее проявлениям (С. 69—70).

Помпер полагает, что именно поэтому

охранка считала его деструктивной силой и старалась окружить своими агентами (С. 217).

В начале века, когда идеи З. Фрейда достигли пика своего влияния, Троцкий жил в Австрии, и, как полагает Помпер, несомненно испытал их воздействие.

М. К УН. БУХАРИН. ЕГО ДРУЗЬЯ И ВРАГИ. М.: Республика, 1992. 480 с. Тир. 10 000

Общественный интерес к истории большевизма, вызванный перестройкой, ярко вспыхнул и достигнув апогея в юбилейном бухаринском 1988 году, быстро угас вместе с крушением социалистической эры. Однако прощание с большевизмом оказалось долгим, и сегодня тема обрела новую актуальность — можно говорить о преемственности, имея в виду нынешние реалии.

Посетив в 20-е гг. Россию, американский экономист Д. Кейнс нашел, что, средний коммунист бесцветен, как и приверженец методистской церкви, независимо от своего возраста¹. Как о людях ниже среднего уровня писал о коммунистах В. И. Вернадский².

Если верно, что о явлении нужно судить по лучшим его образцам, то в этом смысле Н. И. Бухарин, пожалуй, самая выразительная фигура на большевистском партийном Олимпе. Думается, автора рецензируемой книги, как и другого бухаринского биографа — С. Козна, привлекли обаяние личности, ум, трагизм судьбы героя их работ, заинтересовал русский тип революционера, по выражению С. Франка, с характерной раздвоенностью между жизнью и смертью.

Со страниц книги перед нами предстает молодой, рефлексирующий интеллеktуал, постоянно работающий над собой, развивающий способности и жаждущий не только разрушать, но и созидать. Он один из немногих русских социал-демократов, методически изучавших современную ему политэкономия и социологию. Он единственный из марксистов, читавший М. Вебера; но, удивительное дело, теоретический склад ума, знание специальной литературы и иностранных языков не способствовали его становлению как ученого, а реализовались в проповеди отвлеченных теорий и даже в его звездный час, в середине 20-х гг., воплотились в противоречивые и неу-

бедительные идеи о возможностях и перспективах социализма в СССР.

Шаг за шагом интеллигент-революционер оттеснял в Бухарине ученого-интеллектуала. Сперва — колебания между верой и атеизмом в пользу второго (что не сделало его свободным, а, напротив, выработало религиозное отношение к политике), затем — новый мучительный выбор: с эсерами или с большевиками? Привлекла энергия последних, их последовательный и универсальный максимализм. Далее: с Лениным или с умеренными большевиками (в вопросах об Октябрьском перевороте, о парламентаризме вообще и Учредительном собрании в частности)? Результат известен.

Его связь с Лениным была базовой, глубиной. Обоих «перепали» социальные критики с конфронтационным типом мышления: Ленина — Чернышевский, Бухарина — Писарев, а объединила нечаевская неразборчивость в средствах. Как и Ленин, Бухарин инстинктивно отворачивался от всего, что нарушало стройность марксистской картины мира (отбрасывая, например, критику теории трудовой стоимости учеными школы «предельной полезности» и заменяя научную полемику язвительной грубостью и политической руганью). Борьба Бухарина с самим собой — теоретика-марксиста с политиком-прагматиком позже станет еще мучительней. Но готовность подогнать любую теорию под требования дня ради торжества генеральной линии непременно перевесит.

Оба — Ленин и Бухарин — брали, если воспользоваться выражением И. Ильина, не цельное здание европейской культуры, а одну небольшую ее часть; отбрасывание неутилитарных культурных традиций и приспособление их к партийным нуждам стало рабочим стилем обоих. Ипостась политика решительно перевесила на бухаринских Весах (Николай Иванович родился под этим знаком), иначе он

избрал бы, видимо, путь П. Сорокина — бывшего эсера и члена Учредительного собрания, оставившего большую политику с убеждением, что политики могут ошибаться, а работа в науке всегда полезна.

Не случаен, а закономерен и союз Бухарина со Сталиным. Читая книгу, убеждаешься, что будущая жертва была вполне добровольна в выборе собственного палача. Решающее значение имела интеллигентская ментальность. «Не быть собой, уйти от себя, раствориться, исчезнуть в народе, как капля в океане, — такова неутолимая жажда русской интеллигенции» — писал Д. Мережковский³. Это в немалой степени можно отнести к отношениям Бухарина и Сталина, а воля к власти и «политическая целесообразность» обусловили единство будущей жертвы и ее палача. А затем этот союз укрепляется волей к власти и моральным нигилизмом самого Бухарина. Так политика, выбрав своего героя, раздвоила его и в конце концов распяла...

При внешней свободе и природной раскованности политический имидж Бухарина тщательно создавался как им самим, так и окружением: «нарочитая ребячливость» сочеталась с хорошим знанием партийной кухни. Он, пожалуй, не столько любил власть (как Сталин), сколько идею власти (как Ленин и Троцкий). В монографии последовательно раскрывается эволюция Бухарина, его бесконечные компромиссы, диктуемые логикой политической борьбы в однопартийной системе и сделавшие «любимца партии» на определенном этапе идеологом генеральной линии (бухаринско-сталинской или сталинско-бухаринской, что одно и то же).

С марта 1921 г. перед нами — партийный «централизатор», сторонник политического «назначенства» и «сплочения рядов», защитник советской законности в противовес «буржуазному» праву. Это и многое другое делает Бухарина партийным ментором и авторитетом, а способность «диалектически» сочетать человеческую искренность (доходящую до слез) с политическим лицемерием, терпимость на словах с большевистским фанатизмом на деле, общительность же и легкость характера, склонность к компромиссам превращают его в партийного медиатора.

Именно ему поручаются, как точно подмечено в книге, «деликатно-грязные» дела. Так, он оказывается в роли адвоката (в процессе 1922 г. над правыми эсерами) провокатора Семенова, а в практике высылки интеллигентов ему отводится место эксперта по идеологической

вредности для советской власти философов Н. Бердяева и А. Изгоева, экономистов Б. Бруцкуса и И. Озерова.

Бухарин — участник еще одного позорного выдворения: Троцкого из кремлевской квартиры (через десять лет та же процедура ожидает его самого). Кстати, здесь напрашиваются и современные аналогии.

История Бухарина-человека и политика — это не только история отказа от собственной яркой индивидуальности ради партийного единомыслия, от совести-химеры во имя коллективного-бессознательного, но история торжества двойной морали, серии предательств, с превращением друзей во врагов и наоборот. Как часто Бухарин предавал: Ленина (это конкретно убедительно показано в книге); большевистскую гвардию — активна роль Бухарина в ее разгроме в 1925—1927 гг. и пассивна — в 1936—1937 гг. Сшибка же главных интеллектуалов — его и Троцкого — явилась прологом политического падения самого Бухарина.

Угрызения совести он всякий раз подавлял утешительным: сами виноваты в своих бедах (так было сказано по адресу очередных врагов из троцкистско-зиновьевской оппозиции в 1927 г.). Усилиями самой ленинской гвардии выстраивалась «эта противоестественная полоса отчуждения вокруг страдания, создаваемая сознательно» (Н. Коржавин)⁴. Более чем уместно отметить здесь: под давлением партийных обязанностей происходило как раз то, что Г. И. Успенский в свое время назвал систематическим умерщвлением личности. И картина предстанет во всей полноте, если учесть, что революционная целесообразность постоянно заставляла искать противников.

Партия вопреки буквальному смыслу этого слова представляла именно в 20-е гг. не «часть», но — тотальность, убивая в партийце моральное отношение к жизни и к товарищам. История Бухарина — это история о том, как лучшие человеческие качества были принесены в жертву политике: постоянной внутренней несвободе и тяжким компромиссам, идущим от поклонения авторитету доктрины, партийному централизму, единству и патриотизму. Служение двум разным богам — свободе и организации — делали первую абстрактной, а вторую — железной.

Стоит задуматься: странные все-таки происходят метаморфозы с нашим сознанием — чем больше мы узнаем о происходившем в те годы, чем глубже это осмысливаем, тем сильнее бледнеет личность Бухарина, отступая в тень, и высвечиваются иные, более вы-

разительные лица и судьбы. Если перестро-
чному мифу о нэпе — золотой и романтиче-
ской поре — соответствовала легенда о Бу-
харине как о гуманисте, экономическом либе-
рале и носителе антисталинской социалистиче-
ской альтернативы, то вызревающие ныне
представления об этой эпохе как «больной и
плебейской»⁵, как эпохе «народного гам-
летизма»⁶ более соотносятся с обликом Бу-
харина как действительного наследника
Ленина, а именно наследника ленинского де-
мократического централизма, причем с упором
на вторую часть этой формулы. Спорна и
миссия Бухарина как хранителя и продолжа-
теля ленинского нэпа.

Его не было в числе «отклонившихся» от
генеральной линии в 1921 г. Он не был сто-
ронником политического нэпа и не выступил,
как А. Мясников, за сотрудничество с мелко-
буржуазными партиями (напротив, участвовал
в гонениях на меньшевиков). Он не поддержал
В. В. Осинского, выступившего за свободу
печати, или призыв Л. Б. Красина и Х. Г.
Раковского расширить нэп экономический
отменой монополии внешней торговли. Его и
Ленина тогдашнее состояние точно выразила
формула Троцкого: мы многому научились, но
мы ни от чего не отказались.

Бухаринские прозрения относятся к 1925 г.
Тогда он сумел увидеть на фоне хозяйственного
подъема хронические язвы аграрной страны —
ее бедность, перенаселенность, растущую без-
работицу. Выдвинутый им лозунг «Обогащай-
тесь!» был здоров и актуален, но оказался в
непримиримом противоречии с доктриналь-
ными установками, да и со всем партийным
менталитетом. Для последовательного и эф-
фективного проведения такого лозунга в жизнь
пришлось бы отказаться от однопартийности,
«диктатуры пролетариата», признав «Крестьян-
ский союз» как экономическую, а затем и
политическую организацию. А сельхозкоопе-
рацию пришлось бы превратить из инструмента
государственной политики в строй цивилизо-
ванных кооперативов, т. е. в институт граж-
данского общества. Да и вообще отказаться
от триединой формулы: опора на бедноту, союз
с середняком и борьба с кулаком. Но вспомним,
что именно Бухарин в 1927 г. предлагает
усилить экономическое, правда, в рамках нэпа,
наступление на кулака. Вся история хлебаза-
готовительного кризиса конца 20-х гг. говорит
в конечном счете о колебаниях между здравым
смыслом и программными большевистскими ус-
тановками.

Все дело в том, что к этому времени нэп

как восстановительная модель себя исчерпал:
были проэксплуатированы все потенциалы полу-
натурального крестьянского хозяйства, исполь-
зованы все резервы экономики, доставшейся
от 1913 г.

В наше время дискуссии о судьбе нэпа пере-
местились в новую плоскость: на смену абс-
страктным рассуждениям о его возможном сох-
ранении и перепланировании пришел трезвый
разговор с цифрами и фактами в руках. Ему
способствуют публикации работ экономистов
прошлого (не оцененного до сих пор у нас Б.
Бруцкуса) и настоящего (Г. Ханина).

М. Кун доказывает, что в свое время именно
нетерпимость помешала пришедшим к власти
большевикам увидеть в значительной части
населения советской России потенциальных со-
юзников, а не противников. Сказалась стойкая
большевистская привычка принимать желаемое
за действительное, думать и делать за массы;
если воспользоваться мыслью В. Г. Короленко:
любить народ слепо как среду для эксперимен-
тов, а не таким, как он есть в действительности.
Автор видит противоречия своего героя, всю
его «безвыходность при искренности»,
перечисляет упущенные возможности и пред-
лагает ретроспективные рецепты «спасения»
с помощью гласности, эволюционности и уме-
ренности в политике. Далее в книге следует
анализ тактических просчетов в играх парто-
кратов: «долго не мог перейти рубикон в
отношениях со Сталиным („зарезет“)»; принял
бой на его («сталинской») территории; не вынес
спор «на суд масс»; «испугался окончательного
разрыва с партией, отождествленной с ее руко-
водством» и т. д. Но ведь каждый такой шаг,
а тем более все они вместе означали бы для
Бухарина и его единомышленников отказ от
того, за что боролся.

Конечно, в роковые минуты истории все
идет в счет: и нестойкость характера политиче-
ского спринтера, и многочисленные доброволь-
ные и навязанные партийные табу, перекры-
вавшие ход последним антисталинским
инициативам. Но главное, пожалуй, в том, что
у мятежной тройки из Политбюро не было и
не могло быть положительной программы —
модифицированный бухаринский нэп неизбежно
вылился бы в сталинский вариант мо-
дернизированного «военного коммунизма».

Нисколько не скрывая собственного отно-
шения к идеям и поступкам героя и его дру-
зей-врагов, автор написал объективную и
убедительную книгу. Ее отличает антиго-
талитаризм и антисталинизм. Показаны взлет
и падение ленинской гвардии с партийного

Олимпа; интересны страницы о последнем сопротивлении сталинской диктатуре в начале 30-х гг.

Нельзя не пожалеть, что в монографии отсутствуют авторское введение, заключение, концептуальные характеристики работ предшественников. Автор, на мой взгляд, совершенно верно оценил бухаринские идеи о сущности и перспективах «модифицированного и антикулацкого нэпа» (с. 228, 236), однако анализ этих идей в контексте эпохи недостаточен.

Перед нами книга, посвященная главным событиям советской политической истории 20—30-х гг., основанная на широком круге мало и неизвестных ранее документов из отечественных и зарубежных архивов, на источниках личного происхождения (письмах, мемуарах),

материалах партийных дискуссий. Словом, все-го того, что делает работу венгерского ученого и публициста по сути хрестоматией по истории РКП(б)/ВКП(б) и в то же время — неожиданным и нескудным учебником по истории и для современных политиков.

Н. Л. Роголина

Примечания

¹ Кейнс Д. Беглый взгляд на Россию. М.: Соисс, 1991. № 7. С. 145.

² Вернадский В. И. Дневник 1938 г. // Дружба народов. 1991. № 2. С. 243, 247; № 3, С. 257.

³ См.: Новое время. 1992. № 38. С. 59.

⁴ Новый мир. 1992. № 7. С. 177.

⁵ Там же. № 3. С. 79.

⁶ Новое время. 1992. № 36. С. 58.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРАВая ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ. Историко-социологические очерки

Для тех, кто всерьез воспринимает современные газетные байки о «красно-коричневых», рецензируемое издание¹ ни к чему. Аналитикам, стремящимся объективно разобраться в социальной природе и историческом месте нынешнего отечественного правового радикализма, данные очерки как нельзя более кстати.

Как бы мы ни относились к нынешним правам, они — неизбежный компонент общественно-политической и социальной реальности и уже потому нуждаются в изучении. Потребность в осмыслении этого феномена вряд ли способны удовлетворить средства массовой информации по причине своей вульгарной политизированности, не говоря о прочих пороках. Так или иначе сегодня при взгляде на правых игнорируются историческое измерение и сравнительный метод. Тем важнее появление издания, осуществленного в рамках исследовательского проекта, к которому приступил с осени 1990 г. коллектив историков и социологов под эгидой Ленинградского (С.-Петербургского) филиала Института социологии АН СССР (РАН).

Исследование (или одна из его стадий) проделано в рекордно короткий срок — в течение года. В сборниках представлено свыше двух десятков очерков; в приложении помещены уникальные документы из истории черносотенного движения начала XX в. (подготовил публикацию американский исследователь Джеральд Сур) и каталог изданий «национально-

патриотических» организаций Ленинграда в конце 80-х гг. XX в.

Авторы не выдвигают «концепций»: возможно, очерки — лишь промежуточная стадия работы коллектива специалистов разного профиля: быть может, редколлегия, заботясь о собственной объективности, предпочитает, чтобы читатель сам задумался над выводами. И это представляется оправданным, поскольку очерки готовились, очевидно, в «ускоренном ритме», не все они равноценны; позиции отдельных авторов редколлегия не разделяет. Наряду с существенными, глубокими наблюдениями, доказательными заключениями работа содержит и интересный материал для анализа, результаты которого могут оказаться неоднозначными. Как бы то ни было, мы имеем дело с опытом такого масштабного исследования, в самую возможность реализации которого в нашей историографической ситуации трудно было даже поверить.

Очерки — это три взаимосвязанных «блока»: 1) дореволюционное черносотенство, его место в революции и гражданской войне, эволюция определенной части его эмиграции к фашизму; 2) современный отечественный правый радикализм на фоне прежнего черносотенства; 3) европейские правые в период с конца первой мировой войны до современности. Понятно, что зарубежные реалии призваны играть по преимуществу роль сравнительного фона для выявления общего и особенно в российской правой. Структура

расоты не вполне подходит для реализации неких априорных представлений, но в рамках задачи преимущественно социологического осмысления современных российских правых она достаточно оправдана.

Принципиальное значение приобретает вопрос о связи черносотенства с русской консервативной традицией. Справедливо (и это подтверждается другими исследованиями²), что лидеры черносотенства натужно пытались вывести свою родословную из славянофильства и умеренного консерватизма в целом. Но российский традиционализм ставил во главу угла позитивные ценности, а правый радикализм XX в. подпитывался негативистскими установками толпы. Между российской идеалистически-охранительной традицией и идеей черносотенства лежит пропасть: первая несла в себе стабилизирующее начало, последняя — явилась элементом развала старого.

Сердцевиной черносотенного движения авторы, похоже, склонны считать антисемитизм. Вероятно, это не совсем точно: скажем, небезызвестный Пуришкевич воевал против всех «инородцев», но мог и публично облобызывать «государственно мыслящего» еврея. «Союзники» всеерьез были нацелены на погром, но не обязательно еврейский — с меньшим рвением они громили и «своих» социалистов. При всей разнородности черносотенства его поведение определяла холуйская форма монархизма. Все остальное — производное.

Вряд ли справедливо считать, что черносотенное движение вербовало сторонников из разоряющихся помещиков, мелких торговцев, городских ремесленников, полуинтеллигентов и т. п. (ч. I, с. 11). Жесткая социологизация, думается, менее всего уместна. Развал старых сословно-имперских связей оборачивался всеобъемлющим разочарованием, крахом патерналистских иллюзий по отношению к власти. Не случайно черносотенством был заражен пролетариат, его элементы можно обнаружить (что отмечают, хотя и недостаточно, авторы) и в революционной социалистической среде.

В настоящее время можно уже уверенно судить о численности и социальном составе, региональной концентрации черносотенных организаций. В их руководстве преобладали дворяне (впрочем, их хватало в руководстве любой партии), основную социальную базу составляли деклассированные низы³. В целом же массовая база черносотенных организаций была наименее определенной сравнительно с любыми другими партиями. Вряд ли следует ограничивать ареал распространения черносотенства крупными городами: известно, что в черте оседлости крестьяне порой записывались в «союзники» целыми приходами.

В очерке Д. А. Эльяшевича «Идеология антисемитизма в России в конце XIX — начале XX в.» впервые со всей откровенностью ставится ранее ханжески замалчивавшийся у нас вопрос о юдофобии видных русских мыслителей — И. С. Аксакова, Ф. М. Достоевского, В. В. Розанова, а также об элементах антисемитизма в народничестве. Природа антисемитизма в России представляется несколько иной, нежели в Европе: русский шовинизм таил в себе не только социально-экономическое, но и «идеальное» основание. Неслучайно русские умеренные консерваторы позволяли себе заявлять, что антисемитизм масс — это сифилис нации. У выше названных мыслителей антисемитизм выступал скорее как обратная сторона русского мессианства; будучи сопряжено с православной традицией, последнее не случайно отмечено болезненной амбивалентностью (особенно у Розанова). Примечателен еще один момент: правительственный антисемитизм в России — явление относительно позднее, патерналистская власть долго пыталась держаться, так сказать, на высоте нейтральности. Лишь при последнем императоре антисемитизм принимает черты воинственной государственной доктрины (разумеется, не особенно афишируемой, но достаточно заметной «снизу»).

О том, что черносотенные организации стали не только финансироваться, но и вооружаться властями в годы первой революции, известно достаточно хорошо. Однако, как показал Р. Ш. Ганелин в специальном очерке — «Черносотенные организации, политика, полиция и государственная власть в царской России», отношение властей к их ретивым «помощникам» было двойственным: черносотенцам платили не без брезгливости, да и то не все. Вероятно, наиболее показательна в этом отношении позиция самого П. А. Столыпина: давая деньги «союзникам», он почти открыто презирал их. Черносотенцы платили ему взаимностью — как из-за неприятия разрушения общественных устоев, так и выражая свое отношение к отмене некоторых ограничений в правах евреев (ч. I, с. 91). Весьма характерно, что российские крайне правые энергично выступали против всех крупных российских реформаторов (таких как С. Ю. Витте, П. А. Столыпин), но активно поддерживали царскую чету.

Историческая безысходность ситуации сос-

тояла в том, что власть уже не могла обходиться без помощи тех, кто дискредитировал ее. Черносотенство было продуктом разложения старого — в этом его отличие и от консерватизма, и от революционаризма. Столыпинская «великая Россия» черносотенцев не увлекала — их идеалы целиком лежали в сфере консервативной утопии. Тем смешнее сегодня восхищение Столыпиным со стороны нынешних правых.

Весьма интересны сведения о том, что после падения самодержавия черносотенная печать в нападках на демократию смыкалась с большевиками, несмотря на несомненную нелюбовь к последним (см. очерк Б. И. Колоницкого). Более того, часть черносотенцев даже приветствовала первое время большевистский переворот (ч. I, с. 119). В связи с этим возникает мысль: а не следовало бы специально изучить вопрос об антисемитском компоненте в сознании «революционных» масс? Нельзя не учитывать, что, решая задачу мобилизации масс, многие рядовые большевистские функционеры иной раз прибегали и к антисемитским аргументам.

Характерно, что лидеры белого движения хорошо поняли, какую медвежью услугу оказали черносотенцы самодержавию. В целом эти лидеры стремились умерить юдофобию в войсках, порой жестко пресекали погромы. Тем не менее антисемитизм широко распространился в офицерской среде, что использовалось в пропагандистской деятельности Освага. Но надо принять во внимание и то, что в годы гражданской войны еврейские погромы совершали и петлюровцы, и махновцы, и «зеленые», и красные, хотя их руководство официально придерживалось совсем иной политики. Бытовой антисемитизм стал своего рода изнанкой «пролетарского» интернационализма. В годы нэпа юдофобство по-прежнему было присуще массовому сознанию низов⁴. Да и последующая советская история имеет эту отметину.

Представляется, что, исследуя эволюцию русского правого радикализма в эмиграции, авторы несколько преувеличивают значение и влияние таких фальшивок, как «Протоколы сионских мудрецов», на формирование германского национал-социализма. Конечно, такого рода воздействие имело место. Но необходимо учитывать, что германский антисемитизм имел куда более длительную традицию; после Версаля его агрессивное возрождение на автохтонной базе стало неизбежным. Следует иметь в виду и то, что германский национал-

социализм отличался от русского черносотенства явно выраженной социально-экономической подкладкой, был гораздо прагматичнее. И это четко прослеживается в очерках.

Представляется, что обе ветви русского эмигрантского фашизма (в Харбине и США) носили скорее подражательный характер и вовсе не были естественным результатом эволюции русского правого радикализма. Последний после поражения белых в гражданской войне попытался перестроиться, избавиться от одиозных наслоений дореволюционного прошлого. Реанимировать же наиболее дискредитировавшие его черты пытались разве что отдельные истеричные публицисты и безответственные политики. По-видимому, с крушением белого движения, если не раньше, исходная российская правая обанкротилась — настала эпоха ее эпигонов. Разумеется, этот тезис нуждается в обстоятельных доказательствах.

Вторая часть «Очерков» целиком посвящена анализу становления и развития современной российской правой, причем и здесь основное внимание уделяется крайним ее течениям. В очерке В. М. Воронкова — о соотношении патриотизма и марксистской доктрины — упор делается на то, что интернационалистский мессианизм Октябрьской революции в силу неких «неблагоприятных» условий постепенно сменился «патриотической» автаркией. Думается, что здесь не обошлось без известной схематизации: доказывается, что марксизм не исключает патриотизма, не более. Безусловно, важно поставить вопрос о путях вырождения марксистской доктрины в идеологию имперства в Советской России (тот факт, что она имела «красную» оболочку, ныне никого не удивляет). Имперство и мессианство — в любой разновидности — в российском социокультурном пространстве закономерно наследовали традицию русских правых со всеми ее привычными атрибутами, что наглядно подтвердил Сталин.

Но есть и другая сторона медали: «пролетарский» интернационализм, натолкнувшись на историческое препятствие в лице «буржуазных» наций, оборачивался своего рода плебейским шовинизмом. Классовая доктрина мировой революции изначально таила в себе националистический изъян. Не случайно интернационализм самого Маркса был с изрядным антиеврейским душком (а не только антирусским, как принято у нас в известных кругах считать). Ленин, очевидно, почувствовал опасность «национал-марксизма». Он попытал-

ся осуществить рискованную для теории попытку обосновать идею своеобразного «революционного» патриотизма (статья «О национальной гордости великороссов», которая формально была направлена против интернационалистского национал-нигилизма). Но и эта идея неизбежно должна была дать шовинистический сбой в условиях имперской автаркии. Получается, что в реальной действительности доктринальный интернационализм способен стимулировать правый национализм в «интернационалистской» среде. Нечто подобное мы и имели.

Весьма примечателен очерк Я. С. Лурье «Национализм и русская историография XX в.» В нем четко проводится мысль, что разгул правого экстремизма оказался подготовленным историческим беспамятым «советской школы патриотизма». Из последующего очерка В. Л. Мороза видно, что степень исторического невежества современных российских «патриотов» сопоставима разве что со степенью их идейной дезориентированности: среди них нелепо уживаются «почвенники» и защитники «социалистических завоеваний», христиане и воинствующие язычники, монархисты и сталинисты, русофилы и поклонники Гитлера. Все это складывается в подобие идейной паранойи. Действительно, можно ли, оставаясь в здравом уме, считать самодержавную Россию великой процветающей державой, которую тем не менее удалось легко разрушить «евреям» с помощью «немецких денег»? Уместно ли, считая себя патриотом, отводить русскому народу роль безмозглого стада, покорно ведомого на убой «жидо-масонами»?

Вот почему заслуживает особого внимания очерк В. В. Бочарова о культурно-психологических истоках русского тоталитаризма. Автор обоснованно доказывает, что социально-психологической базой сталинской тирании и номенклатурного господства стала традиционная народная политическая культура. Дореволюционная Россия таила в себе роковое противоречие: народ и образованные верхи существовали в разных социокультурных измерениях. После того, как революция смела тонкий европеизированный слой, полностью возобладало то, что можно назвать историческим подсознанием народа. Последнее могло быть ориентировано только на привычную парадигму имперства. В этих условиях пресловутый «культ личности» Сталина более чем закономерен: постреволюционное развитие пошло по законам трансформации сложных систем, а вовсе не по чьему-либо злему умыслу.

Приступая к анализу постсоветских правых, авторы, к сожалению, почему-то начинают не с идеологии, а с организаций, причем ленинградских. Тем не менее те страницы, которые посвящены московской «Памяти», заслуживают внимания. Первоначально все правые были частью крайне рыхлой антиноменклатурной оппозиции, их тактика не отличалась оригинальностью. Как и левые, они использовали «пробелы» в «идеологической работе» КПСС с тем, чтобы заявить о себе и завоевать определенный круг сторонников. Для начального этапа их деятельности была характерна повышенная активность в сфере культуры: акцентированное празднование «забытых» исторических дат, стремление примазаться к движению за сохранение исторического наследия. Столь же характерны были попытки участвовать в движении за трезвость и здоровый образ жизни. Затем начинается самостоятельное вторжение в политику в форме движения от выраженного национал-большевизма к антикоммунизму и антисемитизму (1984—1988 гг.). Показательно, что среди первых сторонников «Памяти» не было ни воинственных монархистов, ни христиан. С целью мимикрии практиковались попытки отказать от выдвижения на первый план «еврейского вопроса» и даже от идеологии имперства. Картина довольно жалкая: истинно диссидентской закваски этой публике всегда не хватало, холопское заискивание перед властями (любими) преобладало.

Ленинградские новые правые в целом шли за московскими. Характерно их стремление заручиться поддержкой номенклатуры, используя растущие антисемитские настроения в среде последней. Показательно, что с самого начала правые откровенно ориентировались на эмоции людей, не гнушаясь при этом фальсификациями, которые в значительной степени свидетельствовали об историческом невежестве их сочинителей. Справедливо мнение, что провал правых в глазах ленинградской общественности связан с их желанием найти поддержку во властных структурах, а также растущим антизападничеством при недоверии к интеллигентской части общества (ч. II, вып. 2, с. 128—129). Но, вероятно, существовала и более веская причина неудач: правые не были идейно консолидированы; та часть общества, на которую они ориентировались, еще не «созрела» для усвоения радикальных установок.

Весьма запутанным, по мнению авторов, представляется вопрос: кого и почему ныне

считать правыми? Почему в «перестроечном» СССР стал возможен противоположный, казалось бы, симбиоз коммунистов (левых, по западной терминологии) и монархистов (псевдоправых)? Авторы нашли верный критерий: русский консерватизм всегда был антилиберален, в любой своей ипостаси он на первый план выдвигал идею государственности, а не личности (ч. II, вып. 3, с. 183). Коммунисты, оказавшись на службе «красной империи», автоматически перестали быть левыми, превратились в разновидность традиционных этактистов.

Довольно много места авторы уделяют выяснению вопроса: что составляет идейное и психологическое ядро российской новой правой? Ориентир, взятый на «Русофобию» И. Шафаревича, представляется верным. Однако вряд ли стоило тратить усилия на показ того, насколько данный автор не оригинален, учитывая, что вся постсоветская идеология и политика (включая левую) были и остались пародийными.

Что касается Шафаревича, то он оказался эпигоном во всех своих построениях, особенно ставя «русифобию» и идею о «малом народе» во главу угла всех бед России в XX в. Но важнее подчеркнуть, пожалуй, другое. Во-первых, русофобия действительно существовала и существует. На Западе в XIX в. она была связана со страхами перед панславизмом, в XX в. — период пресловутой «коммунистической угрозой» (в настоящее время ко всему этому, возможно, добавилась боязнь непредсказуемости глобальной ситуации в условиях развала одной из супердержав). Можно говорить и о русофобии внутри России. Она суть производное от амбивалентности определенных слоев интеллигенции по отношению к имперской государственности, естественно распространяющейся на всю социокультурную среду, ее породившую. Во-вторых, «малый народ» — это тоже исторически нечто вполне реальное. Но речь идет не об особом субэтнотипе, а о феномене деструктивной социальной среды — том саморасширяющемся маргинальном меньшинстве, которое неизбежно появляется в эпоху кризиса империи, а затем становится способным и к осуществлению революционного переворота. «Малый народ» — вовсе не производное от какого-то «коварного» этноменьшинства, однако он способен активно притягивать и этномаргиналов.

Последняя тенденция и приводит к тому, что в деформированном сознании определенной части общества понятие «малого народа» вырастает в представление о каком-то чужерод-

ном «жидо-масонском» зле. Скажем, ни Солженицын, ни Сахаров этнически никак не попадают в категорию «инородцев», однако в определенных слоях (что отмечается не без юмора и в очерках) на того и другого было в свое время наложено «клеймо Сиона».

Массовое сознание никогда не удовлетворится ни признанием автохтонности «зла», ни его «нематериальной» природы: облик врага рано или поздно приобретает реальные очертания — он предстает в массовом сознании либо с рогами, либо с пейсами, либо с партбилетом. Стоит людям — и здесь задают тон социально неприкаянные субъекты с ущербной психикой — единожды ощутить себя пассивной и бессильной жертвой событий, как общество в их сознании начинает неуклонно раскалываться по архаичнейшему принципу — «мы» и «они». Первые наделяются исключительно позитивными качествами, вторые — отрицательными. Приводимые в очерках данные (ч. II, вып. 3, с. 204, 210, 217) ясно свидетельствуют, что в основе «патриотического» сознания лежит психопатологическое ощущение себя жертвой истории, прочерченной чужой рукой.

Тот социальный раскол, который упорно инициировали новые правые в постсоветскую эпоху, на деле стар как мир. Какой-нибудь Невзоров и не подозревает, что со своей квазипартией «Наши» он в чистом виде воспроизводит трайбалистскую ситуацию, т. е. устремлен к племенной обособленности, что за этим скрываются «мораль» и психология троглодита. Впрочем, подобный настрой характерен и для известной части наших левых. Такой тип сознания обычен для разрушающегося общества.

Наиболее убедительно психопатологические основания идеологии и пропаганды правых выявлены, пожалуй, в очерке И. С. Синочкиной «Языковые контуры патриотического сознания». Хотя автор скромно ограничивается «постановкой проблемы», значение проделанного лингвистического и семантического анализа текстов «патриотов» подчас вырастает до окончательного диагноза. Некоторые ненавязчиво предложенные выводы (ч. II, вып. 3, с. 235) можно без колебаний поддерживать и — в связи с появившейся возможностью более широкой ретроспекции — дополнить.

Безусловно, «патриотический стиль» — отчетливое отражение социальной паранойи. Он действительно мало изучен, ибо психопатологией кризисных состояний в России не занимались лет сто. Лексика крайне правых

алогична и истерична. Следует, однако, учитывать, что в этом ее сила, а не слабость. Язык «патриотов» отмечен квазирелигиозными чертами, в которых выделяются идеи богоизбранности русских, карающий пафос по отношению к «иноверцам» и «отступникам», апелляция к «высшему» авторитету и склонность к ритуализации. Каковы бы ни были претензии правых на «спасение России», предложить на этой основе какие-либо позитивные ценности невозможно. В этой связи возникает такой вопрос: а не пора ли возродить «психологическое направление» отечественной социологии и историографии? Было бы ко времени.

Третья часть издания целиком посвящена европейским крайним правым. Проанализированы идейные ориентации правых в современных западноевропейских странах, в Восточной Европе (с конца первой мировой войны до наших дней). Наибольший интерес представляет очерк И. Н. Барыгина и А. И. Колпакиди о германском нацизме, особенно «национал-большевизме».

В нашей историографии упорно насаждалось в прошлом представление о гитлеризме как о воинственно антисоциалистической доктрине. Авторы, опираясь на исследования западных авторов, убеждают, что начальные успехи НСДАП были связаны, напротив, с социалистическим и даже квазбольшевистским компонентом ее пропаганды. Подобно большевикам, нацисты и коммунисты в Германии исходили первоначально из антиимпериалистических, «антиверсальских» задач, ближайшим внутренним врагом считали социал-демократов. «Принципиальный» водораздел, похоже, пролегал по линии отношения к евреям. В этой связи победа нацистов, повернувших вслед за Гитлером к более понятным массам традиционным «ценностям», кажется закономерной. При этом весьма многозначительным выглядит относящееся к 1925 г. заявление Геббельса, что советская система на деле вовсе не интернациональна, а, напротив, глубоко национальна, и что даже еврей-большевики понимают железную необходимость русской национальной государственности (ч. III, вып. 2, с. 70).

Но в целом попытка авторов типологически сблизить большевиков с нацистами по некоторым формальным признакам вряд ли правомерна (см. ч. III, вып. 2, с. 104—105). Справедливо, что и те, и другие представляли не обычные политические партии, а были институциональным выражением тоталитарных тенденций общественного развития, реакцией традиционализма на «неожиданную» и болез-

ненную сопряженность индивидуализма и индустриализма. Верно, что оба эти движения фокусировали негативистскую энергию масс на достижение некоего метаисторического идеала. Но в исторической реальности большевизм был «социалистическим ответом» на развязывание первой мировой войны, т. е. нес в себе общегуманистический пафос. Нацизм, напротив, стал острой реакцией ущемленного имперства на поражение в войне, явился шовинистической идеологией тотального реванша. В процессе глобализации человеческой истории в XX в. большевизм и фашизм несут качественно различную нагрузку — в этом, как представляется, главное отличие между ними, хотя в сталинскую эпоху они сблизились.

Особенность и достоинство «Очерков» в том, что авторы считают излишним навязывать какие бы то ни было выводы общего характера. Материал говорит сам за себя. Он при этом настолько многообразен и неожидан для отечественного читателя, что авторское заключение невольно сузило бы его в действительности широкую познавательную ценность. Поэтому правомерно для читателя попытка на основе предложенного материала сделать некоторые собственные выводы.

Во-первых, возникает вопрос: можно ли современных российских «патриотов» считать преемниками дореволюционных российских умеренно правых или черносотенцев? Ответ, по моему, будет отрицательным.

Современные правые выступают до известной степени эпигонами своих формальных предшественников, механически утилизируя лишь наиболее примитивные элементы их идеологии.

Такая идеология, как евразийство (о которой в «Очерках», к сожалению, ничего не сказано), оказалась для «патриотов» неподъемной. Современные правые рекрутируются из куда более депрограммированной массы; их дикое колебание между монархизмом и коммунизмом, православием и язычеством вовсе не случайны. Нынешний правый блок предельно разнороден — от коммунистов до неофашистов. Наконец, современные правые, подспудно сознавая свою слабость, готовы составить своего рода антисемитский «интернационал» — в дореволюционной России эта тенденция не получила развития.

Во-вторых, естествен и такой вопрос: можно ли старое российское черносотенство и нынешних крайне правых относить к разновидности фашизма или нацизма? Думается,

нет. У отечественных патриотов всегда была слаба хилиастическая обоснованность их «учения», т. е. веры в тысячелетнее царство праведников; идея фюрерства недоразвита, нет и специфической сопряженности с социализмом. Скорее — как и дают понять авторы — это недофашизм или псевдофашизм. (В дореволюционной России случались попытки обосновать идеологию национал-демократизма, но успеха не имели.) Нельзя и не учитывать, что российские правые никогда не делали ставку на индивидуальную активность и жертвенный героизм; представить их поющими нечто вроде «Хорста Весселя» довольно трудно.

В-третьих, стоит ли сопоставлять современных отечественных правых с западными? Вряд ли, это явления разного исторического и логического порядка. Первые выросли из кризиса коммунистического имперства, вторые — в качестве функционального элемента демократии (независимо от субъективных устремлений и общественных представлений). Западные правые в любом случае объективно скорее стабилизируют парламентаризм, нежели угрожают самым его основаниям. Отечественные правые — всего лишь продукт разложения старого со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Наконец, в нынешних условиях наиболее острым является вопрос: имеют ли отечественные правые будущее? Очевидно, что социально-политических оснований для этого

нет. Все зависит от того, как далеко могут зайти процессы социальной психопатологии.

Но как бы там ни было, рецензируемые очерки убеждают: современные правые радикалы не дадут обществу ничего конструктивного. Рецензируемое исследование доказывает, что октябрь 1993 г. был не случаен, как не случайным стало явление российской «новой правой» в лице Жириновского. Поэтому выставлять оценку проделанной работе вряд ли уместно; очерки надо обстоятельно изучать, они того стоят.

В. П. Булдаков

Примечания

¹ Национальная правая прежде и теперь: Историко-социологические очерки. Изд. Ин-та социологии РАН, С.-Петербургский филиал СПб. 1993. Ч. I. Россия и русское зарубежье. С. 172. Ч. II. Российская консервативная идеология и современность. Вып. I. С. 96; Вып. 2. С. 97—170; Вып. 3. С. 171—235; Ч. III. Европа. Вып. I. С. 64; Вып. 2. С. 65—130. Приложение к частям I—III. С. 131—250. Редакция: Р. Ш. Ганелин (отв. ред.), О. Т. Вите, В. М. Воронков, Б. М. Фирсов.

² См.: Степанов С. А. Черная сотня в России (1905—1914 гг.). М., 1992.

³ Политические партии в России в период революции 1905—1907 гг.: Количественный анализ. М., 1987. С. 237—242.

⁴ См.: Неизвестная Россия. XX век. Вып. 2. М., 1992. С. 240—244; Вып. 3. М., 1993. С. 324—358.

СТЕФАН ПЛАГГЕНБОРГ. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ И ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ В РОССИИ. 1881-1903. Результаты налоговой политики для фиска, населения и экономики *

Еще в 1952 г. Александр Гершенкрон отметил ключевую роль государственных финансов в форсировании индустриализации в царской империи. Русская финансовая политика конца XIX в. стала важным инструментом для формирования частноэкономического капитала, который мог участвовать в создании крупных промышленных предприятий. Первая попытка в изучении этой темы стимулировала другие исследования. К сожалению, они велись преимущественно в русле экономической истории, так что многое относительно влияния налоговой политики на государственный бюд-

жет и общество России оставалось невыясненным.

Этому посвящена диссертация Стефана Плаггенборга, историка из Фрайбурга. В ней особо выделена проблема соотношения государственного бюджета, налоговых поступлений и распределения налогового бремени. Кроме того, автор раскрывает основные представления Министерства финансов в области налоговой политики, а также последствия взимания налогов и налоговой политики в области промышленности, рассматривая их с «финансово-экономической точки зрения». Тем самым он

пытается «описать царскую империю не только как экономически функционирующий механизм, но и через напряженные отношения между промышленностью и налоговой системой российского государственного строя...» (с. 136).

В качестве конкретного материала Плаггенборг в основном использовал многочисленные публикации российского Министерства финансов — интересный и содержательный источник, которому до сих пор не уделялось должного внимания. Анализ данных бюджета и статистики в области налоговых поступлений свидетельствует о наличии решающего структурного сдвига в податной системе. С назначением либерального профессора Н. Х. Бунге на пост министра финансов в налоговой политике происходят серьезные изменения: снижается роль прямых налогов, значительно больше поступлений стали давать акцизы. При среднегодовом приросте 7,29% бюджет империи в период 1892—1900 гг. стремительно рос. В период деятельности нового министра финансов — С. Ю. Витте — доходы от железных дорог вытесняют таможенные пошлины и питейный акциз (с 1896 г. винная монополия — постоянная статья доходов фиска). При Витте традиционная структура бюджета императорской России уступила место новой — «промышленность стала в это время определителем доходов государства» (с. 146). Государство выступало не только как инвестор, но и как получатель прибыли от русской индустриализации.

На основании изучения налоговой специфики отдельных групп губерний Плаггенборг делает вывод о том, что при министрах финансов Бунге, Вышнеградском и Витте тяжесть налогового бремени постепенно смещалась с сельского населения на промышленность и торговлю. Поэтому ни в коем случае речь не может идти о том, что крестьянам пришлось оплачивать индустриализацию России, как утверждал это Гершенкрон. «Индустриально-городская среда» платила свыше двух третей суммы всех налогов. Кстати, данная проблема была предметом большой дискуссии о налогах в 1890-е гг. (разоряет ли налоговая политика Витте русских крестьян?), которая, к сожалению, не прояснила ситуацию.

Деятельность Бунге как министра финансов, считает Плаггенборг, свидетельствует о зарождении современной русской налоговой политики. Министр придерживался линии реформ 1860-х гг., цели которых он с определенным запозданием попытался реализовать. Бунге не оставалось ничего, как провести серьезные изменения в пореформенной системе

налогообложения и создать основы дальнейшей финансовой политики в России. При Витте изменились не общие условия, а целевые установки налоговой политики. Бунге стремился поднять благосостояние народа и тем самым форсировать развитие экономики, поскольку возрастание спроса на потребительские товары сказалось бы на акцизе и, в свою очередь, способствовало росту государственной казны. Согласно же концепции Витте, налоговая политика служила цели мобилизовать капитал, необходимый для проведения планов в области индустрии. Госбюджет превратился в «копилку нации» (с. 204). Экономические аспекты получили в финансовой политике абсолютное преимущество.

Подходный налог так и не был введен тогда. Плаггенборг наглядно показывает, что при всех реформаторских замыслах, как Бунге, так и Витте, у них из-за отсутствия работоспособного бюрократического аппарата и вследствие политических причин не было другого выбора, как осуществить свои планы в рамках существовавшего строя. Им оставалось лишь «подправлять» существующую налоговую систему, чтобы добиться большей ее эффективности, у них просто не было альтернативы. Поэтому Плаггенборг не сравнивает русскую политику с западноевропейской, а оценивает ее с учетом тех возможностей, которые предоставлялись ей в рамках русского экономического и социального строя. «Адаптация западноевропейских образцов привела бы в первую очередь к росту бюрократии с предъявлением к ней повышенных требований. В данных условиях русской индустриализации большое количество нововведений было бы скорее отрицательным моментом» (с. 326). Именно поэтому Министерство финансов отказалось от модернизации по примеру Англии и искало собственные пути. В целом, по мнению исследователя, о налоговой политике царской империи к концу XIX в., несмотря на некоторые ошибки, можно говорить как о «достойной внимания» (там же).

В третьей части диссертации Плаггенборг выясняет, как Министерство финансов смогло активно включиться в экономическую жизнь посредством предоставления предпринимателям налоговых льгот. Промысловые налоги стали «важным фактором в качестве инструмента достижения структурного порядка в ходе промышленного подъема» (с.252). Преимущество в налогообложении получили экономически выгодные производства, в невыгодном положении оказалась торговля. Крупная

промышленность вновь не облагалась налогами, как и после реформы промыслового налогообложения 1898 г., тогда как мелкие предприятия испытывали налоговый гнет, что ослабило их экономический потенциал и затруднило промышленный рост. Итак, с одной стороны, в мелкой промышленности создавались препятствия для технического прогресса и цементировались доиндустриальные способы производства, с другой — учреждалось все больше крупных акционерных обществ, которые перенимали прогрессивные технологии Запада. Тенденция к крупному производству, характерная для русской индустриализации, несомненно имела и налоговые причины. Впрочем, на примере акциза на нефть Плаггенборг показывает, что иной раз целью финансовой политики была и защита мелкой промышленности. Налоговая система — это часть истории общества пореформенной России. Налоговая политика отражает гибкость авторитарного государства, когда оно по мере возможности выступало как страж фискальных интересов страны, как гарант свободы конкуренции, а также защитник крупной промышленности и крестьянства.

Диссертация Стефана Плаггенборга отличается законченной концепцией. Она показывает стремление автора использовать сильные стороны методики, разработанной в научной литературе по истории финансовой политики в Российской империи, ведь и по сей день адекватно и всесторонне не рассмотрен весь комплекс вопросов, связанных с налоговой политикой. Выводы, сделанные Плаггенборгом, подтверждают критику тезисов А. Гершенкрона, Ю. Нетцхольца и Т. фон Лауэ со стороны П. Грегори и Э. Мюллера. Выводы эти свидетельствуют в пользу процесса русской индустриализации, но оптимизм исследователя здесь не безграничен: несмотря на все нововведения, успехи и достижения, именно финансовая политика доказывает, как далеко еще была царская империя накануне революции 1905—1907 гг. от современного экономического строя.

Слабость диссертации, без сомнения, состоит в том, что Плаггенборг слишком многого требует от своего статистического материала. Он использует источники Министерства финансов и сопоставляет сельскохозяйственные губернии с «промышленно-городскими» (Московский, Санкт-Петербургской, прибалтийскими). С помощью «корректировки изменений», не поддающихся более точной проверке, налоговых поступлений отдельных групп губерний он

определяет налогообложение в расчете на душу населения. Оно становится эмпирической основой его вывода о том, что крестьяне никогда не финансировали российскую индустриализацию. Этот вывод, хотя по своей направленности и верен, однако схематичен. Урбанизация и индустриализация не проходили в Российской империи синхронно. К концу XIX в. половина всех предприятий была размещена в деревнях. Разделение на «сельские» и «промышленно-городские» губернии становится тем самым необоснованным. Уместно поставить вопрос: разве городские центры, а не промышленность давали значительную часть налоговых поступлений? Цифры Плаггенборга дают повод для такой точки зрения, так как налогообложение на душу населения в Центральной промышленной зоне — регионе с большим количеством сельских фабрик, оставалось значительно ниже соответствующего налогообложения в Московской, Санкт-Петербургской и прибалтийских губерниях, а также губерниях Центрального Черноземья. К тому же необходимо конкретизировать понятие «крестьянин». В поздней царской империи он представлял собой скорее юридическую, нежели социальную категорию, так что общие оценки положения русского крестьянства не учитывают многочисленные особые случаи и тем самым теряют интерпретаторскую выразительность.

Слишком недифференцированным кажется тезис Плаггенборга о сильном влиянии финансовой политики в области промышленности. Ему самому приходится констатировать, что, несмотря на налоговый гнет, шел процесс создания новых коммерческих предприятий. Несомненно, фискальные соображения играли некоторую роль в промышленной жизни. Однако в отдельных случаях следовало бы проверить еще раз, оттеснили ли они на задний план производственно-экономические факторы. Тенденция к созданию крупных предприятий объясняется, вероятно, в большей степени тем, что в России технические нововведения могли быть рентабельными только на крупных предприятиях. Кроме того, в связи с небольшим в то время по численности менеджментом существовала необходимость центрального управления производством.

Основанные на статистических данных, содержащихся в официальных обзорах рассматриваемого периода и находящиеся в зависимости от их понятийности, выводы автора могут отражать структурную гетерогенность русского социального и экономического строя

в его комплексности, однако с неизбежными пробелами. Микроисторические исследования на основании более точно дифференцирующихся архивных материалов должны поэтому проверить и дополнить результаты Плаггенборга. Только тогда можно сделать окончательные выводы о налоговой политике в России.

Эти критические замечания, однако, ни в коем случае не должны преуменьшить заслуги работы Плаггенборга, которая, без сомнения намечает путь дальнейших исследований в

области российской финансовой политики. Уже одно это — свидетельство ее успеха.

К. Гества

Примечание

* Plaggenborg Stefan. Staatsfinanzen und Industrialisierung in Rußland. 1881—1903. Die Bilanz der Steuerpolitik für Fiskus, Bevölkerung und Wirtschaft//Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. V. 44 (1990). S. 123—339. 4 Abbildungen und 26 Tabellen.

СЪЕЗДЫ, КОНФЕРЕНЦИИ И СОВЕЩАНИЯ СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВЫХ, ПОЛИТИЧЕСКИХ, РЕЛИГИОЗНЫХ, НАЦИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СИБИРИ (март 1917 — ноябрь 1918 гг.)

Мы живем в такое время, когда многие идеологические мифы и схемы, широко распространенные в нашем обществе, в его массовом сознании, в нашей исторической науке, терпят крушение. Народы России, как и 75 лет назад, оказались перед выбором дальнейшего пути развития. В этой связи проблемы истории Октябрьской революции привлекают внимание ученых, писателей, журналистов, политиков. Многие из них ставят под сомнение закономерность и социалистический характер этой революции, меняют ее оценку с позитивной на сугубо негативную, усматривают в событиях 1917 г. истоки тоталитаризма и командно-административной системы. Другие призывают изучать опыт Октябрьской революции в поисках выхода из глубокого кризиса, переживаемого Россией.

Кризисным состоянием характеризуется исследование отечественными историками проблемы Октябрьской революции в России: старая марксистско-ленинская концепция ее уже не «работает», а новая еще не создана. Все шире распространяется воинствующий исторический дилетантизм. Он заполняет образовавшийся идейный вакуум, заменяя серьезные научные разработки рассуждениями на исторические темы и умозаключениями, основанными главным образом на эмоциях авторов и претендующими на сенсационность.

Новые подходы к изучению политической истории России, и в частности Сибири как ее составной части, требуют разработки научной методологии и переосмысления давно используемых источников, выявления новых. Эти кардинальные вопросы, как представляется, за-

служивают специальным разговором на страницах журнала. В данной же рецензии речь пойдет об одном из примеров нового подхода к источникам по истории Октябрьской революции в Сибири. Такова, на наш взгляд, сериальная публикация материалов съездов, конференций, совещаний социально-классовых, политических, национальных и религиозных организаций в губерниях и областях Сибири (март 1917 — ноябрь 1918 г.)¹. Основное отличие опубликованных в девяти книгах материалов от всех предшествовавших состоит в первую очередь в максимально полном включении сведений о съездах, конференциях и совещаниях с марта 1917 по ноябрь 1918 г. вне зависимости от социального состава участников и, главное, их классово-политической направленности. Ведь во всех вышедших до сих пор сборниках документов и материалов по истории Октябрьской революции в Сибири были исключены аргументация и выводы противников большевизма.

Другая особенность нового издания в том, что приводимые сведения почерпнуты, как правило, из нескольких источников. При их обработке учитывались требования специального вопросника. Кроме названия съезда, конференции или совещания он включает такие вопросы: дата и место их проведения, число делегатов и численность избирателей, их выдвинувших, с указанием губернии, уезда или организации; социальный, национальный и партийный состав делегатов; состав представленных общественно-политических организаций, партийные фракции и их численность; инициаторы и организаторы форума,

его руководители, президиум и повестка заседаний, докладчики по основным вопросам; содержание принятых и предлагавшихся решений, результаты голосования; использованные источники, примечания.

В целом такая программа позволила достаточно полно представить волеизъявление сибиряков, их взгляды и настроения в переломный период истории России. Разумеется, как и всякая схема, ограничивающая возможности выражения политической и психологической атмосферы событий, программа требует творческого к себе отношения и может быть дополнена другими вопросами (например, вопросом о приветствиях делегатов съездов, которые представляли школу политического воспитания и влияли на принятие решений). В публикациях нет сведений о собраниях и совещаниях многочисленных сельских, волостных, отдельных городских и других низовых организаций. Собрать их одному научному коллективу в ограниченный срок не под силу. К тому же мнения низовых коллективов в той или иной степени нашли отражение в материалах городских, уездных и губернских съездов или совещаний.

Значительная часть приводимых материалов ранее не публиковалась и извлечена непосредственно из фондов государственных и бывших партийных архивов центра, Сибири и Дальнего Востока. Учитывая, что многие документы за 1917—1918 гг. по разным причинам не сохранились, авторы широко использовали газетную и журнальную периодику. Они тщательно изучили периодические издания, хранящиеся в государственных библиотеках Москвы и Ленинграда, научных (областных, вузовских) и научно-справочных библиотеках архивов и музеев Сибири — всего в 46 хранилищах. Побочным, но не менее важным результатом этой работы явилось опубликование указателей периодической печати Сибири — ценного пособия для исследователей, студентов, преподавателей и всех интересующихся историей края².

Характерная черта публикации — максимальная ее полнота на данный момент. В серии представлены материалы о 1142 событиях, в том числе о 157 общесибирских и межрегиональных, 308 губернских и областных, 677 городских и уездных. Книги снабжены добротными выполненными комментариями и примечаниями, именным и географическим указателями, что облегчает пользование ими. Приводимые в книгах сведения отражают уровень экономического, социального и культур-

ного развития регионов огромного края, социальную и профессиональную структуру населения, динамику общественно-политических процессов в Сибири сквозь призму восприятия различных слоев населения, политических, национальных и религиозных течений и организаций. Ответы на вопросник довольно полно отражают уровень общественно-политической активности всех классов и социальных групп в различных политических обстоятельствах, при разных политических режимах.

Документы и материалы систематизированы за сравнительно небольшой, но своеобразный период — от падения монархии и борьбы за парламентарные формы развития, затем — мессажи советской власти, «демократическая» контрреволюция и, наконец, колчаковская диктатура. В целом они дают достаточно полное представление об отношении различных групп населения Сибири к органам власти в центре и на местах, к политическим партиям, к войне и миру, к рабочему, крестьянскому, национальному, религиозному вопросам и областничеству, об особенностях этих процессов в различных губерниях и областях края.

Публикации раскрывают процесс создания на местах органов власти Временного правительства и Советов, их мероприятия и механизм функционирования, интересы и потребности различных социальных групп, пути их удовлетворения. Фактические данные сборников позволяют рассмотреть в динамике съезды, конференции и отраженные ими процессы и события. Первый сильный всплеск социальной активности масс приходится на март—апрель 1917 г. и связан со свержением самодержавия. После спада активности масс в мае—июне происходит примерно с июля—августа постепенное нарастание ее к октябрю 1917 г. В 1918 г. общественная жизнь менее активна по сравнению с 1917 г., а после временного падения советской власти в мае—июне 1918 г. съезды и конференции собирались редко.

Вопросы о земле, межнациональных противоречиях, многопартийности, создании новых органов власти, документально характеризуются в публикациях, актуальны и сегодня. Центральным является вопрос о том, как, какими путями и методами представляли решение указанных задач народные массы.

Конечно, документы и материалы, включенные в рецензируемые книги, при конкретно-историческом анализе событий, нуждаются в дополнении другими источниками. Кроме того, как признают составители сборников, в

публикациях есть небольшие пробелы, обусловленные как объективными, так и субъективными обстоятельствами. В ряде случаев информация о событиях не полна, противоречива и не является исчерпывающей. Видимо, не все события выявлены, не учтены резолюции по хозяйственным вопросам, что не позволяет оценить их влияние на общественно-политическую жизнь и сравнить с хозяйственными преобразованиями в другие периоды истории России.

Рассмотренное издание оригинально и пока не имеет аналогов в России.

Член-корреспондент РАН Л. М. Горюшкин

Примечания

¹ Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, рели-

гиозных, национальных организаций в Акмолинской области (март 1917 — ноябрь 1918). Ч. 1. Томск, 1992. 174 с. Тир. 200; Ч. 2. Томск, 1991. 346 с. Тир. 200; ... в Енисейской губернии ... Томск, 1991. 219 с. Тир. 300; ... в Забайкальской области ... Томск, 1991. 204 с. Тир. 200; ... в Иркутской губернии ... Томск, 1991. 205 с. Тир. 200; ... в Алтайской губернии ... Томск. 1992. 130 с. Тир. 200; ... в Тобольской губернии ... Томск, 1992. 207 с. Тир. 200; ... в Томской губернии ... Ч. 1. Томск, 1992. 151 с. Тир. 200; ч. 2. 1992. 333 с. Тир. 200.

² Периодическая печать Сибири (март 1917 — май 1918 г.): Указатель газет и журналов/Сост. Е. Н. Косых. Научн. ред. Э. И. Черняк. Томск, 1990. 85 с. Тир. 300; Периодическая печать Сибири в годы гражданской войны (конец мая 1918 — декабрь 1919 г.): Указатель газет и журналов/Сост. Е. А. Косых, С. Ф. Фоминых. Научн. ред. Э. И. Черняк. Томск, 1991. 54 с. Тир. 150; Черняк Э. И. Политические партии в Сибири (Март 1917 — ноябрь 1918 г.): Съезды, конференции, совещания. Томск, 1993. 194 с. Тир. 300.

* * *

Можно констатировать, что один этап нашей исторической науки завершен, а другой только начинается. Признаки этой перемены проявились еще на рубеже 70—80-х гг. Внимательные наблюдатели процессов, протекавших в советской историографии того времени, отмечали постепенное сокращение числа исследовательских публикаций по таким, казалось бы, традиционным проблемам, как история КПСС, рабочего класса, крестьянства и некоторым другим. (Внешне этому выводу противоречит происходившая в те же годы публикация обобщающих трудов по названным темам. Однако, на наш взгляд, противоречие здесь мнимое: «обобщающие труды», по сути дела, лишь подводили итоги исследований завершавшегося периода.) Вместе с тем с 70-х гг. росло число работ, посвященных разного рода «непротетарским» политическим партиям (в том числе и национальным), с 80-х — городским средним слоям и другим «нетривиальным» сюжетам. Так что, когда в годы «перестройки» вырос и общественный интерес к этим проблемам, историки оказались в состоянии ответить на многие из поставленных тогда вопросов.

Сегодня нельзя не признать: иные историки продолжают «дудеть в старую дуду», объективно нанося вред и тому, что стремятся защитить — ведь для решения и этой задачи обществу нужны новые аргументы. А, значит, от историков требуются новые подходы. Другие коллеги, также занимаясь исследованием

традиционных тем и не меняя фактической основы своих трудов, ограничиваются «сменой знаков», осуждая то, что еще вчера они бурно одобряли. В результате подобные труды не вызывают в обществе уважения к исторической науке, ибо создается впечатление, что ее выводы диктуются лишь политической конъюнктурой. Таким образом, и этот путь представляется не только бесплодным, но и безнравственным. Что же остается?

Здесь, как представляется, может помочь опыт предыдущей «перестройки» в самой исторической науке — во второй половине 50-х г., в самом начале хрущевской «оттепели». После XX съезда первое, с чего начали историки, это подготовка множества томов хроник и документальных публикаций — о тех этапах развития нашей страны, которые в то время вызывали особый интерес: революции 1905—1907 и 1917 гг., гражданская война 1918—1922 гг., некоторые другие. Наиболее солидными составляющими «издательской волны» явились многочисленные публикации документов, посвященных революциям 1905—1907 и 1917 гг., увидевшие свет в конце 50-х — начале 60-х гг. Ныне ясно видны недостатки этих изданий, и прежде всего игнорирование целых пластов политической жизни страны. Но нельзя не отдать должного упомянутым работам. Без них, поначалу локальных по названиям и скромных по оформлению, не было

бы последующих достижений в изучении ряда проблем (и нельзя об этом забывать).

Опыт конца 50-х — начала 60-х гг. актуален, на наш взгляд, и теперь. А для того, чтобы новые труды вышли на качественно иной уровень, необходимо прежде всего расширение источниковой базы. В научный оборот уже введены сотни важных документов, хранящихся в центральных архивах. Но необходимо обратиться и к материалам провинциальных архивов и местной печати. И начало этому уже положено. Примером может служить серия публикаций, подготовленных Проблемной научно-исследовательской лабораторией истории, археологии и этнографии Сибири Томского университета в 1991—1993 гг., — о съездах, конференциях и совещаниях социально-классовых, политических, национальных и религиозных организаций Сибири (март 1917 — ноябрь 1918 гг.).

В целом это издание правомерно отнести к достаточной известной категории хроник событий. Однако подобного рода труды обычно создавались по тематическому (персональному) принципу: биохроники («летописи жизни и творчества»), хроники рабочего, крестьянского, революционного движения и т. д. Рецензируемая же серия основана на принципе «номинальном»: события отбирались здесь не по содержательному, а по формальному признаку («съезды, конференции и совещания»). Такой подход имеет свои преимущества — преодолевается идеологическая заданность, почти неизбежно свойственная тематическому подходу, причем устанавливается достаточно четкий формализованный критерий, позволяющий объективно выделять определенные события из их многообразной массы. Выбор для хроники именно «съездов, конференций и совещаний» представляется вполне уместным, ибо в 1917—1918 гг. подобные «мероприятия» были весьма распространены и играли выдающуюся (быть может, уникальную) роль.

В обстановке тотальной нестабильности актуальные проблемы приходилось рассматривать на более или менее чрезвычайных форумах, так как «регулярных» механизмов в обществе фактически не было (уже или еще). Отметим только существенную неточность в названии серии. Дело в том, что большинство учтенных здесь событий носило не внутриорганизационный, а межорганизационный (порой предорганизационный) характер. Можно согласиться с тем, что составители учитывали как начинания государственных органов, так и общественных объединений, поскольку в то

время грань между ними оказалась во многом размытой (особенно в сфере самоуправления). Разумно, на наш взгляд, и ограничение состава серии событиями уездного и выше (вплоть до общесибирского) масштаба.

В книгах серии учтены 1043 события. Степень их многообразия велика, но при этом возможна достаточно четкая их классификация. Основные группы съездов (и т. п.) — партийные, профессиональные (рабочих и служащих), кооперативные, крестьянские, казачьи, национальные, религиозные, продовольственные, торгово-промышленные; а также — представители Советов и местных органов Временного правительства. Специфической особенностью Сибири можно считать «областные» начинания. Таким образом, фактически в издании нашел отражение весь спектр общественно-политической жизни региона. Этот факт имеет существенное историографическое значение. Известно, что история большевизма и история «небольшевизма» обычно изучались у нас в отрыве друг от друга (не говоря уже о диспропорциях в степени изученности). Совмещение в одном труде обоих сюжетов в их объективно сложившемся соотношении само по себе является существенным прорывом в исследовании эпохи.

Многое из того, о чем поведала хроника, просто отсутствует в имеющейся научной литературе. Такая ситуация наглядно показана в предисловии к «забайкальскому» выпуску, где говорится: «Основное отличие этой публикации от всех предшествующих состоит в максимально полном включении сведений о съездах, конференциях и совещаниях указанного периода вне зависимости от социального состава участников и классово-политической направленности принятых ими решений. Объяснимым, но неоправданным недостатком вышедших ранее сборников является исключение аргументации и выводов противников большевизма, как, например, это имело место в вышедшем к 40-летию Октябрьской революции сборнике документов и материалов, где в протоколах 3-го съезда представителей рабочих, крестьян, казаков и бурятов, проходившего в Чите 24 марта — 5 апреля 1918 г., опущены выступления и резолюции оппонентов большевиков (см. „За власть Советов“. Чита, 1957) и в ряде других. Нередки случаи полного игнорирования сведений о съездах, решения которых противоречили господствующим представлениям о безальтернативном развитии социалистической революции и не

укладывались в схему триумфального шествия советской власти» (с. 3—4).

Заслуживают одобрения и хронологические рамки издания. Охвачен достаточно цельный период от Февральской революции до установления колчаковской диктатуры (когда общественно-политическая жизнь Сибири была свернута). При этом Октябрь 1917 г. не выступает в качестве особенно заметного рубежа. Таковым, скорее, оказалось свержение советской власти в Сибири летом 1918 г. Сказанное наводит на размышления о характере политической системы на «красной» территории в первой половине 1918 г. и определенном соотношении этой системы с предоктябрьской. С другой стороны, возникает вопрос: следует ли включать в «историю советского общества» события, происходившие на территории белых? Может быть, следует рассматривать 1917—1920 гг. как особую эпоху отечественной истории, требующую равно внимательного освещения всех политических и военных лагерей и учета политической нестабильности (перехода территорий из рук в руки) как специфической особенности этой эпохи.

Основным источником для составления хроники послужила сибирская печать того времени. Это вполне объяснимо, поскольку о большинстве учитываемых событий других материалов нет. Кроме того, сам факт освещения съезда (и т. п.) в прессе можно считать определенным критерием его значимости. Ознакомление с хроникой показывает, что сибирские газеты 1917—1918 гг. уделяли данным сюжетам большое внимание. Иные (ранее неопубликованные) источники оказались ограниченными и фрагментарными. Тем не менее составители приложили большие усилия по их поиску в центральных и местных архивах (причем газетные сообщения давали ориентир для разысканий). В результате в ряде случаев были выявлены события, не отраженные в печатных материалах. Кроме собственно архивных документов были использованы также археографические публикации и исследовательские работы, вводившие документы в научный оборот. К сожалению, при ссылках на архивы в издании даются лишь номера фондов, а названия их не указываются.

Составители отнюдь не скрывают источниковедческих трудностей, препятствовавших получению стопроцентного результата. В предисловии к «иркутскому» выпуску оговаривается: «Невысокий профессиональный

уровень редакционных коллективов и слабая полиграфическая база большинства газет, а также воздействие времени и плохие условия хранения не могли не отразиться на результате и качестве работы. Значительное число съездов представлено крайне скупо, есть затруднения в датировке событий, не удалось полностью избежать искажений названий и фамилий, установить инициалы и партийность участников и т. д.» (с. 3—4)). В предисловии к «томскому» выпуску также указывается, что «информация о ряде событий в источниках часто не полная, иногда противоречивая. Естественно, что представленная в сборнике информация не является исчерпывающей» (с. 6).

Принципы отбора материалов для публикации четко сформулированы в предисловии к «иркутской» книжке: «... внимание было сосредоточено на вопросах, имевших общественный резонанс и связанных с отношением к власти в центре и на местах. Постановления и резолюции по вопросам, не зависевшим от перемены политического курса и не служившим предметом противоречий (такие, как: борьба с самогоноварением и лесными порубками, непременно обсуждавшимися крестьянскими съездами, об улучшении материального положения и условий труда рабочих, ряд специфических, касавшихся культуры и религиозных чувств бурятского населения, о территориальных размежеваниях и пр.), а также решения по хозяйственным вопросам в большинстве случаев опущены» (с. 4—5).

Коллектив составителей приложил большие усилия, чтобы обеспечить унифицированность и сопоставимость всех выпусков. Важно отметить, что при этом не исчезает специфика отдельных регионов (так, в некоторых из них повышенную роль играл национальный вопрос). Наименее унифицированным элементов серии оказались предисловия, которые к тому же в большинстве случаев недостаточно информативны. Так, нигде не обозначены даты установления и падения Советской власти в соответствующей губернии. Необходимо подготовить указатель всесибирских съездов, поскольку ныне они «приписаны» к местам проведения (Иркутск, Красноярск, Новониколаевск, Омск, Томск) и теряются в массе губернских и уездных начинаний.

В целом же опыт томских историков представляет без преувеличения исключительный интерес. Следует сделать несколько выводов, которые, на наш взгляд, важны не только для историков Сибири.

Первое. В результате проделанной работы

читатели (и исследователи) получили объективную картину общественной (и, естественно, политической) жизни огромного региона в достаточно острый период его истории. Эта картина значительно богаче той, которую мы знали до последнего времени. Вот почему рецензируемые работы создадут реальные предпосылки для появления исследовательских трудов более высокого, чем прежние, уровня.

Второе. Методика, примененная составителями в процессе подготовки названных изданий, вполне может быть использована, по нашему мнению, историками других регионов при работе над аналогичными изданиями, актуальность которых вряд ли можно переоценить.

Третье. Нуждаются в обобщении и издании подобные материалы об общероссийских съездах, конференциях и совещаниях. Первый шаг

в этом направлении был сделан при подготовке «Приложений» к биографическому словарю «Политические деятели России. 1917»*. Видимо, пора сделать и следующий шаг, выпустив этот материал отдельным изданием и существенно расширив перечень общероссийских мероприятий, а также пополнив уже имеющиеся статьи.

В. М. Миллер, А. Д. Степанский

Примечание

* См.: Политические деятели России 1917 г.: Биографический словарь. М., 1993. С. 370—413. В издании помещена информация «о съездах и конференциях основных противоборствовавших партий, о Всерос. съездах Советов и др. обществ. орг.—ций, о Гос. и Демокр. совещаниях, об Учред. собрании» (с. 370).

М. РАЕВ. ЗАРУБЕЖНАЯ РОССИЯ. КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ (1919—1939) *

Данный труд принадлежит перу известного американского исследователя, специалиста по истории России XVIII—XIX вв., автора ряда крупных работ об административных реформах, политических проектах — об эволюции российской государственности этого периода в целом. В центре внимания М. Раева постоянно находится вопрос об экономических, социальных и институциональных предпосылках падения старого режима и русской революции. Новая книга в значительной степени продолжает это направление исследований. Цель работы состоит, по словам автора, в том, чтобы «поставить „великую русскую эмиграцию“ 1920—1930 гг. в определенный исторический контекст, соотнеся ее как с прошлым и настоящим России, так и с тем западным миром, в котором эмиграция жила» (с. VII). В соответствии с этим книга подразделяется на ряд очерков, каждый из которых посвящен какой-либо определенной теме культурной истории русской эмиграции. На основании новых, ранее не вводимых в научный оборот материалов США, Франции и ФРГ, многочисленных опубликованных источников, Раев воссоздает картину русской диаспоры по таким направлениям, как создание основных эмигрантских культурных центров в различных странах мира, постановка там образования и просвещения,

публикаторская деятельность, религия и церковь, развитие исторической мысли.

Рассматривая русскую эмиграцию за границей как специфическое социальное образование, включающее в себя представителей различных географических регионов, социальных слоев, политических убеждений, уровня образования, наконец, возрастов, Раев приходит к убеждению, что единственным общим знаменателем для разных групп эмиграции является культура. «Культура для русских эмигрантов, — говорит он, — была существенным аспектом их национальной принадлежности, принадлежности к русскому народу в качестве его образованных слоев. Она включала в себя проявления всего того, что иногда (по-моему, ошибочно) называют „высокой“ культурой: литературные, художественные и научные или ученые творения нации, которые обнаружатся такими институтами, как церковь, школа, театр, книги и журналы, неформальные клубы, общества и организации. Во всех этих проявлениях, однако, прослеживалась специфическая принадлежность к России» (с. 10)). Исходя из данного тезиса, Раев избирает в качестве предмета специального изучения проблему общего вклада русской эмигрантской культуры в современную западную и шире — мировую цивилизацию. Вопросы собственно политичес-

кой истории диаспоры — составляющих ее группировок, их взаимной борьбы, идеологических дискуссий и прогнозов о будущем социальном устройстве России — представляются ему второстепенными и не столь важными для понимания самой эмиграции. Это далеко не бесспорное, с нашей точки зрения, утверждение позволяет ему в дальнейшем полностью отказаться от рассмотрения интеллектуальных течений и споров в российском зарубежье, рассматривать его как нечто целостное и сосредоточить внимание в основном на тех сторонах его деятельности, которые характеризуют эмиграцию как известную социальную общность и могут быть наблюдаемы непосредственно.

Формирование основных центров сосредоточения русской эмиграции началось уже в период революции и гражданской войны и связано с эвакуацией разбитых частей белой армии. Можно выделить несколько основных потоков этой эмиграции: с побережья Черного моря — в Турцию, Азию или Европу; в различные страны Восточной Европы, а затем — в Западную Европу; другое направление — через государства Прибалтики — в страны Восточной, а затем и Западной Европы; наконец, на Дальнем Востоке — через Маньчжурию и Харбин. Первоначально крупными центрами сосредоточения русских беженцев стали Греция, Болгария и Югославия, позднее к их числу присоединились только что образовавшиеся Чехословакия, Польша и прибалтийские государства (например, Эстония и Литва), которые были заинтересованы в привлечении русской профессуры и вообще специалистов для развития учебного процесса. Крупнейшими центрами русской эмигрантской культурной жизни стали первоначально София, Белград и Рига, не считая Харбина, который при всей его значимости не мог сыграть особенно крупной роли из-за своей удаленности от других (европейских) центров. Однако с изменением политической обстановки и укреплением Советской России идет процесс перемещения основных центров эмиграции из Восточной в Западную Европу. Основными центрами эмиграции становятся Париж, Берлин и в меньшей степени Прага. О значимости этих центров в европейской культурной жизни говорит сама численность русской эмиграции, которая, по различным оценкам, составила на 1921 г. от 1 млн. до почти 3 млн. человек. Демография оказывается, однако, только одним из аспектов широкой социологической картины русского зарубежья, представленной в книге. Но гораздо более важны не количественные,

а качественные характеристики состава эмигрантов. Благодаря кинофильмам и романам получило распространение стереотипное представление о русском эмигранте как некогда богатом аристократе (предпочтительно князе или графе), который должен зарабатывать на жизнь в качестве шофера такси, официанта или швейцара в ночном клубе. Действительность, как показывает Раев, была, однако, далека от этого упрощенного и полного печального юмора изображения. «Эмигранты, ранее имевшие богатство, титул или высокое социальное положение, — констатирует он, — в пропорциональном отношении были не более многочисленны в эмиграции, чем на родине, возможно, даже менее многочисленны, чем там. С другой стороны, образовательный уровень русского зарубежья был гораздо выше, чем среднестатистический показатель в дореволюционной России. Около двух третей взрослых эмигрантов имели среднее образование, практически все получили основное начальное образование, а одна седьмая часть имела университетские дипломы. Среди них были широко представлены специалисты, ученые, интеллигенция и различные обеспеченные городские классы (многие из представителей которых были еврейского происхождения). Справедливо также и то, что эти элементы, особенно интеллектуалы и профессионалы, были, как и в России до 1917 г., наиболее видной и активной частью русского зарубежья» (с. 26).

Критический анализ традиционного стереотипа восприятия русской эмиграции позволил по-новому поставить вопрос о месте и мотивах ее деятельности за рубежом. Тот факт, что большая часть эмиграции предпочитала жизнь в изгнании возвращению на родину, объясняется не только, а возможно и не столько соображениями личной безопасности, сколько неприятием большевизма и его идеологии. Главной своей задачей поэтому эмиграция в лице ее лучших представителей считала сохранение и развитие традиций русской культуры и науки, которые не могли получить продолжения на родине. Практическая реализация этой задачи находила выражение в создании особых культурных центров, выполнявших также функции просвещения и образования. При активной поддержке различных международных организаций и широкой общественности на Западе развернулось движение помощи русской эмиграции. Эта помощь, подчеркивает Раев, давала русским эмигрантам не только возможность материального существования, но и позволяла им организовать обучение детей

в школах, высших учебных заведениях, создать независимые газеты и журналы, наладить выпуск научной, художественной и общественно-политической литературы. Весь педагогический процесс был подчинен решению двух проблем: с одной стороны, важно было передать молодому поколению традиции русской культуры, с другой — подготовить его к осуществлению конструктивной роли в будущей, свободной России, которая, несмотря на все препятствия, рано или поздно должна восторжествовать над деспотическим режимом. Связанная с этим актуализация вопросов педагогики позволила внести много нового в ее научную разработку. Значительный интерес представляет информация автора о постановке учебного процесса (по типу старых русских гимназий, но с некоторыми нововведениями), о конфликтных ситуациях в нем (например, между школами различной идейной направленности), отношении к реформам образования в Советской России (отмена преподавания истории, введение нового шрифта и т. д.). Качество образования, как гуманитарного, так и технического, было, считает Раев, весьма высоким, имело ряд существенных преимуществ (например, позволяло совместить традиционно высокую гуманитарную подготовку с изучением естественных дисциплин, давало знание как родного, так и ряда иностранных языков, развивало национальное самосознание учеников). Следует отметить, что эмиграция располагала учебными заведениями всех трех степеней — начальной, средней и высшей школы, которые позволили подготовить специалистов, получивших мировое признание в послевоенный период. Крупнейшим научным центром стал Парижский университет, где читали десятки выдающихся профессоров, высланных из Советской России. Среди них были историк А. Кизеветтер, философ Н. Лосский, экономист С. Прокопович, юрист П. Новгородцев и др. Преподавателями университета в Праге стали также П. Милуков, П. Струве, С. Франк и др., приехавшие для этого из других центров — Парижа, Берлина, Белграда. Выпускниками университета стали известные ученые — Г. Катков, С. Пушкирев, Г. Флоровский, Ф. Фатеев. Всемирное признание получил семинар Н. Кондакова по византиноведению. Из него вышли такие ученые, как Г. Вернадский, Г. Острогорский, Н. Андреев и др. Таким образом, подчеркивает Раев, если Париж был политической столицей русской эмиграции, то Прага оказалась ее академической, научной столицей и оставалась ею до

самого конца существования Чехословацкой республики. Наряду с Парижем, Берлином и Прагой ряд других, менее значительных эмигрантских центров в Варшаве, Софии, Риге и Харбине вели научную работу и пытались издавать периодические печатные органы. Несмотря на скудные финансовые возможности, считает Раев, эта деятельность была весьма продуктивна.

Поскольку печатное слово было наиболее эффективным средством коммуникации внутри эмиграции, представленной различными направлениями, политическими организациями и учреждениями, проблема издания газет, журналов и книг постоянно была актуальна для русского зарубежья. Несмотря на значительные экономические трудности, эмиграция делала все для публикации литературы на русском языке и сохранении на нее низких цен. Делались периодические попытки организовать пересылку книг в Россию, но они окончились неудачей. Такие издания, как «Новая русская книга», «Свободная Россия» и др., знакомили с новинками в литературе. Среди наиболее известных литераторов, посетивших Берлин (центр эмигрантской литературной жизни), были писатели, высланные из России, например, А. Ремизов, Н. Берберова, М. Цветаева. Здесь работали классики русской литературы И. Бунин, А. Куприн, а также З. Гиппиус и Д. Мережковский, приезжали (пока это было еще возможно) советские писатели — М. Горький, Л. Пастернак, И. Эренбург. Из представителей модернистского течения здесь были В. Маяковский, С. Есенин, А. Белый. Со временем (после 1925 г.) центр литературной жизни эмиграции перемещается из Берлина в Париж, который сохраняет это свое значение и в дальнейшем.

Наиболее крупными периодическими изданиями эмиграции стали «Последние новости» и «Возрождение» в Париже, «Руль» в Берлине, «Сегодня» в Риге и «Новое время» в Белграде. Наряду с ними в других центрах выходили периодические издания, существовавшие короткое время и не пользовавшиеся широкой известностью. «Последние новости» были наиболее солидной и распространённой газетой русской эмиграции. Она издавалась П. Н. Милуковым в Париже с 27 апреля 1920 до 11 июня 1940 г. «Последние новости» давали объективный обзор международных отношений, а также событий в СССР, культурной жизни эмиграции. В отличие от многих других изданий газета Милукова имела демократическую направленность, выступала за республиканский

(а не монархический) строй в России, давала анализ социальных реформ и политической ситуации в этой стране.

Важной проблемой для русской эмигрантской прессы стало отношение к фашизму в Германии, Италии и Испании. В русской печати отразились два диаметрально противоположных подхода к этому явлению — от полного неприятия (например, П. Н. Милюковым) до идеи сотрудничества в целях свержения большевизма (П. Б. Струве). То же можно сказать и в отношении к советскому строю, перспективам его развития и тех тактических задач, которые вытекали из этого для русской эмиграции. Оно также было представлено крайними течениями — от полного неприятия (Милюков) до поиска примиренческой позиции (сменовеховцы, а позднее и евразийцы). К сожалению, в книге не дается подробного анализа теоретических дискуссий в эмиграции по ключевым проблемам эпохи, хотя собранный материал позволял сделать это. Автор, следуя раз избранному подходу, ограничивается фактически перечислением дискутируемых проблем, не стремясь раскрыть ход этих дискуссий и позиции их участников. Между тем трудно представить более важную для истории эмиграции проблему, чем решение ею проблемы существования революции, того строя, который, пришел на смену империи и соответственно стратегии и тактики эмиграции в новых условиях. Можно ли вообще вне этой магистральной линии интеллектуального развития говорить о вкладе русской интеллигенции в мировую культуру?

Русская культура послереволюционного периода, несмотря на большие потери, оказалась представленной в эмиграции многими яркими течениями и именами. В области художественной литературы она продолжала традиции русской классики — Пушкина, Чехова, Толстого; в области живописи, балета, оперного искусства она дала миру плеяду блестящих мастеров; очень значителен был и вклад русской научной мысли, прежде всего религиозной философии (Н. Бердяев, С. Булгаков, С. Франк), в европейскую культуру. Раев связывает это с возрождением метафизической традиции в европейской культуре, которая, прежде всего в сочинениях Бердяева, противостояла как буржуазному материализму, так и большевистскому атеизму. Осуждение позитивизма в рамках данной традиции было связано с неприятием «чистой науки», оторванной от этического осмысления действительности. Именно такая теоретическая парадигма вела, по мнению

представителей данного течения, к стремлению преобразовать общество путем революции. Можно констатировать особенно сильное влияние русской религиозной философии на экзистенциализм, возрождение интереса к классической немецкой философии и вообще метафизическим учениям прошлого (например, А. Кожев и А. Койре во Франции).

Активную роль в жизни эмиграции играла Православная церковь, ставшая, как показывает Раев, центром духовного объединения для людей с различными социально-политическими убеждениями. Гонения на церковь в большевистской России, выступления патриарха Тихона и большей части духовенства против новых властей, последующая ликвидация патриаршества и атеистическая пропаганда не могла пройти без ответа со стороны эмиграции. Благодаря деятельности признанного главы эмигрантской церкви митрополита Евлогия, а также просветительской работе отца С. Булгакова (возглавлявшего Теологический семинар Св. Сергия в Париже), таких религиозных мыслителей, как Н. А. Бердяев и историк А. Карташов, а также С. Франк и Ф. Степун, Н. Лосский, Г. Федотов, Г. Флоровский, церковь получила не только хорошую организацию, но и значительное идейное влияние в странах Европы и Америки. Одной из характерных черт русской эмигрантской религиозной культуры была открытость догматизма и сектантства, что выразилось в широком экуменистическом движении как в довоенный так и в послевоенный период.

Специальное внимание в книге Раева справедливо уделяется историкам русского зарубежья, деятельность которых имела исключительно большое значение для поддержания преемственности традиций русской культуры. С этой точки зрения весьма информативно обращение к работе Русского исторического общества в Праге, а также исторического факультета Русского университета в Праге, вокруг которых сгруппировались видные ученые — А. Кизеветтер, Е. Шмурло, В. Францев, Г. Вернадский и др. В центре научного исследования была, естественно, история революции в России, ее предпосылки, закономерность и, наконец, последствия для страны и эмиграции. Крупнейшим и по существу единственным академическим трудом в этой области долгое время оставалась книга П. Н. Милюкова «История русской революции». Однако в это время началась публикация источников, прежде всего мемуарной литературы. Наиболее представитель-

ным изданием в этой области стал «Архив русской революции». В интерпретации русской революции эмигрантскими авторами прослеживаются два основных течения: традиционное, позитивистское, представителем которого был Миллюков и новое, сформировавшееся главным образом уже в эмиграции, евразийское. Полемика между ними, принимавшая подчас весьма острый характер, сильно отразилась на подходе исследователей к русской истории в целом. Научные споры в этой области не были, однако, уделом лишь узкого круга специалистов. Они находили отклик в широких слоях интеллигенции, отчасти благодаря публицистике и беллетристике на темы революции и гражданской войны (лучшим примером могут служить романы М. Алданова о Французской революции). Размышления по этому поводу вновь ставят читателя перед вопросами: так ли едина была русская эмиграция перед лицом раздиравших общество

проблем? можно ли говорить о ней как едином целостном явлении культуры? наконец, до какого времени сохранялось это единство?

Русское зарубежье — уникальный феномен XX столетия, оказавший большое влияние на европейскую культуру, о котором в настоящее время все более и более узнает Россия. Книга М. Раева представляет собой обобщающее научное исследование на обширном материале источников. Она создает хорошую основу для дальнейшего изучения истории русской эмиграции.

А. Н. Медушевский

Примечание

* Raeff M. *Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration (1919—1939)*. N. Y., 1990. IX. 239 p.

В. П. МОТРЕВИЧ. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО УРАЛА В ПОКАЗАТЕЛЯХ СТАТИСТИКИ (1941—1950 гг.). Екатеринбург: Наука, 1993. 307 с. Тир. 600

При изучении проблем аграрной истории важное значение имеет сельскохозяйственная статистика. Этому виду массовых источников в официальных публикациях Госкомстата (бывшее ЦСУ) долгое время не уделялось, к сожалению, должного внимания. Достаточно сказать, что после издания в 1936 г. фундаментального статистического сборника «Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935» публикации такого типа прервались почти на четверть века. Только в 1960 г. вышел сборник «Сельское хозяйство СССР», однако показатели за 40-е гг. были представлены в нем с большими ограничениями (как правило, конечные даты), а данные, относящиеся к периоду Великой Отечественной войны, по существу, отсутствовали. Хранящиеся же в архивных фондах разработки и сводные таблицы статистических органов были засекречены. Сказанным и определяется прежде всего значение рецензируемой работы.

В книге опубликована 241 статистическая таблица (свыше 25 тыс. показателей); таким образом, всесторонне характеризуется сельское хозяйство Урала накануне и в годы Великой Отечественной войны, в период первой послевоенной пятилетки, в течение которой было в основном завершено восстановление этой

отрасли народного хозяйства. Основой публикации явились материалы сельскохозяйственной статистики, извлеченные автором из фондов Госкомстата бывшего СССР (РГАЭ, ф. 1562) и Госкомстата РСФСР (ГА РФ, ф. 374). На протяжении ряда лет автор вел трудоемкую и кропотливую работу по выявлению, группировке и обработке этих материалов. Ряд таблиц составлен исследователем на основе статистических материалов государственных архивов пяти областей (Курганской, Оренбургской, Пермской, Свердловской, Челябинской) и двух автономных республик (Башкирской и Удмуртской), входивших в состав уральского региона. Учтены также данные, опубликованные в статсборниках по сельскому хозяйству и в трудах некоторых историков и экономистов.

Ценность публикации определяется прежде всего тем, что представленные в ней таблицы разработаны на основе годовых отчетов колхозов, совхозов, МТС и подсобных хозяйств сельчан и горожан, данных бюджетных обследований семей колхозников и крестьян-единоличников, материалов всесоюзных переписей населения. Во-вторых, все приводимые показатели даются в динамике за период с 1940 по 1950 г., включая и годы войны, опускаемые, как правило, в официальных

публикациях, причем — и это очень важно подчеркнуть — они дифференцированы по типам хозяйств: колхозам, МТС, совхозам, ЛПХ, а иногда и хозяйствам крестьян-единоличников. В-третьих, основной массив этого уникального корпуса документов многие годы находился в спецхране, а сейчас, когда положение изменилось, используется учеными крайне недостаточно, по преимуществу выборочно, иллюстративно, что, как справедливо отмечает автор рецензируемой книги, приводит к упущениям и ошибкам, существенным пробелам в их работах (с. 7—8). Госкомстат же, к сожалению, не спешит с публикацией этих материалов.

Книга включает пять тематических глав (производительные силы сельского хозяйства, земледелие, животноводство, валовая продукция, заготовки и закупки). Они содержат соответствующие подборки статистических материалов (таблиц) по Уралу в целом и по каждой из входивших в него областей и республик, а также рассчитанные автором данные о темпах роста сельского хозяйства с 1940 по 1950 г. в регионе и соответствующем удельном весе в РСФСР и СССР. Под каждой из таблиц указаны источники. Важно отметить, что данные таблиц характеризуют не только развитие сельского хозяйства как отрасли производства, но и социально-демографические процессы в деревне — в исследовании приводятся сведения о численности сельского населения, его национальном, социально-профессиональном и возрастном составе, о грамотности, занятости в общественном и личном хозяйстве, материальной обеспеченности.

Каждой главе предпослано обстоятельное введение, в котором дается источниковедческая характеристика документов, определяется их роль в разработке тех или иных проблем. Опираясь на работы специалистов в области сельскохозяйственной статистики (А. М. Брянского, А. И. Дмитриева, С. В. Шольца) и собственные изыскания, автор анализирует приемы и методы сбора и разработки статистических материалов в рассматриваемые годы, определяет содержание и значение различных показателей. И это вполне оправданно, поскольку в статистических сборниках, изданных в 50—70-х гг., пояснения методологического и методического характера, по существу, отсутствовали, иногда приводились лишь краткие информационные сведения¹.

Примечательно, например, что даже в справочнике по народному хозяйству за 1958 г., где ЦСУ СССР впервые применило понятие «амбарный урожай» и привело пересчитанные

в этой связи данные о валовых сборах зерна (значительно уменьшенные по сравнению с ранее публиковавшимися показателями «видовой» урожайности), никаких конкретных пояснений по этому поводу (на основе каких источников были произведены эти расчеты, что означает, с точки зрения статистики, определение «амбарный урожай» и т. п.) не было сделано². А спустя 10 лет термин «амбарный урожай» опять-таки без всяких разъяснений был заменен на урожай «первоначально оприходованный», «бункерный»³. Автор же дает соответствующие пояснения, а в таблицах приводит сравнительные данные об амбарной и «видовой» урожайности зерна (с. 102—104, 128—129).

Не менее ценны комментарии автора в связи с системой статистических показателей, характеризующих земледелие и землепользование, материально-техническую базу сельского хозяйства, социально-демографические процессы в деревне, численность и состав поголовья скота, его продуктивность, заготовки и закупки сельскохозяйственной продукции. Основываясь на своих ранее изданных трудах⁴ и новых разработках, автор по существу продолжает дальнейшее осмысление ряда актуальных вопросов темы. Обращают на себя внимание его суждения о единоличных крестьянских хозяйствах, развитии приусадебных хозяйств жителей села и города (с. 13, 99—100, 104, 152—153, 231—232, 260), о национальном и социально-профессиональном составе сельских тружеников в конце 30-х гг. (с. 26—30).

Собранные в книге материалы, а также компетентные суждения автора позволяют прийти к оптимистическому заключению о возможности, используя такие источники, как переписи населения, бюджетные обследования крестьянских хозяйств (добавим еще похозяйственные книги сельсоветов), разрабатывать и иные проблемы: особенности расселения и занятия сельских жителей различных национальностей, положение и функционирование хозяйств крестьян-единоличников (вопреки мнению некоторых историков)⁵, подсобных хозяйств горожан (см. табл.: с. 112, 116, 132, 158, 165, 172—173, 185—187, 192—194, 197—198, 202—204, 208, 210, 214—216, 220—224, 240—242, 246—247, 251—252).

Вместе с тем, как мне представляется, в комментариях и пояснениях к таблицам, суждения автора о сельскохозяйственной статистике преобладает объективистский подход. Он как бы не замечает четко просматрива-

емой политизации советской сельскохозяйственной статистики в эти годы (куратором которой было правительство), ее явную ориентацию на приукрашивание действительности, пристрастие к инспирированному правящей элитой манипулированию теми или иными показателями — замалчивание одних и выпячивание других. И это в первую очередь относится к переходу на исчисление валовых сборов зерна на основе так называемой «видовой» (биологической) урожайности, что произошло не в 1939 г. и даже не в 1935 г., как полагает автор (с. 102, 230), а в декабре 1932 г. Именно тогда при СНК СССР была образована Центральная государственная комиссия (ЦГК) по определению урожайности и валовых сборов зерновых культур и разработаны специальные инструкции для межрайонных комиссий. Об этом мне уже приходилось писать⁶. И беда не в том, что стали измерять урожайность на корню, до начала уборки, хотя и от этой меры было больше вреда, чем пользы⁷, а в том, что видовая урожайность стала выдаваться за амбарную, и на этой основе делались фальсифицированные выводы о «выполнении и перевыполнении» пятилетних планов, «окончательном и бесповоротном» решении зерновой проблемы и т. п.⁸.

Преследовалась и еще одна (практическая!) цель — значительно увеличить «законным путем» размеры хлебозаготовок, в частности, натуроплаты МТС, исчисляемой от видовой урожайности, которая, как установил автор, на 30—40%, а в годы войны в 1,5—2 раза превышала фактическую (с. 128—129, 259). В декабре 1942 г. земельным органам было вообще запрещено пользоваться данными о фактическом намолоте как занижающими урожаем и ведущими к укрытию хлеба (с. 259)⁹.

К слову сказать, после отстранения от власти Хрущева делались попытки пересмотреть (в сторону увеличения) опубликованные в справочниках ЦСУ СССР данные об амбарных урожаях зерна. В 1967 г. заведующий отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС С. П. Трапезников в первом издании своего двухтомника «Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос», а затем и во втором писал: «Нам думается, что данные о валовых сборах зерновых культур в предвоенные годы требуют уточнения. Это в неотложном порядке должны сделать экономисты. Конечно, ранее бытовавший показатель в 7,2 млрд. пуд. видимо завышен (это о показателях видовой урожайности! — И. З.), но и введенный в свое время оборот — 4756 млн. пуд. не соответствует

действительности». И далее следовала такая аргументация: «В самом деле, можно ли всерьез думать, что наше крупное социалистическое хозяйство, оснащенное передовой техникой, давало хлеба меньше, чем земледелие трехполья и деревянной сохи царской России? Если это так, значит, надо признать, что гигантская работа партии по социалистическому преобразованию деревни — пустая затея, значит, новая техника, поступившая в деревню, — пущенные на ветер деньги... Конечно же, в этом нет ни грана логики, это перепев с чужого голоса»¹⁰.

Выдвинутая руководителем науки страны задача, настойчиво повторенная им и в последующих изданиях книги, к счастью, не была реализована. Определенную роль в этом, видимо, сыграли и выступления некоторых историков-аграрников, полемизировавших с его точкой зрения, доказывавших, что новые данные ЦСУ об урожайности зерновых «вполне согласуются с данными годовых отчетов колхозов и совхозов»¹¹.

Определенные политические цели преследовались при манипулировании такими статистическими показателями, как измерение численности машинного парка сельского хозяйства в «условных» единицах (15-силльные тракторы, 15- и 20-футовые комбайны), при умалении значения данных (либо даже не публиковавшихся вовсе) о численности машин в физических единицах. Таким образом, можно было раздуть «успехи» механизации сельского хозяйства и политики индустриализации. Этой же цели служило определение объема выполненных тракторами МТС работ в условных гектарах «мягкой пахоты», что, кстати сказать, снижало ответственность механизаторов за качество произведенных работ, получавших зарплату и натуральную продукцию «от колеса». Автор, к сожалению, не указал на эти негативные явления, а ограничился лишь подробным описанием исчисления упомянутых показателей.

Нельзя согласиться с сугубо положительной оценкой в книге резкого сокращения в стране со второй половины 30-х гг. выпуска колесных тракторов и перехода большинства заводов на производство тяжелых гусеничных машин (с. 18) — их повсеместное применение уже в предвоенные годы нанесло немалый ущерб сельскому хозяйству¹². Исследователь не обратил внимания и на такое «изобретение» советской статистики, используемое и до сих пор, как включение в показатели производства мяса «жира-сырца и пищевых субпродуктов»¹³. Ведь в таком случае данные о фактическом

производстве мяса значительно завышаются, по существу фальсифицируются.

Жаль, что в большинстве таблиц, относящихся к совхозам, отсутствуют обобщающие данные по стране в целом (см. с. 34—35, 63—71, 111—139, 157—181, 226—227, 281—290), хотя в использованном источнике такие сведения имеются. В этом мне пришлось лично убедиться при подготовке работ по истории совхозов¹⁴. Без разъяснения остался вопрос об отсутствии каких-либо сведений о землепользовании крестьян-единоличников, численности и составе их дворов. Во введении говорится о законодательных актах, регулирующих землепользование индивидуальных крестьянских хозяйств (размеры полевой надела и приусадебного участка, пользование колхозными пастбищами и т. д.) (с. 13). Однако не ясно, как эти предписания осуществлялись на практике.

Оценивая книгу в общем, следует подчеркнуть ее существенное научное и прикладное значение; она, надо надеяться, будет стимулировать подлинно научную разработку проблем аграрной истории России.

И. Е. Зеленин

Примечания

¹ См.: Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1960; Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1971. С. 681—688; Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1988.

² Народное хозяйство СССР в 1958 г.: Стат. ежегодник. М., 1959. С. 352.

³ Народное хозяйство СССР в 1969 г.: Стат. ежегодник. М., 1970. С. 814.

⁴ Мотревич В. П. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск, 1990; его же. Валовая продукция сельского хозяйства Урала (1941—1960 гг.). Свердловск, 1991.

⁵ О. М. Вербицкая, например, утверждает, что по периоду середины 40-х — начала 60-х гг. источники по истории единоличного крестьянского хозяйства «практически полностью отсутствуют» (В е р б и ц к а О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х — начало 60-х годов. М., 1992. С. 16).

⁶ См.: История СССР. 1964. № 5. С. 13.

⁷ М. М. Хатаевич, секретарь ЦК КП(б) Украины и Днепропетровского обкома партии, говорил на июльском (1934 г.) Пленуме ЦК ВКП(б), что заниматься измерениями видов на урожай некогда, что эту работу надо прекратить и подсчитывать только амбарный урожай (РЦХИДНИ, ф. 7, оп. 2, д. 525, с. 37).

⁸ Начало этой фальсификации в общесо-

сударственном масштабе было положено В. М. Молотовым. Выступая в декабре 1933 г. на сессии ЦИК СССР, она заявил: «Мы добились в этом году небывало высокого валового сбора зерновых культур. Государственная комиссия... определяет урожай зерновых культур в 838 млн. ц. Это дает превышение против предыдущего года на 200 млн. ц. Такой колоссальный рост зерновой продукции означает могущественное укрепление наших позиций в сельском хозяйстве». (Правда. 1933. 31. дек.) В действительности в 1933 г. зерна было собрано лишь 684 млн. ц., т. е. меньше, чем в 1932 г. (699 млн.). А на XIX съезде партии (1952 г.) Г. М. Маленков на основе аналогичных манипуляций цифрами объявил, что зерновая проблема «решена с успехом, решена окончательно и бесповоротно» (М а л е н к о в Г. М. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе ЦК ВКП(б). М., 1952. С. 48).

⁹ Этот вопрос нуждается в уточнении и более глубоком раскрытии. Как выявил историк Г. Е. Корнилов (эти данные он любезно предоставил автору этих строк), 6 декабря 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О воспрепятствии ЦСУ Госплана СССР и Наркомзему СССР сбора данных о фактическом намолоченном урожае в колхозах», которому предшествовало письмо секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Андреева, курировавшего сельское хозяйство, Сталину, датированное 27 ноября. В нем отмечалось, что данные, которые собирают местные земельные отделы о фактическом намолоте урожая в колхозах и представляют в ЦСУ и Наркомзем, занижают фактический урожай на 2—3 ц и наносят вред хлебозаготовкам. Он предложил «воспрепятствовать ЦСУ и Наркомзему собирать данные о фактическом намолоте урожая в колхозах... и впредь пользоваться только данными видовой оценки, производимой органами ЦСУ до начала уборки». Данные же о фактическом намолоте изъять, предупредив местных руководителей, что за пользование ими они будут привлекаться к строгой ответственности. (Названные документы хранятся в фонде Госкомстата РГАЭ.)

¹⁰ Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. 2. М., 1974. С. 491.

¹¹ См.: История СССР, 1964. № 5. С. 13—15; Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. М., 1970. С. 467—469, 470; Источниковедение истории советского общества. Вып. 2. М., 1968. С. 343—344.

¹² См.: Зеленин И. Е. Совхозы в годы довоенных пятилеток 1928—1941. М., 1982. С. 87—88.

¹³ Сельское хозяйство СССР. М., 1971. С. 685; Аргументы и факты. 1989. № 17.

¹⁴ См.: Зеленин И. Е. Указ. соч. С. 66—67, 78—79, 85, 91, 98—99, 104—105, 107, 181, 188, 190; его же. Совхозы СССР 1941—1950. М., 1969. С. 24, 35—36, 76—77, 80, 83, 86—88, 93—94, 96—98, 159, 162, 164, 167, 177, 192, 278.

СОДЕРЖАНИЕ

Дискуссии и обсуждения

Мельтюхов М. И.— Споры вокруг 1941 года: опыт критического осмысления одной дискуссии	4
Хорошкевич А. Л.— Царский титул Ивана IV и боярский «мятеж» 1553 года	23
Лаврычев В. Я.— «Беседа» и тенденции к консолидации консервативных сил в России конца XIX — начала XX века	43
Анфимов А. М.— Царствование императора Николая II в цифрах и фактах	58
Плотников И. Е. (Курган)— О темпах и формах коллективизации на Урале	77
Девис Р. (Великобритания), Хлевнюк О. В. (Россия)— Вторая пятилетка: механизм смены экономической политики	92
Зима В. Ф.— «Второе раскулачивание» (Аграрная политика конца 40-х — начала 50-х годов)	109
Член-корреспондент РАН Арутюнян Ю. В.— Симптомы исторической трансформации социально-политического сознания русских	126

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Кривошеев Ю. В., Дворниченко А. Ю. (Санкт-Петербург)— Изгнание науки: российская историография в 20-х — начале 30-х годов XX века	143
Коваленко В. Г. (Петрозаводск)— Новейшая финляндская историография о советских военнопленных в Финляндии	158
Ганелин Р. Ш., Лебедев С. К., Лурье Я. С. (Санкт-Петербург), Тартаковский А. Г.— С. Я. Боровой (1903—1989)	161
Малышева С. Ю. (Казань)— Две казни. Судьба М. Л. Коган-Бернштейна	170

Сообщения

Соколова З. П.— Народы Севера России в условиях экономической реформы и демократических преобразований	180
--	-----

Критика и библиография

Монографии о государственных и политических деятелях

Шацилло К. Ф.— Н. Г. Думова. Либерал в России: трагедия несовместимости. Исторический портрет П. Н. Милюкова. Ч. 1	191
Сухотина Л. Г. (Томск)— Ф. Помпер. Ленин, Троцкий и Сталин. Интеллигенция и власть	193
Рогалина Н. Л.— М. Кун. Бухарин. Его друзья и враги	197
Буддаков В. П.— Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки	200
Гества К. (Франкфурт)— Стефан Плагенборг. Государственные финансы и индустриализация в России. 1881—1903. Результаты налоговой политики для фиска, населения и экономики	206
Член-корреспондент РАН Горюшкин Л. М. (Новосибирск); Миллер В. М., Степанский А. Д.— Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Сибири (март 1917 — ноябрь 1918 гг.)	209
Медушевский А. Н.— М. Раев. Зарубежная Россия. Культурная история русской эмиграции (1919—1939)	214
Зеленин И. Е.— В. П. Мотревич. Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941—1950 гг.)	218

CONTENTS

Discussions and Debates

Meltyukhov M. I.—Controversies on 1941: A Critical View of one of the Discussions	4
Khoroshkevich A. A.—The Tsar Title of Ivan IV and the Boyars' Mutinee of 1553 . . .	23
Laverychev V. Ya.—The «Beseda» Circle and Trends toward Consolidation of Russian Conservative Forces in the Late 19th — Early 20th Centuries	43
Anfimov A. M.—Nicholas II Reign in Facts and Figures	58
Plotnikov I. Ye. (Kurgan)—On Rates and Forms of Collectivization in the Urals Region	77
Davies R. (Great Britain), Khlevnyuk O. V. (Russia)—The Second Pyatiletka: Mechanism of Changing Economic Policy	92
Zima V. F.—The «Second Dekulakization» (agrarian policies of the 1940's — early 1950's)	109
Corresponding Member of RAS Arutyunyan Yu. V.—Symptoms of Historical Transformation of Russians' Social and Political Consciousness	126

Historiography, Study of Sources, Methods of Historical Research

Krivosheev Yu. V., Dvornichenko A. Yu. (St. Petersburg)—The Castigation of Science: Russian Historiography of 1920's — 1930's	143
Kovalenko V. G. (Petrozavodsk)—Recent Finnish Historiography on Soviet Prisoners of War in Finland	158
Ganelin R. Sh., Lebedev S. K., Lurie Ya. S. (St. Petersburg), Tartakovsky A. G.—S. Ya. Borovoy (1903—1989)	161
Malysheva S. Yu. (Kazan)—Two Executions. M. L. Kogan-Bernstein's Destiny	170

Communications

Sokolova Z. P.—Peoples of the Russian North in the Conditions of Economic Reforms and Democratic Transformation	180
--	-----

Book Reviews and Bibliography

Monographs on State and Political Figures

Shatsillo K. F.—N. G. Dumova. A Liberal in Russia: The Tragedy of Incompatibility. A Historical Portrait of P. N. Milyukov. Pt. 1	191
Sukhotina L. G. (Tomsk)—Ph. Pomper. Lenin, Trotsky and Stalin: The Intelligentsia and Power	193
Rogalina N. L.—M. Kun. Bukharin. His Friends and Enemies	197
Buldakov V. P.—The Nationalist Rightists in the Past and Present. Historical-Sociological Essays	200
Gestwa K. (Frankfurt)—S. Plaggenborg. Staats Finanzen und Industrialisierung in Russland, 1881—1903	206
Member-Correspondent of RAS Goryushkin L. M. (Novosibirsk), Miller V. M., Stapansky A. D.—Congresses, Conferences and Councils of Social, Class, Political, Religious, Ethnic Organizations in Siberia (March 1917 — November 1918)	209
Medushevsky A. N.—Raeff M. Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration (1919—1939)	214
Zelenin I. Ye.—V. P. Motrevich. The Urals Agriculture as Registered by Statistical Data (1841—1950)	218

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ

По техническим причинам (остановка типографии на профилактический ремонт) №№ журнала 4 и 5 выйдут сдвоенными. Объем журналов №№ 4—5, 6 будет увеличен.

ВНИМАНИЮ МОСКВИЧЕЙ

Подписка на второе полугодие 1994 г. принимается в редакции по адресу:
ул. Дм. Ульянова 19, ком. 3.

РЕДАКЦИЯ:

Секиринский С. С.— Отдел новейшей истории
Петров Ю. А.— Отдел новой истории
Французова Е. Б.— Отдел древней и средневековой истории
Костина Р. В.— Отдел истории народов
Елисеева Н. В.— Отдел историографии, источниковедения, методов исторического исследования
Юрасовский А. В.— Отдел истории за рубежом
Польский М. П.— Отдел критики и библиографии
Новикова М. А.— заведующая редакцией
Полторацкая Л. Н.— старший литературный сотрудник
Шляхтина М. В.— младший редактор

Технический редактор *Глинкина Л. И.*

Сдано в набор 06.02.94 Подписано к печати 15.03.94 Формат бумаги 70×100¹/₁₆
Офсетная печать Усл. печ. л. 18,2 Усл. кр.-отт. 308,4 тыс. Уч.-изд. л. 24,8 Бум. л. 7,0
Тираж 16618 экз. Заказ 866 Цена 90 р.

Адрес редакции: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.

Телефон: 123-90-61

Московская типография № 2 ВО «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6